

Григорий
Давыдов

Г
ОБЛИН ПОНЕВОЛЕ
ИЛИ
Г
ЗМЕНЧИВЫЙ МИР

Фэнтези

Думал, начитавшись романтических бредней, что, попав в иной мир и иное тело очнёшься brutальным красивым мачо, соблазняющим прелестных дев и рубящим с плеча драконов? Так вот, вселенная решила и, показав огромный кукиш и нашёптывая «обломитесь» отправила неудавшегося самоубийцу Андрея в тело... гоблина, на загнивающий материк «Пята». Кишащие нечистью болота, леса, где за каждым деревом таится угроза, злобные духи и множество врагов в придачу. Что, нет сил? Есть?! Тогда — в бой, на маленьких зелёных ножках...

Григорий Андреевич Давыдов

Гоблин поневоле или Изменчивый Мир

Пролог, или с чего всё начиналось

Во тьме Южных Болот раздался пронзительный крик:

— Откройте! Откройте!

Стоявший во главе ночной стражи гоблин всмотрелся в полумрак между деревьями, стараясь определить, откуда исходит голос. Открывать в такое время? А если это тодплаги, коих в болотах не счесть, и которые прекрасно умеют пародировать голоса? Или, того хуже — соседние кланы прислали лазутчиков, и это всё — западня?

Он вытащил меч и пнул начавших было погружаться в сон лучников:

— Эй, вы, рагхакки безмозглые! Приготовьте стрелы и смотрите в оба.

Глава стражи гоблинов был известен своим вспыльчивым нравом, и потому послушаться его глупцов не нашлось: лучники тут же натянули тетивы оружий, и из-за частокола показались наконечники их стрел. Сам же старый вояка довольно живо для своих лет спустился со сколоченной из брёвен стены по крутой, также бревенчатой лестнице и, схватив воткнутый в землю факел, подошёл к воротам.

— Открывай, — грубо бросил он привратнику, и тот, не прекословя, схватился за идущий от ворот канат и, напрягая мышцы и бурча какие-то непотребства под нос, потащился к располагающемуся неподалёку столбу. Вместе с тем решётка, которая и служила воротами, представляющая из себя соединённые между собой кольца, начала медленно подниматься вверх, пока, наконец, расстояние между остриями колец и землёй не достигло высоты двух гоблинов.

Привратник, тяжело дыша, начал привязывать канат к столбу, а глава стражи, выйдя за ворота, вынес перед собой руку с зажатым в кулаке факелом и несколько раз поводит ею вправо-влево, словно отгоняя тьму. Сощурился. Площадь, на которую падал свет от факела, была совсем крохотной, ночью в этих местах главенствует только темнота, и этот малюсенький огонёк казался ей так, непонятным безобразием, которому она, так уж и быть, предоставит возможность существовать.

— Помогите! Помогите!

Всё тот же голос. Старик бросил взгляд на лучников, мол, не зевайте, и, если что, стреляйте без приказа.

Гоблин, выставив перед собой наравне с факелом играющий в свете огня бликами меч, медленно направился вперёд — туда, откуда, собственно, и слышался голос о помощи. Одна его нога утонула в неглубоком слое болотной воды. Ничего, это не трясина, да и знает он тут каждый кустик и овраг, уже давно на собственных ошибках изведаль, где болото даёт шанс пройти, а где забирает в мир духов навсегда. Так что ничего, не утонет.

— Помогите!

Гоблин сделал несколько перебегов вперёд, но так, чтобы не уходить из зоны видимости лучников. Дальше — смерть, особенно ночью. Если через несколько шагов он не увидит того, кто послужил причиной крика, то разворачивается и бегом направляется назад, за родной частокол клана. Ибо в таком случае — точно тодплаги. Эти твари всегда так действуют: заманивают тебя куда подальше от посторонних глаз, и накидываются целой стаей. Потом не останется от тебя ни могилы, ни костей, которые пойдут им на ожерелья.

Но только старый стражник решил, что пора поворачивать, как свет факела выловил чей-то силуэт, что мерцал у ближайшего дерева. Гоблин подошёл поближе и застыл в

недоумении. Опустили луки стоявшие на стене стражники, недоумённо переглядываясь между друг другом.

Свет факела открыл такую картину: два гоблина — один в ободранной одежде, еле стоящий на ногах, израненный, явно на последнем издыхании, поддерживает, хотя, скорее, даже несёт, ещё одного, одетого в мех, обвешанного амулетами, но совсем белого, не дышащего.

— Помогите... — совсем уже тихо прошептал тот, и рухнул на колени, собираясь упасть в болото, но старик сориентировался быстро и, на ходу вонзив факел острым концом в вязкую от болотной жижи землю, подхватил их обоих, не давая тем упасть, и окликнул остальных:

— Да чтоб вас, дети тугодумные! Сами додуматься не можете?! Быстро сюда, поднимайте тревогу, экстренный сбор! У нас здесь раненый... и убитый!

Но это было сказано скорее так, для проформы. Бойцы и так прекрасно знали, что делать в такой ситуации: несколько гоблинов побежали будить Верховных Шаманов и Главу клана, а другие, привычно и по-молодецки шустро спрыгивая со стены, поспешили на помощь командиру.

Следующие несколько минут прошли в невероятном напряжении.

Внесённые на территорию клана тела уложили на бегло собранные лежаки из веток и водорослей. К месту происшествия сбежались Верховные Шаманы. Одна из них — гоблинша в летах, с седыми, опадающими почти до самой земли волосами, опирающаяся на посох, сделанный из кости болотного Живобрюха, склонилась над телом раненого и тяжело дышащего гоблина и, прикрыв глаза, положила костлявую серую руку ему на грудь. Некоторое время она молчала, а затем, словно вспомнив что-то, резко раскрыла глаза и обернулась к окружившим их бойцам:

— Листья Корневицы, тарелку Переростышей, и Жёлтую Мазь. У меня в хижине Живее. — Её голос был хриплым, низким, но на удивление спокойным. Это спокойствие и пугало. И этот испуг послужил пинком для ускорения слишком уж раззевавшихся стражников, которые тут же кинулись исполнять приказ. Уже через какой-то десяток секунд Шаманка оказывала первую помощь.

— Положить листья Корневицы... — шептала она себе под нос. — Сюда и сюда... Так... теперь размолоть Переростыши... Рассыпать получившийся порошок вокруг тела... Так... Наложить Жёлтую Мазь на раны... Так...

Закончив приготовления, она села на колени рядом с тяжело дышащим телом и, вознеся когтистые руки к небу, стала еле заметно пошатываться, бубня под нос какие-то слова. Тут же мазь на ранах начала исчезать на глазах, словно впитываясь в тело, а сами раны зарастать прозрачной плёнкой. Как только ритуал был окончен, раненый гоблин уже мог нормально дышать, и даже сел, не до конца веря, что спасён, и разглядывая себя, будто увидел в первый раз.

Подоспевший Глава клана с телохранителями, ещё с отпечатком сна на физиономии, прояснив у одного из боевых шаманов ситуацию, тут же прояснился в лице и, пройдя между расступившимися в стороны бойцами к двум ночным гостям, подошёл к не шевелящемуся телу гоблина и склонился над ним. Вгляделся в его лицо, которое казалось будто спящим, и резко обернулся к выздоровевшему, указав на бездыханное тело мясистым зелёным пальцем:

— Это — наш Верховный боевой шаман, Гул-аль-Дук! Почему он в таком состоянии?! Что случилось?! Говори!

— Мы возвращались из Огрских земель, — чуть стушевался под таким напором гоблин, — Везли провизию в селение клана...

— Мне известно, что вы делали, — рыкнул на него вождь. — Ибо я сам распоряжался по поводу вашего отъезда! Говори по делу!

— Напали.

— Кто?!

— Мне неизвестно, — совсем вжал голову в плечи допрашиваемый, — Нападение произошло, как только солнце исчезло за горизонтом, их лиц или отличительных знаков мы не увидели. Всё произошло внезапно, когда мы ехали через Западные болота. Они перебили всех учеников и охранников, забрали провизию и оружие, угнали наших ящеров. Господин Гул-аль-Дук — единственный, кто держал оборону всё это время, от его рук погибла чуть ли не половина нападавших. Он спас мою жизнь.

— Если мой сильнейший боевой шаман мёртв, — проскрежетал сквозь клыки вождь, — То ты пожалеешь, что он это сделал. Син-аль-Ланг! — окликнул он целительницу, — Проверь состояние Гул-аль-Дука!

— Да, мой рагх, — прохрипела старуха и, кряхтя и опираясь на посох, протопала к телу шамана. Склонилась над ним и, положив руку тому на грудь, прикрыла глаза, затихнув. Вместе с ней поддержали ночную тишину и все собравшиеся. Нарушали её лишь периодические тяжёлые вздохи, да постоянное стрекотание насекомых, коих на болотах не счесть. Наконец, целительница открыла глаза и посмотрела на вождя, что сосредоточенно ждал её вердикта. — Жизнь теплится в его теле, но на последнем издыхании. Сначала я её даже не заметила. Он истратил слишком много душевных сил, больше, чем даже не следовало. Видимо, использовал все возможные стихии и массовые призывы.

— Так чего мы ждём! — Взвился глава клана. — Несите его в лазарет, и пусть твои ученицы дежурят у него день и ночь!

— Подожди, вождь. — Син-аль-Ланг перевела взгляд на излеченного гоблина. — Среди нападавших ты видел шаманов?

Тот призадумался на мгновение, а затем кивнул:

— Я видел всполохи духов в лесу. Да и как иначе объяснить, что наш вооружённый отряд был перебит меньше чем за минуту? Видимо, среди нападавших были сильные шаманы, рангом не ниже старших учеников.

Целительница кивнула:

— Значит, были. А уверен ты, мой Рагх, — бросила она тяжёлый взгляд на вождя. — Что один из тех шаманов не мог подловить момент, когда душа Гул-аль-Дука истощит запас своих сил, и не вселил в него чужую душу? Тогда, излечив его, мы получим самого настоящего голема, внешне и по повадкам ничем не отличающегося от прежнего хозяина тела, но ведомого одной лишь целью: вырезать нас под корень, например, пока мы спим, или пока наши воины на охоте.

Вождь стиснул ладони в кулак и молча смотрел на старуху. Знания сильнейшей целительницы клана были огромны, а годы, что она живёт на этой земле, подарили ей непостижимый жизненный опыт. Игнорировать её слова — глупо. Но что делать? Не резать же глотку главной силе твоего клана, пока его можно спасти? Узнай об этом враги из соседних кланов — не ровен час, приведут под стены войска. А враги любят объединяться, когда у них есть чем поживиться. Уже потом, при дележе добычи, они вспомнят, что враждуют с друг другом, и вновь польётся кровь, но к этому времени ему уже будет всё

равно.

— Отнести его в лазарет и... связать, — наконец принял решение глава клана, — Если в нём действительно есть дух, то он покажется в течение суток. И тогда мы схватим его и излечим Гул-аль-Дука. Старуха, возьми двух боевых шаманов... старших учеников. Поставишь сторожить его тело. Если что случится, пусть докладывают мне. А вы чего тут забыли?! — Вскинулся он на стражников. — Живо по своим местам! Ночь ещё не закончилась...

* * *

Кил-ин-Хак не мог отвести взгляда от не шевелящегося тела. Он настолько всмотрелся в него, что даже стал замечать, как периодически еле заметно вздымается и вновь опускается его грудная клетка, отчего почему-то становилось жутко.

— Да чего ты вылупил на него?! — Не выдержал, и всё-таки сорвался Лар-ин-Лин. — Боишься, что, одержимый злым духом, перегрызёт нам глотки? Дык мы его верёвками обмотали, словно дикого ящера во время приручения! Чего бояться?!

— Я и не боюсь. — ответил тот, не отводя взгляда от пребывающего в полумёртвом состоянии шамана. — Просто думаю о том, каким он был великим воином...

— Говоришь так, словно он уже сдох, — скривился Лар-ин-Лин и подал другу трубку. — На, затянись. Путничья трава. Очень помогает от нервов.

Кил-ин-Хак с благодарностью принял трубку и пригубил её, выпустив кольца желтоватого дыма. Затем расплылся в улыбке и затянулся ещё раз. Путничья трава была в большом ходу у племён гоблинов и росла во многих частях болот. Её использовали в медицине, чтобы притупить боль пациента, которому, к примеру, собираются зашивать рану, или, как точно выразился Лар-ин-Лин, в помощи от нервов. Конечно, она имела и побочные эффекты, слишком расслабляя мозг, вызывая периодические видения и дурные мысли, потому в больших дозах её потребляли редко, хотя в малых она использовалась всюду, даже в еде — так, для аппетита.

Оба гоблина, по очереди передавая друг другу трубку, расплылись в глупых улыбках, выдыхая приятный дым, который заполнил всё помещение. Никто не мог им этого запретить: хижина, которая была отведена под лазарет, пустовала, их клан уже давно не вёл открытых войн и даже большие стычки являлись редкостью. А простуду или головную боль можно вылечить и на дому — для этого у старой целительницы достаточно учениц, не гоже по таким пустякам занимать отведённые для тяжёлых случаев койки.

— Я вот думаю, — наморщил пологий лоб Лар-ин-Лин, после очередной затяжки возвращая трубку другу. — А если он всё-таки помрёт?

— Вполне вероятно, — пожал плечами Кил-ин-Хак, выпуская в воздух диковинные фигуры из дыма. — Ну так что ж, все мы смертны.

— Так это же какое тело пропадает! — Втянул широкими ноздрями выпущенное гоблином облако дыма Лар-ин-Лин.

— Ты это к чему?

— Ну, как? У него же великая магическая проводимость! Насколько помню, только он в нашем клане мог вызвать армаду духов и при этом не взорваться на кровавые ошмётки. Помню тот бой при Мрачных Топях — красота, завораживающее зрелище было!

— И что ты предлагаешь? — Вопросительно выгнул бровь Кил-ин-Хак.

— А почему нам не вселить в это тело другую душу? С телом-то всё в порядке, а оно у него, считай, и ценно. — Лар-ин-Лин аккуратно забрал из рук задумавшегося друга трубку и, затянувшись, стал ждать ответа.

Гоблин колебался:

— Никто не позволит нам проводить переселение души. Нужно разрешение главы, поиск донора...

— А кто говорит об этом мире? — Добил друга Лар-ин-Лин и, сняв с пояса котелок, покрутил им у него перед лицом. — Всё, что нужно, у нас уже есть, ритуал провести мы в состоянии, или не носить мне приставки «ин» в имени.

Кил-ин-Хак некоторое время задумчиво морщил лоб, пару раз пригубил Путничьей травы, а затем, вскочив, снял с пояса свой котелок и махнул лапой:

— Да пропади всё пропадом! Давай!

ГЛАВА 1 Смерть, или чем чреватые последствия

Если хочешь сделать что-то хорошо, то сначала обязательно подготовься к этому чему-то. Так и с самоубийством.

Обязательно нужно выбрать способ и день — вот две главные составляющие.

День я выбрал просто идеальный: отец уехал по работе на несколько дней, как раз вчера в квартире была генеральная уборка — шик и блеск, всё пройдёт красиво, без накладок...

Ещё раз проверил как закреплена верёвка и правильно ли сделан узел. Как выяснилось, соорудить личную, домашнюю «мини-виселицу» очень даже просто: вся информация дружелюбно предоставлена в интернете, бери да пользуйся. Многие комментаторы, заходившие на тот же сайт, просили прислать воспользовавшегося помощью видео, как у него всё прошло, очевидно не думая, что, болтаясь в петле, слить видео в интернет немного проблематично. Кто-то размышлял на тему того, что смерть в петле — фигня, намного круче пустить себе пулю в лоб.

Никто не пытался отговорить.

Почему петля? Ну, как, романтика... Во всех старых фильмах именно так: красивая, но грустная музыка, лицо разочаровавшегося крупным планом, затем падающий стул, несколько секунд хрипов — и безвольно повисшее тело. Всегда считал прыгающих с крыши — выпендрёжниками, а стреляющих в голову — эгоистами. Первых за то, что привлекают к себе слишком много внимания, в то время как смерть — дело личное и щекотливое, а вторых... вы когда-нибудь пытались оттереть кровь от стены или пола из-за порезанного пальца? А если вы вышибли себе мозги, и вся эта красота превратилась в гигантскую алюю кляксу? Эгоисты, одним словом.

Я встал на стул и просунул голову в петлю. Нет, это не был секундный порыв отвергнутого, или крик ненависти миру. Просто разочарование. Миром. Жизнью. Продуманное и взвешенное решение. Я размышлял над этим не час, и даже не день, а в течение долгих недель. Ради чего жить? Зачем? Чтобы вставать в институт, целый день слушая нудные лекции и возвращаться домой только для того чтобы уснуть и на утро снова идти в ненавистный институт? А после? Работа, не менее скучная и непонятная, за которой я проведу остаток своей жизни, вряд ли более яркой и запоминающейся, чем та, что была у меня до этого. Девушка? Любовь? Это что, одна из тех расфуфыренных, много о себе думающих куриц, вздыхающих о нагламуренных педиках, более женоподобных, чем они? Впадающих в экстаз при виде новых туфель и считающих романтикой тысяча и одну розу в купе с машиной и поездкой за границу, а не нежные прикосновения, поцелуи и стихи?

Тогда, может, родители? Тоже нет. Мать — алкашка, которая бросила семью когда мне не исполнилось и десяти, отец — просто средство моего существования, который воспринимает меня как нечто вынужденное. Ну, родил — что ж, блин, надо содержать. На, бери деньги на карманные расходы, а я пошёл. И так всегда: не отец, а банкомат какой-то.

Этот мир — не для меня. Да, тупо, да, банально, но так оно и есть. Я отторгаю его, и он отвечает мне взаимностью, так зачем нам продолжать эту бессмысленную ссору? Я отступаю, поднимаю руки вверх и говорю «прощай».

Стул пошатнулся и рухнул на пол, и я, не ощущая боле под ногами опоры, повис в петле. Горло сдавило мёртвой хваткой, перехватило дыхание, стало очень и очень больно — казалось, что сосуды внутри готовы лопнуть. Руки инстинктивно, без моего на то желания,

потянулись к верёвке, но не преуспели: освободиться было нельзя, узел я сделал на славу: жаль, не получится об этом рассказать на том сайте...

Я думал, что буду паниковать. Что испугаюсь. Что закричу, как в какой-нибудь мыльной опере, а вместо крика вырвется лишь протяжный хрип. Но ничего этого не было. Я умирал тихо, лишь чуть подёргиваясь от нехватки воздуха: прямо-таки примерный самоубийца — не хочу нервировать соседей.

Жизнь уже махала мне ручкой, прощаясь, но мне было не до неё. Меня обуревало смятение: где тьма, где туман, который должен застилать взгляд? Вместо всего этого комнату, наоборот, озарил яркий, бьющий в глаза свет. Боль вдруг куда-то испарилась, а тело как будто вспорхнуло ввысь. Петля более не сдавливала шею, дышать стало несравненно легко. Секунды удивления сменились на удовлетворение: так это и есть смерть? А что, мне нравится!

* * *

Свет куда-то испарился, а вместо него начала появляться какая-то картинка. Сначала мутная и далёкая, она стала приближаться, приобретать чёткие очертания и цвет. Затем постепенно возвратились ощущения. Я вдруг начал чувствовать руки, ноги, да вообще всё тело! При том что ощущения были какими-то... неправильными. Чужими, что ли. Зрение не хотело фокусироваться, представляя моему вниманию кадр из чёрточек-пятен-цвета. Что за хрень? Так я что, не умер? Верёвка оборвалась, или всё-таки отец вернулся, в кои-то веки заглянул ко мне в комнату, не дозвавшись, и проявил родительское рвение?

Мои дальнейшие размышления на тему собственной участи прервала резкая головная боль, словно кто-то мощно приложил молотом по голове, перепутав её с наковальней, а затем в ушах раздался словно удаляющийся голос: «Уступаю его тебе...»

Голос растворился в гробовой тишине, а вместе с ним ушла и боль, ушли всякие мысли и переживания...

А затем я вдохнул воздух полной грудью.

И тут же произошло множество вещей: картинка перед глазами наконец превратилась в соломенную крышу, внутри всё обожгло от почему-то непривычного воздуха, по барабанным перепонкам ударили чьи-то голоса.

Превозмогая боль в затёкшей шее, я повернул голову вправо. Моему взору предстала зелёная, короткая ручонка с острыми когтями, которая была обмотана толстой верёвкой и привязана к чему-то вроде кровати, но довольно грубой, с соломой или чем-то по типу вместо матраса. И как это понимать? Что за чудовище тут вместе со мной? Я прошёлся взглядом по всей руке. Она принадлежала то ли карлику, то ли ребёнку, и, видимо, моё зрение до сих пор не пришло в норму, если она кажется мне зелёной. Крайняя степень дальтонизма, что ли?

Рука плавно перешла в плечевой сустав, а тот свою очередь в... — я чертовски сильно сжал голову в плечи, чтобы рассмотреть — в меня?!

Паника. Да, по-другому и не скажешь. Паника охватила меня с головой, и последнее, что сдерживало меня от нервного срыва — это неверие в происходящее. Да уж, как странно: на смерть мне было начхать, ибо всё продумывалось и планировалось, а как только столкнулся с чем-то неожиданным и непонятным — так сразу в истерику. Хотя, вряд ли

участившееся дыхание и рыскающий в поисках объяснения взгляд можно назвать истерикой. Пока так, лёгкая истерия... Бр-р-р, чего-то я заболтался! Нервы, нервы...

Проверка второй руки не оправдала надежд: отличие её от первой было лишь в том, что она левая. А так, всё то же: то же детское сложение, тот же долбаный зелёный цвет, та же верёвка... Нагнувшись чуть вперёд — встать полностью мне не давали путы — оглядел себя в полной мере. Чего и стоило ожидать: ничего общего со своим прежним телом и в помине не было. Туловище крепкое, но немного полное: животик поднимается вверх-вниз при каждом дыхании. Коротенькие ножки с на странность большими пальцами, из которых, как и из рук, выглядывали острые когти, также были обмотаны верёвками, абсолютно не давая двигаться. Стараясь задушить начавшую вылезать наружу панику, осмотрел место, в котором нахожусь. Здание, конечно, по своему состоянию было похоже на отечественную больницу, но оным всё-таки далеко до того, что я увидел: стены сделаны то ли из веток, то ли с примесью какой-то грязи и камней, отчего вообще приходилось сомневаться в том, как долго может держаться такое сооружение. Пол — из грубо сколоченных и необработанных досок, в щели между которыми пробивалась какая-то охровых оттенков трава. Не без удивления обнаружил окружавшую мою «кровать» пентаграмму. Почему пентаграмму? Ну а как ещё назвать ровный круг, внутри которого я и находился, с кучей непонятных закорючек и схематических рисунков? Да ещё по обе стороны от меня внутри этой самой пентаграммы стоят котлы с непонятным варевом, от которых к потолку шёл лёгкий дымок, смешивающийся с густым жёлтым дымом, что заполнил всё помещение. Никакой системы безопасности, блин...

Созерцая неясные мне особенности интерьера, я наткнулся взглядом на двух существ, ютившихся у одной из стен, недалеко от меня. Не заметил их сначала из-за густого дыма, и... довольно маленького их роста. Сначала я даже принял их за детей, но, присмотревшись, понял, что, скорее, это были карлики, с большими, мясистыми носами, огромными острыми ушами с вставленным в них множеством серёжек, и маленькими, злыми, прожигаящими насквозь глазками. Из-под одежды, представлявшей из себя плохо сшитые друг с другом куски шкур, да какие-то обрывки кожи с кучей всяких цепочек и амулетов, выглядывали крепкие, даже накачанные, руки, с потрескавшейся в некоторых местах зелёной кожей. Пальцы-сардельки одного сжимали в руке кинжал, нервно перебирая по его рукояти. Э-э-э, это что, сатанистский кружок какой-то?! Сейчас меня пустят на убой во славу какого-нибудь демона с рогами?! А что, всё, как надо: жертва есть, пентаграмма странная на полу — присутствует, да и в котелках явно не супчик сварен.

Мои мысли прервал грубый голос того, что держал кинжал, и немного неуверенный ответ второго. Похоже, именно их голоса я и слышал, когда очнулся. Только болтали они на каком-то непонятном для меня языке:

— Каррак лимар урруг-зан-урруг, гиадын лимар?

— Урруг-лин, зи-бар аккахин.

Мозг опять ударило молотом, заставив меня зажмуриться, а затем в голове словно что-то щёлкнуло, развернулось и заскрипело:

— Раггир занг-зан-урруг... думаешь, голем? — Спросил, недоверчиво косясь в мою сторону, тот, что держал кинжал.

— Вряд ли, — пожал плечами второй. — Тот бы сразу стал строить из себя Гул-аль-Дука, пытаться убедить освободить его. А этот — смотри, похоже, даже не понимает, где находится...

— Значит, у нас получилось? — Кажется, в его голосе послышались нотки радости.

— Можно проверить, — улыбнулся не самой многообещающей улыбкой второй карлик, и оба двинулись в мою сторону.

Кинжал в руке одного из них как минимум не внушал доверие, и в безнадёжной попытке освободиться я вновь забарахтался на ложе, напрягая до предела мышцы, но не смог добиться даже скрежета от верёвки: уж не знаю, из чего она сделана.

— Успокойся, хватит елозить, — спокойно произнёс один из карликов, спрятав оружие, а вместо него достав какую-то склянку с мутно-оранжевой жидкостью. — На, выпей. Успокоит нервы.

Я уставился на откупоренную склянку в его лапе (рукой такие несообразные по отношению к кисти пальцы с когтями у меня язык не поворачивался назвать) и протестующе зажал рот. У меня есть правило: не брать ничего от незнакомцев, а особенно от странного зелёного остроухого карлика с не шибко располагающей внешностью и очень напрягающей мутью в склянке!

Зеленокожий удручённо вздохнул и кивнул второму карлику. Тот всё понял без слов и, сжав мне челюсть пальцами, оттянул её вниз, тем самым открывая рот. На мои мычания и попытки вырваться он никак не отреагировал — его пальцы оказались на странность сильными для такой мелюзги. Муть из склянки полилась мне в рот, не видя на своём пути преград, и в считанные секунды была поглощена, после чего карлик наконец отпустил мою челюсть и отошёл в сторону, вытирая свою лапу об одежду: всё-таки часть жидкости расхлестало вокруг меня.

Чем меня напоили — непонятно. Ни на один из алкоголей похоже не было, да и даже будь похоже, я бы этого не понял, ибо никогда не выпивал. Но действенность напитка я ощутил почти сразу: голова словно стала легче, бурный поток мыслей успокоился, как и нервная дрожь по всему телу. Происходящее вокруг я стал воспринимать как само собой разумеющееся. Ну, карлики, ну, зелёные — с кем не бывает? По крайней мере, они уже не казались мне чем-то непонятным и опасным.

— Какой-то он... странный, — прокомментировал моё поведение один из зеленокожих.

А ты, блин, маленький уродец, сама обыкновенность!

— Погоди, Лар-ин-Лин, сейчас разберёмся.

Лар-ин-Лин? Это что у него, имя такое? Хрен знает, что оно означает, да и не слышал я его нигде: может, какое-то древнее наречие? Да какое, к чертям, наречие — чему я удивляюсь, именам?! Я с какого-то перепугу оказался в непонятной хибаре в непонятном мне теле, почему-то связанный, и в компании не самых приятных на свете существ. А я думаю об имени?! Видать, действительно, напиток чудотворный действует...

Один из карликов склонился надо мной так, что его не хилый нос чуть ли не упирался в мой, и, сощурившись, словно стараясь просверлить взглядом, заговорил:

— Ты — воин?

— Не...

— Убивал хоть раз?

— Конечно!

— Уже что-то. Кого?

— Ну смотря в каких мирах. Если в «Героях меча и магии», то много кого: начиная от нежити и заканчивая гномами. В «Варкрафт» тоже не хило погонял: и эльфы, и орки, и нежить та же от меня получали. Но я больше не по стратегиям: мне ходилки по душе. Там то

я развлекаюсь! И паладином, и рыцарем смерти, и друидом, и чернокнижником, и магом, само собой разумеющееся — и кем я только ни был! Монстров мочил — жуть!

Ох, что-то меня понесло... Уж не знаю, отчего — с перепугу, или с настойки. Но мои слова возымели какой-то эффект на одного из карликов — того, что держал мне, скотина, рот. Он поглядел на меня совсем иначе: с долей... уважения, что ли.

— Так ты путешествуешь по мирам?! Видимо, ты великий чародей... Только зачем мочить монстров? — Наморщил он лоб. — Они что, грязные были?

— Он издевается над нами! — Рыкнул второй зеленокожий, вперив в меня уничтожающий взгляд. — Я прочёл это по его ауре...

Собиравшийся было вырваться смех от издевательства над этими странными тварями погиб в зародыше. Что значит «прочёл по ауре»? Что-то вроде шмепкс-пекс-абра-кадабра? М-да, теория о некоем культе приобретает чёткие очертания и большущие опасения. Кто же это, чёрт подери, такие?

— Так, значит, он не воин? — Удивлённо вскинул брови тугодум.

— Более того, — проскрипел одними зубами второй, продолжая сверлить меня взглядом. Того гляди, дырку в переносице проделает. — Мне кажется, он в жизни даже не встречался ни с кем опаснее мухи...

Сказав это, карлик отступил на два шага от кровати, разглядывая пол. А если быть точнее, то не сам пол, а нарисованные на нём знаки. С минуту размышляя, он наконец обратился к своему компаньону:

— Ты чертил круг здесь?

— Ну как бы... — замялся тот с ответом, ибо в голосе зеленокожего явно слышались нотки ненависти.

— Я так и знал!!! — Рыкнул карлик. — Смотри! Гляди! Да, сюда, давай! — Он в неплохом рывке схватил не знающего куда деться карлика, и чуть ли не ткнул его лицом в пол, как тыкают кота в его же отложения в тапке... — Вот здесь! Почему вместо руны «3» у тебя руна «6»? Ты куда смотрел, рагхакк?! (Я абсолютно не понял, что значит последнее слово, но то, что это явно нечто непечатное — было ясно и по голосу карлика). Как можно было перепутать?! А тут?! — Он, схватив своего зеленокожего товарища за ухо, которое от такого напора стало ещё больше, хотя, казалось, дальше некуда, потащил его к котелкам. — Ну это уже совсем ни в какие ворота! — Не на шутку рассердился карапуз. — Почему у дыма такой оттенок?! Сколько костей крысы ты кинул в котёл?!

— Пять...

— Конченный рагхакк, — вздохнул карлик, закатывая глаза и словно обращаясь к богу: «Ну за что, всевышний?!». — Ты должен был бросить семь, СЕМЬ костей! Куда катится мироздание...

Схватившись за голову, он ухнул пятой точкой на пол, не отрывая взгляда обезумевших глаз от чего-то, что разглядел только он в щели пола, и начал бормотать:

— Вождь нас убьёт, убьёт... И отдаст наши головы боевым шаманам, для украшения.

— Чего это он нас убьёт то?! — Запротестовал держащийся за изменившее цвет ухо зеленокожий.

— А ты сам подумай, кретин! — О, кретин — это уже нормально, это по-нашему. А то рагхакки какие-то... — Мы формулу круга нарушили, жертву духам не в том размере принесли! Нам досталась душа не доблестного героя, или кровожадного убийцы, а этого... юмориста! — Тут он обличительно тыкнул своим когтистым пальцем в мою сторону.

Круг? Жертвы? Досталась душа? Блин, вроде бы и говорят по-нашему, а разобрать всё равно ничего не могу. В голове какой-то бардак, а эффект от той странной жидкости, что ударила мне в голову, похоже, начал отчаливать, уступая место панике. Всё стало возвращаться на круги своя: где я, почему я вообще здесь, кто эти твари, млин?!

— Пшли, — рыкнул карлик, придя в себя и поднявшись с пола, — Доложим обо всём вождю. И молись, чтобы он нас просто изгнал...

Они оба с обречёнными физиономиями утопали вон из помещения, оставив меня один на один с самим собой, разумеется, и не думая отвязываться.

Ну, что ж, представление окончено, занавес падает, зрители рукоплещут. А если серьёзно, то надо о кое-чём поразмыслить.

Я прикрыл глаза, постаравшись сосредоточиться. Прочь панику, прочь сомнения. Будем довольствоваться тем, что имеем, и делать то, что умеем, а именно — думать. Я умер — это однозначно. Иначе бы меня сейчас откачивали в моей комнате, а не допрашивали в какой-то халупе. Тогда где я? Если это рай, то я, мягко говоря, не в восторге: мне ангелов подавай, да прекрасных благоухающих девиц с различными яствами на золотых подносах. А если ад, то можно было что-то и поэпичнее придумать. Хотя, пролежи я в этих натирающих руки и ноги верёвках вечность... Нет, про ад забудем, а вспомним наконец то, что я, чёрт возьми, атеист, и в небесные, и уж тем более подземные сущности как-то не особо верю. Реинкарнация? Ближе к истине, думаю. Хотя, верующий человек бы, наверное, повертел пальцем у виска и сказал, что это так же возможно, как и существование бога. А если я отвергаю его, то почему принимаю переселение душ?

Но то, что это не Земля — гарантия стопроцентная, что-то не припоминаю я на наших просторах никаких зеленокожих остроухих карликов с не самым хорошим чувством юмора. Да и воздух, окружение, даже звуки — всё немножко не то, непривычное, неправильное. Наверное, так ощущает себя турист, впервые приехавший в другую страну. Да, красиво, да, интересно, и, может, что-то, если не всё, у них лучше, чем у него. Но всё-таки он будет понимать, что всё вокруг: не его, чужое. И это засядет в его мозгу неприятным осадком, который никуда не деть. Вот только я в своё время успел поехать по разным странам: в основном из-за особенностей учёбы: узнавал различные быт и культуру разных стран, их историю и особенности. Но ни на Америку, ни на Германию, Францию, Англию или какую-нибудь Шотландию местечко не смахивает: где пропахший бензином и выхлопными газами воздух, а? И вот только не надо мне втирать, что это какая-нибудь деревушка, или нечто вроде того, и воздух здесь абсолютно другой! Да, быть может, он менее вреден, и бла-бла-бла, но всё равно чистым он не будет! Земля уже давно в полном дерьме, и от этого никуда не денешься. А тут... Дышится легко, пускай и довольно непривычно.

И даже если не учитывать эти очевидные вещи, то остаётся ещё одно жирное «НО», которое зачеркнёт все доводы в пользу того, что я всё-таки на родной матушке-Земле.

Что с моим телом?!

Так, снова паника — не надо, успокаиваемся: вдох-выдох... Я попытался расслабиться и ни о чём не думать. Мозг и так уже на грани перегрева, словно компьютер, что работал круглые сутки без передышки. Надо дать ему отдохнуть.

Пока я пребывал в своеобразном астрале, в голове начала формироваться какая-то мысль. Сначала далёкая и непонятная, она стала постепенно собираться во что-то цельное и ясное, заполняя разум и облепляя каждую клеточку мозга. А как только она овладела мной, я открыл глаза. Не было больше ни паники, ни страха. Потому что я понял.

С чего мне вообще волноваться?

Я не хотел жить на Земле? Верно. Мне была чужда тамошняя жизнь? Всё правильно. Я знал, что не нужен тому миру, так если меня принял этот, то почему я должен отказываться от такого подарка? Стоит с благодарностью принять его и просто жить. Ведь я чувствую: мне дышится легче не только из-за чистого воздуха...

Не знаю, сколько ещё я так пролежал. Кажется, даже успел подремать. Но меня отвлек от этого увеселительного занятия приглушённый голос за стеной:

— Вы... — дальше последовало неизвестное мне ругательство, — Совсем ополоумели?! А ну-ка, ну-ка, наклонитесь ко мне... — я услышал громкий шум, словно заработал пылесос, который, впрочем, моментально стих, — Опять Путничью траву курили?!

Я усмехнулся про себя: что, выговаривают тем двум моим сторожевым псам? Насколько я понял, то, что они перетасили меня в это тело (со сверхъестественной чертовщиной я уже смирился — по крайней мере, пока у меня не будет больше информации) было импровизацией, и начальство им такого разрешения не давало. Так что я очень надеюсь, что зеленокожие говнюки получают по заслугам. Зеленокожие... а почему я вообще их так называю? Неужели нет никакого определения, как называть этих маленьких ушастых чебурашек? В ответ на мои мысли голова вновь взорвалась не хилой болью, и подсознание выдало: «Гоблины». Млин, больно то как! Если так мне будет аукаться каждое воспоминание, то лучше уж пребывать в неведении — а то так не долго и без мозгов остаться.

Между тем голос за дверью продолжал вещать:

— Клан вам доверился, вождь вам доверился, я поручился за вас, как за своих лучших учеников, а вы... — я прямо-таки явственно ощутил, как говоривший обречённо махнул рукой, — Освободите его и ведите к главе. А я пока предупрежу его обо всём.

Голоса утихли, и послышался топот шагов. И снова в помещении нас оказалось трое. Между прочим, я вспомнил и имена этих двоих: один, тот, что с более грозной мордой, Лар-ин-Лин, а тот, что чуть пятится, прячась у него за спиной — Кил-ин-Хак. Первая часть имени — имя отца, а вторая — уже имя собственное, так уж у гоблинов повелось. «Лин» означает «не знающий сожалений», а «Хак» — «крепкое плечо». Вот и думай после этого, как к ним относиться, ибо имя говорит о многом: его не давали с самого рождения, пузатая мелочь у гоблинов ходит неназываемой. Лишь проследив за поведением и деяниями гоблина вождь клана лично присваивает ему имя. Вот что значит на самом деле «говорящее» имечко. А приставка между двумя именами — знак положения в клане. Как услужливо подсказывает мне память этого тела, «ин» — значит, старший ученик шамана. Ого, как меня понесло то. Память прямо-таки пробила мощным потоком, хотя до этого была похожа скорее на тонкую струйку. Постепенно, но я начал замечать, как всё вокруг воспринимается немного иначе: амулеты, висящие на гоблинах, не были для меня диковинными игрушками, а обрели какой-то смысл и понимание с моей стороны. Халупа уже и не казалась таковой, а даже стала немного уютной. Я понимал, что частично эти чувства, воспоминания — не мои, но было сложно отделить одно от другого, так что я перестал пытаться.

Лар-ин-Лин опять достал свой кинжал и подошёл ко мне, косясь на меня недобрым взглядом. М-да, кажись, волнуется парень. Чего доброго, с перепугу мне горло перережет, чтоб проблем поменьше было. Я даже немного напрягся. Раньше к смерти я относился философски: ну, умру и умру, что уж там, но не теперь. Теперь у меня появились интерес и желание к новой жизни, и расставаться с ней я пока не собирался.

Но, слава благодарности, гоблин просто несколькими ловкими движениями разрезал пути и тут же отскочил назад, выставив перед собой оружие. Я лишь пожал плечами: осторожность — это, конечно, хорошо, но в разумных же пределах! А то, понимаешь ли, сами к себе пригласили, а тут полный комплект: и связан, и допрашивают, и оружием холодным угрожают.

Сев на кровати, потёр ноющие запястья. Чувство свободы движений, оказывается, так радует! Не думал, что для счастья нужно так много. Но вот для полного счастья мне бы куда-нибудь обратиться от этого пронизывающего насквозь взгляда вооружённого гоблина.

Нависшее в халупе напряжение оборвал голос Кил-ин-Хака:

— На вот, оденься, — он кинул мне в ноги кусок шкуры.

От, чёрт, совсем забыл, что смущаю тут всех своим не одетым внешним видом. Хотя сами виноваты: могли бы и раньше подсуетиться.

Взяв шкуру в руки, оглядел. Да уж, ничего общего с курткой, кофтой, и уж тем более футболкой. Даже на меховой жилет эта «одежда» не походила. Огромный кусок шерсти, сшитый с двух сторон с тремя вырезами: для головы и рук. Надевался он сверху — просто и абсолютно безвкусно. Хотя мне в данном случае привередничать не стоит: надо брать что дают, тем более что одежда моих новых знакомых также особым изыском не отличалась. Похоже, здесь, где бы я ни оказался, с шитьём одежды явные проблемы. Поэтому, вздохнув, я спрыгнул с кровати и облачился в новое одеяние. Буэ-э-э, неприятные ощущения. Даже не знаю с чем сравнить. Внутри шкура была смазана чем-то вроде воска, или жира, так что показалось вначале, будто моё тело облили липким скользким мёдом. Но зато стало тепло, а также исчезло ощущение неудобства от лицезрения другими моей наготы. Ладно, к такой мелочи можно и привыкнуть: остальные карлики же как-то ходят в подобном!

Указав мне на дверь, Кил-ин-Хак покинул халупу. Что, говорит за ним идти? Я покосился на оставшегося стоять на месте и не собиравшегося прятать нож второго гоблина. Понятно всё: не собирается подставлять спину. Что ж, благоразумно, хотя и не понятно, учитывая то, что они сами меня вызвали и выяснили, что я абсолютно безобиден. Но, что поделать: чужой дом — чужие правила. Хотя я уже не уверен, что этот дом для меня чужой...

Выйдя на улицу, я не сразу осознал, что вокруг — потёмки. Реакция вообще была какая-то заторможенная. Может, какой побочный эффект, или последствия попадания в это тело — не знаю. Хотя рассмотреть кое-что можно было: на небе светила луна, правда, как я подметил, немного меньше той, к которой я привык. Да уж, мои оставшиеся сомнения по поводу другого мира постепенно стирает ластиком с названием «факты».

Меня повели по дорожке, выложенной из примыкающих друг к другу брёвен, на которых кое-как были сколочены доски в виде эдакого импровизированного моста, который, судя по всему, пролегал на немаленькое расстояние невысоко над землёй. Ого-го, похоже, тут почва — совсем дрянь, раз приходится так запариваться. По пути нам никто не встречался, но, думаю, даже встретиться, он вряд ли бы щеголял за пределами «моста» — скорее уж тут бы потеснился. Это также говорило и о том, что население того места, в которое я попал, было небольшим: наша дорожка то шириной всего метров пять, это тебе не широченная улица, а, значит, строители предполагали, что она уместит всех, кого надо.

Насколько удалось понять, если смотреть на эту дорожку сверху, то она представляла собой большое дерево с кучей разветвлений, которые в свою очередь также переходили в разветвления, превращаясь в импровизированные ветви. И всё это дерево, по сути, связывало

всё селение в единый организм. Многочисленные дорожки вели на импровизированные «улучки», подводя свои ветви к различным постройкам неясного мне предназначения.

Пока мы топали, я разглядывал местные произведения архитектуры. Хотя, как архитектуры... это и домами то назвать было сложно: сплошное месиво из веток, соломы и затвердевшей грязи, кое-где обрамлённых ещё и кожей, или шкурами. Из них торчали тонкие трубы — хотя бы топили не по-чёрному. На каждом из таких домиков виднелись разнообразные ленты с непонятными мне рисунками, вырезанными из дерева фигурками различных существ. Некоторые, что с виду были побольше и побогаче украшены, располагались внутри невысокого частокола, на котором в некоторых местах были насажены чьи-то головы: в темноте точно не разобрать, но не гоблинов — это точно. Странно, но я вообще ничего не почувствовал, когда увидел это. Слово для меня сие было нормальным, обыденным и абсолютно не противным. А ведь там, в прошлой жизни, меня бы скорее всего вывернуло наизнанку. М-да, загадки природы...

Лар-ин-Лин, что плёлся немного позади, хорошенько толкнул меня, что-то нервно пробурчав. Понятно: засмотрелся, застыл, перестал идти. Но толкать то зачем?! Видать, не понравился я ему, ох, не понравился...

До нужного места мы добрались скоро: как я и предполагал, селение было небольшим, по размерам вряд ли больше крохотной деревеньки. Постройка, к которой меня вели всё это время, находилась в самом центре: именно к ней, и от неё вели все дорожки. Сия постройка несколько отличалась от других: она походила на несколько шатров, соединённых друг с другом натянутой кожей. Окружена она была, в отличие от других домиков, не частоколом, или забором, а настоящей каменной стеной, усеянной факелами по всему периметру. Похоже, место важное, если не самое главное. То есть тут глава живёт? Ну, ладно, поговорим.

Я собрался сделать шаг внутрь шатра, но Кил-ин-Хак преградил мне дорогу, бросив короткое: «Жди». Затем, подзвав своего напарника, вместе с ним исчез за пологом шатра. Мне осталось лишь послушаться, ибо глупо было поступать по-своему. Я не знал ни местных законов, ни традиций, ни обычаев, а всё это в целом, можно сказать, и составляет общество. Но и тут стоило быть осторожным, ведь древние Африканские народы тоже являлись обществом, но все их законы сводились к одному: ты не прав — тебя съедят, ты враг — тебя съедят, ты совершил ошибку — будь готов стать ужином.

В напряжённом ожидании я провёл не много времени. Примерно через полчаса послышались приближающиеся шаги, и полог шатра откинули в сторону. Но это не был ни один из уже знакомых мне гоблинов. На пороге стояла старуха. Её спутавшиеся грязные седые волосы, в которые были вплетены различные косточки, ниспадали до самой земли, опиралась она своими словно высушенными руками с длинными острыми когтями о кривой посох с черепом какого-то существа на навершии. Её мудрые, жёлтые глаза, что прятались достаточно глубоко в глазницах, разглядывали меня внимательно и напряжённо, хотя я задним местом чувствовал, что старушечки знаком давно. Или она разглядывала не тело? Её взгляд устремился куда-то глубоко, внутрь меня, словно сканировал насквозь. Неприятное ощущение. По телу пробежал холодок, стало неудобно, как будто я голый стоял посреди заполненной аудитории, и на моём примере объясняли принципы камасутры.

— Заходи, — наконец прохрипела она, развернувшись, и входя в пределы шатра.

Я последовал за ней.

Внутри было светло. В самой середине помещения в полу располагалась ниша,

обрамлённая плотно примыкающими друг к другу камнями. В этой нише горел, потрескивая, костёр. Угу, и трубы никакой не видно... Но, посмотрев наверх, я понял, почему вся площадь внутри шатра не заполнена чёрным дымом: обычная дыра, вырезанная в потолке. Через неё дым и покидал помещение. Просто, грубо, безвкусно. Как и всё остальное. У костра, по другую сторону от меня, находилась некая куча из черепов, которая каким-то чудом не рассыпалась лишь благодаря крепко перевязывающих всё это нагромождение веревок. Наверху кучи сидел, укутанный в шкуры с головы до пят гоблин. Вид у него был мягко говоря не радушный. Космы явно крашенных красных волос обрамляли голову длинным ирокезом, уши, торчавшие в стороны чебурашкой, были прямо-таки усеяны различными серьгами непонятного вида, левый прикрытый глаз рассекал до самых губ глубокий шрам, а на коленях гоблин держал, поглаживая, топор. Суровый дядька, с такими ухо надо держать в остро. Это если ещё не учитывать тот факт, что у основания его «трона» стояло шесть охранников с круглыми щитами, короткими клинками и недовольными минами: по три с каждой стороны.

Я покосился направо: там располагалась зона менее пафосная, но, как мне кажется, более удобная. Множество шкур, подушек, наброшенных друг на друга, несколько низеньких табуретов, которые скорее служили столами, похожие на столики арабских шейхов. На них стояли чаши с непонятными жидкостями, от которых исходил лёгкий пар. За двумя такими столиками восседало по одному гоблину: уже знакомая мне старуха, и старик. Старикан выглядел не так устрашающе, по крайней мере внешне: на нём была надета лёгкая серая вуаль, какие-то амулеты на шее, но ни намёка на кости, или оружие. Лишь посох в руке, чем-то напоминающий тот, что держала старуха. Лицо у него было хмурое, но не страшное или суровое, а, скорее, располагающее, даже несмотря на свой зелёный цвет, мясистый нос и уши, словно на них наступил медведь. Волос у него не было вовсе, а на месте лысины красовалась странного вида татуировка.

С левой же стороны от костра сидели Лар-ин-Лин и Кил-ин-Хак. Оба гоблина стояли на коленях, уткнув носы в пол. Их глазки бегали, то останавливаясь на языках пламени, то на сидевшем на троне гоблине, но не задерживались на нём даже секунды, а устремлялись в мою сторону, и снова на костёр. А затем снова, по кругу. У каждого под глазом — большой синячище, да и порвана в некоторых местах одежда у них не просто так... Всего этого до того, как они вошли в шатёр, не было.

— Мы приветствуем тебя, — нарушил молчание после недолгого рассматривания моей скромной персоны гоблин со шрамом. — Моё имя — Равр-рагх-Хил (Блин, и как это выговорить вообще?!). Кто ты такой? — Он сощурился, явно намереваясь распознать ложь, если она последует.

— Меня притащили сюда они, — указал я пальцем на двух недавних знакомых, моментально их сдав (Со мной в разведку не ходи, ага), решив не врать, ибо, чувствую, та старуха меня насквозь видит, да и дед тоже не прост...

— Знаем, — кивнул рагх. Память подсказывала, что такой приставкой наделялся лишь вождь клана. По поводу местной иерархии и вообще общественного строя неплохо бы было разузнать. — Мы уже... рассказали им, в чём они не правы. — После этих слов он зыркнул на Кил-ин-Хака с Лар-ин-Лином, и те, встрепенувшись, боязливо прикрыли ладонями синяки. Ясно всё. Поговорили с ними, значит. В это время вождь продолжал: — Я хочу знать иное. Откуда пришла твоя душа? Что ты из себя представляешь? Какие твои мысли? И говори правду, ибо моя доброта может в любой момент отвернуться от тебя. Сейчас ты —

наш гость, но скажи неверное слово, дай мне повод усомниться в тебе, и мы будем говорить совсем по-другому.

Ух ты, аж до дрожи. Умеет речи толкать, ничего не скажешь: сразу желание врать отбивает. Да я, в общем-то, не собирался. Хотите правду? Получайте, ничего не скрою!

— Моё имя — Андрей, я с Земли, из России, если быть более точным. Учился на филолога. Никем не работал, но много читал, в основном сидел дома, играл в компьютер. Но не хотел жить, и решил убить себя. Там меня ничто не держало. Тогда-то ваши ребята меня сюда и... — я причмокнул, подбирая в уме нужное слово, а затем щёлкнул пальцами, отыскав его: — Перенесли.

Вождь нахмурил брови. В его голове явно шёл какой-то мыслительный процесс. Он кривился, потирал виски, но всё-таки не выдержал и посмотрел в сторону стариков:

— Я ничего не понял!

— Мой рагх, — тут же перебила его старуха, не отрывая от меня взгляда. — Он говорит, что не имеет никакого отношения к миру духов, боевому ремеслу, или же жажде крови. В тамошнем мире, откуда он пришёл, ему не были ведомы ни насилие, ни злоба, ни трудности.

Она улыбнулась, как бы соглашаясь сама с собой. Не согласен! Хотя, конечно, по факту всё верно, но как-то представлено это было под таким дурацким углом, что мне самому себя придушить захотелось от того, насколько я никчёмный! Во старуха, во даёт! Что ж все так против меня настроены?!

Равр-рагх-Хил крепче сжал топор и вновь повернулся к двум провинившимся:

— Вы... прогнали душу Гул-аль-Дука! А за место неё... преподнесите мне ЭТО?! Мне нужен был боевой шаман! Закалённый в боях! Сильный! Не боящийся сражений! Второй Гул-аль-Дук! А вы... Отрезать им головы и насадить на пики у отхожего места, чтобы любовался ими каждый раз, когда выхожу облегчиться! — Последнее, судя по всему, предназначалось для стражи, которая тут же направилась к вскочившим и пятящимся назад гоблинам.

Не, не, не, так дело не пойдёт!

Я уже было хотел что-то сказать, но меня опередил старик:

— Мой рагх! — Воскликнул он так громко и требовательно, что даже стража застыла, изумлённо воззрившись на него. — Позвольте, прежде, чем вы совершите свой справедливый суд, — на последних словах в тон он добавил немного сомнения. — Я задам вопрос новорожденному Гул-аль-Дуку?

— Валяй, — махнул он рукой немного раздражённо. Ему эта выходка старика явно не понравилась, но, похоже, тот был у него на хорошем счету, раз он позволил ему такое.

Старик благодарно кивнул и перевёл взгляд на меня:

— Скажи мне, новорождённый, слышал ли ты что-нибудь, когда появился здесь? Может, чей-то голос? Или видел что-то? Знаки? Видения?

Я призадумался. Похоже, от моего ответа зависит многое: и жизни этих двух олухов, и моя будущая жизнь здесь, а, может, и просто жизнь. Вдруг по голове будто что-то ударило, выползая из памяти. Млин, да достало уже! Что за тугодум был этот Гул-аль-Дук, если каждое воспоминание, даже недавних событий, отдаётся такой болью в голове?!

— Было одно, — кивнул я напряжённо ожидающему моего ответа старику. — Кажется, «Уступаю его тебе»... Но...

— Вот! — Перебил меня старик. — Душа Гул-аль-Дука приняла его без боя, напрямую признав, что уступает! Неужели вам нужны ещё доказательства того, что он заслуживает

своего шанса?! Я лично готов принять его в свои ученики!

Лар-ин-Лин вместе с Кил-ин-Хаком воззрились на вождя со слабой надеждой в глазах. А стражники с неммым вопросом, мол, что делать то, хозяин? Убивать, или чествовать?

А сам рагх думал так, как, кажется, никогда не думал. Извилины на его голове взбухли, на лбу выступили морщины. Он отчаянно решал сложившуюся ситуацию. И когда я уже было подумал, что вопрос затянется на всю ночь, вождь выдохнул и выпалил:

— Берёшь его под свою ответственность. Но чтобы сделал мне шамана, достойного Гул-аль-Дука! А вы двое, ещё раз покурите Путничью траву, и я сдержу обещание об отхожем месте! Всё! Свободны! Я хочу спать!

ГЛАВА 2 Новый день, или как стать шаманом

Я удручённо разглядывал себя в зеркало, стараясь не упустить ни единой детали. Всё-таки мне теперь в этом теле жить, и стоило понять, на что я подписался. Вообще, как я понял, зеркало в этом мире — дело не дешёвое, потому как изготовить его могут лишь Высшие Шаманы, специализирующиеся на огненных духах. Стоят они не дёшево, поэтому либо Гул-аль-Дук был отнюдь не бедным, либо сам был огненным шаманом, и лично изготовил себе большое, грубое, абсолютно несимметричное, неровное на краях, но зеркало.

Со всей этой шаманщиной, или, как было проще для меня, магией, я помирился, и решил ничему не удивляться. Не, ну а что, я теперь — местный житель, мне в принципе удивляться ничему не положено. Надо жить, и жить по правилам этого мира, потому как в свой мне уже не вернуться. Поэтому ходить всюду, разинув рот, и визжать «Ой, а это что, магия?! Ой, а это у него что, меч?!» я не собираюсь. Магия и магия, духи и духи, меч... разберёмся, короче.

После вчерашнего, а, точнее, уже сегодняшнего совещания на предмет моей судьбы у Равра-рагх-как-его-там, меня определили в дом того гоблина, которому раньше принадлежало это тело. И, надо сказать, он меня немного напрягал. А, если быть точнее, то не сам дом, а частокол вокруг него. Он был усеян различными головами каких-то тварей, а за место ограды ему служили натянутые на колья кишки. Тот ещё был выдумщик бывший жилец. Но, как объяснил мне проводивший меня до нового дома старикан, которого теперь я был обязан называть Учитель, и никак иначе, это необходимо для шаманских ритуалов. Сила шамана заключается в его окружении: благодаря этому он быстрее накапливает энергию для призыва духов, эффективнее защищается, атакует, лечит. А Гул-аль-Дуку энергии вообще нужна была прорва, ибо он был боевым шаманом, причём специализирующимся в разных областях духов: начиная от всех подтипов земных духов и заканчивая водными. А их, если судить из того, что успел рассказать мне по пути сюда Учитель, и из того, что я вспомнил сам, достаточно много.

Самых основных четыре: духи огня, земли, воздуха и воды. А те уже расходятся на множество подвидов, которые в свою очередь также разделяются на собственные подвиды. От того, сколькими видами духов ты владеешь, и зависит то, какой тебе дадут титул и приставку к имени. Начиная с «нид», что означало, если перевести на наш язык, служку, или уборщика, специализирующегося на бытовых духах, и заканчивая «аль» — эта приставка давалась лишь Высшим Боевым Шаманам, что способны были призывать могущественные сущности, причём в не хилых размерах.

Самыми распространёнными среди Боевых Шаманов считались огненные. Конечно, огонь — штука опасная и смертоносная, тут и обычный нид со своим бытовым духом, с помощью которого зажигают свечи или камин сможет нанести какой-никакой, а вред, что уж говорить о Верховных, которые призывают чуть ли не демонов преисподней. Самыми же востребованными считались водные. По одной простой причине: тупая нехватка воды, а всё из-за географических особенностей.

Из моих скудных воспоминаний на этот счёт место, в котором я оказался, звалось Пятой, и причём абсолютно заслуженно, ибо являлось островом, очень похожим своим контуром на отпечаток ноги. Остров своими размерами поражал, но абсолютно не поражал оригинальностью, ибо выходы к морю были закрыты возвышающимися у самых берегов

горами, причём по всему контуру острова, словно кто-то специально посадил всё его население в природную клетку. Кто-то пытался пробраться через тоннели, что расположены в горах в большом количестве к воде, надеясь на лучшую жизнь, но никто оттуда пока не возвратился: то ли дошли до лучшей жизни, то ли сгнули во тьме, на радость пещерным тварям. А тварей этих там, кстати, завались, как и за пределами деревни, сразу, как только покинешь родные стены.

Потому гоблины научились приспособливаться. А именно: использовали болотную воду, которой в этих краях, заполненных болотами и, по сути, в целом болотом и являющихся, завались. Но так как воду эту пить невозможно — скорее уж свалишься от неё замертво — как максимум, а как минимум — будешь непрерывно бегать к отхожему месту — то они призывали водяных духов-очистителей, которые вытрясали из болотной тины всю грязь, оставляя только чистые капельки воды. Для того, чтобы получить хотя бы бочку, нужно было провести за этим занятием круглые сутки, а это дело монотонное, не каждый выдержит, учитывая ещё то, что этому нужно специально учиться, потому как наука очищения довольно сложна и тонка.

В свою очередь гоблины обменивали воду на различное вооружение, доспехи и строительные материалы у огров: великаноподобных тварей, что проживали на территории, пересекающей длинной полосой болота гоблинов и Неживые Земли. На счёт последних Учитель не распространялся, а из воспоминаний Гул-аль-Дука ничего определённого об этих землях я разузнать не смог. Но уже одно название отбивало всякое желание туда наведываться. Насколько помню, а, точнее, помнил Гул-аль-Дук, там идёт постоянная война, и орды тварей из Неживых Земель сдерживает лишь эта самая полоска — дом огров.

Я вынырнул из вод воспоминаний в реальность, встряхнув головой, отчего мои новоиспечённые ушищи весело заболтались: прочь ненужные мысли! Мне ещё не хватало сейчас запариваться с разжёвыванием самому себе принципов сего мироздания. Сам разберусь, но попозже, и опытным путём. А пока... Пока я разглядывал себя в зеркало.

Ну что сказать... Гул-аль-Дук, похоже, был занят лишь одним шаманизмом, и не уделял ни капли времени своему телу: обильное пузико и щёки-пирожки были тому доказательством. Уж не знаю, можно ли назвать его лицо красивым, ибо, возможно, для гоблинов оно и являлось симпатичным, но по мне... на любителя, короче: нос, как и у остальных зеленокожих, большой и смахивающий на картошку, глубоко посаженные жёлтые глаза, волос на бровях нет, но зато на голове торчат ёжиком светлые волосы. Между прочим, в ушах виднелось много дырок, видимо, от серёжек неизвестного мне назначения. Значит, их забрали из моей собственности. Кстати, этот вопрос меня заинтересовал ещё ночью, и я поинтересовался на этот счёт у Учителя. Мол, что за дела, тело принадлежало крутому шаману, а на мне ни амулетов, ни серёжек, ни оберегов, хотя все вокруг в них щеголяют! На это он ответил, что теперь вещи предыдущего хозяина тела будут мне только мешать: духовные сущности будут путаться между моей духовной составляющей и составляющей Гул-аль-Дука, которыми пропитаны его вещи. Между прочим, по этой же причине он посоветовал мне в ближайшее время избавиться от голов на частоколе: духи этих тварей служили предыдущими хозяину, и могут очень разозлиться, если поймут, что я — не он, и начнут мстить. А я что, против, что ли?! Сегодня же всё выкидываю всё нафиг!

Именно поэтому, кстати, во всём доме гоблина я обнаружил лишь кровать, да зеркало, ну, и ещё свежие вещи — холщовую рубашку и широкие штаны на перевязи, которые мне предоставили по моей личной просьбе: ну не мог я ходить во всех этих шкурах — не привык

ещё! Потому Учитель благодушно отдал мне свой «парадный костюм» — именно так здесь назывался сей простенький наряд. Но хоть что-то — грех жаловаться.

Пока я внимательно рассматривал себя, то не заметил, как снаружи послышались шаги, а затем, без всякого разрешения, в помещение вошёл Кил-ин-Хак:

— А тебя стучаться не учили? — Возмутился я.

Брови его удивлённо взмыли вверх. Конечно, удивление его оправдано: я пока тут никто и звать меня никак, по крайней мере, для тех, кто в курсе моего...кхем... происхождения. Но соблюдать хоть какие-то правила приличия надо!

— Так обо что стучаться то? — Наконец проговорил он.

И правда — я заглянул ему за плечо — дверей в домах гоблинов не было, их заменяли обычными занавесками. Что-то туплю я не по-детски, да ещё и выставил себя не в лучшем свете.

— Прости, нервы, — пожал я плечами.

— Да забудь, — махнул он своей лапой. — Тебя Учитель зовёт.

— Зачем?

— Отныне он твой учитель, — нахмурился гоблин. — И не пристало задавать такие вопросы. Зовёт — значит надо.

Я задумчиво почесал затылок. Нравы тут конечно суровые — не чета Земным. Шаг вправо-шаг влево, всё, расстрел! Да ещё и в обязанности ученика входит беспрекословное подчинение своему учителю. Ладно, можно и паинькой побыть, почему бы и нет? Тем более что в данный момент ходить в учениках — самый действенный способ многое узнать, многому научиться, да и в целом устроиться в этом мире!

— Окей, пошли.

Кил-ин-Хак проводил меня удивлённым взглядом. М-да, надо бы отвыкать от таких словечек, как «окей», «капец», «чувак», и вообще всего того, что составляет словарный запас современного поколения. Меня же тупо не поймут! А могут и вообще за оскорбление принять.

При дневном свете в этом гоблинском селении всё воспринимается абсолютно иначе. Ночью всё казалось злым, безрадостным и жутким. Казалось, что из-за угла на тебя вот-вот нападёт какой-нибудь монстр, или кто-то из местных всадит тебе нож в спину. Никогда не любил ночь. Она не ассоциировалась у меня с романтикой, луной или звёздами. Скорее с безысходностью, грустью и страхом. Только так. Посему как же счастлив я был наступлению утра!

Здесь кипела жизнь. Маленькие зелёные чебурашки сновали туда-сюда по дощатому настилу, шумя, бранясь, торопясь куда-то. На многих были видны одеяния шаманов, выделяющиеся своими отличительными признаками: котелки, висящие на ремнях, кости, посохи с черепами, какие-то руны и деревянные фигурки. Они больше напоминали украшенные психами-готами ёлки. Кто-то одет побогаче, кто-то победнее. Похоже, местная иерархия недалеко ушла от нашей. Шаманы тут ценились, ставились выше обычного люда, но и среди них была своя иерархия. Например, спешившая куда-то целая группа водяных шаманов — это было ясно по серьгам в виде ракушек, ибо они упрощали задачу по призыву водяных духов — скорее всего торопились на болотную ферму: этакий небольшой посёлок недалеко от основного селения, принадлежащий этому клану, где добывалась чистая вода. Их одежды были довольно богатыми, хотя, если память Гул-аль-Дука не изменяет мне, все эти одеяния — лишь позёрство, так, среди сородичей походить, прежде чем попасть на

работу. Ибо там они всё равно сменяют свои богато украшенные балахоны на обычное тряпье: никто не пойдёт в трясины, выряженный, как на праздник.

Никто не косился на меня с подозрением или страхом. Для всех я так и остался Гул-аль-Дуком — именно так я теперь и должен сам себя называть. Лишь периодически кто-то здоровался со мной, и я отвечал взаимностью, с трудом выуживая из воспоминаний информацию об этом гоблине. И вспоминал. Но с трудом, большим трудом. Вообще, на практике оказалось, что память — штука подводная и абсолютно непонятное. Что-то из жизни шамана, что там любезно предоставил мне своё тело, я вспоминал без особого труда, как будто это происходило со мной самим совсем недавно, а что-то приходилось с трудом вспоминать, как будто это текст сложной теоремы, что я учил очень и очень давно, какая-то же информация вообще отдавалась головной болью.

За сими размышлениями я и не заметил, как мы пришли. Дом Верховного Шамана моего теперешнего учителя, располагался на самой окраине, хотя я и предполагал сначала, что он должен находиться как можно ближе к дому вождя. Похоже, логика тут была не в том, чтобы держать одного из сильнейших магов клана подле себя, а чтобы обезопаситься. Насколько я понял, практика шаманизма идёт рука об руку с ошибками, которые влекут за собой смерть. Ошибся в заклинании, и на тебе: взрыв, да такой, что разнесёт всё в пятидесяти метрах вокруг. Или какой-нибудь дух вдруг вырвется на свободу, да вселится в воина, который начнёт рубить всех вокруг, как одержимый, хотя ему было приказано их охранять. Потому боевые шаманы жили всегда на окраине. Думаю, их бы вообще селили за частоколом, если бы не твари, обитающие в болотах.

Дом Учителя не многим отличался от обычных построек селения: разве что немного больше, и имел несколько пристроек, о целях которых мне приходилось лишь догадываться, и дополнительный бонус в плане памяти Гул-аль-Дука не помогал — видимо, он никогда сюда не заходил.

Антураж, окружавший домик, поражал. Думаю, не каждый маньяк-извращенец сумел бы додуматься до подобного. Куча голов, некоторые из которых принадлежали гоблинам, похоже, из враждебных кланов, над которыми по какой-то причине не летали мухи и не пожирали другие насекомые, любящие полакомиться «свежаком», переплетались с другими головами множеством кишок, верёвок и костью. Вся эта конструкция, окружавшая территорию дома Учителя, каким-то чудом держалась в воздухе, представляя из себя этакий парящий забор прямиком из фильмов ужасов. Хотя о чём это я? Какие ещё чудеса, забыл, что ли, где нахожусь? Должно быть этому разумное объяснение.

Присев на корточки, пригляделся в промежуток между землёй и низом «забора»: ну да, как и предполагалось — никакого секрета или фокуса тут не было и в помине. Потoki воздуха, более плотные, чем в других местах, то собиравшиеся в формы, отдалённо похожие на тела маленьких людей, то разлетающихся на простые воздушные потоки, и держали всю эту конструкцию. Понятно. Значит, старикан либо специализируется на воздушных духах, либо заплатил немалую цену другому шаману для произведения впечатления. Первое более вероятно: шаманы — существа гордые, и обращаться к другим шаманам за помощью будут только в крайнем случае.

Кряхтя, я поднялся (Нет, надо что-то с этим делать — просто встать с корточек, и то тяжко!), намереваясь окликнуть Кил-ин-Хака, но, обернувшись, увидел, как тот исчезает в толпе гоблинов. Ладно-ладно, мы вас поняли: Учитель хочет конфиденциальной беседы — без проблем!

Протопав по устланной брёвнами дорожке, я неожиданно застыл, остановленный неведомой силой. Я даже почти успел испугаться, но вдруг передо мной начал образовываться небольшой вихрь, и страх подавило в зародыше: он сменился на заинтересованность.

Вихрь становился всё больше и больше, разрастаясь как в высоту, так и в ширь, пока не достиг высоты, превышавшей мою раза в два, и не стал обретать форму. Из вихря потянулись такие же бесплотные руки, объёмы которых действительно вселяли уважение, а затем появилась голова, почти такая же бесформенная, как и тело, являя собой лишь пучок мини-вихря с горящими голубым глазами. Существо некоторое время разглядывало меня, а затем заговорило тихим, шипящим, но пронзающим по самое нутро голосом:

— Имя.

— Андре... птьфу! Гул-аль-Дук. — Кивнул я. Какое тёплое приветствие...

— Имя! — Более грозно повторил воздушный дух, и в его руке начало формироваться также состоящее из вихря копьё.

Э, что за дела?!

— Гул-аль-Дук меня зовут, чтоб тебя! Учитель должен был предупредить обо мне!

— Имя!

— Да что ж ты как попугай... — я грязно выругался, пытаюсь понять, в чём тут проблема, и, похоже, духу это не понравилось. Он занёс над собой успешнее полностью обрести очертания копьё и вновь произнёс, но уже громко и пронзительно:

— Имя!

— Гул-Дук! — Выпалил я первое, что пришло на ум, и зажмурился, ожидая второй за свою жизнь смерти.

Но ничего не произошло. Кроме одного: воздушные окопы, спутывавшие меня, растаяли, давая мне нормально двигаться, а открыв глаза, я не увидел никакого духа — лишь ветер устрашающе завывал в ушах. Так, выходит... я правильно назвал имя?

Интересно получается и наводит на определённые мысли. Надо бы побеседовать на этот счёт со старикашкой, а то что-то мне это уже не нравится...

Переступив порог шаманского дома, я осмотрелся. Несмотря на то, что на улице ярко светило солнце, внутри было мрачновато, потому как окна в стенах неизвестный строитель решил не делать. Освещение здесь составляли свечи, подвешенные в воздухе и создававшие атмосферу чего-то потустороннего, загробного. Любит же старикан спецэффекты: видать, под старость решил поразвлечься.

Бегло оглядев помещение и не найдя ничего интересного, кроме множества различных тотемов, воткнутых в землю, различных шкур и сундуков, отыскал взглядом Учителя. Он сидел у стены, спиной ко мне, и что-то бормотал.

— Что за дела?! — Проществовал я к нему, уперев руки в бока. — Там, у входа, вы поставили стражника. Не, я понимаю: предусмотрительность, и всё такое. Он спросил моё имя...

— И, если ты здесь, — перебил меня старик: похоже, это было его хобби. — То, стоит полагать, ты назвал его правильно.

— Ага, почти. — Не на шутку разозлился я. — Только есть одно «но»: он принял имя Гул-Дук, без приставки «аль». Что это значит?!

— Это значит, что ты её не заслужил. — Не поворачиваясь ко мне, ответил старикан. — Пока нет. Вообще скажи спасибо, что я оставил тебе имя, а не переименовал в Безымянного.

Имя надо заслужить, как и всё здесь. А уж приставку — тем более. Пока ты не докажешь, что заслуживаешь её, будешь ходить с «пустым» именем.

Он замолчал, видимо, давая мне переварить услышанное. Я стиснул и разжал кулаки. М-да, методы Учителя поражали своей простотой и жестокостью. Но, похоже, иначе шаманом не стать, а, значит, не устроиться в этом мире. А мне бы этого очень не хотелось. Так что я засунул свою злость куда подальше, но про себя затаил: я тебе это ещё припомню, старый ты гоблинюк (Оказывается, объедини слова «гоблин» и «говнюк» — и получается неплохое ругательство).

Я подошёл и плюхнулся рядом с ним. Очевидно, это немного разозлило Учителя, но мне было всё равно. Хотелось понять, что он там разглядывает, в этой стене. Как выяснилось, ничего. Ветки, грязь — всё как у всех. Чего тут особенного? Видать, Верховный Шаман может позволить себе некоторые... странности.

— А я так смогу? — Указал я большим пальцем за дверь, где, судя по завываниям ветра, очевидно, всё ещё гулял воздушный страж.

— Зависит от многого, — улыбнулся старик, и, видимо, приняв эту фразу за моё согласие, продолжил: — Тебе необходимо научиться управлять духами намного быстрее, чем остальным моим ученикам. Чтобы стать шаманом уровня «аль», нужно тренироваться в течение десяти лет, и это если у тебя есть особый дар. Твой срок мы сократим до одного года. С тобой будет проще, так как на тебе есть отпечаток Гул-аль-Дука, часть его сознания, образы и умения. В связи с этим обучение ты будешь проходить отдельно от моих учеников, по... специальной программе.

Кряхтя и опираясь о свой посох, Учитель поднялся и поплёлся через лаз в стене. Видимо, в другую часть дома — одну из тех пристроек, что я видел. Похоже, мне надо идти за ним — это было ясно без слов. Но вот же странный тип: то он в каждой бочке затычка, то от него слова лишнего не услышишь. Шаман, короче говоря. Высокая загадочная натура, блин!

Я потопал следом за Учителем в лаз, и оказался в небольшом, низком и узеньком коридорчике. Как только оказался в нём, стало как-то душно и угнетающе. Хотя старикан, похоже, чувствовал себя здесь просто отлично. М-да, привыкать и привыкать мне ещё ко всем этим магическим штучкам...

— Не отставай! — Буркнул на меня старик, и я заторопился.

Выйдя из коридора, мы оказались в помещении, своим интерьером почти точь-в-точь плагиатившее предыдущее. За несколькими исключениями: оно было немного поменьше, абсолютно пустынным, а на потолке зияла идеально круглая дыра, хотя никакой печки, камина, или просто костра, от которых шёл бы дым, видно не было.

Свет из дыры падал ярким цилиндром на пол. Я пробежал взглядом сверху-вниз, и увидел стоящую на полу клетку, своими размерами вряд ли достигающую мне даже до подбородка. В клетке ворочалось и рычало мерзкого вида существо. Оно напоминало помесь крокодила и пираньи: выпуклые глаза по бокам башки ёрзали взглядом по помещению, рот, словно постоянно улыбающийся, периодически раскрывался, показывая свои длинные острые клычки, пластинки, расположенные по всему телу, то поднимались, то опускались вновь, как будто существо, словно кот, «вздыбливало» «шерсть», а толстый короткий хвост нервно бил по земле. Монстр рычал, кидался на прутья клетки, просовывал свои короткие лапы между прутьями, но те, попадая под солнечные лучи, начинали дымиться, и тогда существо, визжа, пряталось под тенью клетки, но лишь для того, чтобы снова начать рычать

и пытаться выбраться.

Ого, уродец, да по тебе кунсткамера плачет.

Я повернулся к Учителю, стараясь всем своим видом показать, что не совсем догоняю, что тут происходит. Старикан улыбнулся и проковылял к тут же зашипевшему на него монстру.

— У нас если кто-нибудь хочет оскорбить уважаемого гоблина, — заговорил Учитель, обернувшись ко мне. — То называет его «рагхакк». Это существо перед тобой — именно этот самый рагхакк и есть. Его имя пошло от способа, который он использует при убийстве. Рагхакк — ночная тварь. Он находит жертву, пока та спит, и выплёвывает на него кислоту, что скапливается во рту за день. При этом раздаётся такой звук: «рагхакк». Смерть приходит в ужасных муках, в течение нескольких минут. И когда жертва умирает, эта тварь зовёт своих сородичей на пир. Они довольно трусливые и подлые, но, когда дело доходит до их жизней... они дерутся на смерть.

Он сунул руку под шкуры, что свисали на нём почти до пола, и вытащил короткий кривой кинжал. Перекинул его так, чтобы схватиться пальцами за плоскую часть лезвия, и бросил его мне. От неожиданности я чуть было не порезался об острую сталь, но изловчился, и поймал оружие за рукоять.

Старик указал длинным костлявым пальцем на клетку и коротко бросил:

— Убей его.

Я посмотрел сначала на оружие, а затем на клетку, на тварь, что выжидательно разглядывала меня, как будто думая про себя: убьёт-не убьёт? Мой сознание принадлежало мне лишь частично, другую же его часть занимало сознание гоблина, которое полностью притупляло неприязнь к убийству, что я ощущал в себе до этого. Я понимал, что могу легко перерезать рагхакку горло, при этом не чувствуя угрызений совести, но...

— Он мне ничего не сделал, — я воткнул нож в землю, уставившись на Учителя и совсем не скрывая на лице то, что обо всём этом думаю. Порой взгляд, или даже просто выражение лица может сказать больше, чем слова.

Старик глубоко вздохнул:

— Да, мне говорили, что ты не убийца.

— Это как посмотреть, — возразил я старику. — Все мы в большей или меньшей степени убийцы. Сколько раз я наступал на муравьёв во время прогулок, забирая их жизни, сколько убил надоедавших своим жужжанием мух... А скольких комаров я прихлопнул — и не сосчитать! Так что я — убийца, просто придаю этому слову другое значение, и смотрю на него под другим углом.

Учитель глядел на меня расширившимися глазами, которые, казалось, вот-вот норовили выпасть из орбит. Тишину в помещении нарушало лишь периодическое шипение заточённой твари. Но вот во взгляде старика заиграли странные огоньки, а на лицо напозла улыбка:

— Интересная теория! Надо будет обдумать её на досуге... — он хрипло засмеялся. — А вот Лар-ин-Лин с Кил-ин-Хаком не рассуждали, как ты. Лин предложил мне убить рагхакке сам, как только вошёл сюда, и без колебаний перерезал ему плотку. А Хак сделал то же сразу, как только я дал ему нож. Ты — первый мой ученик, что сомневается в моём приказе. — Улыбка сползла с его лица, а брови сошлись на переносице. — Я уважаю твоё решение, но с такими мыслями ты долго не проживёшь, и уж тем более не станешь настоящим шаманом. Даже наши знахарки, обращаясь к духам, режут скот, а порой даже приносят в жертву гоблинов из других кланов. И сейчас тот, кто хочет стать боевым

шаманом, причём высшего ранга, отказывается убить?! Я разочарован.

Гоблин посмотрел на клетку с задумчивым видом, а затем медленно отошёл от столба света, скрываясь в полумраке дома. Через несколько шагов его стало совсем не видно, и из мрака послышался его гогочущий голос:

— Говоришь, не можешь убить его, потому что он ничего тебе не сделал? Что ж, тогда вот тебе повод действовать...

Я ещё не успел понять к чему он клонит, а в ушах уже завыл ветер, и в следующую секунду сильнейшие потоки воздуха закружились вокруг клетки и, словно клинки, разрезали её прутья пополам. Клетка обвалилась, подняв клубы пыли, а ветруган успокоился, словно его и не было. А затем я услышал шипение...

Ну, дед, я тебе это ещё припомню!

Нож был схвачен как раз в тот момент, когда из клубов пыли выпрыгнул, шипя от попавшего на тело света, рагхакк. Опалённая и дымящаяся тварь, оказавшись за пределами своей солнечной ловушки, тут же сориентировалась, бросившись ко мне в длинном прыжке. Я махнул оружием наугад. Оно полоснуло воздух, и задела рагхакка по брюху — в том месте, где пластины располагались друг от друг немного в отдалении. Брызнула чёрная кровь, попавшая мне на лицо, заставив зажмуриться. Я отшатнулся, услышав, как монстр падает на пол, а затем ползёт ко мне: всё-таки в больших ушах есть свои плюсы — слышишь каждый шорох.

Пытаясь вытереть рукавом кровь с глаз, я одновременно ударил ножом сверху вниз, но на этот раз не попал — судя по звукам, тварь юркнула в сторону, угрожающе шипя, и, воспользовавшись ситуацией, снова совершила прыжок.

Кровь теперь не застилала обзор, но было поздно — ни уйти в сторону, ни защититься ножом. Так что я сделал первое, что пришло мне в голову: выставил перед собой согнутую в локте руку, а затем стиснул зубы от ударившей в голову боли. Чёртов рагхакк вогнал свои острые зубки прямо мне в руку! Как же больно, мать его так! Но сквозь затуманивший разум боль пробилась неопишуемая злоба: никто не смеет меня кусать! Никто не смеет делать мне больно!

Зажатый в правой руке кинжал вонзился в открытую рану на брюхе монстра, что так неразумно повис на мне, полностью открыв свои слабые места. Тупая тварь, пускай и быстрая... Рагхакк заёрзал, видимо, не понимая, что делать: его крохотный мозг не успевал переваривать информацию. А я успел вытащить и вонзить нож ещё несколько раз. Хватка монстра ослабла, и он, разжав челюсти, рухнул на спину с торчащей из живота рукоятью кинжала, дёргая своими лапками в бесполезных попытках подняться, словно перевёрнутый на спину жук. Его шипение стало постепенно затухать, пока не прекратилось вовсе, и в помещении воцарилась тишина. Убил. Убил, и ничего не чувствую... хотя, нет, чувствую, очень даже чувствую — рана на руке, словно огонь, обжигала, заставляя постоянно кривиться и сдерживать шипение, подобное тому, что издавал рагхакк. Хотя вообще ничего особенного: рана не глубокая, до свадьбы заживёт... ай, тугодум! Какой заживёт?! Ты куда мозги потерял?! А что насчёт той смертоносной слизи, о которой говорил старикан?!

В приступе паники начал разглядывать несколько круглых ранок у запястья, ожидая увидеть хоть какие-то намёки на яд, а также одновременно прислушиваясь к себе: вроде как никакой внутренней боли не ощущается, тело не сводит судорогой, не брыкаюсь тут с пеной изо рта...

— Не переживай, весь свой яд он уже использовал сегодня, — появился из темноты

Учитель. — Так что здесь можно обойтись обычным бытовым зельем. Раны заживут — не заметишь.

Стиснув зубы, но уже не от боли, а от закипающей внутри злобы, что в купе с адреналином от короткого боя переросла в ярость, я вытащил из бездыханного тела животного кинжал, и выставил перед собой, направив остриём в сторону Учителя:

— Зачем?! Хотите меня убить?! Сначала тот страж, теперь это! Тогда я первый лишу вас жизни! — И сам не ожидал от себя такой свирепости. Теперь, после первого своего убийства, я ощущаю, что смогу сделать это ещё. И не раз. И не только с рагхакком.

Старик вздохнул, скрестив руки на груди. Похоже, его вообще не волновало наличие у меня оружия.

— На то есть несколько причин, — сказав это, он махнул ладонью в сторону, словно отгонял надоедливую муху, и по руке больно ударило хлёткой воздушной волной, отчего я, ойкнув, выронил кинжал. Вот же шаман хитросделанный! — Ты должен был почувствовать вкус смерти. Без него ты не станешь воистину боевым шаманом. Лишь ощутив на руках кровь, ты сможешь взывать к могущественным сущностям, и они откликнутся. Духи требуют крови и силы, уважают кровь и силу, и так будет всегда. Но это не самое главное... — Учитель вновь сделал суровое лицо, и, казалось, даже тьма вокруг него в этот момент стала гуще. — Ты должен научиться дисциплине. Выполнять то, что я говорю, делать то, что я говорю. Почему нет шаманов-самоучек? Только Великие шаманы и их ученики? Потому что лишь опыт, переданный от старшего поколения к младшему перерастёт в великую силу. Только так можно стать шаманом.

Адреналин постепенно затухал, а вместе с ним возвращался и голос разума. Злости больше не было — лишь мысли. И правда — чего я злился? Хотел стать боевым шаманом? Хотел. Понимал, что придётся подстраиваться под местные нравы и обычаи? Понимал. Так чего теперь жалеть? Нужно убить — значит, убью, мне уже на опытном примере доказали, что для меня это не проблема. Мне показалось, или я даже испытал... удовлетворение от убийства? Наверное, то же чувство испытывает художник, закончивший картину и разглядывающий своё творение. Это что, отголоски Гул-аль-Дука, или моя, личностная сущность, которую я скрывал глубоко в себе? Вряд ли теперь удастся это узнать.

Поднявшись, я отряхнулся и, подняв с пола кинжал, протянул его старику. Тот удовлетворённо кивнул и, приняв его, вытер лезвие об одежду, водрузив в ножны на поясе:

— Ты поймёшь это. Со временем. Изучение духовных сущностей начнём завтра. А пока... — он покопался у себя под одеждой и достал небольшой свиток, обернутый грубой верёвкой. — Отнесёшь это кое-кому. Младший дух проводит тебя.

Взяв в руки свиток, я не скрывал своего удивления. Куда нести? Какой ещё младший дух? Что опять задумал этот гоблинюк?

Словно прочитав мои мысли, старый гоблин хлопнул в ладоши, и воздух передо мной начал как будто вибрировать. Я автоматически отшатнулся: теперь стал настороженней относиться ко всему, что творит шаман воздуха. Потому что пока это принесло мне только неожиданные и не самые приятные сюрпризы.

Через считанные секунды передо мной появилась мини-копия того стражника, что я встретил у дома. На вид малыш казался абсолютно безобидным, но, успев узнать любовь старикана ко всяким фокусам, думаю, он не так прост, как кажется, этот маленький комочек воздуха.

Учитель присел на колени, и что-то нашептал мини-стражу. Тот обернулся ко мне, и в

его сияющих тем же голубым огоньком, что и у старшего собрата, глазах, промелькнула... радость? Или нет... так смотрят обычно люди, собирающиеся устроить конкретную подляну. И что-то подсказывало мне, что я абсолютно прав.

Интуиция не подвела.

Мальш начал вращаться, увеличиваясь в размерах и теряясь в образующемся вокруг него вихре. Я не успел ничего понять, а вихрь уже подхватил меня, подняв над землёй, и, задержавшись на мгновение, как будто о чём-то задумавшись, рванул к дыре в потолке, завывая так громко, что даже заглушил мой вопль ужаса.

Но даже сквозь эту какофонию звуков я умудрился услышать довольный голос Учителя:
— Передавай привет Их-руг-Ахту!

ГЛАВА 3 Болота, или как приручить ящера для чайников

В голове мат перемешивался с проклятиями в сторону старого шамана. Вихрь поднял меня чуть ли не на высоту птичьего полёта, а ведь боязнь высоты у меня с детства! И зажмурить глаза не получается: только закрою их, как сразу высота в голове становится неопишуемой, и всё лишь усугубляется. Эх у них какие навигаторы стрёмные! А поначалу тот мини-вихрь казался таким милым и безобидным! Чтоб тебя... вас, то есть, Учитель! Чтоб вас! Стану шаманом — обязательно отвечу вам подставой за подставу! Кровную месть ещё никто не отменял!

Но вот, наконец, по ощущениям, я начал снижаться. Посмотрел вниз: земля стала приближаться, дома и гоблины увеличиваться в размерах. Голова закружилась. Ну не моё эти полёты, не стать мне шаманом воздуха — это точно!

Как только до земли оставались считанные сантиметры, вихрь вдруг неожиданно исчез, отправив меня в свободное падение. Прокатившись по земле несколько метров, кувыркнулся, и сел на пятую точку, стараясь прийти в себя и сфокусировать зрение. Тело после такого полёта будет ещё день болеть, как минимум.

Огляделся: и куда меня занесло? Кажется, в одно из смутно знакомых ответвлений от основной дороги. Что-то гоблинская память поднимала из недр своего хранилища: вон там, слева, немного покошенные сарайчики, справа от них — большая круглая площадка с воткнутыми на определённом расстоянии в землю кольями. Подальше от площадки — огороженная забором территория, из которой доносились странно-клокочущие звуки. Ага, вспомнил! Местная конюшня, или как-то так.

Через силу поднявшись — всё тело загудело — я с удивлением воззрился на правую руку, что мёртвой хваткой держала свиток. Смотри-ка — не выпустил, видимо, от страха. Пальцы не разжимались, и слушаться меня не хотели, так что пришлось их силой отлеплять от свитка, перехватывая его в левую руку. М-да, такими темпами из меня сделают какое-то заикающееся, вздрагивающее при каждом шорохе и не владеющее телом существо. Чёрт подери, пора бы перестать бояться и удивляться: просто надо быть готовым ко всему. Вон, гоблины, что сидели у сарая, даже не обратили внимание на моё экстравагантное приземление, да продолжили друг с другом разговаривать: похоже, для них такой способ доставки собратьев абсолютно обыден. Надо брать пример, а то, видишь ли, нового мира в целом не пугаюсь, а от отдельных его составляющих сразу в истерику? Всё, вдох-выдох, и вперёд. Что там говорил Учитель? Их-руг-Ахт? Боже, о чём думала мать этого гоблина, давая ему имя?

Протопав к двум о чём-то увлечённо разговаривающим зеленокожим, я поинтересовался где могу найти уважаемого Их-руг-Ахта, на что те хмыкнули, сказав, что найти-то я могу, вот только уважаемым его просьба не называть. Ого, что же это за гоблин такой, если его даже собратья не величают? Кого мне подсунул хитрый дед? И зачем? Всё больше и больше хотелось развернуть свиток и обличить Учителя в, чувствую, приближающихся проблемах для моей скромной персоны. Но он был запечатан, и что-то мне подсказывает, что, распечатай я его и отдай после Их-руг-Ахту в таком виде, то, каким бы неуважаемым он ни был, это звание точно повесится на меня, а терять авторитет в первые же дни — не комильфо. Так что я просто направился туда, куда указали мне гоблины.

Круглая площадка, окружённая сараями, представляла из себя мешанину из грязи и... грязи, ни на какой настил, и уж тем более асфальта-заменитель не было даже намёка, и потому до указанного места я добрался с замызганными штанами и настолько испачканными ногами, что казалось, будто это такая местная обувь, а не толстый слой грязи. И почему в шаманском гардеробе не предусмотрено хотя бы тапочек? Ох, и дня не провёл в новой для меня жизни, а уже скучаю по кроссовкам...

Из постройки, в которой предположительно и находился искомый мною гоблин, доносились какие-то шипяще-рычащие звуки. Местные коняхи? Ну-ка, ну-ка...

Зайдя внутрь, я первым делом зажмурился от ударившего в нос запаха. Либо это место было отхожим местом, либо гоблины вообще не следят за чистотой. Хотя, судя по тому, что я успел выяснить об этом народе, скорее, и то и другое. Поэтому продолжил я движение с зажатым носом и дыша только через рот. Но обо всех запахах я забыл сразу, как только юркнул из прихожей в дыру в стене, что, по сути, заменяла дверь, и оказался в главном помещении «конюшни».

На меня тут же уставилась прорва светящихся в полутьме глаз. Не гоблинских, и даже не конных. Эти существа являли собой нечто вроде больших, я бы даже сказал, гигантских ящериц, что возлежали на соломе и вяло, с каким-то безразличием, жевали. Надеюсь, что не конюха. Или как называть того, кто за ними ухаживает? Ящеронюх? М-да, звучит, будто он — любитель понюхать ящериц...

Этих ящериц здесь было не меньше десятка. Они были отделены друг от друга высокими деревянными стенками, но ничего по типу загона я и не заметил: ничто не мешало рептилиям просто выйти из своих «убежищ», да сожрать нерадивого гоблина, который забрёл сюда, даже не выяснив, на что может наткнуться. Но пока все они, как один, лежали, не шевелясь: лишь их челюсти усердно работали над пищей. Несмотря на это я даже сдвинуться с места не мог: ноги не слушались, страх, что они ринутся на меня, как только я двинусь, поёдал изнутри. И где же ходить этот, чтоб его, ящеронюх, когда он так нужен?!

Не успел я подумать об этом, как из-за одной из стен вышел гоблин. С первого беглого взгляда, даже не пользуясь памятью Гул-аль-Дука, я понял: он — тот, кто мне нужен.

Одет зеленокожий был в кожаную жилетку, оголявшую живот и грудь, широкий пояс держал свободные штаны, больше напоминавшие бриджи, на самом поясе висел какой-то увесистый мешок, большой охотничий нож и палка, довольно аккуратно выструганная, обёрнутая какими-то тряпками и явно предназначавшаяся для дел, ведомых только самому её обладателю. Как и у меня, его стопы не были обременены обувью, но держал он их явно в чистоте: даже края штанов запачканы не были, что говорило либо о его возможностях порхать над землёй, либо о том, что он тут чуть ли не живёт, никуда не выходя. Волосы же на голове, что были чёрные, как смоль, наоборот, грязные, свисающие до плеч. Уши почему-то ободраны по краям, да и вообще в целом похожи на тряпки, измусоленные очень злой собакой. Но лицо — спокойное и даже приветливое, как у матери после работы: вроде как устала, хочет спать, но всё равно улыбнётся.

Увидав меня, Их-руг-Ахт — а это, без сомнений, был именно он — изумлённо вздёрнул брови, разведя руки в стороны, словно намеревался обнять на расстоянии:

— Ба! Гул-аль-Дук! Давненько ты не заглядывал...

Гул-аль-Дук? Ну да, ну да, надо бы уже привыкнуть.

Заметив моё замешательство, гоблин усмехнулся и сам пошёл в мою сторону, по пути абсолютно бесстрашно отвесив шлепки по носам разинувшим рты и явно просящим добавки

ящерицам. Это зрелище вернуло мне контроль над телом и головой, и как только Их-руг-Ахт, улыбаясь во все хрен знает сколько зубов, оказался рядом, молча протянул ему свиток. Тот также без разговоров принял его и, на секунду застыв на рассматривании печати и кивнув каким-то своим мыслям, развернул его, начав бежать глазами по строчкам.

И чем ниже он опускался взглядом, тем угрюмее и сосредоточеннее он остановился, пока наконец улыбка совсем не исчезла с его лица. Затем он бросил на меня мимолётный изучающий взгляд, снова посмотрел на пергамент, нахмурился, затем свернул его и протянул ближайшей ящерице. Та с удовольствием сожрала угощение.

— Пойдём, — коротко бросил он мне, резко развернувшись и пошагав в другую часть здания.

И что было в том письме?

Мне оставалось лишь пожать плечами и, косясь на явно всеядных монстров, во взгляде которых читалось желание попробовать экзотическое блюдо ля-гоблин, последовать за Их-руг-Ахтом.

Зеленокожий остановился у дальней стенки, рядом с которой лежала, положив башку на толстые лапищи и двигая челюстями, пожирая собственную кровать-солому, большая даже по отношению к собственным собратьям, серая ящерица. Гоблин похлопал её по лбу, и та медленно, нехотя перевела на него взгляд.

— Давай, Лежебока, хватит жрать. Сегодня пойдём гулять! — Говоря это, Их-руг-Ахт подошёл к стенке, на которой висело на прибитом гвозде седло со множеством кожаных жгутов и перевязей.

Лежебока — чёрт, в самую точку кличка! — зевнул, всем своим видом показывая, что чхать он хотел на прогулку и вообще всякие супостаты обедать мешают, но всё-таки поднялся, отчего, как мне показалось, даже завибрировал пол. Взвалив тяжёлую ношу на спину пофигистичного животного, Их-руг-Ахт закрепил на нём ремни, прочно зафиксировав седло и, ухватив уздцы, подошёл к морде Лежебоки, показательно вздёрнув бровь. Мне показалось, или ящерица поджала губы? Зеленокожий ухватил её за загривок и, повертев перед носом уздцами, нахмурился, посмотрев прямо в глаза. Этот немой диалог закончился полной победой гоблина: животное всё-таки раскрыло пасть, и Их-руг-Ахт сунул ей в рот железные набалдашники на конце ремешка, перекинув уздцы ящерице через голову, так что те шлёпнулись прямо на седле.

— Больно уж своевольный, — прокомментировал зеленокожий. — Но сильный и выносливый.

Похлопав ящерку по твёрдому, как гранит, боку, гоблин внешне легко, ухватившись за выступ в седле, запрыгнул на неё, и протянул мне руку. Колебался я не долго. Всё-таки интерес посидеть на такой исполинской рептилии перевесил страх перед ней, и, схватившись за крепкую руку гоблина и отбившись ногами от бока монстра, я оказался в седле, за спиной Их-руг-Ахта. Чуть перегнувшись через его край, посмотрел на землю, а точнее, на расстояние от оной до меня. И постарался выключить вновь заработавший страх высоты. Лежебока действительно был большой...

* * *

Я молча смотрел на медленно ползущие вверх ворота и невольно задавался вопросом: а

что, собственно, вообще происходит?

Видимо, в письме Учителя помимо прогулки на ящерке для частичного ознакомления было также учтён и выход за частокол, в открытое болото. Мысли, принадлежавшие Гул-аль-Дуку, вопили: за стеной — зло! за стеной — фу! за стену — ни ногой!

Но вот, на моих глазах седой гоблин, кряхтя и проклиная всё на свете, перекинув через плечо канат, что крепился к воротам, вспарывая ногами землю, целенаправленно шёл к вбитой в землю балке, оттягивая ворота вверх и открывая нам вид на безмолвную и устрашающую даже при дневном свете болотную рощу. Вспомнив подставу от Учителя в виде воздушного стража и рагхакка, я решил, что не при каких условиях никуда не полезу, пока не выясню, в чём подвох. А подвох есть — без него у старого шамана, похоже, не бывает.

Наплевав на страх перед высотой, я спрыгнул на землю и, отряхнувшись, обернулся к удивлённому моим поведением Их-руг-Ахту и скрестил руки на груди.

— В чём дело? — Решил первым нарушить молчание гоблин.

— Говори, что было в письме. — Коротко бросил я.

Зеленокожий скривился. Его гримаса явно выражала его мысли: «Ну вот за что мне всё это?! Почему он просто не мог молча делать что ему говорят?!». Ага, ха-ха три раза. Я не собака Павлова, чтобы вы могли безнаказанно надо мной эксперименты свои ставить, гоблинюки чёртовы!

После недолгих размышлений Их-руг-Ахт выдавил:

— Это тебя не касается.

— Ещё как касается! — Возразил я. — Письмо от моего учителя. Про меня. Чуешь, чем пахнет?

Гоблин сосредоточенно втянул носом воздух и пожал плечами:

— Не чувствую.

— Неприятностями! — Взорвался я на крик. — И причём для моей скромной персоны! Поэтому вся эта ситуация АХРЕНЕТЬ как меня касается!

— Но мне не велено... — попытался продолжить спорить зелёный гад.

— Ладно, — прикрыв глаза и вздохнув поглубже, чтобы успокоиться, выставил перед собой с раскрытой ладонью руку, намекая на то, чтобы гоблин заткнулся. — Тогда можешь ехать на своём громиле к Учителю (Чтоб его болотные комары высушили досуха), и сказать, что поручение — а отвезти меня за пределы поселения, похоже, твоё поручение — провалено, надеж ты не оправдал, кредит доверия...

— Хорошо-хорошо! — Их-руг-Ахт покосился на выжидающе смотрящего на нас привратника, и сказал несколько тише: — Может быть, не здесь?

— Пофиг, — честно признался я.

Вряд ли гоблин понял смысл этого слова, но, видимо, по тону понял, что говорить будем здесь и сейчас, и потому, обречённо вздохнув, заговорил:

— В письме твой учитель рассказал о том, что произошло с Гул-аль-Дуком, о том, кто ты и что делаешь в его теле. А потом сказал, что руки твои познали кровь, и потому тебе нужно обжиться Улом.

— Кем-кем? — Недопонял я.

Их-руг-Ахт молча кивнул на устало смотрящего на ворота Лежебоку.

— Но разве у Гул-аль-Дука не было своего Ула? — Продолжал я тупить.

— Был, — согласно кивнул гоблин. — Но они прекрасно чувствуют гоблинскую ауру:

он поймёт, что ты — не его хозяин, и не подпустит тебя к себе — в лучшем случае. В худшем...

— Понятно, — перебил я его, крепко задумавшись.

То, что здесь планка института личных вещей задрана выше крыши было ясным, как день, почти сразу, как я более-менее разобрался со своими мыслями. Но то, что всё это происходит в тихую у меня за спиной — не комильфо. Хотя всю эту затею Учителя понять можно: Гул-аль-Дук должен оставаться Гул-аль-Дуком, а если он будет расхаживать пешочком, в то время как раньше разъезжал на собственном Уле, так как мог себе это позволить, начнут закрадываться в головы местных подозрения, и вскоре даже самый последний тупийца поймёт, что что-то тут, чёрт подери, не так... Да и вообще, иметь собственную ящерицу, по типу Лежебоки, будет очень даже удобно: корми чем хочешь — сожрёт хоть угли от костра — а пользы куча: и поклажу понесёт, и домчит куда надо, так что...

— Мне ворота закрывать, или как?! — Перебил мои мысли нервно топчущий ногой у столба, вокруг которого уже был затянут канат, недовольный привратник. — Вы там долго шушукаться собрались?!

Что ж — я ещё раз посмотрел на вновь протянувшего мне руку Их-руг-Ахта, и подумал, что где наша не пропадала. В конце концов, не сидеть же мне тут до скончания веков! Потому всё же не без помощи гоблина я вскочил обратно в седло, на всякий случай скосив взгляд на висевший на поясе зеленокожего охотничий нож. Если что, успею выхватить. Конечно, это уже похоже на паранойю, но... как говорится, бережёного бог бережёт.

Пока Лежебока громко хлюпал по трясине, периодически косясь на вкусные травы, одёргиваемый от возможных угощений наездником, я разглядывал округу. Ну что сказать: это место никак не назовёшь ни весёлым, ни красивым. Хотя, конечно, была в нём какая-то призрачная, неясная пока мне, но понятная Гул-аль-Дуку красота. Деревья, что росли тут крайне редко, напоминали тонкие сосенки, но кверху разрастались множеством раскидистых ветвей, обильно покрытых пожелтевшими и почерневшими листьями. Казалось, что такие тонкие стволы должны были рухнуть от мнимой тяжести, которая накопилась наверху, но, похоже, природа позаботилась об этом: их верхушки тянулись друг к другу своими ветвями, словно давно не видевшиеся друзья, и переплетались вместе в жутковатую паутину, которая скрепляла их вместе, образуя над всем болотом гигантский навес из ветвей и листьев, который редко-редко пропускал какой-либо свет, отчего даже сейчас, в разгар дня, вокруг царил полумрак, словно наступил вечер.

И несмотря на уверения Их-руг-Ахта о том, что в это время суток нам мало что угрожает, при этом он уточнил, что лучше до заката, а ещё лучше вечера нам оказаться под укрытием частогокола, так что я всё равно всматривался в темноту между деревьями, стараясь различить там силуэты каких-либо тварей. Не люблю я темноту, ох, не люблю...

В конце концов, мне это надоело, так что я решил скоротать время разговором. А то тишина, нарушаемая только хлюпаньем тяжёлых лап Лежебоки начинала порядком злить.

— Ты ведь давно знаком с Учителем? — Спросил я первое, что пришло в голову.

— Да, — коротко бросил через плечо гоблин, видимо, не настроенный на разговор.

Но я был неумолим. Мне хотелось выпутать хоть какую-то информацию и, пока я не в деревне и надо мной не маячит старик-шаман вместе с вождём и той странной старухой... короче, лучшего момента не найти.

— Я тут покопался в «своей» памяти... — решил я называть вещи своими именами.

Всё-таки теперь Гул-аль-Дук — это я и есть, а я — это Гул-аль-Дук, так что будет верным не разделять наши мысли и воспоминания, а принять их всецело за свои. — И что-то не припоминаю его имени. Учитель, и Учитель, только это слово и есть. Может, просветишь на этот счёт?

Их-руг-Ахт чуть натянул поводья на себя, отчего ящерка перешла с бега на лёгкую трусцу, и обернулся ко мне:

— Тебе нужно ещё многое усвоить. — Наставительно начал он. — И первое, самое главное: имя — невероятно важно. Зная имя, можно сделать гоблина очень многое. Как хорошее, так и плохое, причём плохого в целом несоизмеримо больше.

— Например?

— Например... — повторил зеленокожий, и задумался. — Проклясть. Забрать его имя. Дать ему имя «Нон», что означает «несуществующий», за предательство, или какое-либо злодеяние. При этом приходят Великие Духи, чтобы убедиться, что проклинаемый действительно совершил нечто, что влечёт за собой подобное наказание. Такому гоблину не предложат ночлег, не дадут работы, у него не будет друзей, и даже врагов: его будут обходить стороной и остерегаться, ибо это — Нон.

Я нахмурился, осмысливая сказанное Их-руг-Ахтом. Как много всего того, что казалось мне когда-то незначительным, обретает здесь великий смысл. Одно имя может сказать и сотворить с гоблином столько, что становится понятным осторожность Учителя и нежелание раскрывать мне своё имя. Но не означает ли это, что он боится моего Проклятия? Ведь, опасаясь этого, он одновременно признаёт, что собирается сделать мне нечто, за что я имею на подобное право. Или я что-то путаю?

Но делиться своими мыслями на этот счёт с Их-руг-Ахтом не стал. Вместо этого решил перевести разговор в другое русло:

— Послушай, когда я искал тебя, то повстречал парочку гоблинов...

— Уборщики говна, — усмехнулся зеленокожий. — Славные ребята.

— Они сказали, что ты — неуважаемый гоблин. — Закончил я, и ухмылка исчезла с лица Их-руг-Ахта, сменившись жёсткостью. — Почему к тебе такое отношение? И что значит твоя приставка?

— Остановимся здесь. — Проигнорировал мои слова гоблин, и резко потянул поводья на себя, отчего Лежебока слабо взвыл и застыл на месте, подняв тучу брызг. Их-руг-Ахт проворно спрыгнул с ящерицы, утонув в болотной воде по колена, и взобрался на ближайший «островок». — Соберём хворост и разведём костёр.

Я лишь молча кивнул. Что ж, не хочет говорить — заставлять не буду. В конце концов, какое моё собачье дело...

Использовать ветви деревьев для костра мы не могли: слишком уж они высоко, а сами деревья почти идеально ровные, и если в прошлой жизни карабкаться по деревьям я умел, то с таким тельцем попытка закончиться только переломами меня-любимого, или ещё что похуже. Так что на «дрова» пошли ветки кустов, что росли повсюду, а также частично разбросанные всюду коряги. Далеко от выбранного гоблином островка я старался не отходить: несмотря на его заверения о нашей сравнительной безопасности, я всё-таки выделял именно слово «сравнительная».

Когда ветки для костра были сложены в кучу, Их-руг-Ахт достал из-за пояса какую-то прямоугольную деревяшку с вырезанной на ней отдающей слабым красноватым светом руной. Затем поднёс её ко рту и, что-то пробормотав, выставил перед собой в сторону веток.

В то же мгновение руну загорелась яркой вспышкой, и из неё, вихляя и потрескивая, словно выполз, явно довольный своей свободой, сгусток огня, плюхнувшийся в импровизированные дрова и, почувствовав раздолье, разошёлся довольно нехилым по размерам костром.

На мой недоумённый взгляд гоблин улыбнулся, постучав когтем по деревяшке:

— Это — амулет. В него затачиваются души определённых духов, чтобы в последствии шаманы могли использовать их без различных ритуалов, — терпеливо стал объяснять он. — Есть одноразовые, мощные амулеты, в которых заточены духи высоких рангов. После их высвобождения амулет утрачивает свою силу, и руна на нём затухает навсегда. А подобный этому, — тут он снова повертел своей деревяшкой. — Можно эксплуатировать почти постоянно, ибо дух, что заточен в нём, самого низшего ранга, можно сказать, бытовой: фактически для разжигания костра и нужен.

— Так ты — шаман? — Удивился я. — Вроде как не похож.

— Не похож, — кивнул он. — Потому что я и не шаман. Точнее... почти нет.

— Почти? — Начинаю чувствовать себя идиотом, только и делающим, что переспрашивающим, да ничего не понимающим.

Их-руг-Ахт хмыкнул, а затем расхохотался. Наверное, приятно ему вот так играть со мной в «умный гоблин — тупой гоблин». Зеленокожий протянул руки к костру, и в полумраке леса блики, падающие на них от огня, создали впечатление, словно те светятся, готовясь произнести какое-то заклинание, или управляют языками пламени, уводя их то влево, то вправо, а то и вообще завивая в причудливые зигзаги. На самом же деле он просто грелся: на болотах и впрямь было зябко.

— «Руг» означает «Друид», — после продолжительного молчания наконец произнёс гоблин, заставив меня вздрогнуть. — И не любят нас по многим причинам. — Тут он вновь замолк, не уводя взгляда от огня, а затем снова заговорил: — Во-первых, из-за безысходности.

— Безысходности? — Ну наконец-то получилось хоть что-то выудить из этого скрытника. — Чьей?

— Клана, конечно! — Немного рассердился Их-руг-Ахт, но затем, видимо, вспомнил, с кем разговаривает, и быстро остыл, продолжив: — Нас мало. Очень мало. На десять шаманов родится только один друид. Потому мы невероятно ценимся любым кланом, и нас с распростёртыми объятиями примут где угодно. Представь себе, если я, например, возьму, да захочу просто уйти куда-нибудь, где мне будут рады? Раскрою чужому клану их секреты, потайные места, через которые можно на них напасть? И, разумеется, клан делает всё, чтобы я не ушёл: но не в клетке же меня запирают. Так что им приходится давать мне лучшую еду, лучших женщин... Да неважно. В общем, какого вождя устроит, что у него под носом находится, как он думает, «везунчик по рождению», которому дают всё лишь только за то, что он есть друид? Ну и, разумеется, остальные, чтобы не злить вождя, злятся вместе с ним на меня, но продолжая удовлетворять моё «хочу», — при последних словах он как-то грустно улыбнулся, продолжая гипнотизировать взглядом костёр. Или это костёр гипнотизировал его?

— И за что тебя так ценят? — Решил я всё-таки продолжить выуживать из него инфу.

Тот в небольшом замешательстве оторвался от разглядывания огня, глядя на меня так, как будто в первый раз видит, а затем встряхнул головой, отчего его уши смешно заболтались, и ухмыльнулся:

— Бьёшь без промаха... кхем... Гул-Дук. Верный вопрос, ибо в нём и заключается

причина номер два. — Их-руг-Ахт подбросил веток в костёр, и тот, получив новую порцию «еды», радостно взлетел выше, отчего я чуть отшатнулся, решив отсесть немного подальше. — Мы, так же, как и шаманы, можем общаться с духами, но немного по-другому. Мы управляем душами животных, подчиняем их своей воле. Без нас Улы не стали бы такими одомашненными и прирученными.

Тогда всё становится понятным. Вот почему Учитель послал меня именно к нему, вот почему он абсолютно не опасается ящеров, и отчего так сильно ценится кланами. Да уж, лишись хоть одна деревня такого сокровища — это будет действительно серьёзное бедствие. Постепенно Улы, лишившись контроля, скатятся в своё дикое состояние, начнут нападать на своих же хозяев. Да и если даже не думать об этом, то кто будет приручать ящериц? Или отваживать решивших испробовать свою силу и замахнуться на деревню монстров? Только вот один вопрос всё никак не давал мне покоя:

— Но как?

— Что «как»? — Пришло время удивляться Их-руг-Ахту.

— Как ты их... подчиняешь? — Пояснил я.

Гоблин некоторое время тупо моргал, глядя на меня через огонь, а затем громко и разливисто засмеялся, отчего Лежебока, что дремал рядом с ним, недовольно повернул к нему свою морду и фыркнул, мол, чего спать мешаешь, псих?

Закончив смеяться, чему я был откровенно рад, ибо такой смех в подобном месте вызывает дрожь в коленках, холодный пот и желание смыться куда подальше, Их-руг-Ахт разве что не хлопал в ладоши:

— Ты проницателен, очень проницателен! Редкое свойство для шамана: далеко пойдёшь! Причина номер три заключается именно в этом. — Он чуть подался вперёд, из-за чего свет от костра выловил его лицо, и тыкнул своим толстым пальцем в висок: — Друиды — прирождённые телепаты.

Я невольно заёрзал на месте: блин, как так?! Телепаты?! И что делать?! Читает ли он сейчас мои мысли?! А если читает, то что думает?! Так, успокоиться! Ни о чём не думать! Да как?! Я ж, ё-моё, постоянно тараторю у себя в голове!

Глядя на мои внутренние терзания, Их-руг-Ахт окончательно слетел с катушек, рассмеявшись так пронзительно, что его смех, казалось, раздавался отовсюду:

— Да не нервничай ты так! — Махнул он рукой. — Ты чем слушал? Моя телепатия распространяется лишь на животных.

Пока я обмозговывал эту информацию с безумной задержкой, гоблин успел уже несколько раз хорошенько отсмеяться. Но, наконец, я всё же выдавил из себя, успокоившись:

— И почему тебя тогда за это недолюбливают?

— Потому, почему ты сейчас начал так нервничать. — Пожал плечами зеленокожий. — Когда слышишь слово «телепатия», то тут же начинаешь пытаться не думать. Зачем? Чтобы не залезли в твои сокровенные мысли, разумеется. И даже когда объясняешь им, что друиды подобным образом могут общаться лишь с животным миром, они разве что перестают напрягать мозги, но продолжают относиться к тебе настороженно: мало ли что.

Я согласно кивнул. Да уж, моё мимолётное напряжение доказывает эту гипотезу лучше всяких слов. И пускай я понимал, что гоблины — народ не то чтобы честный и доблестный, а, скорее, даже наоборот, всё-таки я чувствовал, что он не врёт мне. Это что, отзвуки шаманизма, или просто моё личное чутьё?

— А с чего вдруг ты так разоткровенничался со мной? — Заволновал меня вопрос. —

Или ты так с каждым встречным: сели у костерка, да поговорили по душам...

Гоблин хмыкнул. Но не так, как хмыкнул бы, например, какой-нибудь пузатый злодей из классического фильма про бандитов, сидящий в дорожном кресле и глядящий на съёжившегося у его ног неудачника, с двумя верзилами за спиной. Нет. Это была задумчиво-понимающая ухмылка, словно он говорил мне: «Эх, не веришь ты мне, а стоило бы...».

Их-руг-Ахт собрался было открыть рот, чтобы ответить на вопрос, но его перебило тихое шипение Лежебоки. Гоблин непонимающе уставился на вдруг резко вскочившего и топчущегося на месте, вглядываясь куда-то вдаль, ящера, и успокаивающе погладил его по раздувающемуся от тяжёлых вздохов боку. Но это не помогло. Лежебока лишь громче зашипел, зрачки его сузились: он явно что-то рассмотрел, там, во тьме болот. И, судя по всему, ему это «что-то» не показалось.

Ибо в следующее мгновение оттуда, куда был направлен его взгляд, раздалось пронзительное рычание, заставившее и меня, и друида, вскочить, напряжённо стиснув кулаки. Если уж Их-руг-Ахту стало немного не по себе, то что уж говорить обо мне. Мурашки танцевали на спине брейк-данс, носились как угорелые, наслаждаясь моим страхом, что леденил жилы.

— Что там? — Всё-таки выдавил я из себя, продолжая вглядываться в темноту.

Ответ последовал не сразу:

— Убежище Улов. Там мы и приручаем их. И именно туда я тебя и вёл.

— Что-то изменилось?

— Многое, — голос друида натянулся от напряжения, а шипение Лежебоки переросло в нечто вроде гудения. — Это рычание было похоже на призыв о помощи... нет, это он и был. Но никто из болотных тварей не осмелится напасть на пристанище Улов. Даже один из них опасен для любой здешней особи, а уж целая стая... Это может значить одно: внутренние разборки, и это не хорошо.

Рядом со мной раздалось тяжёлое шлёпанье. Я обернулся: это Их-руг-Ахт подъехал ко мне на нервничающем Лежебоке, протягивая руку. Не знаю, как выглядело в данный момент моё лицо, но, наверное, довольно комично, ибо моему недопониманию и удивлению не было предела:

— Что, мы... идём туда?!

— А как же ещё, — спокойно проговорил друид, словно ответ на этот вопрос был очевиден. — Надо выяснить, что там происходит, и, если есть вероятность потери многолетней точки по разведению Улов, то стоит этому помешать. Давай живее! — Нетерпеливо рявкнул зеленокожий, и я и сам не заметил, как оказался в седле, нервно обхватив гоблина сзади.

* * *

— Ну, в целом это было ожидаемо. — Кивнул своим мыслям Их-руг-Ахт, вглядываясь в разыгрывающуюся у нас на глазах сцену.

Мы залегли в густых зарослях каких-то кустов и камышей, или нечто на них похожего, стараясь не показываться, что было довольно сложно, ибо габариты нашего Ула не давали ему спрятаться даже за самым широким деревом, так что наше укрытие со стороны было, наверное, похоже на этакий большой серый камень в виде спины Лежебоки с поросшей

вокруг него травой. Слабенькое, конечно, утешение, но другого у меня не было. К тому же, кажется, у Улов, коих здесь было с десятков, а то и больше, было дело поважнее, чем неожиданно появившийся непонятный камень.

Их обиталище представляло собой некий кратер, или просто круглое углубление обильных размеров: не со стадион, конечно, но всё же... Природные стены вокруг «кратера» были довольно крутыми, чуть ли не перпендикулярными земле, с кучей высывающихся из них кривых коряг и камней. Создавалось впечатление, словно когда-то какой-нибудь великан гигантским ножом сделал глубокий порез в земле в виде круга, и получившийся земляной блин просто-напросто вынул, оставив довольно ровное углубление. Если же сие сотворила природа, то ей мои глубокие респект и уважение.

Всюду, куда не брось взгляд, различные пещеры, вырытые грубо, неровно, но в многочисленных количествах. И, судя по тому, что ящерок видно не так уж и много, в отличие от пещер, коих не счесть, то либо здесь не все особи, и остальные спят, или на охоте, либо эта кучка Улов — всё, что осталось от местной стаи, и остальных или убили, или забрали в качестве домашних любимцев. Хотелось бы верить во второй вариант, ох, как хотелось бы.

По стенам в углубление стекала грязная болотная муть, так что даже другой уровень земли не спасал Улов то грязи и сырости вкупе с водой, коей здесь также было в достатке. Многочисленные каменистые выступы заменяли им дорожки, да и глубина воды для них была не такая уж и глубокая, чтобы привередничать и не шлёпать по ней. А вот для гоблина она по макушку...

В данный момент вся немногочисленная стая собралась в плотную кучку, прижав к высунувшемуся из воды наподобие наконечника стрелы камню небольшую на вид ящерку со светло-голубыми чешуйками, которые невольно вздымались, словно у кошки шерсть, каждый раз, когда один из окруживших беднягу монстров делал уверенный шаг в её сторону. Судя по всему, рептилии явно собирались расправиться с беззащитным Улом-недоростком.

Я вопросительно уставился на Их-руг-Ахта. Тот понял мой вопрос без слов:

— Видишь ли, Улы ценят сильных и призирают слабых. А эта голубо-чешуйчатая явно была недоношенной, родилась раньше срока. Сам видишь: в отличие от остальных она довольно... мелкая.

— Почему тогда её не убили раньше? — Вновь посмотрел я на шипящего и огрызающегося Ула. — Зачем ждали, пока подрастёт?

— Стоит полагать, — задумчиво протянул друид. — Её оберегали родители. Улы ценят своих детей и готовы отдать за них жизнь. — Он указал куда-то пальцем, и я, проследовав взглядом за указанным им направлением, наткнулся на лежащих недалеко от толпы два бездыханных тела. — Вот, отдали.

— И что будем делать?

— Ничего, — пожал плечами гоблин, удостоившись от меня самого что ни на есть презренного взгляда. — А чего ты так смотришь? Это их дело, вмешиваться не надо. Нам тяжело понять животные повадки и законы, даже таким как я, друидам. Так что просто дождёмся её смерти, а затем, когда всё успокоится, подберём тебе достойного Ула.

Я вновь посмотрел на разыгрывающуюся сцену и стиснул кулаки, со злости врезав по ближайшему камню и даже не почувствовав боли. Непонятно, откуда взялась эта злость. Я просто знал: неправильно это, свои же на своих, лишь за то, что другой слабее... Эта рептилия, шикающая на всё сужающийся полукруг, раскрывающая пасть в бесплодных

попытках хоть что-то сделать, даже переставшая звать на помощь, ибо уже не ждёт её... как же она похожа на меня тогдашнего, Андрея...

К чёрту!

Выхватив из-за пояса друида деревянный амулет, я оттолкнулся от земли и ухнул вниз, спиной почувствовав, как Их-руг-Ахт пытается схватить меня за одежду. Его рука рассекла воздух в считанных миллиметрах от меня, а затем я услышал его грязную ругань и приземлился на каменистую почву воронки. Хотя, как приземлился... скорее рухнул, свалился, упал — а падать я никогда нормально не умел, так что челюсти сами собой стиснулись от резанувшей тело боли, и всё же я умудрился перекатиться и вскочить, помчавшись вперёд, перепрыгивая с камня на камень.

Прыгнув на островок, на котором столпилась уже собравшаяся совершить свой кровавый пир толпа Улов, я, не останавливаясь, выставил перед собой с зажатым в ладони амулетом руку. Я вырубил мозг, точнее, свой мозг, и полностью предоставил голову мыслям Гул-аль-Дука. Я не знаю слова заклинания, он — знает. У меня получится, я сделаю это: я — шаман, чёрт подери! Слова сами собой слетали с губ, а руна на деревяшке засветилась ярче. Стоявшие позади остальных ящерицы обернулись на топот ног, и тут же прыгнули в разные стороны, спасаясь от несущегося в их сторону клубка огня.

Я не рассчитывал причинить им вред бытовым духом, но любой дикий зверь боится огня, и оставалась надежда на то, что Улы не были исключением.

Ящерики оправдали её.

Толпа прыснула в стороны, как только огонь врезался в землю, разлетевшись яркими искрами, и предоставила мне широкую свободную дорожку, по которой я — не ожидал такого от коротеньких гоблинских ножек — в считанные секунды взметнулся к самому камню-стреле. Голубо-чешуйчатая ящерица не нападала: она только изумлённо попятилась, уткнувшись в меня взглядом. И я почему-то знал: не нападёт, почувствовала, что помочь хочу. Вот и правильно, сиди, не рыпайся. Ибо я ещё сам слабо представлял, что собираюсь делать. И, видать, Улы это просекли, ибо медленно, но уверенно вновь начали сходить в тесный полукруг, двигаясь прямо на меня. Ну, конечно, зелёный коротышка вряд ли кого напугает: их вообще, скорее всего, только странный талисман, плюющийся огнём, и сдерживает.

Я вновь выставил перед собой уже трясущуюся руку с зажатым в ней талисманом. Вся уверенность и героизм испарились в единое мгновение: адреналин куда-то улетучился, мысли прояснились. И до меня дошло: твою мать, что я наделал?! Как выбираться?! На кой мне вообще всё это случилось?!

Но деваться уже было некуда, и губы сами собой, сбивчиво, торопливо зашептали заклинание. Выпущенный на волю дух попал прямо в лоб одной из тварей, но, не причинив ей никакого вреда, ухнул наземь, испарившись с полным сочувствия о моей предстоящей кончине вздохом. Ящерицы, как один, взглянули на разозлившегося Ула, на лбу которого теперь зияла чёрная копоть, и, уверившись, что с ним, по сути, ничего и не произошло, вновь зыркнули на меня, и направились медленными, но более уверенными шажками в мою сторону. Ясно. Умные, уроды...

В бесполезных попытках хоть как-то продлить своё существование, я выпустил ещё несколько клубков огня, но — тщетно. Это было похоже на попытку расшатать здание, или выпить океан. Сколько ни старайся, сколько ни трудись — здание останется стоять, как стояло, а океан так и останется океаном. Хищные, ослабившиеся морды рептилий, уже

были в считанных метрах от меня, и потому, безвольно опустив руку с амулетом, я просто прикрыл глаза, надеясь лишь на одно: только бы было не больно.

Секунды следовали за секундами. Мне показалось, что прошла вечность. Или мгновение? Ха, как интересно: ожидание смерти было так похоже на момент моего перерождения. Время также причудливо изменилось, растянулось на невообразимо дальнее расстояние, и теперь момент моей кончины неопределённо отделился. Я не знал, когда меня начнут разрывать на части плотоядные ящерицы. Лишь знал, что это случится. И от этого становилось невообразимо тяжело. Ну что за несправедливость?! Я только начал привыкать к новой жизни, новому телу, порядкам, окружению. Все эти духовные сущности так пленили меня, я уже начал ощущать себя шаманом... И кто-то на небесах словно посмеялся надо мной, решив забрать жизнь, вкус которой я не успел даже распробовать. Боги, мать вашу, я негодную!

Но время всё шло и шло, а я так и не чувствовал себя мёртвым. А как вообще чувствуют себя мёртвые? Не знаю... По сути я же ещё не умирал — так, немного прочувствовал предсмертные дуновения загробного мира, да и только. А выяснять страшно. Но выяснить то надо — не стоять же вечность столбом, думая о том, что со мной произошло.

Я медленно и абсолютно нехотя приоткрыл один глаз. Не поверил, и открыл второй, чтобы убедиться. Но всё-таки открывшаяся передо мной картина не изменилась. Несколько секунд я колебался, верить ли в происходящее, или считать это бредом смертника, и, решив, что первое в любом случае лучше, а потому пускай так оно и будет, облегчённо выдохнул.

Все Улы, которым до моей скромной тушки оставался всего-то какой-то небольшой шагок, застыли с занесёнными беленой глазами, в абсолютно одинаковых позах. Позади них, сидя на рычащем Лежебоке, покачивался, разведя руки в стороны и что-то бормоча, Их-руг-Ахт. Его глаза также были затянуты бельмом, да и вообще вид был немного жутковатый, как из фильмов про прокажённых. Память подсказала: именно так выглядит вход друида в телепатическую связь с животными. Улыбка невольно напозла на лицо: пришёл-таки шкуру мою многострадальную спасти.

— *БЫСТРО СЮДА*, — через силу проскрежетал сквозь зубы гоблин, и сразу продолжил бормотать.

Я тут же опомнился: и действительно, чего засмотрелся, словно в кино пришёл? Если Их-руг-Ахт и настолько крутой друид, чтобы сдерживать такое количество Улов, это не значит, что сие будет продолжаться вечность. Потому рванул в его сторону, но, вспомнив кое-что, обернулся к голубо-чешуйчатой. Ящер не был под гипнозом друида — то ли на него сил не хватило, то ли нужным не посчитал — и потому продолжал разглядывать происходящее с ужасом на бегающих глазках.

— Кыш, — махнул я на него рукой, и рептилия недоумённо уставилась на меня. — Пшёл отсюда, я сказал!

Последнее возымело больший эффект, и Ул, неуверенно двинувшись в сторону, покинув своё убежище, тут же рванув галопом в сторону пещер. Уж не знаю, что теперь с ним будет, да и не важно — но на душе стало намного спокойнее: так бывает, когда понимаешь, что поступил правильно.

— Ты не просто рагхакк, — продолжал читать мне нравоучения Их-руг-Ахт. — Ты... ты... да такого слова в гоблинском языке нету!

Мы пробирались на явно выдохшемся и тяжело дышащем Лежебоке через очередную болотную трясину, по направлению к селению клана. Наступали вечерние сумерки, так что подходило время ночных тварей, некоторые особи которых, что помельче и потрусливее, уже успели встретиться нам на пути, не решившись нападать: вид Лежебоки спугнёт даже самых смелых. И всё же задерживаться не стоило, так что сегодняшней день, можно сказать, прошёл зря.

— Ещё и зазря проделали такой путь! — Словно прочитав мои мысли, продолжил возмущаться друид. — Потеряли столько времени! Что скажет твой уважаемый Учитель?! Как я ему в глаза смотреть буду?! Ты... — тут он резко замолк, заставив меня заволноваться. Что, услышал шаги какой-нибудь твари? Нам угрожает опасность? Мурашки вновь начали водить хороводы по моей спине.

Но мои начавшие были слетать с языка вопросы оборвал заливной смех гоблина. Их-руг-Ахт, от души посмеявшись, вытер выступившие на глазах слёзы и, улыбаясь во все свои зубы, указал куда-то в сторону густых кустарников, со словами:

— Хотя нет. Похоже, день всё-таки прошёл не зря...

Я перевёл взгляд в ту сторону, куда указывал друид и, остановившись на знакомом силуэте, не сдержался, и тоже окатил предвечернее болото своим смехом.

Из-за кустов неуверенно выглядывали глаза голубо-чешуйчатой ящерицы.

ГЛАВА 4 Странный экзамен, или решение совета

Что-то мокрое и шершавое прочертило дугу через моё лицо. Да уж, пробуждение — так пробуждение, просто личный будильник какой-то.

Я поднял тяжёлые от недосыпа веки, и уставился на довольную морду ящерики, приготовившуюся ко второму заходу облизывания моей персоны.

— Не-не-не! — Быстро схватил я приблизившуюся мордашку, захлопнув той пасть, отчего мой бедный Ул заскулил и отвернулся. Ох ты, обиделась, видите ли — лишний раз хозяйина не облизнула.

Я сел на лежанке и, вздохнув, погладил крепкий бок рептилии:

— Ладно, ладно, Юла, не обижайся. И тебя с добрым утром.

Моя ящерица тут же преобразилась: вновь достала свой пыточный инструмент — язык, если кто не понял — и кинулась продолжать его испытания на моём лице. Да чтоб тебя!

После похода с Их-руг-Ахтом на лежбище Улов, прошло больше месяца. За это время мой Ул, оказавшийся, кстати, девочкой, заметно окреп и поднабрался опыта. Как только мы прибыли в селение в тот день с Юлой на хвосте, Учитель тут же приказал от неё избавиться и выкинуть на помойку. Видите ли, не того он ожидал — слишком маленькая и слабая. На что я дал своё категорическое «хрен», и старый гобливнок, раздувшись от злости, махнул рукой, сказав, что новую рептилию в случае гибели этого недоростка я ни за что не получу — буду знать в следующий раз как с учителем спорить. А затем многозначительно поднял бровь, вновь поинтересовавшись: уверен ли я, что не хочу от неё избавиться?

После этого я, то ли назло Учителю, то ли от зародившейся во мне родительской любви, начал отчаянно заниматься воспитанием и тренировками ящерики. Между прочим, это оказалось проще, чем пугал меня друид. Как объяснил позже Их-руг-Ахт, невероятная преданность Юлы и чуть ли не обожание меня произошло в связи с моей героической (Читай — тупой) кампанией по её спасению. Ящерики подобное не забывают, ценят и считают своим долгом служить своему спасителю, покуда он не умрёт, или не сгинут сами. Подобная связь намного крепче, чем принуждение с помощью телепатии, благодаря которой приручались все Улы клана. На веку Их-руг-Ахта подобное произошло вообще чуть ли не впервые. Также он посоветовал как можно быстрее придумать ящерице имя, что ещё сильнее укрепит связь и поможет в понимании мыслей друг друга. Помня, что имя в этом мире — чуть ли не квинтэссенция всего сущего, я отнёсся к этому заданию со всей тщательностью и решил, что выбрать я его должен не один, и одобрить его должен компетентный член жюри — то есть сама рептилия.

Смотря прямо в глаза ящерики, я начал перебирать имена. Всякий пафос по типу «молния», «клык», «убийца», и тому подобную чушь моя умная воспитанница отмела сразу недовольным фырканьем. И я задумался: с чем у меня ассоциируется эта мелкая изворотливая нечисть? Тогда-то мои губы сами собой и выбросили: Юла. На это моя девочка радостно зашипела, начав вертеть хвостом, словно пёсик при виде угощения. Так она и получила имя. Но для гоблинов произносить «ю» было довольно проблематично, и обычно для меня этот звук слышался похожим на «У» — потому всё поселение недоумевало: почему странный шаман назвал своего Ула Улом? На что мы с моей ящерицей лишь переглядывались, не скрывая улыбок: «Юла» стала каким-то нашим, личным секретом, который мы никому не собирались объяснять, что ещё сильнее укрепило нашу связь, так что на тренировках, когда я

давал ей указания, Их-руг-Ахт удивлённо пожимал плечами и интересовался: а не телепат ли я часом?

Занятия шаманизмом также стали непосредственной и архиважной частью моей жизни. Учитель только недоумённо хватался за голову, не успевая за собственным учеником, да бурчал под нос, всякий раз стараясь хоть как-то приостановить скорость моего обучения. То, что он запланировал мне на год обучения, я «пожирал» за дни, перескакивая уровни шамана только так, заслужив приставку «ин» в первые недели. За те часы, что я проводил в изучении различных манускриптов и свитков, одолженных мне у различных шаманов племени (Как выяснилось позже, ничего, похожего на библиотеку, у гоблинов предусмотрено не было, так что приходилось искать всё по частным лицам), я успевал изучить столько всего, что на последующих занятиях удивлял старого шамана знанием того, что он собирался рассказать мне лишь через месяц. Это обуславливалось не только тем, что сознание Гул-аль-Дука, частично отпечатывавшееся на моём, невероятно помогало в обучении, что, конечно также имело огромный вес, но и мышление моё собственное также играло большую роль. Умственные способности гоблинов разительно отличались от человеческих: я схватывал и запоминал всё намного быстрее, чем те же Кил-ин-Хак и Лар-ин-Лин, которые на некоторых совместных занятиях косились на меня недовольными взглядами, как смотрят первоклашки-троечники на какого-нибудь выпендрёжного отличника. Но несмотря на это с Кил-ин-Хаком у меня установились какие-никакие, но дружественные отношения. Это произошло через несколько дней после моего возвращения с лежбища Улов, когда Учитель, наконец, решил перейти с теории на практику и показать, как нужно призывать духов.

Тогда он вызвал Кил-ин-Хака с Лар-ин-Лином, выдав мне мои собственные котелок, мешок с ингредиентами и огненный амулет.

Тут, наверное, стоит объяснить сами особенности местного культа шаманов и принципа шаманизма, в частности.

Здесь не предполагались взмахи руками с образующимися в руках фаерболами, или вызовом ледяного дождя. Короче, когда я рассказал Учителю о своём представлении магии, он покрутил пальцем у виска и сказал, чтобы я больше не нёс подобную чушь. Ибо такого не бывает. Но бывает иное.

Итак, каждый шаман должен иметь при себе несколько вещей: во-первых, котелок, что всегда висит у него на поясе, под рукой. В нём и заваривается «обед» для духов. Во-вторых, амулет с заточенным в нём духом огня, чтобы в любых условиях суметь вскипятить образованную в котелке жижу. Ну, и основные ингредиенты для любых зелий: начиная от лап местных кузнечиков и заканчивая порошком из останков летучей мыши. Всю эту красоту любой уважающий себя шаман всегда носит при себе, даже в стенах клана. Поэтому я сразу начал тренироваться терпеть подобную снарягу на своём поясе.

Конечно, без определённых заклинаний и тут не обошлось: на каждого конкретного духа с каждой конкретной целью есть свой конкретный речитатив. Но здесь произнесение слов являлось не способом воссоздания духа. Нет, здесь всё было совсем не так, как любили писать во многих прочитанных мною книгах: абра-кадабра — и вот, перед тобой появляется могущественный демон, готовый служить тебе, испепеляя любого врага на своём пути. Тут же произнесение слов было чем-то вроде приглашения на трапезу. Ведь даже если ты сварить идеальное зелье, да ещё и в обильном количестве, не каждый из мира духов сможет его учуять: поэтому нужно его ещё и позвать, просто каждого по-своему...

Но для того, чтобы не забыть какого-нибудь каверзного словца на древнем гоблинском

языке, или нужных пропорций ингредиентов для зелья, я, всё-таки не рассчитывая на память Гул-аль-Дука, сделал себе что-то вроде дневника. А так как книги в этом мире предусмотрены не были, я сделал собственную книжку, собственного же производства, нарезав несколько листов пергамента на отдельные, небольшие прямоугольные листы, и скрепив их грубой, но прочной верёвкой, для надёжности сделав и «обложку» из прочной кожи Живобрюха, которую я с трудом выторговал у местного охотника, надавив на то, что «Учитель приказал...».

Ну, да вернёмся к тому злосчастному дню.

Практиковать призыв духа Учитель выгнал меня вместе с Лар-ин-Лином и Кил-ин-Хаком в обширный двор у своего дома. Для начала он приказал двум гоблинам показать на собственном примере, как это делается. Я же просто наблюдал.

Оба зеленокожих тут же сунули свои пальцы в мешки с ингредиентами и, со скоростью военного, собирающего и разбирающего автомат, начали высыпать в него потроха мыши, кости лягушки и листья Стопорителя, откупорив затем небольшую кожаную флягу с мутно-зелёной болотной жижей, достав амулеты и выпустив в котелки клубки огня. Тут же получившиеся жижи вскипели, и от котлов вверх пошёл тоненькой полоской пар. Насколько я помню, эти ингредиенты нужны для призыва земляного духа, а вот судя по их количеству, дух классом не выше бытового, так что скорее всего сейчас пойдёт заклинание «Мор-хак»...

— Мор-хак а-ламир, ихг-ра, мор-хак а-ламир, ихг-ра, — перебил мои мысли, закатив глаза и чуть покачиваясь в такт своему бормотанию, Лар-ин-Лин.

Почти сразу же к нему присоединился и Кил-ин-Хак. И через это бормотание я уловил краем уха нечто вроде воя, или это ветер гудел в ушах? Нет, не ветер — духи почуяли обед...

К котелкам гоблинов прямо из земли начало тянуться нечто мерцающее, колышущееся и... маленькое. Как будто очень-очень бледный человечек после затяжного поста тянулся к так неожиданно появившейся прямо перед ним пище. И когда это мерцание стало опускаться в котёл, оба зеленокожих, словно по команде, выбросили руки вперёд, обхватив, на первый взгляд, нечто несуществующее, но я-то видел, что мерцание вдруг начало как будто биться в истерике, стараться вырваться, но гоблины не прекращали своего речитатива, и через считанные секунды мерцание успокоилось, как будто смирилось со своей судьбой, а затем стало менять свою форму, уплотняться, и в следующее мгновение в руках Кил-ин-Хака и Лар-ин-Лина сияли сгустки фосфоресцирующей энергии. Только тогда я понял, что всё это время сидел, затаив дыхание, почти не дыша, так что тут же начал хватать ртом воздух. Да уж, одно дело изучать всё это по старинным пергаментам, и совсем другое — увидеть воочию.

Учитель посмотрел на меня с видом довольного своими учениками гоблина:

— Всё понял? Сварил нужное зелье, призвал духа, подчинил его своей воле, а затем... — он махнул ученикам рукой, и те, поняв всё без слов, бросили свои сгустки на землю.

В тех местах, куда попали призванные души, скрипя и чуть деформируя окружающий рельеф, выросло два крохотных камня. М-да, прямо-таки мечта ландшафтного дизайнера...

Я в точности повторил все приготовления для призыва, ничего не упустив, а затем, войдя в состояние транса, или, по крайней мере, чего-то очень на это похожее, начал зачитывать выученное наизусть заклинание, прислушиваясь к собственным ощущениям. Сначала не происходило ничего: никаких изменений, или хотя бы колебаний внутри меня не чувствовалось. А вот затем... Что-то лёгкое и воздушное пробежало по животу, а в ушах

раздался голос: «Можно?...»

«Конечно», — кивнул я про себя, приглашая услышавшего меня духа к столу.

Дух пожирал зелье как-то неохотно, точнее нет — конечно, я чувствовал, что он ХОЧЕТ есть, но при этом ел с опаской, похоже, догадываясь, что его собираются поработить, но не в силах устоять перед чувством голода. И сквозь появившуюся между нами ментальную связь, от которой я провалился в полную эйфорию, пробился, словно луч сквозь щель пещеры, голос Учителя:

— Он готов. Хватай его! Живо!

Хватать... поработить... Сущность гоблина говорила мне: «Да-да, всё правильно, всё верно, так и должно быть, другого не дано», а вот упрямая, как баран, сущность Андрея уверяла: «Незачем так поступать. Ты ведь почувствовал его беспомощность и слабость. Неужели ты...» — Да понял я, понял! Ишь, какой умный, блин, внутренний голос... Хотя, стоит признать, он был абсолютно прав. Так что я мысленно показал неприличный жест и своей гоблинской сущности, и старому шаману, отправив ментальное послание почти что насытившемуся духу земли:

«Иди сюда... я не трону... нужна помощь...», — я вкладывал в эти обрывистые фразы всю искренность и теплоту, которую только мог. И дух, маленький бесплотный человечек, подобно мотыльку, потянулся к этому свету и, прежде чем сформироваться в клубок энергии в моей руке, прошептал: «Спасибо...»

Я открыл глаза, глядя на недоумённо уставившегося на меня Учителя. Тот скрестил руки на груди, нахмурил брови, и прокричал:

— Я не видел, чтобы ты поработил его. Я не видел, чтобы ты вообще двигался! Что ты сделал? — Видно было, что старый гоблин еле-еле сдерживается, чтобы не заставить меня сделать всё заново, как полагается. И, похоже, держался он только из-за интереса к тому, как у меня всё получилось «не так».

Пожав плечами, перекидывая сгусток энергии с одной руки на другую, словно мячик, я рассказал ему свой метод, на что Учитель как-то по злобному расхохотался, обличительно ткнув в моего духа пальцем, как будто тот был в чём-то виноват:

— Духи понимают только силу! — Начал он брызгать слюной. — С ними нельзя договариваться, общаться, или... просить! Иначе они станут своевольны, не сделают то, что необходимо, или вообще станут управлять тобой! Такие духи слабы, они...

Мне, по правде говоря, жутко надоели эти старческие бредни. Поэтому, то ли чтобы насолить Учителю из некой детской наглости, то ли просто чтобы доказать что он не прав, я отпустил мерцающий в руке сгусток, направив его точнёхонько к ногам старого гоблина.

Земля содрогнулась, и в следующее мгновение на том месте, куда только что попал дух, взметнулось вверх тёмное загромождение, заставившее Учителя пошатнуться и, сделав шаг назад, рухнуть от неожиданности. Да что там говорить, и я бы, не сиди уже на земле, также последовал его примеру. Дым, клубами вздымавшийся над землёй и скрывавший получившееся чудо, рассеялся, и моему взору предстал огромный, размером с полтора моих роста, бульжник. По сравнению с крохотными камушками Лар-ин-Лина и Кил-ин-Хака он действительно впечатлял.

Старый гоблин, отряхнувшись, поднялся, обошёл камень со всех сторон, а затем злобно и непонимающе покосился на мою сторону, фыркнув:

— Ты призвал боевого духа третьей ступени.

— Нет же! — попытался оправдаться я. — Это бытовой дух. Низшей ступени. Проверьте

ингредиенты... И заклинание!

— Боевой дух третьей ступени, — настойчиво оборвал меня Учитель, проведя ладонью по бульжнику, словно проверяя, настоящий ли он, пробубнив под нос: — Да, точно, иначе и быть не может... — А затем развернулся к нам и рявкнул: — Чего расселись, лодыри! Пшли вон отсюда, занятия закончены!

Пыхтя, словно паровоз, старый шаман пошёлёпал в сторону своего жилища. Эх я его разозлил... Надо бы в следующий раз поменьше с ним цапаться, а то споры, это, конечно, двигатель мышления, но не постоянно же...

Повернувшись к двум другим его ученикам, я неожиданно для себя обнаружил, что Ларин-Лин смотрит на меня с неприкрытой ненавистью, и невольно отвёл взгляд. М-да, похоже, нажил себе врага — и о чём только думал! Это же в любой школе каждый должен усвоить: новенький не должен выделяться по крайней мере в первое время, а то найдутся определённые местные «старожилы» (Как в армии, честное слово!), которым подобное будет очень сильно не нравиться, и они запишут тебя в собственный Чёрный Блокнот.

Похоже, новое имя в Чёрном Блокноте Ларин-Лина уже появилось...

Раздались приближающиеся шаги. Я поднял взгляд, и увидел вставшего рядом со мной Кил-ин-Хака. Как странно. Только появившись здесь, я с трудом отличал одного гоблина от другого. А сейчас все они были для меня абсолютно разными, с собственными чертами лица и особенностями фигуры, даже по взгляду я мог понять, кто передо мной. Взгляд Кил-ин-Хака был задумчивым и заинтересованным, почти всегда, и этот раз не стал исключением.

— Слушай... — пробубнил он, внимательно разглядывая мой котелок. — Так как ты всё-таки это сделал?

Так и начала зарождаться наша дружба.

В целом день мой проходил так: встать рано утром, когда солнце только-только показывалось из-за верхушек деревьев, получить дозу облизывания от Юлы, направиться к дому Учителя, выслушать многочисленные лекции, затем пройти через нудные, но необходимые практические задания, уйти на непродолжительный отдых, во время которого я либо тренировал Юлу, либо прогуливался по селению, а после, вечером, заняться самообучением, обложившись различного рода писаниной, вспоминая то, что знал, и зазубривая новое.

В перерывах между учёбой у старого шамана и самообучением меня посещали ученицы-целительницы, обучавшиеся при Син-аль-Ланг, той самой странной старухе, что была в ту, первую мою ночь на Пяте, в шатре рагха, и очень внимательно меня рассматривала. Похоже, её интерес ко мне не ограничился обычным созерцанием, и её ученицы приходили ко мне не просто так. Нет, конечно, они приносили мне еду, которой я наедался до отвала — организму гоблина, как выяснилось, требуется есть лишь раз в день — но при этом как будто невзначай расспрашивали меня о том, как мне живётся, что делаю, о чём думаю... И при этом довольно близко, даже слишком близко подсаживались, осторожно кладя руки мне на плечи.

И тут, между прочим, я заметил одну особенность: они мне нравились. Мой взгляд останавливался на их красивых формах, красивых губах, глазах... Красивых?! Кому же они кажутся красивыми? Мне, или Гул-аль-Дуку?!

Я попытался представить себе человеческую женщину. Высокая, статная, с лицом... Анжелины Джоли? Пускай будет. Вздыхающая при каждом вздохе грудь, абсолютно не обременённая одеждой, красивые чёрные локоны стекают по плечам... бу-э-э-э! Мне стало

тошно и мерзко. Фу, и как мне могла нравиться подобная мерзость?! А прямо здесь, рядом, эта прекрасная, гладкая зелёная кожа, эти так мило оттопыренные в стороны ушки... Пр-пр-пр, стопорись, Андрюха! Не хватало ещё сорваться и совершить непоправимое! Ведь старухе то это, скорее всего, правда и непонятно зачем, но выгодно. А потакать чужим неясным планам не хочу. Хотя, стоит признать: в низу живота ныло каждый раз, когда миленькие ученицы соблазнительно тыкались в меня своими... своими... да куда тебя занесло!

Из этого всего можно было сделать вывод: моё сознание тесно переплетается с сознанием Гул-аль-Дука, многие их границы уже стёрлись. Какие-то из воспоминаний гоблина, оставшихся в его голове, я воспринимаю, как свои. Недавно я вспомнил что давно не ел любимых лапок Болотной Маженицы в соусе, о чём и доложил прямёхонько Син-аль-Ланг, решив не играть в «сломанный телефон», передавая инфу через её учениц: мол, подкорректируйте мне меню. Старуха от подобной наглости немного прибалдела, но, уверен, кое-что про меня себе отметила — она женщина умная и хитрая, такие подобного даже не скрывают. Лишь оказавшись у себя дома, я понял: какого чёрта! Я вообще знаю вкус этой самой Болотной Маженицы?!

Я вынырнул из раздумий так же неожиданно, как в них и утонул. Только сейчас до меня дошло, что всё это время Кил-ин-Хак, стоя на пороге, выжидающе глядел на меня, а Юла успела задрыхнуть у моих ног.

— И сколько ждёшь? — Чувствуя себя полным кретином, осведомился я у явно уставшего стоять гоблина.

— Час, — пожал тот плечами. — Плюс-минус... ты срочно нужен Учителю. Видимо, случилось нечто из ряда вон.

Я вскочил и, наскоро собравшись, а именно — напялив на себя всю шаманскую атрибутику, включая котёл, вскочил на Юлу и последовал за Кил-ин-Хаком. Сам гоблин не имел собственного Ула: по степени важности пока не положено, хотя в скором времени он, как и Лар-ин-Лин, собирается шагнуть на следующую ступень, заслужить приставку «аль». А это вовсе не тривиальная задача, учитывая то, какие перспективы тебе открывают эти три буквы: ты будешь ходить в Совет клана, решать высшие (По местным меркам) политические задачи, в конце концов, станешь правой рукой вождя, сможешь иметь собственных учеников! Хотя учеников можно было иметь и на уровне «ин», но это считалось неким моветоном, к тому же — кто захочет идти к гоблину-недоучке? Только полные придурки, которые и будут годны лишь на то, чтобы зажигать в домах свечи.

Выезжая из своего личного дворика, я не без удовольствия отметил отсутствие на заборе различного рода внутренностей и костей, принадлежавших Гул-аль-Дуку. И нет, отнюдь не из-за того, что они мне были неприятны, или вызывали приступы тошноты — этот этап был пройден давным-давно, теперь прирезать какую-нибудь зверюшку, или выпотрошить местную нечисть я был готов хоть сейчас — не было никакого отвращения. Радовало то, что души, охранявшие этот дом до меня и жившие в этих самых черепах и кишках, начали донимать меня ещё в первые дни, приходя во снах, а порой и забредая в дом. И пусть они не сделали мне ничего плохого, но это самое плохое вполне могло произойти, рано или поздно, и произошло бы намного раньше, не принадлежи моё тело их бывшему хозяину, вызывая у духов чувство смятения. Так что вся эта обязательная атрибутика боевого шамана была снята, но проблема всё же не исчезла, а лишь изменилась в лице: местные непонимающе косились на мой дом, пожимая плечами и не разумея, отчего великий шаман решил избавиться от таких важных в его деле вещей? Так что к моему списку странностей, который

и так уже походил на несколько томов «Война и Мир», прибавилась ещё одна, а в не менее длинный список того, что предстоит сделать, попал новый пункт: «Украсить дом «гирляндами» из кишок и «шариками» в виде черепов», а то как-то не по-гоблински, честно слово!

— Э, пришли! — Притормозил Юлу Кил-ин-Хак, на которого я, задумавшись, чуть был не наехал.

Спрыгнув с Ула, я погладил девочку по крепкой шее, получив дозу довольного урчания, и направился вместе с гоблином в дом Учителя. Появившийся перед самым входом воздушный элементаль, мой давний знакомый, угрожающе взмахнул своим копьём:

— Имя!

— Гул-ин-Дук, — вздохнул я.

Ну, не нравилось мне произносить это имя вслух! Вторая часть моего нового имени теперь напоминала не самое приятное название птицы и было схоже с оскорблением. Слава Духам, в этом мире индюки не водились, и потому посмеяться надо мной ни у кого возможности не было, и всё же, и всё же...

Успевший мне надоесть за время обучения элементаль, кажется, с немного обиженным видом, мол, и сегодня никого не покрюсаю, отлетел в сторону, освобождая проход. Между прочим, Кил-ин-Хака, или Лар-ин-Лина он никогда не останавливал! Ну ничего, вот освою высшие ступени шаманизма, и надеру тебе твою воздушную задницу, ветерок!

В доме, как обычно, было темно, лишь порхающие и никогда не затухающие свечи создавали хоть какое-то ощущение света. Сидевший неподалёку старый шаман был невероятно хмур и сосредоточен. Настолько суровым я его ещё не видел, а Учитель был дядькой вообще не особенно улыбочивым.

— Гул-ин-Дук, пойдёшь со мной, — поднялся, завидев нас, старый гoblin. — Кил-ин-Хак, остаёшься тут за главного и ждёшь от меня весточки. Всё понял?

— Понял, — ничего, сразу видно, не поняв, автоматически кивнул мой друг.

Я последовал за уверенного прошагавшим мимо Учителем. Тот остановился во дворике, в котором всё ещё красовался созданный мною когда-то валун, и, вложив два пальца в рот, свистнул. Тут же в одной из пристроек старого шамана что-то закопошилось, а в следующее мгновение оттуда выполз, зевая и нехотя шлёпая в нашу сторону, старый Ул, своими размерами ничуть не уступавший Лежебоке. Я невольно ухмыльнулся: похоже, моя Юла — единственная ящерка, любящая скорость и резвая, словно крепкий щенок.

Подсобив Учителю в водружении его туши в седло, я также вскочил на своего Ула, направив его за степенно двинувшимся вглубь поселения гоблином. На одном из разворотов я невольно вздёрнул брови вверх: эта дорога была мне знакома, и вела она к шатру вождя. У меня тут же появилось много вопросов и, поравнявшись с Учителем, я вознамерился их выдать, но тут же был перебит:

— Слушай внимательно и запоминай, — нахмурился старый гoblin, так что я поспешил заткнуться и внимать. — Официально ты — Верховный, и потому имеешь право присутствовать на Совете. Но твоё присутствие на нём лишь символично. Все, кто соберутся там — верхи клана, и они прекрасно осведомлены о твоём происхождении и нынешнем положении. Поэтому помалкивай, а ещё лучше — вообще не слушай, о чём пойдёт речь, ибо тебя это не касается. Уяснил?

Наверное, последний вопрос был чисто риторическим, и всё же я кивнул, еле сдержавшись чтобы не присвистнуть: так меня везут на Совет! А если верить моей памяти,

то подобные Советы собирались не часто: обычно перед объявлением войны клану, или какой-то ситуации, требующей решения всей клановой верхушки. Так что, видать, случилось нечто из ряда вон выходящее...

* * *

Старый Мастер-над-Водой Рун-аль-Ахг скривился и дал здоровый подзатыльник неумёхе-подмастерью, который уже битый час не мог извлечь чистой воды из болотной жижи. Затем, пообещав, что, когда вернётся и обнаружит его всё на той же стадии работы, обязательно заставит его плотать эту самую жижу, с гримасой пренебрежения на лице пошлёпал по воде к следующему страдальцу.

Болотная ферма — так называли это место — располагалась недалеко от основной части поселения клана. Её дислокация оправдывалась самыми обильными и глубокими болотными озёрами в этой части Пяты. Защищали ферму небольшой отряд гоблинов-мечников, да выращенные по всему её периметру шаманами земли огромные валуны, утопающие в болотном иле чуть ли не на половину.

Рун-аль-Ахг, как лучший водяной шаман клана, был приставлен к ферме в качестве надзирателя, главного добытчика, и вообще главы всего-всего, но в пределах данной территории. И был не особенно этому рад. А, если быть точнее, то был просто в бешенстве!

Вся проблема заключалась в том, что он ненавидел воду — терпеть её не мог. Но иначе, встав на тропу изучения водяного шаманизма, стать Верховным нельзя. Он год за годом только и делал, что призывал водяных духов из болотных жиж, дегустировал содержимое, удовлетворялся или нет, и снова продолжал практиковаться. В итоге, после сорока лет таких издевательств над самим собой, он достиг небывалых успехов в этой области, сумев вызвать неплохого водяного элементаля, что когда-то считалось не просто невероятно трудным, а невозможным, но с тех пор он не мог заниматься шаманизмом, выпивая в день исключительно одну кружку воды — только лишь чтобы не умереть от жажды.

Так что старый гоблин был невероятно удивлён, когда рагх, вождь клана, поставил его главой болотной фермы. Но у хитрого Равр-рагх-Хила было своё объяснение на этот счёт. Весь парадокс заключался в том, что ненависть Рун-аль-Агха к воде как раз и стала той самой точкой отчёта, запустившей невероятные успехи фермы и увеличение её производительности в несколько раз: старый Мастер-над-Водой настолько ненавидел воду, что подсознательно всегда хотел закончить её сборы побыстрее, и оттого его подмастерья, которые уже успели проклясть своего начальника, выдавали объём втрое больший, чем при предыдущем Мастере, но при этом рабочий день гоблина заканчивался исключительно по расписанию, а не по выданному объёму воды. Так что водные запасы клана, некогда скудные и недолговременные, теперь увеличились настолько, что в ферме пришлось заложить отдельный колодец, где и хранилась вода, охраняемая количеством стражи даже большим, чем у стен самой фермы.

Тот день обещал пройти для старого шамана так же обыденно и мерзко, как обычно. Но судьба не любит слишком длительную обыденность: её хлебом не корми — дай повеселиться. И в этот день она выбрала предметом своего веселья именно старого, ненавидящего свою работу гоблина...

Наступали сумерки. Подмастерья, облегчённо вздыхая, начали собираться по домам, а

Рун-аль-Агх, так уже распрощался со стражниками, один из которых, покосившись на лес, предложил старому гоблину препроводить его до селения, на что тот лишь махнул рукой, проворчав что-то про то, что старик ещё не настолько выжил из ума, чтобы забыть дорогу домой и, опираясь на посох, увешанный ракушками, поплёлся по единственной выступающей между двумя озёрами тропинке.

Затем стражники услышали отчётливый красивый старческий женский голос:

— Рун-аль-Агх... иди ко мне... я соскучилась... Рун-аль-Агх...

И не успели гоблины что-либо понять, как из сумерек болот раздался вопль Мастера над-Водой, а затем быстро удаляющийся топот. Недолго думая, стражники выхватили свои мечи и бросились по направлению, куда ушёл старый шаман, но на месте застали лишь наспех вызванного элементаля воды, который стоял, тупо уставившись в темноту, так и не успев получить приказ от хозяина...

* * *

Меня аж передёрнуло от представившейся картины. Воображение у меня никогда не страдало, так что пронзительный крик старика всё ещё бил мои барабанные перепонки, щекоча нервы.

Стражники, что стояли в центре шатра, поведавшие эту историю, умолкли, уткнув свои взгляды в пол. Вождь, ещё более хмурый, чем пасмурное небо, оглядел присутствующих здесь Верховных и вздохнул:

— Ну? Кто что об этом думает?

Старые толстые гоблины, которые и составляли всю верхушку клана, начали перешёптываться, косясь на не знающих куда себя деть воинов. Вряд ли когда обычным стражникам удавалось посетить столь серьёзное мероприятие, как Совет. А тут они, считай, и главные свидетели, и помощники в этом деле, и в центре внимания. Думаю, подобного внимания им ой как не хотелось, и сейчас они жалели, что вообще решили об этом рассказать: спокойненько работали бы без Мастера — на эту ферму всё равно никто не заглядывает... Птьфу ты! Уже начинаю думать, как гоблин... Нет — худший из гоблинов!

Один из шаманов, увешанный костью и амулетами, словно новогодняя ёлка игрушками, отвлёкся от перешёптываний и поинтересовался:

— Тот голос — вы слышали его когда-нибудь прежде? Возможно, он вам знаком?

Один из стражников тут же закивал так энергично, что я начал опасаться за сохранность его шеи:

— Да! Знаком! — Обрадованно и, кажется, облегчённо воскликнул он. — Его жене, госпоже Лиа-Лир — вот кому он принадлежал! Она как-то провожала Мастера до фермы, я слышал, как они разговаривали. Но не думаете же вы, что она... — начал было смущённо бормотать гоблин, но шаман лишь махнул на него рукой, повернувшись к вождю:

— Мой рагх, по-моему, всё более чем очевидно: это был тодплаг. Подобные твари уже не раз были замечены у стен фермы, но раньше их отпугивали гоблинские мечи — сейчас же, видимо, они стали слишком голодными, чтобы скрывать. И мы все прекрасно осведомлены о их способности копировать голоса.

Пока он говорил, я наклонился к сидевшему рядом, хмурому не меньше, чем вождь, Учителю, спросив:

— Думаете, это правда тодплаг?

Старый гоблин недовольно покосился на меня, но всё-таки ответил:

— Это самое разумное объяснение. Другие варианты более глупые.

— Но с чего Мастеру-над-Водой идти на зов жены? — Продолжал недоумевать я. —

Если бы Вас на полдороге домой окликнули из леса знакомым голосом, неужели повелись бы?

Этот разговор явно начинал раздражать Учителя, но я вознамерился во что бы то ни стало привести в порядок свои мысли на этот счёт. А мои скудные познания о местной флоре и фауне ограничивались лишь примитивными организмами, а тодплаг, насколько я успел узнать, существа довольно развитые — собственно, это, да их способность пародировать голоса — вот и всё, что я о них знал.

— Не знаю, что ты имеешь в виду под «повелись»... Но тодплаг частичные телепаты, — проскрежетал сквозь зубы старый шаман, не сводя взгляда со «свидетелей», делая вид, как будто сам себе что-то бормочет. — И могут вводить гоблина в заблуждение не только голосом, но и разумом: например, заставить поверить, что ты дома, среди родных, в тепле, а не бредёшь по болотной тропинке тёмным вечером. А теперь прошу тебя: заткнись и веди себя тихо!

Даже с почти закрытым ртом Учитель умудрился сказать последнюю фразу так жёстко и грубо, что у меня отбило всякое желание говорить, чего старый гобливнок, я полагаю, и добивался.

Снова сфокусировав своё внимание на допросе, я вдруг осознал, что разговор перешёл уже на другой уровень: решался вопрос, что со всем этим делать. Стражников видно больше не было: да и не нужны они уже были — всё что надо, рассказали, дальше уважаемые шаманы решать будут.

— Тодплаг живут на границе Южных и Центральных Болот, — размышлял вслух один из Верховных. — И всегда несут добычу в родные земли, даже если очень голодны, иначе, если родичи узнают, что еда не была поделена... В общем, полагаю, уважаемый Рун-аль-Агх всё ещё жив, тухлятину эти твари не уважают. И если мы хотим его спасти, придётся устраивать преследование...

— А стоит ли? — Вмешался другой шаман. — Рисковать отрядом преследования ради одного старика? Если я правильно помню, даже на Улах путь до границы составит дня два — не меньше. Тодплаг скорее всего прошёл уже треть пути, а пока мы разговариваем, наверное, успел перемахнуть расстояние в тысячи лап. А это значит, что во время ночи отряд преследования будет на территории болот, без укрытия! Стоит ли так рисковать ради какого-то Водяного Шамана?

— Не «какого-то»! — Вмешался единственный худощавый гоблин в этом клубе любителей покушать. Серьги в виде ракушек выдавали в нём Водника, единственного среди всех собравшихся. — А величайшего из всех Водяных Шаманов! Насколько увеличились запасы воды во время его главенствования на болотной ферме? Вдвое? Втрое? А, может, и больше? Впервые за многие века у нас не было ни одного случая обезвоживания или нехватки воды. Полагаете, кто-то сможет его заменить? И что тогда? Снова наступят времена, когда многие были готовы перерезать друг другу плетки за капельку чистой воды, или даже хлебать болотную жижу?!

— Но ведь...

— Заткнитесь все! — Рывкнул рагх, в порыве ярости даже выхватив свой меч. Тут же в

зале повисла мёртвая тишина. Гоблин придирчиво оглядел каждого, словно старался вычислить того, кто собирается снова открыть рот и, удовлетворившись, вернул меч в ножны. — То, что мы обязаны вернуть Мастера — не подлежит вопросам или спорам. Всё, что я хочу узнать — кто...

— Мой рагх! — Неожиданно поднялся Учитель, заставив меня судорожно вздрогнуть. Старый гоблин указал на меня, говоря с такой холодной уверенностью, что мне стало не по себе: — Мы можем послать моих учеников. Они уже давно созрели для вступления в «аль», и что, как не полевые условия, позволит провести экзамен?

Пока я пытался догнать мысль этого гобливиюка, рагх, проглотив очередное перебивание себя любимого, задумчиво свёл брови на переносице, и протянул:

— Что ж, пожалуй.

— Позвольте! — Поднялся грузный гоблин из числа тех, что изначально был против этого похода. — Мои ученики заслуживают такой чести не меньше, а то и...

— ТВОИ ученики?! — Усмехнулся Учитель, схватившись за живот. — Это те самые, что ещё не постигли и пятой ступени духов? Что они смогут сделать? Защекотать тодплага до смерти?! — Все в зале прыснули в голос, толстый гоблин побагровел от злости, а старый шаман продолжил: — Или, может, отправить тебя? О, великий призыватель болотной грязи, — с явным издевательством в голосе величественно произнёс Учитель. Все засмеялись уже в полный голос, толстый гоблин теперь не багровел, а прямо-таки чернел, благо пар из ушей не валил.

А вот мне было не до смеха. С какого перепугу он вдруг решил отправить меня с Кил-ин-Хаком и Лар-ин-Лином? Эта хитрая болотная жаба ничего не делает просто так. Да и егс издеательства по поводу бедного Верховного не так уж и оправданы: вообще-то он мог неплохо сделать это и сам, прихватив с собой ещё парочку «аль». Да этим ребятам расправиться с тодплагами и ночными тварями — раз плюнуть! А посылать учеников... Хотя, стоит признать, представил он это коротко, ёмко, но красиво — мол, убьём даже не двух, а трёх зайцев: и Мастера спасём, и экзамен проведём, и на трёх Верховных в клане больше станет... Вот жук!

— Решено! — Вновь прервал перебранку вождь, разглядывая меня с нескрываемым интересом. — Единственное что... Гул-ин-Дук уже обзавёлся своим Пха?

На этот раз вмешалась всё это время молчавшая Син-аль-Ланг:

— О его Пха я позабочусь.

— Не сомневаюсь в этом, — кивнул рагх и поднялся со своего необычного трона. Тут же поднялись все остальные, я же, чуть задержавшись, поспешил проделать то же самое. — Сегодня же твои ученики отправятся на ферму. Оттуда возьмут след. Я выдам вам пять своих воинов и двух охотников... Друида тоже возьмите — мало ли что, — проговорил он с явным облегчением от того, что наконец избавится от телепата хотя бы на некоторое время. — На сборы вам не больше часа. На этом всё!

* * *

Сидя на покрытом шкурой полу своего дома, я сосредоточенно всматривался в никуда, блуждая по лабиринту собственных мыслей. И ждал. Для прохождения экзамена в «аль» требовалось это загадочное Пха, о котором меня, по какой-то причине, никто не удосужился

предупредить. И старуха Син-аль-Ланг должна была меня этим самым Пха одарить. Зачем ей это, я так понять и не смог, а в безвозмездную помощь я могу поверить где угодно, но не у гоблинов.

Надо посмотреть правде в глаза: я волновался.

Да, конечно, как объяснял Учитель, моё тело уже принадлежит сильнейшему шаману. О подвигах Гул-аль-Дука слагали легенды, его боялись и уважали, и было за что. Насколько я смог понять, тело шамана — это нечто вроде антенны, принимающей на себя волны из мира духов. И чем больше этих волн оно может принять, тем сильнее становится сам шаман, тем большее количество духов он сможет воплотить. И моё тело, как оказалось, было не хилой такой антенной. Антеннищей, я бы сказал! И всё же, и всё же...

Хватит ли мне опыта и умений и, самое главное, храбрости? Гоблины не отличались особыми благородством, мужеством и храбростью и мой старый, уже, кажется, такой далёкий друг Андрей также не был храбрецом. Так сможет ли им стать Гул-ин-Дук? Сомневаюсь. А сомнение — первый шаг к неудаче.

Мои серые размышления прервал шелест входной занавеси. Я обернулся и наткнулся взглядом на стоящую на пороге старуху. Ого, сама пришла! Не отправила своих кудесниц, какие чудеса! Видимо, это Пха — действительно нечто серьёзное.

— Я войду? — Не дождавшись, когда я наконец соизволю её пригласить, прокряхтела гоблинша.

Ох, и что это с моими манерами, в самом деле?!

Я указал ей на место напротив меня, и старая знахарка, прошаркав к ковру, положила к моим ногам какой-то вытянутый свёрток, а затем уселась сама. Видимо, по моей вопросительной физиономии и так всё было ясно, читать по моему лицу вообще, как оказалось, возможно без усилий, так что старуха пояснила:

— Это — Пха. Теперь он твой.

Я неуверенно начал разворачивать свёрток, предвкушая как минимум какую-нибудь голову буйвола с рунами вместо глаз, или кровь девственницы, пролитую в полнолуние — эти зелёные коротышки любят подобную ерунду, и придают ей невероятное значение, правда, стоит полагать, не без причины.

Но раскрыв свёрток, я обнаружил посох. Просто посох из кости какого-то явно не мелкого существа. Абсолютно белый, утолщённый к верхушке, словно застывший в гипсе улий, он резко сужался книзу, переходя во всё ещё толстую основу и, наконец, становясь тонким и острым, как игла, так что им, пожалуй, можно и проткнуть насквозь. Взяв его в руки, подкинул несколько раз, перехватывая поудобнее. Не такой тяжёлый, каким кажется, но и не лёгкий. Словно держу в руке стопку толстых книг.

Мой немой вопрос был понят старухой абсолютно верно: она улыбнулась — в первый, кажется, раз — и пояснила:

— Пха — посох, что должен иметь каждый уважающий себя аль. Этот Пха когда-то принадлежал мне. Теперь он твой. Пользуйся.

Я с нескрываемым интересом ещё раз оглядел подарок, но теперь совсем с другой стороны. Разве что не присвистнул. Ну да, я же видел у неё этот самый Пха, и не раз — старая гоблинша постоянно с ним бродила. Только вот убрала с него различные побрякушки, оставив беднягу абсолютно нагим. Не понял...

— А как же невозможность передачи личной собственности? — Попытался выхватить я подвох. — Как же душа этого предмета, что будет посещать меня в кошмарных снах?

Син-аль-Ланг молча переваривала сказанное мной, а затем расхохоталась. Чудеса прямо-таки водопадом выливаются на бедную мою голову: улыбка эволюционировала до смеха? У неё-то? Более хмурой гримзы я в жизни не встречал! Мой подвохometr зашкаливал и мигал красными огоньками.

Отсмеявшись, старуха посмотрела на меня каким-то хитрым взглядом (Хотя, когда он у неё был иным?) и полушёпотом проговорила:

— Полагаю, духи мне это простят, ибо родственники неуловимым образом связаны друг с другом.

Тут уже мне пришлось затупить. Грузил мой мозг довольно долго, пока, наконец, до меня не дошло:

— Так Гул-аль-Дук был...

— Да, — перебила меня Син-аль-Ланг. — Гул-аль-Дук был моим сыном. И не смотри на меня так. Никакой ненависти к тебе я не испытываю, духи упаси! Наоборот, я благодарна тебе за то, что тело моего мальчика продолжает жить, пускай и с другой душой.

Сказать, что я был удивлён — ничего не сказать. Но теперь то становился понятным её интерес к моей персоне. Да и девочек своих она подсылала ко мне не просто так: мало ли, судьба подкинула в тело сына душу какого-нибудь голубого? Не, я не гомофоб, но вот как с этим обстоят дела у гоблинов не знаю и знать, по правде говоря, не хочу. Да ещё и приоткрылась завеса тайны её покровительства надо мной. Ну, что ж, по крайней мере теперь я могу быть полностью уверен, что у меня появился могущественный друг. Даже родственник, а родственные связи у гоблинов мощные, в этом им не откажешь.

— И что... всё? — Изумлённо выгнул я бровь. — Никого не придётся ради этого посоха убить? Я просто беру его? Безо всяких подвохов?

— Конечно, нет! Ну что за рагхакк поселился в моём сыне?! — Ох, если бы этот посох сейчас был у неё в руках, старуха по любому бы меня им треснула. — Этот Пха — не Пха, пока ты не снабдишь его тотемом.

— Тотемом?

— Может, мне ещё раз повторить? — Обречённо вздохнула Син-аль-Ланг, видимо, осознав, с каким беспросветным тупицей связалась. — Да, тотемом, духи тебя побери! Существом, которое будет покровительствовать тебе, передавать часть своей силы, защищать. Ты должен убить его в честной схватке, один на один, а голову всегда носить на посохе, и тогда твой Пха обретёт настоящую силу, достойную шамана «аль».

Ну, конечно, как же без убийства...

Син-аль-Ланг дала мне последние наставления, а затем, совсем для меня неожиданно, по-матерински обняла, так что я даже вздрогнул. Но какое-то тепло, которого я раньше не знал и не чувствовал, растеклось по всему телу. Гоблинша покинула мой дом, а я ещё долго смотрел ей вслед, крутя в голове одну единственную мысль: «У меня появилась мама...»

ГЛАВА 5 По следу, или смертоносный тотем

Я скептически оглядел ползающих в болотной жиже охотников и вопросительно уставился на Кил-ин-Хака. Тот развёл руками, мол, всё нормально, с ума они не сошли, работа у ребят такая. Ну-ну, пока всё это было больше похоже на игру в крокодила, где гоблинам загадали показывать собак-ищеек.

Мы выехали из селения клана в самый разгар дня и собирались пойти на поиски ещё до наступления сумерек. Но для этого следовало сначала посетить место похищения — то самое, где всё также стоял, не собираясь развоплощаться, водяной элементаль. Но подобное никого не настораживало — наоборот, это говорило о том, что Мастер Рун-аль-Агх жив, так что оставалось лишь «взять след», для чего нам и выдали двух охотников. На первый взгляд ребята казались довольно суровыми — луки за спиной, колчан со стрелами на поясе, увешаны шкурами и с такими суровыми рожами, словно в любой момент готовы тебя расчленить на части. Но глядя на их попытки взять след я еле сдерживал себя, чтобы не расхохотаться.

Наконец, это небольшое представление окончилось, и один из охотников кивнул Лар-ин-Лину, что означало, судя по всему, обнаружение следа. Лар-ин-Лин на правах командира отряда, которым его назначил Учитель, приказал всем вновь седлать Улов и выдвигаться. Пятёрка выданных нам рагхом воинов вместе с охотниками ехала впереди, наша же троица шаманов — сзади. Отвратительнейшее построение из всех, которые можно представить. Даже мои скудные... хотя чего греха таить, в сравнение с местными, очень даже обширные познания в тактике и стратегии, почерпнутые из исторических книг, фильмов и (Ну кто не без греха?) компьютерных игр, просто вопили: воинов нужно расставить вокруг нас! Неужели живущие в болотах твари настолько тупы, что обязательно полезут в лоб отряда? Разумеется, они ударят либо в тыл, либо с боков, мы даже достать свои котелки не успеем! Своими размышлениями я и поделился с Лар-ин-Лином, который кинул мне в ответ настолько переполненный ненавистью взгляд, что я даже внутренне сжался, хотя и понимал, что если гоблин захочет испытать на мне свои шаманские штучки, а затем закопать у ближайшего деревца, то у меня есть что ему противопоставить: многие высшие ступени боевых духов мною были изучены на ура.

Но после получаса езды и внутренних препираний гордости и благоразумия, Лар-ин-Лин всё-таки сдался и приказал рассредоточиться вокруг нашей троицы. Я про себя только хмыкнул: затаил всё-таки зеленокожий, никто не любит, когда кто-то умнее его.

Привал мы устроили ещё до наступления сумерек, выбрав самый удобный островок, окружённый, словно стеной, несколькими толстыми деревьями, нависшими над нами, словно крыша. Лучшего места и придумать было нельзя. Но до наступления кромешной тьмы требовалось ещё соорудить хоть какие-то лежанки, развести костёр, привязать Улов, поставить дозор. Вызвался в дозор сам Их-руг-Ахт. Друид пояснил это тем, что ещё за версту почувствует хоть какое-то опасное приближение и незамедлительно сообщит. К нему были приставлены двое воинов, которые должны были меняться посменно. Так что, решив, что, продежуривав всю ночь, следующий день Их-руг-Ахт дрыхнет, а затем всё повторяется, мы развели костёр и принялись за ужин, вгрызаясь в твёрдое, но невероятно питательное мясо Живобрюха.

Я покосился на Пха Кил-ин-Хака и Лар-ин-Лина, на верхушках которых уже болтались

небольшие, лишённые кожи и мяса черепа-тотемы. Выбраны они были, как сказал мне Кил-ин-Хак, по принципу Судьбы. То есть намеренно искать свой тотем не стоит — не получишь той силы, которую мог бы. Он должен найти тебя сам, и только тогда его убийство приведёт к появлению Пха. Сложный народ, блин, эти гоблины...

Тотем Лар-ин-Лина, принадлежавший существу, сильно смахивающую на помесь белки и росомахи, нашёл его во время нашей поездки. Она незаметно подобралась к его Улу и шмыгнула в мешок с припасами, за что моментально и поплатилась, теперь став хранителем того, кого пыталась обокрасть. Беличья ирония судьбы какая-то.

У Кил-ин-Хака встреча с Судьбой произошла во время стоянки. Он пошёл на сборы веток для костра, а вернулся с местной пародией на лисицу: та попыталась его загрызть, ибо в ветках, которые он себе приметил, жили её детёныши.

Между прочим, на мой вопрос тому же Кил-ин-Хаку о том, почему бы не взять несколько тотемов — ведь чем больше голов, тем больше хранителей — гоблин посмотрел на меня как на умалишённого, и сказал, что думать о таком даже страшно. Ибо различные духи в одном Пха никогда не уживутся, начав уничтожать друг друга — а вся негативная энергия выплеснется на владельца посоха, а представлять что с ним будет дальше он разрешил мне самому. Я представил. Мне стало не по себе.

Мой же тотем как будто специально прятался от меня, не решаясь стать украшением посоха. Ну, что ж, отдаться Судьбе — самое разумное решение, к тому же жалеть о том, что на меня ещё никто не нападал, пускай этот «кто-то» и должен будет стать моей Судьбой, как минимум глупо. Поэтому я спокойно доел свой кусок и, наплевав на разговоры двух шаманов о том, где примерно может быть преследуемый нами тодплаг, рухнул спать на кучу переплетённых между собой веток. Эта поездка меня безумно вымотала — а то ли ещё будет...

Мне снился сон. Не знаю, стоит ли назвать его кошмаром, но точно помню, что мне было страшно, причём я сам не очень-то понимал, от чего. Я стоял у входа в какую-то гигантскую пещеру, вырытую в вздымающихся ввысь, теряющихся в небесах скалах. И слышал в своей голове монотонное: «Забери. Забери меня. Забери. Забери меня...». Затем я ступил в неё, несмотря на то, что внутренне абсолютно этого не хотел. Но тело двигалось само по себе, и тогда я подумал: чёрт, если я ничего не могу поделать, то зачем сопротивляться или волноваться? Будь что будет. И зашагал по темноте открывшегося мне тоннеля. Я не мог смотреть по сторонам, даже глазами шевелить у меня не получалось, но я каким-то образом знал, что на стенах тоннеля зияло множество дыр, окружённых различными письменами, и куда уводят эти дыры знали, пожалуй, лишь те, кто эти письмена создал. А кто? Этот вопрос пролетел как-то мимо, лишь чуть-чуть задев мой интерес и моментально испарившись. Ибо я вышел из тоннеля.

И оказался в просторном полукруглом зале, который пещерой назвать язык не поворачивался. Это был склеп. Горы костей, черепов, которые устремили взгляды своих пустых глазниц прямо на меня, словно пытаюсь понять, что этот карлик здесь забыл? А после появился свет. Они бил откуда-то из-за костей, освещая склеп и слепя глаза. И этот свет говорил: «Забери. Забери меня! Забери! Ты — Тот, Кто Не Умирает! Наконец-то! Забери!». Но затем черепа и кости зашевелились, начав собираться вместе и образуя причудливые формы скелетов, отчего-то не казавшимися мне страшными, хотя я понимал: они опасны.

«Скорее! Забери!» — мне показалось, или в голосе в моей голове послышались нотки грусти? А разве свет может грустить?

Твари, созданные из костей, приблизились ко мне, но я не мог ни двинуться, ни тем более что-то им противопоставить. Один из ходячих скелетов подошёл ко мне вплотную, так что наши взгляды пересеклись, и зашевелил своей застывшей улыбкой, выпуская изо рта леденящий душу голос:

— Уходи. Тебя не должно быть здесь.

«Забери!» — протестовал голос в моей голове.

Но у скелета были более весомые аргументы в пользу своих слов: он замахнулся непропорционально огромным кулаком, и я даже не успел испугаться, как кулак совершенно безболезненно опустился мне на грудь, пустив в длительный полёт. Исчез склеп, исчез тоннель и горы, мимо меня начали проноситься болота с их высоченными деревьями, какие-то каменистые нагромождения и холмы, различные селения, в которых не было никакой жизни. Всё это проходило для меня в такой тоске, словно я был птицей, летающей в этих местах ежедневно и видевшей всё это по тысяче раз. Но тут показался знакомый островок, а затем моё тело застыло, повисло в воздухе. Я взирал на самого себя, мирно дрыхнущего догорающего костра, на остальных гоблинов, что также сопели в голос. Я успел подумать, что здесь что-то не то, как вдруг меня притянуло к собственному телу, как к магниту, а затем...

Я проснулся.

Дышалось тяжело, как будто я только что пробежал марш-бросок. Всё тело было мокрое от пота, а мозг отчаянно пытался вспомнить что мне снилось. Это не было похоже на сон, точно! Как будто моя душа пустилась в путешествие по Пяте. Хотя нет. Как будто кто-то позвал мою душу. Во сне? Чёрт, я уже устал удивляться, поэтому ни черта не удивился, только ещё сильнее напряг мозги, вспоминая: ведь что-то же мне показалось наиболее странным в этом самом странном сне в моей жизни? Что-то, что не сразу бросается в глаза...

И тут по мне словно молнией шарахнуло: я вскочил, и, наплевав на все предосторожности, схватил Пха и кинулся прочь от стоянки. Не мог я всех разбудить и посеять панику, пока сам не буду убеждён, что дело — труба. По крайней мере, если я не сошёл с ума и этому сну действительно можно доверять.

Плюхнувшись по колено в болотную жижу и пожалев, что не разбудил Юлу, я двинулся по кругу исследовать территорию рядом с нашим островком. Ничего не обнаружив, сделал ещё один круг — также безуспешно. Часовых не было. Ни одного. Ни воинов, ни Их-руг-Ахта. Ушли с поста? Чушь! Не может такого быть. И в то, что им всем и сразу резко захотелось в кусты по-маленькому, не поверю. Напали? Кто? Ведь друид говорил что почует любую тварь на этих болотах!

Не прекращая всё больше и больше угнетаться собственными мыслями, я удалился от стоянки ещё дальше, сделав третий круг, и наконец обнаружил хоть что-то. Но не совсем то, что хотел.

Это была рука. Рука, которая крепко сжимала короткий меч, покоилась на островке недалеко от стоянки. Тела же рядом не обнаружилось, но от неё в сторону густых кустарников шла дорожка из крови. Почему я не вернулся и никого не разбудил? Не знаю. Но страха внутри меня не было. Лишь осознание того, что просто так я это не оставлю. И я последовал по кровавой тропинке, стараясь не спотыкаться о встречающиеся камни и корни, что в ночном лесу достаточно сложная задача.

Кусты были измяты так, словно по ним проехал бульдозер, а их сухие изломанные ветви

богато обрызганы кровью. Через десяток шагов мне попала недостающая часть гоблина: тело, лишённое ног и головы, было выпотрошено, кишки, частично съеденные, разбросаны где попало, вторая рука лежала метрах в трёх, повиснув на кустах безвольным мясом. Ещё месяц назад подобная картина вызвала бы у меня приступ тошноты и желание поскорее удрать отсюда. Но за этот месяц я слишком тесно слился с Гул-аль-Дуком и слишком часто видел кровь, чтобы струсить.

Я склонился над телом. Не Их-руг-Ахт, хотя с таким месивом ни в чём нельзя быть уверенным. Судя по всему, те, кто это сделал, а в том, что это точно не ребята из местных кланов, я не сомневался — не настолько гоблины кровожадны — решили перекусить по пути, раз уж удача преподнесла им улов аж в виде трёх зеленокожих. Вряд ли тут действовала одна тварь: несмотря на наш рост, целую троицу унести одному... ну нет такого монстра на болотах! Или есть?

Поднявшись, я было направился дальше по следу, но остановился, вспомнив, что я бесчувственный шаман гоблинов, и вытащил из-за пазухи нож... Через несколько минут мой вещмешок с ингредиентами пополнился внутренностями убитого: пригодятся при вызове духов высших ступеней.

Дальше крови стало меньше: либо остальных они не убили, либо сделали это очень аккуратно. Но вообще, как я понял, болотная нечисть любит свежак, поедает свою жертву пока та жива, получая непонятный мне кайф. Так что шансы на то, что друида со вторым часовым просто ранили, пока тащили, были. И всё-таки стоило поспешить: нутром чую — ещё прольётся этой ночью кровь.

Кустарники резко обрывались небольшим холмиком, в котором красовалась почти идеально круглая дыра. Пещера? Ох, и везёт же мне сегодня на них...

Я огляделся. Убедившись, что по близости никого нет, тихо, стараясь не шлёпать по выдающей мои шаги грязи, подобрался к пещере. Осмотрев камни, уложенные у самого входа, обнаружил пресловутую кровь. Значит, ребята там. Радоваться этому? Ох уж не знаю...

Мысленно осознавая, что точно ещё пожалею об этом, я нырнул в зев пещеры, и моментально застыл, окутанный крошечной тьмой. М-да, до кошки в плане зрения я не дорос, а факела, или чего-то в этом роде взять с собой не додумался. Вызвать бытового духа огня? Да шаз! Ингредиенты мне ещё понадобятся, да и разводить кулинарное шоу «гоблин готовит зелье» среди пещеры, в которую какие-то твари утащили не слабого друида с вооружённым стражником... И тут мне в голову пришла одновременно дурацкая, но, чёрт возьми, гениальная идея: коснувшись огненного амулета, висевшего на шее, я зашептал заклинание и, как только руна на нём загорелась, тут же захлопнул рот: не дай бог ещё запульнёт огненным клубком куда не надо. Зато теперь был какой-никакой, а свет, отдающий красноватым оттенком, отчего становилось не по себе, словно всё вокруг запачкано кровью.

Я медленно двинулся вперёд, держа в одной руке на изготовке Пха, а в другой нож, стараясь не смотреть под ноги и не думать о том, что под ними только что хрустнуло и чавкнуло. Пещера оказалась не такой уж и большой в высоту: всего два с половиной моих роста. Но, судя по всему, она была довольно длинной, но без разветвлений, что не могло не радовать: перспектива шастать тут подобно герою мифов Древней Греции по лабиринту минотавра меня не прельщала.

Сделав несколько поворотов по этому смердящему тоннелю, я услышал приглушённый

хриплый стон. Он доносился откуда-то впереди, совсем недалеко. Стараясь держать себя в руках и успокоить бешено колышущееся сердце, сделал несколько шагов вперёд. Затем ещё. Стон стал намного отчётливее, как будто тот, кто его издавал, находился прямо передо мной. Я сделал ещё один осторожный шаг, и свет амулета выхватил небольшое углубление в стене и лежащего в нём гоблина.

Он схватился за голову и залепетал, смотря в пол. Его руки и одежда были в крови и грязи, и чего тут больше с наскоку сказать было сложно... Но то, что это был Их-руг-Ахт — не подлежит сомнению.

Убрав нож обратно за пояс, я аккуратно коснулся плеча гоблина, и тут же отпрыгнул назад, уворачиваясь от его кулака.

— Уйдите! Уйдите! — Заверещал он, вновь хватаясь за голову. — Оставьте меня!

— Эй! Это я. Гул-ин-Дук. — Старался я говорить как можно спокойнее: друид явно был не в себе.

Гоблин убрал руки от головы и медленно поднял на меня взгляд покрасневших, испуганных глаз. Сначала этот взгляд был недоверчиво-подозрительным, словно он не верил, что я говорю правду, и на самом деле являюсь злым духом, принявшим обличие гоблина. Но затем взгляд Их-руг-Ахта прояснился, зеленокожий расплылся в безумной улыбке и кинулся мне в ноги:

— Именем мира духов! Именем моих отца и матери! Я вечный твой должник, Гул-ин-Дук! Вечный! Да будут духи мне свидетелями!

М-да, друид-должник — это, конечно, хорошо, но не та сейчас ситуация для разговоров. Кое-как вырвавшись из крепких «объятий», я встал на колени перед маячащим на грани радости, безумия и слёз гоблином и, положив руку ему на плечо, спросил, стараясь не выдавать в голосе того, что сам готов сдохнуть от страха:

— Что произошло, Их-руг-Ахт? Кто это сделал?

Гоблин скривился, как будто этот вопрос принёс ему физическую боль, но ответил:

— Псы-близнецы.

Вот тут пришло моё время кривиться. От осознания того, в какую непечатную точку мы попали. Об этих пёсиках, которые были отнюдь не милыми домашними животными, я прочёл не один трактат. И в конце каждого заглавным шрифтом, выделенным ярким цветом, говорилось: увидите псов-близнецом — бегите!

Не знаю, что курила природа этого мира, когда создавала псов, но получившаяся карикатура вряд ли вообще должна была существовать. Но факт остаётся фактом: она существовала. Псы-близнецы всегда рождались по трое. И всегда мужского рода. И только. Без исключений. И эта троица близнецов, которые назывались близнецами лишь для красного словца, ибо абсолютно не были друг на друга похожи, являла собой словно три части одного существа. Один из псов всегда рождался невероятно маленьким и хилым, не способным ни видеть, ни ходить, ни уж тем более охотиться. Но при этом он был невероятно злым и голодным до крови. Этот пёс отвечал за мозг в троице, и был невероятно мощным телепатом, отдающим двум своим братьям все команды и делившийся с ними своими знаниями. Он цеплялся за спину самого сильного из псов, словно опухоль, и жил, питаясь его кровью, подобно вампиру. Но его носитель не протестовал: ведь мелкая тварь убеждала его, что он сам этого хочет. Третий пёс был чем-то вроде следопыта с невероятно острым нюхом, слухом и зрением: он выслеживал добычу, мелкий паразит принимал от него сигнал, а его носитель делал своё дело, убивая цель, дабы насладиться своего брата свежим притоком

крови... Когда же приходило время размножения, следопыт менял свой пол на женский, совокуплялся с братом, и рождал трёх новых уродов, и так по кругу.

Теперь понятно, почему друид не почувствовал приближения опасности. Мелкий паразит просто притупил его чувства, а при внезапной атаке псов трём... нет, двум вооружённым гоблинам было не справиться — это факт. А ещё факт состоял в том, что я с какого-то перепугу припёрся к близнецам прямо в логово, и всё ещё тут, а не бегу сломя голову к стоянке, не бужу всех, объявляя тревогу и не сажусь на Юлу, убегая сломя голову куда-нибудь подальше от этого места.

Потому что ещё один гоблин всё ещё не найден...

Но, именем духов, я не герой!

— Их-руг-Ахт, вставай и беги отсюда. — Вздохнув, принял я решение. — Добежишь до стоянки, сразу собирай всех и двигай сюда. Но, клянусь, если ты не будешь бежать так, словно бежишь от самой смерти, я достану тебя даже в преисподней.

Вряд ли гоблин вообще знал, что такое эта самая преисподняя, но мой голос был твёрд и убедителен — меня аж самого пробрало. Так что он не стал задавать лишних вопросов, а, пошатываясь, поднялся и, кинув на меня тяжёлый, сомневающийся взгляд, всё-таки бросился в темноту, оставив за собой эхо удаляющихся шагов.

А я крепче перехватил Пха и повторил заклинание, ибо амулет уже начинал гаснуть. И двинул дальше по тоннелю, обещая себе, что, если всё пройдёт удачно, я обязательно затащу в постель какую-нибудь симпатичную гоблиншу. А то так и помру, не испытав все радости жизни. Эти мысли, отвлечённые от гнетущей тьмы, ужасного запаха и ощущения предстоящего медного таза, что накроет всё и вся, помогали хоть как-то сохранять спокойствие и двигаться дальше, пускай всё тело и тряслось, а сердце вот-вот норовило вырваться из груди.

Но тут тоннель резко ухнул вниз, под довольно крутым углом, так что я чуть было не рухнул, в последний момент удержав равновесие. Сняв с себя светящийся амулет, я опустил его пониже, выхватывая красным свечением землю, что располагалась в метре внизу. Ну, для человека не такая уж особо и высота, а вот для гоблина...

Взвесив все «за» и «против» и решив, что останавливаться уже поздно, прыгнул вниз, зашумев так громко, что автоматически схватился за уши, будто это могло смягчить эхо от моего неосторожного прыжка. И лишь тогда понял, что это не от меня столько шуму. Из темноты раздавалось громкое, пронзительное чавканье. Настолько громкое, что я мог начать петь и играть на барабанах одновременно, и всё равно не заглушил бы этот омерзительный звук. Про себя я понимал: надо валить, как можно дальше, как можно быстрее. Но какая-то другая, глупая, но, чёрт подери, смелая часть меня, упрямо-медленно начала делать неуверенные шаги. Я выставил руку с амулетом перед собой, расширив круг света, а затем вздрогнул, чуть было не выронив его и не заорав. Но в таком случае я был бы уже мёртв...

Свет выхватил три... нет, четыре фигуры. Вот только одна из фигур уже совсем не напоминала нечто живое — это была куча кишок, крови и мяса, некогда являвшимся гоблином. А вот три другие были вполне себе живы, что, надо сказать, невероятно удручало, ибо они являлись псами-близнецами. Один из псов, что в росте был выше меня раза в два, с аппетитом поедал останки моего сородича, а на его спине хрипело, высасывая из него кровь, существо, принятое мной сначала за опухоль, но теперь постепенно принявшее очертание крохотной скелетообразной собачонки. Следопыт также лакомился вместе с братьями, и, похоже, внимания на меня не обращал, слишком увлёкшись ранним завтраком, и потому

даже не учуяв меня. Что ж, удача, которая непонятно каким местом и в какие моменты ко мне поворачивается, сейчас явственно дала понять: вот он, шанс, не надо мучить судьбу. И я не стал её мучить.

Шаг назад. Ещё. Медленно, стараясь не шуметь. На хрена я вообще сюда полез?! Кто просил?! Неужели сам не понимал, что со стражником — всё, капут, если они его не заготовили на обед, как Их-руг-Ахта, значит, уже сожрали. Ещё шаг. Но нет же, надо было убедиться, почувствовать себя героем! Снова шаг. Ну что, почувствовал, придурок ты зеленокожий?! Хрясь!

Я опустил взгляд вниз и обнаружил кость. Переломанную моей ногой. Чавканье резко оборвалось, и я прямо-таки почувствовал, как из темноты на меня смотрят шесть озлобленных глаз. Услышь какая-нибудь учительница русского и литературы весь тот мат, что сейчас пробежал у меня в голове, она, наверное, повесилась бы, или сошла с ума. Да я и сам был на грани...

Нависшая тишина весела ещё секунды две, пока я наконец не взял себя в руки и, развернувшись, прыгнул вверх, ухватившись за край выступа тоннеля, а затем, кряхтя, ввалился в него. Что-то клацнуло в считанных миллиметрах от моей ноги, но я успел вовремя её подтянуть и, перекатившись, вскочил, бросившись вперёд. Тоннель довольно узкий, разбежаться не то чтобы получится, так что разогнаться у псов возможности не будет — шанс есть. Но только если я буду шевелить своими ножками изо всех, мать их, сил! Что я и делал в меру возможностей, и даже больше того.

Сзади раздались злобные рыки, что только подтолкнуло меня бежать ещё быстрее, хотя мои ноги и так уже горели адским пламенем. Почему-то подумалось, что это был бы неплохой спорт — пускать за гоблинов псов-близнецов. Тогда бы все зеленокожие стали отличными бегунами... Подобный бред всегда приходит в мою голову во время жуткого страха, словно мозг отчаянно старается упрятать меня от действительности. Но вновь раздавшийся холодящий душу вой вернул меня к реалиям: прямо за моей спиной три невероятно злых твари, две из которых способны в мгновение ока превратить меня в то же, что сделали со стражниками. Эта мысль прыснула мне в мозг адреналина, и я ускорился, что, как я осознавал впоследствии, было просто каким-то чудом.

Амулет начал гаснуть, но ни сил, ни желания повторять заклинания у меня не было, так что выныривал из пещеры я, окутанный кромешной темнотой скорее наугад, нежели что-то рассчитывая, ибо снаружи было ненамного лучше, чем внутри: стояла ночь, что на болотах означало не время для прогулок. Отдышавшись и постаравшись хоть что-то разглядеть, что у меня всё-таки вышло, пускай и с трудом, я скатился с каменистого холма, плюхнувшись в грязь и, не помня себя от ужаса, начал пробираться через неё, непозволительно сильно замедлившись. За спиной раздался скрежет когтей о камень: один из братьев вышел на охоту...

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Я спиной почувствовал, как хищная тварь разглядывает меня, беспомощно продирающегося сквозь грязевую ловушку, как паук смотрит на запутавшуюся в его паутине жертву. А затем ощутил её прыжок. Лёгкий, продуманный и... сильный. И в этот миг я разозлился. На свою беспомощность, на то, что вообще во всё в это вляпался, на мерзкую природу, что придумала подобных зверей, на судьбу, в конце концов! И, перехватив Пха наподобие биты, развернувшись, с размаху выпустил эту злость на рожу изумлённо пискнувшей твари. Следопыт — а это оказался именно он — невольно изменил траекторию

полёта, плюхнувшись в метре от меня и прокатившись до самой воды, потонув в болотной жиже по холку. Чёрт, в бейсболе я бы имел успех.

Но наивно было предполагать, что удар палкой хотя бы отключит пса. Так, ошарашил, немного подкорректировав время жратвы — не более того. Но я продолжил выбираться. Настырно, не веря в успех, но продолжил спасаться бегством. И, наконец, выбравшись из толстого слоя грязи, провалился в воду, проклиная всех и вся за то, что в этом мире до сих пор не научились делать дороги.

Хрип, что раздался слева, заставил меня невольно обернуться: Следопыт, пошатываясь, вынырнул из воды и отплевался, ища свою добычу взглядом. И, наткнувшись на меня, хрипло зашипел, начав медленно ко мне приближаться, на этот раз став более осторожным.

Я обречённо опустил руки. Всё. Конец. Ну, не положено шаманам сражаться вот так. Им нужно находиться в кругу тяжело вооружённых войск, под надёжной защитой, спокойненько себе творя заклинания, а не так, нос к носу с противником, да ещё и по грудь в воде... Да будут прокляты эти болота!

Но сдаваться без боя я не собирался. Выхватив кинжал, отвёл его в сторону, намереваясь в любой момент использовать по назначению, а Пха выставил перед собой — какая-никакая, а всё-таки защита. Зверь — может, мне показалось? — улыбнулся. Или ослабился? Словно бы говорил мне: «Не-е-е, еда, теперь тебе ничего мне не сделать», и ускорил шаг, отчего вода вокруг него начала расходиться в стороны мелкими волнами.

И тут произошло нечто, что отложилось у меня в памяти смутной, расплывчатой картинкой. Ибо я просто не мог предположить подобного — ну, не укладывалось у меня, попрощавшегося уже с жизнью, это в голове! Посох в руке вдруг начал ярко светиться — настолько, что в сравнение с этим свечение от амулета — птьфу и растереть! А в следующее мгновение... от него отделился яркий голубой туман, своими очертаниями напоминающий какое-то большое животное по типу быка. И этот туман, издав протяжное рычание, кинулся в сторону оторопевшего пса. Следопыта окутало этим сиянием по всему телу, он заскулил и завертелся, словно пытаясь сбросить его с себя. Но ничего особенно у него не вышло: свечение вдруг резко застыло и начало сжимать пса, как будто пыталось раздавить. Следопыт громко завыл, обессилено пытаясь сделать хоть что-то, а затем раздался звук, похожий на хруст, и вой резко оборвался, а мёртвая тушка хищника плюхнулась в воду. Свечение испарилось, словно его и не было, а я всё продолжал стоять, пытаясь понять: сошёл ли я с ума, или всё это только что произошло на самом деле?

Но визг, раздирающий душу, донёсшийся со стороны пещеры, взбодрил лучше любого энергетика: похоже, мелкий кровопийца понял, что посылать одного лишь брата, недооценив мелкого зеленокожего, было, как минимум, опрометчиво, и сейчас сюда топала, вызывая громкое эхо, скала из мяса и клыков — мстить за кровь сородича.

Я попытался не обращать внимание на шум в голове и раздирающие тело изнутри боли: наплевав на всё, стал продираться сквозь болотную жижу к ближайшему островку, богато осыпанному кустарниками. Руки тряслись, ноги подкашивались, но я шёл. Шёл, подгоняемый особенно страшным в этой тьме визгом, думая лишь о том, как же тут много воды, а также о том, что я никогда ни за что не стану чёртовым Водяным шаманом!

Но вот ноги блаженно ощутили твёрдую поверхность земли, а тело захотело рухнуть прямо здесь, забыв о псах, крови и усталости. Ага, разбежалось! Я мысленно дал себе обалденно больную оплеуху, и доковылял до кустов, затерявшись в них настолько, насколько позволял мой рост: а в этом плане он позволял многое... И, периодически бросая

взгляд в щель между ветвями куста, торопливо отломил несколько и, бросив на землю, дрожащей рукой снял с пояса котелок...

В тот момент, когда из пещеры высунулась оскалившаяся пасть брата только что заваленной мною непонятно как твари, я уже успел поджечь хворост и накалил до нужной температуры котёл, в котором после моего импровизированного заплыва болотной жижи было — хоть впятером хлебай, немного даже пришлось выливать, так что основа для зелья у меня была просто отличная. Но трясущиеся руки... Я сделал вдох-выдох, попытался взять себя в руки. Получилось. По крайней мере, мои пальцы уже не пытались сыграть мелодию на невидимом пианино.

А пёс тем временем, приняхиваясь, спустился к воде и дошлёпал до тела брата. Мерзкая тварь, присосавшаяся к его спине, выглядела особенно мерзко именно сейчас, когда её теперь было видно лучше, нежели в пещере. М-да, здешней природе надо бы показаться психиатру...

Но слишком длительной скорби по усопшему не последовало — точнее, не было вообще никакой скорби: просто огромный пёс раскрыл свою огромную пасть и... сомкнул её на шее мёртвого Следопыта, откусив порядочный кусок. А мерзкая субстанция на его спине начала весело качать ново хлынувшую кровь. Эта жадность, заставившая брата не упустить выгоды даже из смерти родственника и перекусить им, позволила мне найти и высыпать в начавший бурлить котёл нужные ингредиенты. Вспоминать требуемого объёма, или открывать книгу с записями не пришлось — призыв данного духа был выработан мною почти до автоматизма. Ни мгновения нельзя было терять впустую: несмотря на то, что главный нюх среди братьев был именно у Следопыта, второй пёс также был способен вынюхать меня, тем более на таком плёвом расстоянии. То, что он был так занят поеданием родственника и всё ещё не учуял меня — есть ни что иное, как удача. Огромная такая и абсолютно неожиданная, как и тот странный дух, что прятался в моём Пха. А две удачи подряд... чувствую, моя длительная чёрная полоса вот-вот наступит.

И она, стерва такая, не заставила себя долго ждать.

Я только начал нашёптывать заклинание, входя в транс, как край глаза выловил движение, принадлежавшее чему-то большому: пёс окончил трапезу, и теперь решил продолжить преследование зелёного коротышки. Но я не прервал транса, не прекратил читать заклинание. Шанс был только один. Попытаться бежать — значит пойти на стопроцентное самоубийство. А мне лишь недавно так понравилось жить!

«Привет... помоги мне...» — насытившийся дух земли довольно кивнул, и сгусток энергии начал послушно скапливать в руке, а сбоку раздались быстрые шаги. Я вскочил, опрокинув котёл, и отпрыгнул в сторону, одновременно с этим бросая сгусток в землю. В ту же секунду огромный заострённый камень вырвался из земли в том месте, куда только что упал сгусток, и пробил застывшего в прыжке монстра в районе груди. Тот взвыл и забарахтался лапами, как будто пытался достать ими до земли и добраться до ставшего вдруг таким ненавистным гоблина. Но смотреть на эту пантомиму я не собирался: мозг даже ещё не успел что-либо подумать, а рука, державшая Пха, уже выбросилась вперёд, проткнув острой частью посоха голову пса насквозь. Кровь брызнула настоящим фонтаном — монстр ещё несколько мгновений дёргался, но уже скорее поддаваясь мышечной памяти, и застыл, повиснув на камне-ловушке. Живая же опухоль, которая теперь, лишившись братьев, стала абсолютно беспомощной, в последней попытке выжить, начала пытаться взять мой мозг под контроль, но злость и адреналин, которые сплелись во мне воедино, разбили её попытки в

пух и прах. А затем я, оскалившись, так что даже на морде этой твари появилось нечто вроде гримасы ужаса, достал нож и сделал шаг в её сторону...

* * *

— Вон там! — указал в сторону пещеры Их-руг-Ахт, и охотники с двумя стражниками медленно двинулись через воду к холмику, держа наготове мечи и луки.

Кил-ин-Хак направился за ними, а Лар-ин-Лин вместе с одним стражников остался вместе с друидом, предусмотрительно начав готовить зелье и косясь по сторонам, стараясь определить, нет ли поблизости какого-нибудь любителя позднего ужина... или раннего завтрака. Потому что после произошедшего чувствам друида он не особенно и доверял.

— Уй-ай! — вскрикнул один из охотников, зацепившись за что-то и рухнув с громким плеском в воду.

В ту сторону тут же последовал выстрел его напарника, и гоблин, вынырнув, заорал:

— Ты что, рагхакк совсем, что ли?! Куда стреляешь?! Я просто упал!

— Просто? — Спокойно отреагировал на его тираду охотник, опустив лук и указав когтистым пальцем на воду рядом с гоблином. — А это тогда что?

Тот посмотрел на жижу возле себя и недоумённо уставился на торчащую из какой-то массы стрелу. Причём масса явно не выдавала никаких признаков жизни.

— А ну-ка, помогите мне, — подозвал охотник стражников, и те, опустив руки в воду, ухватили эту массу и, хрипя, приподняли над водой.

— Именем духов! — Удивлённо взметнул брови вверх подошедший Кил-ин-Хак. — Это же...

— Туша Следопыта. — Закончил за него также приблизившийся к находке Лар-ин-Лин. — Не знаю, что тут произошло, но полагаю, что Гул-ин-Дук мёртв.

— Ну да, — усмехнулся один из охотников. — А что тогда скажете по поводу отсутствия головы твари?

И действительно: тело было обезглавлено, причём довольно аккуратно: на укус похоже не было, да и не найдётся ни на каких болотах существа, способного откусить, или хотя бы оторвать голову Следопыту!

— Да что тут, в конце концов, произошло? — С явным напряжением в голосе, не отрывая взгляда от обезглавленной туши монстра, спросил Кил-ин-Хак скорее не кого-то конкретного, а всех и сразу, ожидая ответа хоть от кого-то, потому что у него самого уже голова шла кругом.

— Сейчас выясним, — кивнул спокойный охотник, и, наклонившись над водой, стал что-то нюхать, а что — знал только он один. Но вот, он дёрнулся, и стал пробираться к ближайшему островку. — Туда! Там запах крови.

Все двинулись за ним, вновь похватав оружие и оставив резко ставшее неинтересным мёртвое тело пса в болотной жиже.

Продравшись сквозь кусты, гоблины вздрогнули и лишь каким-то чудом подавили в себе желание сбежать куда подальше, ибо среди поломанных веток и примятой травы красовалась картина, писаная маслом: огромный валун, торчащий из земли под тупым углом, пробил тело второго пса, причём в такой позе, словно поймал его прямо в прыжке. А подле камня, еле заметное из-за своей схожестью с комком грязи, нежели с живым

существом, валялся и третий близнец. И оба тела были обезглавлены всё так же аккуратно, ювелирно...

— Чертовщина какая-то, — высказал своё мнение один из стражников и, только напряжённый Лар-ин-Лин собрался огрызнуться на него, как откуда-то из-за кустарников раздался плеск воды.

Все вздрогнули и подпрыгнули в единое мгновение, словно специально повторяя друг друга. Зеленокожие переглянулись. Массовые галлюцинации? Последующий плеск позволил убедиться: нет, там, неподалёку, буквально шагах в десяти действительно кто-то есть.

— Всем рассредоточиться полукругом, — немного дрожащим голосом проговорил Лар-ин-Лин мя свой посох с такой силой, как будто собирался его разломать. — И оружие на изготовку... Кил-ин-Хак, готовь котёл...

Все гоблины дружно хмуро кивнули, и стражники с профессионально-бесшумной быстротой скрылись в кустах. Кил-ин-Хак вместе с Лар-ин-Лином уже начали былс доставать свои котелки, как оттуда, куда пошли воины, раздался дикий, громкий... смех. Друид и шаманы вместе с защищавшими их охотниками переглянулись.

Из кустов вышел, смеясь и вытирая бегущие из глаз слёзы, один из зеленокожих. Его меч покоился в ножнах, и вся былая хмурость куда-то улетучилась и исчезла. Стараясь чётко выговаривать слова, что было довольно тяжело, ибо он постоянно смеялся, стражник всё-таки выдавил:

— Он... там... посмотрите... ну это ни в какие ворота!

Первыми решились охотники. Несмотря на попытку Лар-ин-Лина, как командира отряда, остановить их, они также исчезли в зарослях, а через несколько томительных секунд утренние болота вновь взорвал грохот смеха. Оставшаяся троица долго не решалась последовать за остальными, но в итоге, всё-таки достав на всякий случай разделочные ножи, также пошла в указанном направлении. А выбравшись из кустов и оказавшись на другой части островка, гоблины не смогли выдать из себя ни звука, и под бравый смех остальных с высоко взметёнными вверх бровями смотрели на Гул-ин-Дука, купающегося в болотной жиже и смывающего с себя остатки крови, периодически переводя взгляд на одежду, сушащуюся на берегу, рядом с которой лежали в ряд, по росту, три головы с оцетинившимися мордами...

ГЛАВА 6 Логово, или кому нельзя доверять

Мы ехали... наверное, это можно назвать словом «напряжённо». Никто за все те часы, что мы пересекали территории болот, не проронил ни слова: даже Кил-ин-Хак, который любил поболтать со мной, разузнать побольше о моём способе использования духов, или просто посмеяться, сейчас сосредоточенно уставился в спину едущего перед ним стражника. М-да, тяжёлая ночь вымотала всех, кроме, конечно, наших любимых Улов, которые, выпавшиеся и сытые, довольно высунув языки, наслаждались собственным бегом.

После случившегося трупы двух гоблинов, точнее, то, что от них осталось, было решено похоронить прямо там, на стоянке — скорее всего, конечно, за ними придут какие-нибудь ночные твари, учуяв запах мяса, но возвращаться в поселение не было ни сил, ни времени, а духи принимают в свои врата всех, даже неправильно упокоенных.

А после пустились в путь, но уже изменив построение: теперь спереди ехало двое, по бокам и сзади по одному. Наша троица в купе с друидом — в центре. Между прочим, Их-руг-Ахт выглядел хреново. Действительно хреново. Его, конечно, подлатали, да и в сравнение с теми двумя бедолагами он ещё легко отделался, и всё же... Чую, думает сейчас гoblin о том, что зря мы не взяли хотя бы одну ученицу Син-аль-Ланг. Нам бы сейчас не помешала неплохая медицинская помощь, а мне лично — разгрузка от милой гoblinши. И не в том плане, в котором вы подумали! Просто в способности местных знахарок входит и «облегчение мысли» — они как бы проводят психологическую релаксацию с пациентом, удаляя из его головы все ненужные страхи и мысли, что пали на плечи нелёгким грузом. После такой весёлой ночи для меня нечто подобное — самое то. Радовало лишь одно — пускай и натерпелся на несколько лет (Читай — десятилетий) вперёд, но ведь обзавёлся тотемом, да каким!

Я покосился на Пха в своей руке, что теперь был истинным посохом шамана, а не просто какой-то косточкой. Его верхушку украшали три бьющиеся при скачках друг об друга головы, теперь являвшиеся голыми черепами. Это Кил-ин-Хак постарался, уж в плане огненных духов он ещё тот спец! Просто поджарил головы псов, так что с них слезло всё лишнее — осталась лишь белая кость. К верхушке посоха черепа были привязаны прочными жгутами, с вселёнными в них духами земли, средненькими, конечно, но всё-таки: повесил на зачарованную духом верёвку черепа псов-близнецов — вот тебе и артефакт. Раньше такие артефакты продавались в любой лавке и были у каждого ребёнка, но, увы, этот мир давно пережил свой расцвет.

Как объяснили мне, несведущему, подобный по силе моему Пха артефакт в клане имеется, почитай, лишь у рагха, да у его приближённых, как, например, Учитель. И чтобы гoblinу досталась честь иметь трёх хранителей — это, во-первых, невероятная удача, а во-вторых... да не было никаких во-вторых! Просто удача, да и всё! И никак это по-другому не назвать. И от того, на самом деле, становилось немного не по себе, словно этот Пха, столь мощное оружие, что получил я, а не, скажем, Лар-ин-Лин, который сведущ в шаманизме побольше моего, я не заслуживаю держать в руках, пускай души, заточённые в моих тотемах, считают иначе и безоговорочно преданы мне, хоть совсем недавно и пытались уничтожить. И, кстати, на вопрос о том, могу ли я иметь три тотема, Кил-ин-Хак не без зависти в голосе пояснил, что братья по крови, тем более настолько близкие, что разделяли разум на троих, считаются за одно существо — их души не станут спорить друг с другом, а значит, кто мне

запретит?! Тем более что три души — в три раза большее количество энергии, что я способен выложить. А если учесть, что во мне её и так вагон и маленькая тележка... ох, понятно, почему все эти часы езды на меня косятся с таким напряжением. Я ж теперь для них как качок-профессионал для хлюпика-новичка — дури море! И подобное ничуть не успокаивало... вернёмся в поселение — предстоит готовиться к чему-то, что я ещё сам не осознаю, но, чёрт подери, чувствую.

— Пррр!!! Стоять! — Неожиданно скомандовал один из охотников, и я резко натянул поводья, чуть не полетев головой вперёд.

Юла, пискнув, обернулась на меня, состроив неодобрительную рожицу, мол, какого, хозяин?! Мне оставалось только пожать плечами и, чтобы моя девочка не обижалась, пуститься в разборки:

— Чего остановились?! Ты мне чуть Ула не угробил! — Постарался я придать своему голосу грозность. — Может, отдохнём как доберёмся до границы?!

— Мы на территории границы топаем уже сто лап, — спокойно выдержал мои обвинения охотник. — Впереди логово тодплагов, так что спешиваемся.

Я примирительно кивнул, сторя со стыда. Попытался показаться внушительным шаманом, достойным приставки «аль», а в итоге проявил себя как невнимательный и неопытный тип, так и не компенсировав себя перед Юлой. Да и сдержанные смешки за спиной не давали повода для гордости.

Спрыгнув с ящериц, мы повели их дальше за поводья. Деревья стали появляться всё реже, и постепенно из густой чащи мы выбрались на ярко освещённый болотный участок, богато усыпанный камышами и травой, но абсолютно лишённый деревьев. Все стали идти тише и медленнее, и я решил последовать их примеру. Как выяснилось несколько секунд спустя, решение оказалось верным, ибо через несколько шагов мы все разом пригнулись, потащив за собой и тут же бряхнувшись на пузо Улов, завидев невдалеке шалаш одного из тодплагов, как, в общем-то, и одно из его обитателей.

Эта лягушка-переросток с человеческими руками и ногами сидела возле шалаша и била о камень недавно пойманную рыбу, которая, судя по всему, никак не хотела умирать, что сильно раздражало уродца. На нас он внимания не обращал, хотя если бы внимательнее пригляделся, то точно спалил бы нас — как пить дать! Ибо если моя умничка Юла вполне себе могла спрятаться за высокой травой, то гиганты моих спутников при всём желании не смогли бы скрыть свои могучие спины.

— Это смотритель, — прервал затянувшуюся и гнетущую тишину охотник. — Значит, их логово совсем близко, но просто так мимо него мы не пройдем.

— Убрать? — Коротко бросил второй охотник, смотря на Лар-ин-Лина.

Тот молча дал добро.

Охотник медленно приподнялся, одновременно с этим выставляя перед собой лук и доставая стрелу. Затем натянул тетиву, прицеливаясь краткий миг, и бесшумно разжал пальцы. Последнее, что услышал в своей жизни так и не успевший позавтракать тодплаг — свист разрезавшей воздух и вонзившейся ему прямо промеж глаз стрелы. Ого! Не гоблин, а эльф какой-то...

Тело жабы ещё не успело рухнуть, как мы добрались до него и совместными усилиями затащили в шалаш. Если тело и найдут, то не сразу — тодплагов, при всей их необычности, нельзя назвать умными.

— Он жрал... — встретил меня задумчивым взглядом на выходе Их-руг-Ахт — То есть,

пытался сожрать рыбу. Значит ли это, что мы опоздали, и Рун-аль-Агх уже съеден?

— Или, — вмешался Кил-ин-Хак — Его поставили сторожить селение на время приготовления к жратве. Обычно они сторожевых не ставят — не видят надобности, поскольку большую часть времени проводят не на территории логова, а разбредаясь по болотам в поисках пищи. — На мой недоумённый взгляд он застенчиво пояснил: — Я тоже люблю читать...

— Если там, в логове, собрались все тодплаги округа, — нахмурил Лар-ин-Лин — То мы не сможем даже к ним на порог ступить, как будем одурманены и повешены над костром.

— Есть предложение, — решил я всё-таки внести и свою лепту в разговор, приметив глазом большой нагромождение хвороста недалеко от шатра и указав на него пальцем. — Это же что-то вроде заготовки для сигнального костра, так?

Глаза охотников вдруг понимающе расширились, и они оба заулыбались во все свои хрен знает сколько клыков:

— Всё понятно! По Улам!

Никто не стал спорить, даже Лар-ин-Лин, несмотря на то, что он тут, как бы, главный. Мы просто вновь оседлали своих ящериц и поскакали в сторону виднеющейся впереди, подле небольшого холма, рощицы. А охотники то, смотри, какие молодцы! Поняли без каких бы то ни было разъяснений, пускай оно и понятно — на охоте то не особенно наговоришься, нужно объяснять всё коротко, быстро, без лишних слов.

У подножия холма мы остановились, и гоблин, вновь достав свой лук, вытащил стрелу и обмотал её наконечник старой тряпкой, протянув его мне:

— Ну давай, гений.

Я усмехнулся и, взяв в руку амулет огня, прошептал заклинание, сориентировав силу так, чтобы ненароком не поджечь охотника. Руна засветилась привычным красным светом, и с неё слетела слабая искорка, которой, впрочем, вполне хватило для того, чтобы тряпка запылала ярким огнём. Зеленокожий тут же натянул тетиву, и пустил стрелу в длительный полёт. Как обычно, он не промахнулся. Стрела, пролетев под острым углом, ухнула вниз, нырнув прямо в кучу хвороста, который незамедлительно загорелся, представ перед нами в виде замечательного сигнального костра. Он как бы вопил: «На помощь, тут чужие! Бросайте все свои дела, и бегом сюда!». Теперь, что бы тодплаги не делали, они сбегутся на зов, ибо защита от опасности всегда превыше всего. И, полагаю, прежде чем они догадаются что всё это — западня, у нас будет минут десять. Но не больше — всегда стоит рассчитывать на худшее.

Мы взобрались на холм, проехав ещё с сотню лап (Радует, что, пускай и постепенно, но я начал принаравливать к местным исчислениям расстояния), и оказались у самого селения тодплагов. И, надо сказать, что их архитектура ничуть не впечатляла.

В отличие от поселения гоблинов, этих тварей ничуть не смущали деревья, и потому они селились прямо в чаще, обустривая свои шалаши либо у самых корней природных гигантов, либо же крепя не внушающие доверия конструкции прямо на деревьях, и уже на них строя свои импровизированные дома. Объединены они были шаткими подвесными мостиками, или примитивными деревянными лестницами. Никаких дорожек, или чего-либо подобного не было: лишь только через все шалаши тянулись кривые сети с рыбами, костями и какими-то деревяшками. Никакой схемы, или композиции в постановке домов не было — здесь царил истинный хаос для перфикциониста: строилось всё где попало, только бы место

было...

— Дыра, — выдохнул я, наглядевшись на всю эту красоту.

— Ещё какая, — подтвердил Кил-ин-Хак, а затем, спрыгнув со своего Ула, шикнул: — Ложись!

Все незамедлительно последовали его примеру, и через несколько секунд мы уже провожали взглядом пробегающую мимо толпу тодплагов, вооружённую кто чем попало — начиная от обычных палок и заканчивая заточенными на концах костью. Да уж, конечно, один на один любой из нас справился бы с тодплагом, даже не вспотев, но, чёрт, как же этих тварей было много...

Как только вся эта толпа, с улюлюканьями и боевыми кличами, скрылась за холмом, ведомая светом от сигнального костра, Лар-ин-Лин тут же начал отдавать указания, снимая свой котелок:

— Кил-ин-Хак, заточи как можно больше амулетов не ниже второго ранга — в случае, если нужно будет отступить с боем, то времени на то, чтобы варить зелья, у нас не останется. А амулеты пускай и менее сильны, но если их сделать достаточное количество... В общем, ты понял. Остальные, — обернулся он к ждущим приказа стражникам и охотникам. — Рассредоточиться по периметру и дать сигнал об их возвращении сразу же, как только заметите! По местам! — гоблины сразу бросились врассыпную, исполнять поручение. — Их-руг-Ахт и Гул-ин-Дук, пойдёте искать Мастера-над-Водой, и в темпе: у вас почти нет времени!

Мы с друидом молча кивнули. По сути, всё правильно: в плане заточки амулетов — то есть заточении духа нужного ранга в предмет — я как минимум некомпетентен, и потому лучше доверить это дело опытным Кил-ин-Хаку и Лар-ин-Лину. Их-руг-Ахт им ничем не поможет, а вдвоём поиски пройдут быстрее. Вот уж не ожидал от нашего командира такой хватки — похоже, в экстренных ситуациях гоблин даже умеет думать.

Достав на всякий случай нож и покрепче сжав Пха, я уверенно кинулся обыскивать шалаши. Их-руг-Ахт направился следом, также заглядывая в каждый из домов. Сердце стучало учащённо. В воздухе как будто повисло тяжёлая атмосфера, что я ощущал на физическом уровне. Они где-то там, рядом, их целая орда, у нас нет времени... Я чувствовал себя сдающим ЕГЭ одиннадцатиклассником, не успевающим сделать и половины заданий, когда до конца остаются считанные минуты, только в тысячу раз хуже...

Я оббежал все шалаши, которые только были в этом треклятом селении, но не нашёл ни намёка на Рун-аль-Ахга. Неужели его уже сожрали?! И когда успели?! Стало не по себе. В душе я понимал, что этого не может быть, но вот, мои глаза ведь меня не обманывают, старого гоблина не видно ни в связанном, ни в разделанном, ни в каком-либо другом виде! Выйдя из очередного шалаша ни с чем, я наткнулся на Их-руг-Ахта. Судя по выражению его лица, друид также ничего не обнаружил.

— Ты точно исследовал всю часть селения? — Чувствуя, что здесь что-то не так, исключительно для проформы спросил я.

— Точно, — с напряжением в голосе ответил друид и, остановив на мне взгляд, неуверенно протянул: — Тебе ведь тоже кажется, что это странно?

Я молча кивнул.

— Ни намёка на разделочные столы, костры для запекания пищи... — продолжал размышлять вслух Их-руг-Ахт. — Они не едят сырое мясо — пускай и частично, но они близки к нам по своей генетике и образу жизни. Животные повадки в них составляют лишь

часть сущности. Так что же, они просто съели его так, сырым? С одеждой?

— Он точно где-то здесь, — согласился я с его доводами. — Но с фактами не поспоришь: мы обыскали всё, но нигде его не нашли.

— А может, просто плохо искали? — Сощурился гоблин, посмотрев на меня так, что я неожиданно для самого себя всё понял.

Кто же оставляет добычу без охраны?! Но мы не увидели ни тела старого гоблина, ни стражи! А если учесть, что тодплагги прекрасно умеют наводить морок... Какие же мы идиоты!

— Нужно исследовать поселение ещё раз, — заметив, что я всё понял, кивнул друид. — И на этот раз внимательнее СЛУШАТЬ. Старик умён — он должен подать нам хоть какой-то знак.

На этот раз, оказываясь в шалашах тодплаггов, я не просто окидывал помещение взглядом и следовал к другому жилищу, но и внимательно прислушивался к любому шороху, любому писку или чему-то, что могло бы выдать Мастера-над-Водой. Заглядывал под грубо сколоченные столы, даже открывал сундуки и водил руками, будто слепой, пытаясь коснуться спрятанного мороком старика. Ничего. И в пяти следующих шалашах я также ничего не нашёл, в глубине души надеясь, что на него наткнулся Их-руг-Ахт. Последний шестой шалаш вообще был пуст: в прошлый раз, заглянув в него, я тут же его и покинул: не было ни столов, ни скамеек, ни хвороста, ни хотя бы косточки, которые в других шалашах занимали изрядную площадь. Но всё же я решил проверить, чувствуя себя очень глупо. Вновь начал шарить руками, даже прикрыл глаза, прислушиваясь. Спустя несколько минут пародии на слепого, я сдался и, выдохнув, открыл глаза. По-прежнему ничего. Что ж — я пожал плечами — значит, друиду должно повести больше...

Развернувшись, я сделал шаг за порог, как вдруг моё ухо дёрнулось:

— ммммм... — звук, донёсшийся до моего слуха, был настолько слаб, что я сначала принял его за дуновение ветерка. Но затем: — ммммм!

Я вновь сделал разворот на триста шестьдесят градусов, ухватив Пха наподобие копья. Висящие на нём черепа задорно заколотились друг о друга. Я слышал — я точно слышал его! И каким же, именем духов, я был идиотом: пустой, абсолютно пустой шалаш! Да где такое видано?! Ни веточки, ни даже пыли! Эх, кто бы ни навёл этот морок — перестарался с антуражем, это точно. Теперь не оставалось сомнений: старик где-то здесь, нужно было лишь поискать — в конце концов, это не поместье, тут максимум десять квадратных метров.

Не выпуская из рук посох, я начал медленно «сканировать» помещение взглядом, аккуратно двигаясь вперёд, стараясь вглядываться в каждую точку и слушать. Каким бы сильным ни был морок, если ты знаешь, что ищешь, и прикладываешь к этому определённые усилия, то найти это «что-то» будет не проблема. К тому же предмет моих поисков сам очень хотел, чтобы я его нашёл. Мычание становилось всё более и более отчётливым, по мере того, как я приближался к левому краю шалаша. А как только мой взгляд скользнул в самый угол, то уловил еле мерцающую тень, по мере приближения принимающую чёткую форму, и, наконец, вынырнувшую из мрака.

— ММММ!!! — настойчиво промычал Мастер-над-Водой, лежащий на земле с кляпом во рту и связанный по рукам и ногам.

Выглядел он, надо сказать, ещё хуже Их-руг-Ахта, когда я нашёл того в пещере псов-близнецов: одежда превратилась в лохмотья, за грязью с прилипшей к ней кровью не видно лица. Видимо, тодплаг, таща беднягу через болота, не очень-то переживал за его

сохранность — к тому же, старик явно был измотан, он двигался то с трудом, своими потугами скорее говоря о том, что всё ещё жив, нежели показывая, что может передвигаться.

— Спокойно. Я пришёл за Вами. Сейчас я Вас освобожу.

Старый гоблин затих. Кажется, успокоился. Вот и славно, а то не хватало ещё, чтобы на своего же накинудся. Истории известны многие случаи, когда освобождённые пленные начинали орать, грызть и бить своих спасителей: мозг плывёт, ты уже не веришь, что будешь свободен, а старик, так вообще уже смирился с ролью обеда для жаб-переростков.

Положив Пха на пол, я медленно — так, чтобы не взволновать ещё больше и так маячившего на грани истерики Рун-аль-Агха — вытащил из-за пояса кинжал и поднёс его к спутывающим старика верёвкам.

— МММ!!! — Вдруг дёрнулся гоблин, и зрачки его расширились, глядя мне куда-то за спину. Твою мать...

Я обернулся, одновременно замахнувшись ножом и... увидел маму. Она стояла в своём домашнем халате на кухне, уперев руки в бока и глядя на меня немного устало и с лёгкой улыбкой на лице:

— Андрей, не балуйся с ножом, можешь порезаться! — Она шутливо погрозила мне пальчиком и протянула руку: — Давай сюда. Сделаю тебе бутерброд перед школой.

— Прости, мам, — хохотнул я и протянул ей нож.

Мама улыбнулась и прошла к холодильнику, достав колбасу. Я же, довольный и голодный, сел за стол, выжидающе глядя на то, как она делает мне бутерброд. Мама готовить не умеет — вот и приходится перебиваться перекусами в виде бутербродов. Но зато колбасу она режет так, как я люблю — широко, вкусно. Сделав мне два бутерброда, она положила их на тарелку и поставила на стол, улыбнувшись и погладив меня по голове:

— Кушай.

А сама села рядом, с улыбкой разглядывая меня, словно видит в первый раз, покачивая так и оставшийся в её руке нож.

— Мам, не балуйся с ножом, можешь порезаться! — Засмеявшись, передразнил я её, и, широко разинув рот, откусил почти половину бутерброда. Пережевал. Странно. Вкуса совсем нет.

Мама скривилась. И мне стало почему-то не по себе: она поднялась и замахнулась ножом, так оскалив зубы, что стала абсолютно другой — не той мамой, которую я знал. И мне ничего не оставалось, кроме как безвольно смотреть, как нож, сверкая, опускается прямо на меня. Мам?! Почему?!

Но вдруг её рука дрогнула и застыла, и взгляд этой женщины, которую теперь я совсем не знал, переменялся, устремившись куда-то вправо. Послышалось треньканье микроволновки, и техника вдруг непонятно почему разлетелась на куски, выпустив сильную волну огня, что смела женщину к стене, заставив вскрикнуть и выронить нож, а меня повалиться на пол... землю?!

Я встряхнул головой и огляделся. Меня окружали висящие прямо с потолков кишки и рыбы головы, на нескольких столах, ютившихся у стен, аккуратно расставлены черепа с костями, а над ними висят выструганные из тех же костей тесаки. Какого... Шалаш переменялся кардинально. Так вот что этот суки сын скрывал... Я перевёл взгляд на вход, у которого стоял, вытянув перед собой руку с огненным амулетом, тяжело дышащий Их-руг-Ахт. Медленно проследил за его взглядом, уставленным куда-то вперёд, и наткнулся на лежащего у самой стены тодплага с почерневшей от копоти грудью. Но тварь всё ещё

шевелилась и, похоже, собиралась подняться. Пару раз врезав себе по лицу, я наскоро пришёл в себя, и метнулся к лежащему в двух шагах Пха. Тодплаг был продырявлен ещё до того, как успел что-либо понять, и, издав хриплый квакающий звук, рухнул на землю, и больше не вставал.

— Ты вовремя пришёл, — кивнул я надевшему обратно на шею амулет друиду. — Не думал, что простенький бытовой дух может так приложить.

— Это я с перепугу, — хмыкнул гоблин, пройдя в шалаш и плюнув на мёртвое тело. — Проклятые телепаты!

Я не стал напоминать друиду, что он и сам относится к роду телепатов, всё-таки мне было стыдно за то, что не смог справиться с одним тодплагом. Хотя, стоит признать: он застал меня врасплох, задурманил разум и, не приди Их-руг-Ахт вовремя, скорее всего, я бы разделил жабью пирушку в качестве десерта.

— Да чтоб тебя! — Раздался от двери знакомый голос.

Это был Лар-ин-Лин. Он молча оглядел помещение, наткнувшись взглядом на связанного старика, и, поморщившись, оглядел и труп.

— Значит, нашли... — констатировал очевидное гоблин, но я счёл разумным подтвердить:

— Ага. Жив-здоров... хотя про «здоров» — это я зря. Выглядит старик хреново. Его бы надо...

Швить! — пролетела мимо выпущенная из амулета Лар-ин-Лина молния, и позади раздался отчаянный крик старика.

Обернувшись, я обнаружил обугленный скелет, некогда бывший Мастером-над-Водой, а затем... Швить! — раздалось за спиной, и я услышал протяжный хрип, а затем и предсмертный визг. Всё ещё не веря в происходящее, я оглянулся и застыл, как вкопанный, не в силах даже пошевелиться: подожжённый Их-руг-Ахт, вереща и хлопая себя по горящему телу, не в силах остановить огонь, катался по земле до тех пор, пока не застыл, продолжая дотлевать мёртвым углём.

— Ну почему, — пробился в моё сознание, словно звон колокола, голос гоблина. — Почему с тобой всегда всё не гладко! Ты даже сдохнуть нормально не можешь! Сначала я надеялся, что судьба благоволит мне, и тебя сожрали псы! Но ты, рагхакк, каким-то чудом выжил! И даже теперь, когда ты обязан был умереть, этот... — он брезгливо указал в сторону мёртвого Их-руг-Ахта. — Друид спасает твою шкуру! И теперь из-за тебя мне пришлось убить и уважаемого Мастера-над-Водой, чтобы не осталось свидетелей! Всё. Из-за Тебя!

Очередной амулет на его шее загорелся ярко-синим. Мой выключенный происходящим мозг неожиданно вернулся к работе, а тело автоматически двинулось вправо, всеми силами стараясь уйти от удара. Получилось лишь частично: выпущенная Лар-ин-Лином молния попала в землю чуть левее меня, но ударная волна откинула меня к стене, пробив моей тушей непрочные ветви шалаша. Рухнув на землю, я стиснул зубы от боли: кажется, с парой рёбер придётся распрощаться...

В образовавшуюся в жилище дыру вышел пышущий гневом гоблин, доставая очередной амулет. Вот же падла! И когда успел столько наклепать?! Адреналин вновь ударил в мозг, а в купе со злостью...

— Р-р-р-р!!! — совсем по-звериному зарычал я, и откатился в сторону от брызнувшего в то место, где я только что лежал, дождя из острых, как иглы, камней.

Сделав несколько перекатов, я ухнул вниз с холма, пропустив над собой горящий шар,

что врезался в одно из деревьев, разойдясь по нему ярким пламенем. Идиот, что творит?! Тут и спички достаточно будет, чтобы настоящий пожар на холме устроить!

Пока я катился к подножию холма, сбив все колени, плечи и локти, каким-то чудом умудрившись не сломать посох, мой мозг отчаянно пытался придумать хоть что-то. Он не даст мне времени на варку зелья — не такой уж Лар-ин-Лин и идиот, а амулетов себе наделал — хоть собственную лавку по их продаже открывай! А я, как полный кретин, не сделал себе ни одного, а амулет с бытовым духом огня тут мало чем поможет.

Я врезался в так удачно встретившийся на пути бульжник и, скрипя зубами от боли и злобы, поднялся, проковыляв к ближайшему дереву и спрятавшись за ним. Позади послышался новый взрыв — это сколько же у него амулетов, что он ими так разбрасывается?!

— Ничего личного, — раздался его голос откуда-то со стороны холма. — Это не моя прихоть. Учитель желает твоей смерти. И этот поход был не для спасения Мастера... Нет, для этого, конечно, тоже, но в основном лишь только для того, чтобы убить тебя незаметно для остальных, а всем объявить: великий Гул-аль-Дук погиб в неравной схватке с тодплагами! Но держался достойно, как истинный шаман! Птьфу! Да мне даже противно осквернять сие звание... тобой!

Ага. Говори-говори... Я не такой идиот, чтобы вступать с тобой в диалог, как в каком-нибудь дешёвеньком фильме про загнанного в угол героя, обменивающимся едкими фразочками со своим врагом. Скажи я хоть слово — он узнает моё местоположение, и тогда...

Очередной взрыв раздался в считанных шагах от меня. Ну да, вот примерно это со мной и случится. Я начал медленно и осторожно, чтобы не издать ни звука, заваривать зелье. Думаю, на этом гобливиюке не стоит экономить, и дух первого ранга для него в самый раз.

Лар-ин-Лин, похоже, впал в бешенство: взрывы, шипения от проносящихся мимо духовных существ, грохотали почти ежесекундно! Не знаю, сколькими сокровищами в виде заточенных в амулеты духов он успел запастись, но такими темпами он истратит все свои запасы, и тогда настанет мой черёд — а месть, как известно, блюдо холодное.

— Лар-ин-Лин! — Вдруг прервал этот непрекращающийся грохот знакомый громкий голос. Я вздрогнул: Кил-ин-Хак, как же ты, дорогой, вовремя! И это, чёрт меня подери, не сарказм! — Что здесь, именем духов, происходит?!

Я продолжил дрожащими руками высыпать в кипящий котёл ингредиенты: во что бы сейчас это всё не вылилось, я буду ощущать себя намного спокойнее с духом высшего ранга в рукаве.

— Трупы в шалаше, — хриловатым голосом продолжил мой друг, — Я видел трёх трупов. И двух из них даже не смог распознать! Что это, Лар-ин-Лин?! Что происходит?!

— Эти трупы, — абсолютно спокойным голосом ответил гобливиюк — Раньше были Их-руг-Ахтом и Рун-аль-Агхом.

Мои руки выронили ухо шипокрыла, булькнувшее в кипящую массу, и я застыл, не веря своим собственным ушам: он что, сам себя хоронит?! Собирается признаться в содеянном?! А, может, он вместе с Кил-ин-Хаком вообще заодно?! Не верю...

— Это сделал Гул-ин-Дук, — добил меня гоблин, отчего я окончательно рассвирепел: хотя, то, что забурило внутри меня, нельзя назвать свирепостью, и даже адреналином — это было нечто большее, то самое чувство, которое, стоит полагать, испытывали военные, оставаясь один на один против взвода врагов, уничтоживших весь их отряд, и клали тех

пачками, продолжая стоять даже под градом выстрелов.

— Это ложь! — Взревел я, выйдя из-за своего укрытия.

Мар-он, агор-кил-а вир...

Клянусь — наверное, никогда больше мне не придётся испытывать настолько сильные чувства, которые я испытал, уткнувшись взглядом в эту двуличную сволочь, которая сейчас пыталась повернуть мою смерть так, чтобы не пришлось потом убивать и Кил-ин-Хака в качестве свидетеля. А сделать это было довольно просто — нужно настроить моего друга против меня, чтобы он сам сделал за него всю грязную работу.

... суер-лим а-кар вира...

— Я не убивал, — прошипел я сквозь зубы, переведя взгляд на явно пребывавшего в смятении Кил-ин-Хака. — Послушай меня и подумай — зачем мне это?! Выгода?! Злоба?! За что?! На кого?! На Их-руг-Ахта, который был мне другом? На того старика, который был нужен нашему клану, и которого я даже не знал?! Именем духов, друг мой, подумай, как следует!

... ара-ва гила-но...

На Кил-ин-Хака было жалко смотреть: он глядел то на меня, то на Лар-ин-Лина, и на его лице отпечатались такая паника, что я не без скрипа в душе понял: гоблинюку стоит лишь чуть-чуть подтолкнуть его, и он сам пойдёт в меня смертоносного духа.

... моро-сон ах икаб...

— Ты согласишься иномирцу, пришедшему неизвестно откуда? — С тем же могильным спокойствием проговорил Лар-ин-Лин, не спуская с меня тяжёлого взгляда своих маленьких бегающих глазок. — С неизвестно какими мыслями? Быть может, в его мире просто принято убивать своих — и ты согласишься ему, а не своему соратнику, с которым жил и учился всю жизнь?! Ты... — и тут он осёкся, что-то заметив. И я, усмехнувшись, понял, на что упал его взгляд. Он указал дрожащей рукой куда-то мне в район пояса: — Где...где... где твой котёл?!

Я автоматически покосился на так и оставшийся стоять за деревом дымящийся котёл с готовым зельем.

... ву-навар, — наконец окончил я заклинание, и глазницы черепов на моём Пха, загоревшись, выпустили через себя насытившегося духа.

Лар-ин-Лин успел поднести руку к одному из своих амулетов, но было уже поздно: нырнувшая в землю у самых ног гоблина духовная сущность тут же взметнулась вверх в виде переплетающихся друг друга корней, камней и грязи, что в доли секунды преобразились в человекоподобного элементария земли — монстр, даже не получив от меня приказа, нанёс удар своим окаменевшим кулаком, более напоминавшим булаву, и гоблин, не издав ни звука, выронив посох, пролетел назад метров десять, пока не столкнулся с словно специально выставленным на том месте деревом и, хрипя, рухнул на пятую точку, не в силах пошевелиться и лишь отплёвываясь кровью.

Кил-ин-Хак, помедлив несколько секунд, то ли от испуга, то ли от того, что не знал, что ещё предпринять, коснулся собственного амулета, явно собираясь надрать мне задницу, но я успел выставить перед собой руку с раскрытой ладонью и затараторить:

— Амулеты! Посмотри на его амулеты! Они ведь должны быть одноразовыми — так?! Посмотри, сколько из них использовано и найди среди использованных духов огня! Один из них — дух молнии второй ступени! Им и был убит старик! Просто, чёрт, посмотри!

Начавший было светиться амулет на шее моего друга погас, ибо гоблин убрал от него

руку и, сощурившись, некоторое время буравя меня взглядом, всё-таки потопал к обездвиженному телу. Пройдя мимо застывшего без приказа элементаля, что просто «сканировал» местность взглядом своих ярко-красных глаз, Кил-ин-Хак присел у тела Лар-ин-Лина и некоторое время копался в его снаряжении. Я напряжённо ждал. Если Кил-ин-Хак не будет действовать по велению своего горячего сердца, а пораскинет мозгами, то он должен расставить все точки над «i» в своей голове, дойти до того, что произошло, и поверить. Должен, но сможет ли?

Прошла напряжённая минута ожидания. Столько времени на то, чтобы убедиться в наличии использованных амулетов не нужно — тут и нескольких секунд хватит — так что, скорее, он просто сосредоточенно думал. И, наконец, пришёл к решению:

— Проклятие! — Рыкнул гоблин и, поднявшись, подошёл ко мне. Я ничего не предпринимал: лишь мой получившийся слишком уж своевольным элементаль чуть дёрнулся, но всё же остался стоять на месте. — Он твой, — положил мне руку на плечо Кил-ин-Хак. — Поступай с ним, как считаешь нужным.

Неожиданно для самого себя я облегчённо выдохнул: оказывается, всё это время глубоко задерживал дыхание. Но как же легко я себя почувствовал, поняв, что мой друг сделал верный выбор.

— Великий Гул-аль-Дук... — иронично прохрипел Лар-ин-Лин, как только я подошёл к нему, буравя ублюдка взглядом. — Убьёшь меня? Вперёд... Но в селение можешь не возвращаться: Учитель убьёт тебя при первой же возможности... Пх! — вновь харкнул он кровью, но вытерев её с губ, продолжил свой порождённый безумной ненавистью монолог: — Ты стал для него слишком опасен, смекаешь? Слишком втёрся в доверие к нашей верхушке, стал слишком... необузданным. Нет-нет, он не боится тебя... Он тебя ненавидит. И эту ненависть я, достойно покорно ученика, разделил вместе с ним. И я уйду в мир духов, зная, что оставил тебя сгорать в огне!

Мне оставалось только хмыкнуть: похоже, его психоз не лечится.

— А не боишься, что в мире духов тебе будут не рады?

— Я?! Боюсь?! — Гоблин рассмеялся, отчего повторно низвергнул из себя кровь. — Не рады... За что? За то, что я пытался избавить наш мир от выродка вроде тебя? Ты — опасность, которая грозит всей Пяте! Это нашептали нашему Учителю Высшие Духи!

— Придурок, — констатировал я очевидное, — Что они ему нашептали?! Совсем из ума вышел?! Да наш дорогой Учитель тобой манипулировал, ибо видел, как ты смотришь на меня, как завидуешь моим успехам...

— Заткнись! — Рывкнул зеленокожий идиот, и обречённо махнул рукой: — Давай уже, сделай своё дело, и избавь меня от омерзительных для моих ушей слов.

— Нет. — Отрезал я.

— Чего?! — Воскликнули одновременно, как мне показалось, оба гоблина и даже элементаль.

— Нет, — вновь пришлось повторить мне — Я тебя не убью. Потому как смерть для тебя — слишком лёгкое наказание. — И затем, действуя по мановению скорее идущего откуда-то изнутри голоса, что диктовал мне дальнейшие действия, отошёл от изумлённого гоблина на пару шагов и, указав на него наверху посоха, произнёс: — За твои действия, оскверняющие Обитель Духов, предающие все принципы шаманизма, за кровь своих соплеменников, что ты пролил, я, Гул-ин... Гул-аль-Дук, проклиная тебя, Лар-ин-Лин, именем «Нон»!

— Нет! Ты не смеешь! — Зарычал Лар-ин-Лин, исказив лицо в такой гримасе злобы, что, я явственно почувствовал это спиной, моего элементаря аж передёрнуло. Но не меня. Мой разум был чист, душа спокойна: я звал их... — У тебя нет такой Власти!

«Мы пришли на твой суд...» — раздался голос в моей голове, и в то же мгновение деревья вокруг накренились от ударившего в это место ветра, а начавший было разбредаться по болоту огонь тут же потух. Вокруг нас, едва ли касаясь ногами земли, стояли Они. У Них не было имён, в bestiариях о Них можно было найти только пару строк, Их называли лишь Великими — душами, что обрели знания и силу, максимально приближенную к пониманию Божественной. Они принимали различные формы, знали столько, сколько не знает ни один мудрец, Они были одним и всем одновременно, при виде Них сердце невольно билось чаще, а всё вокруг замирало, словно внимая каждому слову Великих.

Их было пятеро: пять порхающих над землёй духов, лишь отдалённо своей формой напоминающих нечто, имеющее голову, руки и ноги. И они, надо сказать, на порядок превосходили в длине гоблинские. Свет будто бил изнутри Великих, но в то же время ничего не освещал: от этого света даже не было тени, что, в принципе, невозможно.

Я и сам не заметил, как уже стоял на одном колене, упёршись взглядом в землю.

— Встань, шаман, — произнёс тихим, и в то же время разлетевшимся по всему болоту голосом Великий. То ли это сказал кто-то из пятерых, то ли все Они разом: понять Их сущность дано будет лишь тому, кто сам после смерти станет Великим.

Я встал и поднял взгляд на Них. Отчего-то мне показалось, что я смотрю в глаза Им всем одновременно, хотя здесь и намёка не было на глазницы, зрачки, или нечто похожее: да даже форму головы не сразу можно было разобрать! И всё же я смотрел именно Им в глаза.

Великие буравили меня «взглядом» несколько мгновений, в течение которых я явственно ощущал, что внутри моей головы будто что-то бежит, останавливается, и снова пускается в путь — не самое приятное ощущение, словно мнимые тараканы, обитающие в моей башке, действительно приняли материальную форму. Видимо, Великие сканировали мой разум в поисках подтверждения тех слов, что были произнесены мною при проклятии. На самом деле я не представлял себе верные слова того проклятия, и понятия не имел, существуют ли они вообще. Но бурлящая в душе ненависть и гигантский запас сил, который я выплёскивал при каждом слове, сделали своё дело: и суд, которого я так жаждал, всё же свершится.

— Виновен. — Наконец, вынесли свой вердикт закончившие копаться в моих мыслях Великие. Один из них медленно, как бы нехотя подплыл к успешному не раз вспотеть и уйти в кому Лар-ин-Лину, а затем резко, так что сердце моё ёкнуло, выбросил свою конечность вперёд, выдвинув из неё нечто, похожее на палец. И стал медленно водить этим пальцем по воздуху, как будто что-то рисовал. Ах, нет, не «как будто»...

Гоблин заверещал, рухнув на колени, и схватился за лоб, на котором, по мере того как двигалась рука Великого, вырезалась, прямо на плоти, витиеватая руна, оставляя за собой след, подобный следу от ожога. И когда работа была завершена, Лар-ин-Лин, скуля и глядя куда-то отрешённо, трясущимися руками рвал на себе волосы, словно это могло помочь ему избавиться от красовавшейся на лбу метки «Нон»...

Эту метку нельзя стереть, нельзя уничтожить, даже после смерти она последует за её владельцем в обитель духов. Попробуй отрезать себе на лбу кожу — не поможет. Попробуй скрыть метку повязкой, или волосами — любой ученик шамана, любой самый никчёмный уборщик, владеющий хотя бы тридцатой ступенью шаманизма, почует её. И не будет тому,

кто назван Нон, ни крова, ни тёплого костра, ни любви: все будут избегать его, презирать и ненавидеть. Близкие отвернутся, друзья презренно пошлют куда подальше, а за убийство Нона тебе скажут только спасибо.

Великий — тот, что нарисовал метку — дал гоблину осознать всё, а затем, когда тот почти не оставил на голове волос, махнул рукой, и яркая вспышка, ударившая в то место, где только что сидел Нон, испарила гоблина, словно его здесь и не было.

— Он далеко, — пояснил Великий, обернувшись ко мне. — Достаточно далеко, чтобы в ближайшее время не навредить вам. Теперь мы пойдём. И так задержались на nepозволительный срок. И ещё, шаман... — чёрт, я точно прочувствовал на себе его прожигающий насквозь взгляд! — Не злоупотребляй нашим временем. В следующий раз наша кара может коснуться и тебя.

Сказал, как отрезал — а в следующий миг просто исчез вместе с остальными душами. Просто. Безо всякий спецэффектов в стиле бьющего в глаза света, оставленной воронки, или чего-то в этом плане. Я облегчённо выдохнул. Всё-таки напряжение, испытываемое, когда находишься рядом с ТАКИМИ сущностями, зашкаливает. Пару раз я даже пожалел, что прибегнул к проклятию. Теперь понятно, почему гоблины не проклинаят направо и налево своих обидчиков: сами огрести могут.

Обернувшись, я обнаружил Кил-ин-Хака, застывшего изваянием похлеще моего элементаря: тот хотя бы шевелил своими конечностями, вертел головой, выдавая хоть какие-то признаки жизни. А мой друг просто застыл, выпучив зенки настолько, что мне показалось, будто его глаза вот-вот готовы выпасть из орбит. Ну да, не каждый день Великие на чай заглядывают...

Я потопал в сторону гоблина, чувствуя дикую усталость. Слишком многое произошло. За слишком короткий срок. Хотелось просто лечь и уснуть лет на десять — не меньше. Но нужно ещё многое сделать. По мере того, как я шёл, мысли на грядущее будущее формировались в голове всё чётче и становились всё более обширными. Нет: сон подождёт.

Пройдя мимо элементаря, я собрался было махнуть рукой, послав импульс развоплощения и отпустить и так задержавшуюся в мире живых душу, но резко затормозил, так и оставшись с поднятой рукой. Ёлки-палки, это что за...

Я не помню, чтобы корни, оплетающие гигантские ручищи, туловище и ноги моего элементаря светились тусклым фосфоресцирующим зелёным светом подобно тому свету, которым наделены души. Да и зрачки гиганта не уступали корням в яркости: прям ходячий зелёный фонарик. Рука затряслась в неуверенности. Прощальный подарок от Великих? Какой-то ап-грейд элементаря? Или просто отзвук их манипуляций с тонной энергии? Эх, ладно! Я опустил руку. Пускай живёт — хоть и неудобно будет ходить с такой тушей под боком, но пока не выясню что с ним накрутили божественные сущности, ничего предпринимать не буду. Правда энергии, что на него уходит будет, жалко... Ой, да откуда во мне это еврейское жмотство?! Энергии — прорва! Уж на элементаря как-нибудь, да хватит.

Подойдя к Кил-ин-Хаку, я осторожно положил руку ему на плечо, выведя того из протрации.

— Порой, — прошептал одними губами гоблин. — Я тебя начинаю побаиваться. Может, это просто из-за того, что меня никогда ещё никто так часто не удивлял?

— Кил-ин-Хак, соберись, — чуть жёстче потеревил я его за плечо, постаравшись сделать как можно более грозный взгляд. Похоже, сработало: гоблин стал смотреть на меня

более осмысленно — Слушай, что делать дальше. Сейчас ты помчишься обратно на холм, соберёшь всех наших, если их пока не поубивали, и скажешь, что Мастер-над-Водой был найден мёртвым. Там, где мы его нашли, несли службу... Десяток тодплагов. Они напали внезапно, убили друида, Лар-ин-Лина и меня.

— Но ведь... — непонимающе нахмурился тот.

— Не перебивай! — Оборвал я его на полуслове и продолжил: — Обратно с тобой мне нельзя: Учитель сделает всё, чтобы меня не стало. Есть много способов — начиная от ядов и заканчивая обычным убийством. Да кому, собственно, я объясняю! Ты всё понял? Мне нужно будет залечь на дно. По крайней мере, на некоторое время. Я слишком многое узнал и понял, чтобы оставаться в клане. Так что? Ты сделаешь так, как я сказал?

Кил-ин-Хак наморщил лоб, размышляя. Что ж, дело хорошее: всякое решение лучше принять, заранее поразмыслив.

— Не знаю, что у тебя на уме, мой друг, — наконец заговорил он. — Но в подобном дерьме я ещё никогда не был. Так что предпочту, чтобы его расхлёбывал ты.

Я улыбнулся, приняв это за «да». Гоблин, опираясь о Пха, скорее не из-за усталости, а чтобы просто устоять на ногах — его явно шатало из стороны в сторону — поплёлся по холму вверх. Мысленно пожелал ему удачи. Вряд ли тодплаги рискнут сунуться сюда, пока всё не станет более-менее тихо: по сути, они твари пугливые, и идут на конфликт только когда он неизбежен. Так что за остальных я не слишком то боялся. И, пускай Кил-ин-Хак и не любит расхлёбывать это самое «дерьмо», ему всё-таки придётся утонуть в нём по макушку: в поселении именно с него спросят за неудачу в походе и, надеюсь, наказание будет минимальным — рагх, несмотря на свою показную жестокость, слишком ценит своих шаманов, чтобы разбрасываться их головами.

Подойдя к дереву, за которым считанные минуты назад я укрывался от гнева Лар-ин-Лина, поднял с земли всё ещё кипящий котёл и, вылив из него зелье, повесил обратно на пояс. И не успел даже подумать о том, что делать дальше, как кусты прямо передо мной зашевелились. Чисто рефлекторно, наученный горьким опытом, выхватил нож и замахнулся посохом наподобие копья. Да я вам что, магнит для неприятностей, что ли?!

Но я тут же расслабился, увидев высунувшуюся из кустов мордочку. Юла, ну чтоб тебя, зараза! Видимо, прибежала на звуки битвы (Хотя вряд ли то, что произошло, вообще подходит под определение битвы), но, увидев, что дело накрывается медным тазом, решила заныкаться в укромное местечко, пока всё не уляжется. Ящерица хитросделанная!

Видимо, почуяв моё настроение, Юла выползла из кустов максимально осторожно, чуть ли не ползком, глядя на меня настолько щенячьими глазками, что я махнул рукой: ну как на такое можно обижаться?!

Вскочив на Юлу, подъехал к так и стоящему истуканом элементалю и приказал следовать за собой. Что ж, если я хочу обжиться на Пяте, то пора бы менять её к лучшему. И если не сразу и для всех, то хотя бы частично и для себя.

Да-да, такой вот я эгоист.

* * *

В доме старухи было темно. Но я знал, что она не спит. Чувствовал это каким-то неясным мне нутром.

— Ты долго, — донёлся голос из полутьмы, и Син-аль-Ланг, махнув рукой, подошла фитилёк стоявшей на низком столике свечи. — Кил-ин-Хак вместе с остатками отряда прибыл ещё несколько часов назад.

Сев и положив Пха на колени, я недоумённо уставился на свечу:

— Бытовой огненный дух? Так ты же вроде целительница?

— Я в таком почтенном возрасте, — оскалила жёлтые зубы старуха — Что имею право на секреты. А ты, говорят, мёртв. Так я разговариваю с твоим духом, или всё-таки...

— Как Кил-ин-Хак? — Перебил я этот абсолютно риторический вопрос, на который гоблинша и так прекрасно знала ответ. — Каким было его наказание?

— Жестокое, — нахмурилась Син-аль-Ланг. — Будет убираться в стойлах следующие несколько недель, а это, поверь мне, очень жестоко!

Я усмехнулся, вспомнив наш с ним разговор о расхлёбывании не застольной темы. И ведь как в воду глядел!

— А ты, значит, подчинил себе интересный хранителей... — покосилась на мой Пха старуха.

— Не без твоей помощи.

— Не поняла?

— Когда я уже попрощался с жизнью, — решил «просветить» я старуху. — Посох, что мне дала ты, вдруг выпустил очень занятого духа, что был заточён в нём всё это время. Он спас меня. Ничего об этом не знаешь?

— Понятия не имею, о чём ты говоришь, — хитро улыбнулась Син-аль-Ланг, и я мысленно плюнул на это дело: старуха никогда не признает, что всё-таки она причастна к моему спасению. Но улыбка с её лица сошла моментально, как будто та и не улыбалась вовсе. Она явно собиралась со мной серьёзно поговорить. Ну, оно и правильно: я тоже не посмеяться пришёл. — И что ты собираешься делать, мертвец?

— А у тебя есть предложения? — Решил поиграть в еврея я.

Старуха вновь улыбнулась одними уголками губ:

— Нет. Просто хотела предложить тебе прогуляться до Границы с Западными Болотами. Говорят, по ночам там прекрасный вид...

Она вновь улыбнулась, но на этот раз так многозначительно, что я всё понял без слов:

— Спасибо. Так и сделаю.

Поднявшись, я направился к выходу, собираясь так же незаметно покинуть поселение, как и пробрался в него, но меня остановил голос Син-аль-Ланг:

— Гул-аль-Дук, что ты хочешь всем этим добиться? Что изменить?

Я повернулся к старухе, вид которой впервые за всё время что я её знаю, был донельзя озабоченный. А затем, пожав плечами, ответил:

— Всё.

ГЛАВА 7 Новый учитель, или кто такой Отшельник

Очередной Дикий Кот оскалился и бросился в мою сторону. И нет, это не был милый пушистик, которого можно гладить и чесать за ушком. Попробуй протяни к нему руку — оторвёт вместе с плечом. В холке тварь была мне по макушку, а её клыкам позавидовал бы даже саблезубый тигр. Да уж, захотел переночевать в лесу — так будь готов к последствиям. Моим последствием оказалась стая Диких Котов, что прочёсывали окрестности в поисках пищи и, как назло, напоролась на меня. Для них на зло, разумеется.

Но Хвостик, не дав монстру даже приблизиться, разможил его одним точным ударом исполинской ноги. Ах да, Хвостик — это мой светящийся элементаль, что теперь выполняет обязанности... кхем... телохранителя? Да, пожалуй, так. Ну, не могу я без имён: с ними как-то уютнее, нет ощущения того, что этот гигант в какой-то момент взбесится и уничтожит своего хозяина. А так, глядя, как он следует за мной повсюду, пускай и по моему приказу, я и дал ему имя, совсем не подходящее матёрому несколько метровому каменному существу. Но элементаль на него отзывался и, похоже, не возражал, так что на одно странное имя в моей команде стало больше.

Хвостик молниеносно для своих-то габаритов прыгнул в сторону к высунувшимся из-за ближайшего дерева Котам и размашистыми ударами отправил их в вечный нокаут. Приказ охранять меня элементаль выполнял отлично, и пока что ни одна саблезубая тварь не смогла подобраться к островку, на котором я так удобно расположился, ближе, чем на десяток метров. Но смерть сородичей, от количества трупов коих даже увеличился уровень болотной жижи, похоже, не смущала остальных Котов, которых в нашем полку прибыло: они что, прямо тут, на месте, как кролики плодятся?

Юла возбуждённо следила за беготнёй Хвостика вокруг моей персоны, виляя хвостом и высунув язык, словно собачка, видящая, как гоняет мяч другая псина и тоже желающая принять участие в игре. Но это была вовсе не игра, так что шикнул на неё — не хватало ещё Ула потерять — и, дождавшись, пока моя девочка, жалобно заскулив, вновь уляжется рядом в обиженной позе, продолжил заниматься созданием амулетов.

Учтя ошибки прошлого, в частности стычку с Лар-ин-Лином, в результате которой выяснилось, что я был, по сути, абсолютно беспомощен, решил обзавестись несколькими средненькими по силе амулетами, множеством слабых и хотя бы парочкой сильных. Так что теперь я был похож на новогоднюю ёлку, украшенный висящими на крепких верёвках тут и там деревяшками с начертанными на них рунами. Но все эти неудобства можно было потерпеть: они с полна окупят себя, когда не будет рядом ни Хвостика, ни Юлы, ни времени (последнее, как выяснилось, самое ненадёжное), и вот тогда амулеты могут спасти мне жизнь.

Взяв следующий заготовленный заранее кусок дерева, поднёс его к кипящему котлу, и начал «втягивать» в него насытившегося огненного духа. Молнии, которыми поливал меня Лар-ин-Лин, засели в памяти как нечто впечатляющее, так что я тоже решил обзавестись несколькими. Огненный дух начал медленно тянуться к заготовке, и через минуту монотонного перемещения его сущности в амулет, на деревяшке загорелась ярко-красная руна, и я, удовлетворённо кивнув, продел через неё верёвку и нацепил амулет на шею. Ладно, пора закругляться.

Поднявшись, привычными, доведёнными до автоматизма движениями вылил зелье

прямо в болотную жижу, и повесил котелок на пояс. Вскочив на тут же встрепенувшуюся Юлу, огляделся, не обращая внимание на продолжающего крушить настырных Котов Хвостика. И так, Син-аль-Ланг чуть ли не прямым текстом посоветовало искать что-то, что находится на границе Южных и Западных болот. И при этом уточнила, что желательно делать это ночью, ибо днём это если и возможно, то крайне тяжело. Но ни что или кто это, не уточнила. Ненавижу загадки, но, похоже, без этого было не обойтись: как говорится, и у стен есть уши, так что старуха вела себя мудро, с этим я не могу не согласиться.

Что ж, граница не такая уж и большая, будем искать.

Когда я подъехал к Хвостик, он уже стоял неподвижным истуканом, а у его ног красовались круги из тел Котов. Но больше никого на горизонте из их племени видно не было: видимо, до тварей наконец дошло, что их численным превосходством только подтереться. Так что я отдал приказ элементалу следовать за собой, и двинул по тёмному ночному болоту. Хвостик отлично заменял фонарик: от его зелёного свечения было отлично видно всё в радиусе нескольких метров. Кстати, тайна его перевоплощения, а также её последствия так и остались для меня тайной, поэтому я смирился с его видоизменениями, но лишь на время. Потом нужно будет это обязательно обмозговать.

За время моего прочёсывания местности мы успели нарваться на парочку одиночных тварей, с которыми легко расправился Хвостик, и с несколькими большими стаями, от которых мы просто удрали, не желая тратить время и ресурсы. Но никакого намёка на какое-то жилище, шалаш, или хоть что-то, где могло бы быть нечто, меня интересующее, не нашли. Только деревья, только болотная муть, трава, грибы и монстры. Сказка, а не прогулка!

Но вдруг вдаль что-то засветилось и погасло. Мимолётно, почти незаметно, и всё же мой взгляд это уловил, и я направил Юлу в ту сторону, сощурившись и, по мере того, как мы приближались к цели, стараясь определить, что же заметили мои глаза. Снова свет. Во тьме болот он был слишком заметен, чтобы его пропустить. И наконец мы выехали к довольно обширному участку земли, окружённому привычной в болотной местности водой, на котором стоял... дуб. Причём дуб этот был воистину поразительных размеров. Особенно в сравнение с остальными прямыми, как колья, соснами. И потому сразу выделялся на фоне остальной растительности. Его широкие, тяжёлые, но раскидистые ветви расходились так широко, что, казалось, имитируют жгуты мышц, что обхватывают близлежащие деревья, создавая тем самым непонятное извращённое подобие изуродованного болотного монстра. У самых его корней, который торчали из земли так сильно, что оставалось загадкой как это исполинское «существо» вообще держалось и не рухнуло ещё давным-давно, ибо на вид дуб был довольно стар, располагались раскиданные то тут, то там камни, слишком правильной формы для того, чтобы поверить, что их создала природа. И я слишком часто получал по башке, чтобы повестись.

Здесь кто-то живёт — это точно, по крайней мере свет, мерцающий в прожилках дуба, выдаёт его обитателя с головой. А замаскированные под камни элементали земли выдавали в обитателе сильного шамана: постоянно поддерживать их жизненную форму, тем более в режиме маскировки, довольно затратно в плане энергии: уж я прочувствовал это на себе в полной мере — даже поспать нормально нельзя, приходится постоянно контролировать приток энергии в Хвостика.

Спрыгнув с Юлы, прошёлся по выступающим из воды камушкам, стараясь удерживать равновесие, ибо после моих многочисленных плаваний в болотной жиже успели конкретно попортиться как одежда, так и книга с записями, и окончательно добивать их мне было не

резон — вряд ли в ближайшее время я окажусь на территории какого-либо клана, чтобы сменить наряд, или обзавестись какими-либо вещами. Посему вещи, которые я имею сейчас, представляют особую ценность.

Оказавшись на пресловутом островке, удерживающем на себе дуб, я ещё раз оглядел его и, не обнаружив ни входа, ни чего-либо что его могло бы заменить, решил, что провокация на действия хоть как-то проявит неведомое обитающее здесь существо. Даёшь драку!

Сделав шаг вперёд, я заметил, как камни дрогнули. Ага, значит, тут есть невидимая черта, которая, если я перейду, подействует как сигнализация, в следствие срабатывания которой охранники-элементали начнут разбираться с нарушителем. Но тут уж я не волновался: ни один адекватный гоблин не пойдёт в болота ночью, он скорее переждёт её у себя дома, в тёплой постели, а не на сырых болотах, под угрозой прощания с жизнью. Так что скорее всего эти стражники настроены на отпугивание различных тварей — не более. Встречи с «аль» они не ожидают. Так что я, безо всякого страха, сделал следующий шаг.

Три булыжника абсолютно незаметно для взгляда обратились в трёх каменных стражей, с горящими огнём глазами и самыми что ни на есть явными намерениями. Ну, да, щас — разбежались! Ре-тай ага-лак...

Одноразовый амулет с заточённой в нём молнией вспыхнул ярким синим пламенем и рассыпался, а вызволенная из него сила направилась в Пха, чтобы через мгновение вырваться из загоревшихся ярким светом глазниц черепов и, двигаясь неровными зигзагами, врезаться в тут же застывшего на месте великана. Тот пошатнулся, но устоял. Какого?! Исполин, секунду буравя меня взглядом, вновь двинул в мою сторону. М-да, элементаль то даже не третьего ранга — третьеранговый бы от такой молнии развалился на камушки. А остальные два что, тоже, что ли?! Да кто на обычных стражей столько сил тратит?! Ох, зря я побольше амулетов не наделал...

Следующим рассыпался амулет с огненным шаром, но и тот лишь оставил обугленный след на груди расвирепевшего монстра. Да ладно?! Да не... Да не может быть!

Следом за ним уничтожились, выпустив сильнейших духовных существей, ещё три амулета — эффект тот же, я его лишь разозлил. Хвостик, спасай!

Услышав мысленную команду, мой элементаль сделал два исполинских шага, которые для меня были скорее прыжками, и встал между мной и наступающим всё ближе и ближе великаном. А затем...

А затем произошло нечто невероятное.

Хвостик, разведя руки в стороны, словно собирался показать всем присутствующим свои мышцы, закинул голову назад и, неожиданно подавшись вперёд, заорал. Причём заорал так, что мои бедные барабанные перепонки чуть не лопнули, Юла заскулила и прижалась к земле, а вся живность в округе, наверное, подохла от страха. Элементаль понял мой приказ о спасении по-своему и, на странность, у него получилось.

Три стража, одновременно застыв по стойке смирно, как будто этот рёв на некоторое время лишил их движения, дружно, словно одно целое, грузно опустились на колени и преклонили головы. Хвостик, явно довольный тем, что происходит, обернулся и посмотрел на меня, и, клянусь, я увидел на его абсолютно безэмоциональном лице тень торжества победы. Я ничего не понял, но вдруг на меня навалилась такая тяжесть и усталость, что я пошатнулся и только лишь благодаря вовремя оказавшейся сзади Юле не упал, а облокотился о её услужливо подставленную морду. Да что за хрень?!

— Эй! — Сбил меня с начавших было зарождаться мыслей по поводу произошедшего

хриплый приглушённо-усталый голос. Доносился он со стороны дуба, что не могло не порадовать: похоже, мы всё-таки заставили явить себя местного жителя. — Что там происходит, а?! Нарушитель?!

В том месте, где из щели дуба пробивался свет, его кора вдруг превратилась в две прямоугольные корявые ставни, которые разошлись в стороны и явили лицо гоблина, выглядывающего из эдакого «окна». Он был стар. Настолько стар, что, видимо, уже давно не думал о своём внешнем виде, о чём свидетельствовали растрёпанные седые волосы, длинная борода, волосы которой смотрели, казалось, во все стороны света, а также грязный, давно не стиранный балахон на теле. Старец медленно оглядел поле так и не состоявшегося боя и задумчиво задвигал челюстями, как будто что-то жевал, при этом бегая глазами, переводя взгляд то на преклонивших колени элементалей, то на Хвостика, то на меня. Наконец, он закончил думать и, остановив взгляд на мне, коротко бросил:

— Заходи, — и скрылся за вновь захлопнувшимися ставнями.

Не успел я крикнуть в след, а куда мне, собственно, заходить, как у основания дуба корни зашевелились и расползлись, открывая вид на довольно непримечательную дыру. В темноте сложно увидеть другую темноту, но почему-то эта дыра была абсолютно точно видна, как будто взгляд специально привязывался к ней. Очередная магия? Не удивлюсь, если так.

Приказав Хвостика стоять на месте и следить за Юлой в купе с так и оставшимися в коленопреклонённой позе истуканами, я поплёлся ко входу в этот во всех отношениях странный дом. При этом опирался на Пха отнюдь не из-за эстетических соображений, мол, смотрите какой я крутой шаман — у меня даже посох есть! Сейчас мне действительно нужна была опора при ходьбе: в голове всё ещё по непонятной мне пока причине шумело, а тело по ощущениям напоминало кисель.

Войдя в темноту прохода, я почти сразу услышал шорох смыкающихся за спиной корней. М-да, что-то я совсем забыл о подстраховке и вообще об осторожности. Пускай, похоже, это место и было тем самым, о котором пыталась намекнуть мне старуха, но не стоит забывать о том, кто такие гоблины. Я уже успел прочувствовать на себе всю их «любовь к ближнему своему», и наступать на те же грабли — нет уж, увольте. Так что рука невольно дёрнулась к амулетам, на ощупь их пересчитав. Пять штук. Несколько огненных и парочка земляных. Что ж, если что, мне будет чем ответить.

Сделав несколько шагов вперёд, я почти сразу сощурился от неожиданно сменившего тьму и ударившего прямо в глаза света. Быстро-быстро заморгал, стараясь привести зрение в норму. И когда картинка наконец сфокусировалась, моему взору предстала довольно большая круглая комната, стены которой были выделаны корой, пол вообще представлял из себя какое-то месиво из земли и корней, а в дальнем её углу располагалась узкая витиеватая лестница, ведущая наверх. Странно... Мне казалось, что снаружи дуб был меньше... Или это всё ночная видимость?

Свет испускали несколько ярких шаров непонятно чего, расставленные по всему периметру комнаты. Хотя, почему это «непонятно чего»? Приглядевшись, я еле сдержался, чтобы не ахнуть: это были духи!!! Духи, использованные для... освещения?! Да кто такой этот гoblin, что может себе позволить подобное?! Это ж какое транжирство энергии?!

— Ну, и?! — раздался язвительный голосок откуда-то сверху. — Ты подниматься собираешься, или так и будешь там внизу стоять, как статуя?!

О, вспомнишь лучик...

Поднявшись, по лестнице, я оказался на одном из, судя по всему, многих этажей, потому как дальше виднелась ещё одна лестница наверх. Но именно здесь меня и ждал шаман — а в том, что это не рядовой воин, или любитель природы и одиночества, я не сомневался.

Помещение выглядело страшным сном перфекциониста и любителя чистоты одновременно: куча прибитых кое-как параллельно полу досок, выполнявших функцию полок, на которых лежали в хаотичном порядке свитки, пергаменты, просто кипы листов и... книги! Всё-таки не я первый в этом мире, кто поместил кучку листиков между двумя плотными пластинами и связал всё это воедино. В центре комнаты располагалось что-то вроде круглой перегородки высотой не больше полуметра, в которой, искрясь, освещая и согревая комнату, ютился не выпущенный на волю и так и оставшийся в преобразовательной форме огненный дух. Это что, камин? Ну точно! Пускай по-шамански странный, но всё-таки камин! А рядом с ним стояло два плетёных кресла-качалки, в одном из которых и устроился мирно покачивающийся гоблин, взгляд которого, на странность, был устремлён не на меня, а на витающего в камине огненного духа.

— Садись, чего встал, — всё также не отрывая от него взора, указал он мне на свободное кресло рядом с собой.

Мне оставалось только пожать плечами и принять предложение — тем более что кресло оказалось очень мягким, а покачивания довольно успокаивающими. Не хватало только...

— Будешь? — Протянул мне старик трубку с сочащимся из неё желтоватым дымом. — Путничья трава. Нервы успокаивает.

— С неё у меня всё началось, — поднял я раскрытые ладони, отказываясь от «угощения». — Так что воздержусь.

— Ну... хотя бы напиток? А то некрасиво как-то — у меня гость, а я ему ничего и предложить не могу.

— Напиток можно, — усмехнулся я, не став говорить о том, что на «гостя» совсем недавно напали стражники хозяина дома, который сейчас строит из себя дружелюбного старичка. Ага, старичка, поддерживающего одновременно нескольких элементарей и кучу духов. При этом, смотрите-ка, Путничьей травой затягивается, гоблинюк!

Старик махнул рукой, как будто отбиваясь от назойливой мухи, и тут же стена напротив нас затрещала, часть коры начала деформироваться, отделяясь от общей массы, и спустя несколько секунд превращения перед нами стоял, упёршись головой в потолок, элементаль. Я даже не знал, что сказать... А где котёл?! А где ингредиенты?! Где шаманизм, в конце концов?! Куда я попал?!

— Принеси нам горячих напитков, — кивнул существу гоблин, и тот, потрескивая своим не самым, надо сказать, надёжным телом, направился на верхний этаж — туда, где, судя по всему, располагалась кухня или нечто на неё похожее: с этим шаманом ничего нельзя было сказать наверняка.

Я открыл было рот, чтобы вылить на старика реки вопросов, которые успели сформироваться в голове, но гоблин меня опередил: выудив трубку изо рта, он выдохнул дым через ноздри и повернулся ко мне:

— Дай догадаюсь: ты чувствуешь некую... усталость? Как будто неожиданно сами небеса свалились тебе на плечи.

Вздвогнув от неожиданного вопроса, я неуверенно кивнул. Тогда зеленокожий ехидно

усмехнулся, вновь затягиваясь из трубки:

— Всё понятно и одновременно непонятно ничего, — хрипло засмеялся он. — Похоже, твой элементаль каким-то образом подчинил себе моих стражей. Не спрашивай, как — не знаю. Но знаю точно одно: я их потерял, и теперь груз их поддержания в этом мире перепал на тебя. Очень интересно... чтобы кто-то подчинил чужого элементаля — я пока о таком не слышал. Собственно, это была одна из причин, по которой я тебя пустил. Но была и вторая... Может, сам догадаешься?

Старик посмотрел на меня таким многозначительным взглядом, что я понял: он действительно ждёт от меня предположений. Ох, и любят же старики поговорить! Причём, видимо, во всех мирах и мирозданиях! Я вздохнул, разве что глаза не закатил, и решил начхать на дружелюбие, место гостя в чужом доме, и вообще на всё, к чему меня подталкивали в детстве, как воспитанного мальчика. Да плевать! Я устал, у меня голова кругом от всего происходящего, да ещё и планы на будущее такие, что невольно опускаются руки от предстоящих трудностей. А этот ехидный гоблинюк ещё и загадками кидается! Р-р-р!

— Послушайте, — придал я голосу тот спокойный холодный тон учителя младших классов, который заставляет ёжиться вышедших к доске карапузов. — Эта ночь была длинной, я половину местной фауны истребил, чтобы до вас добраться. Син-аль-Ланг сказала, что вы сможете мне помочь, и вот я здесь. У меня нет времени на загадки.

Гоблин изумлённо приподнял брови, даже перестал затягиваться — а то я уж начал было думать, что его от этой трубки не оторвать — а затем хрипло, по-стариковски рассмеялся. Вытерев начавшие выступать из глаз слёзы, он улыбнулся, чуть сощурившись, и протянул:

— Суро-о-ов. — По голосу старика было понятно, что моя разовая акция бездушной машины его ничуть не проняла. Похлеще старик на своём веку храбрецов видал. — Син-аль-Ланг, значит. Помню-помню. Я её знал, когда она ещё даже учеником не была...

Я еле сдержал начавшую выползать на лицо маску изумления. Учеником не была?! Это ж сколько ему лет?!

— Но ты меня перебил, шаман, — тут же принял серьёзный вид гоблин. — О чём это я... ах, вторая причина! Да-да. Вторая причина в том, что в тебе энергии — взводу шаманов хватит. Такие уникамы на дороге не валяются. И просто так к Отшельнику не заходят.

Мысленно я невольно проматерился. Ну что за подстава! Очередной скрытень своего имени! С Учителем мне уже не повезло, а теперь, вот, Отшельник нарисовался. Хотя, а что если... Я внимательнее всмотрелся в место на лбу старика, которое скрывали небрежно свисающие локоны волос. Или не небрежно, и это лишь кажется? Да и это странное чувство...

— Я бы хотел попросить вас об одной услуге, уважаемый Отшельник, — неожиданно для самого себя перешёл я на уважительный тон.

Похоже, гоблин также это заметил, и потому немного напрягся, пускай и не показывал этого. Но всё-таки медленно кивнул:

— Проси.

— Уберите со лба волосы.

— ?!

Старик явно растерялся, но только на мгновение. Его взгляд быстро вернул осмысленность, а на лицо вновь напозла улыбка:

— Почувствовал, значит... Ну, что ж, не даром ты носишь свой Пха.

Он вздохнул, пожав плечами, и отвёл волосы в сторону. Взглянув на его лоб, я вздрогнул. На нём, пыша тёмными узлами энергий, была выжжена метка «Нон»... Всё ясно. У него просто нет имени. Вот и решил взять себе это абсолютно подходящее по статусу прозвище. Но узрев эту метку я не попытался убежать, или убить его. Не из-за страха, что не выиграю бой — хотя это было очевидно. Я просто не собирался этого делать.

— Ух ты, я всё ещё жив? — Словно прочитав мои мысли, вновь захохотал старик.

— Син-аль-Ланг... моя мать, сказала, что я найду здесь то, что мне нужно. У меня нет повода ей не доверять. Если она говорит, что вы мне поможете — почему меня должна смущать эта метка?

— Помочь? — В который раз на лице старика отобразилось удивление. Он даже поморщился — похоже, для него было непривычно так часто удивляться. — В чём старый Отшельник может тебе помочь?

— Узнать. Изменить. И окончить. — Выдавил я из себя эти, казалось бы, абсолютно не обременённые смысловой нагрузкой слова. Но почему-то я знал, что гоблин меня понял. И его последующие слова это подтвердили:

— Что ж, коротко, с делом и по существу. Значит, хочешь у меня учиться... — Он откинулся на спинку кресла, вновь закурив и не сводя с меня взгляда. — Учиться у Нона... Ты очень странный шаман — тебе кто-нибудь говорил?

— Пожалуй, даже слишком часто, — усмехнулся я, невольно обернувшись на шум шагов. Элементаль старика спустился с небольшим подносом, на котором стояло две небольших кружки с тёмной жидкостью, от которой к самому потолку тянулся ароматный пар.

— Долго ты, — пробурчал старик, беря с подноса одну из кружек и прикрыл глаза, пробуя напиток. Я также принял угощение, и попробовал сделать глоток. На вкус напиток напоминал что-то среднее между чаем с малиной и яблочным соком. Экзотика, конечно, но мне нравится! — Делаю эту настойку из корней, растущих у дуба, и лесных ягод, — начал расхваливать своё творение гоблин. — Очень бодрит, да и усталость как рукой снимает. Правда, в плане Водяных стихий я не силён, так что как основу болотную жижу и использую. Ну как тебе?

Последний вопрос был задан, когда я уже отплёвывался, согнувшись в три погибели и выплеснув напиток на пол. Болотная жижа?! А сразу сказать нельзя было?!

Но затем вдруг пришло понимание. Я поднял с пола выроненную из рук кружку, посмотрев на неё так, словно видел впервые в жизни. По сути, пока я не знал, что лежит в основе напитка, он мне нравился? Даже очень. Да и усталость действительно как рукой сняло. И с чего вдруг такие переживания? Ведь, если подумать, старик просто нашёл идеальную консистенцию местных корней, ягод и болотной жижи. Получив бесподобный вкусный напиток, да ещё и с такими классными особенностями! Так чего строить из себя неженку, отплёвываясь лишь только из-за наличия в нём какой-то там гадости? Глупость.

— Ну, ты там как, посмотрелся? — Немного недовольно прокряхтел Отшельник, выдернув меня из раздумий. — Весь пол мне тут испачкал. Ладно, пойдём, что ли... хех, ученик. — Похоже, гоблина явно веселил факт того, что у него появился подопытный, причём уровня «аль» — подобное шаманы чувствуют на внутривенном уровне. Я вот, например, чувствовал, что уровень старика, что сейчас, посвистывая песенку, неуклюже топал к лестнице на верхние этаже, намного-намного выше этого самого «аль», где-то на

небесах. Да уж, вот и суди после этого книгу по обложке.

Поднявшись с пола, я направился за Отшельником, про себя думая о том, каким же это образом старику метка досталась? Внутренний голос подсказывает: несмотря на внешнюю нелепость и простоту, этот шаман скрывает множество тайн. Да только в первые минуты нашего знакомства он завалил меня ими в таком количестве, что просто ах! Но я доверюсь ему. Ибо он — в этом больше не осталось сомнений — может дать мне Силу. Только сейчас пришло осознание: его способность творить духов безо всяких ингредиентов и есть та Сила, о возможности получения которой я намекал старухе во время нашего последнего разговора. Об этом сохранилось так мало сведений и их так трудно было достать, что сначала я посчитал это не более чем легендой, мифом, пытающимся объяснить чудеса прошлого этого мира. Но вот он, этот миф, идёт передо мной, осознающий, что я не ударю его в спину, не только потому что не хочу, но и потому что не смогу. Он только фыркнет, попробуйся я использовать хоть все амулеты разом, и прихлопнет меня как муху. Ибо обладает Силой. Настоящей, неподдельной, напрямую связанной с миром духов. Но я понятия не имел, как этой Силы достичь, а Отшельник сможет меня этому научить. И, именем духов, как же она мне необходима! Без Силы все мои дальнейшие планы накроются медным тазом!

Мы прошли два этажа. Все, как один, повторяли друг друга: всюду беспорядочно разбросаны вещи, словно старика минуту назад ограбили, не церемонясь и переворачивая всё вверх-дном. Но если присмотреться, то можно было понять, что во всём этом беспорядке всё-таки кроется некая система: вон там куча из книг, там наваленные друг на друга котелки, какие-то мешочки на столе с пергаментами, пентаграммы и кости, лежащие в них. Уверен: захоти Отшельник что-нибудь найти в этой жести, нашёл бы моментально! Творческий беспорядок, ёлки-палки...

Наконец, мы оказались в нужной комнате. Похоже, она располагалась на самой вершине дуба, дальше не шло ни лестниц, ни подъёмов, и была наиболее маленькой — периодически мне даже приходилось нагибаться из-за крохотной высоты потолка. Здесь как раз было более-менее чисто — фактически, пусто, видимо, старик не часто сюда заходил. Я огляделся: ни кровати, ни пуфика, ни вообще чего-то где можно спать. Это что мне, на полу спать, что ли?! Свои мысли я выдал Отшельнику, на что тот многозначительно хмыкнул и махнул рукой. В то же мгновение деревянный потолок затрясся, и образовал небольшую дыру, через которую залетела в комнату болотная сырость и прохлада.

— Создай, — бросил мне старик, покинув моё новое жилище.

Что ж — мне оставалось только пожать плечами — намёк (Намёчище!) понят: дыра для покидания помещения дыма, а, значит, пора шаманить.

Вздохнув, я сел и снял с пояса котелок...

* * *

Гоблин закричал так пронзительно, что, будь рядом хоть какая-то живность, то точно бы сбежалась на неожиданно появившуюся невесть откуда ни откуда пищу. Но рядом с Зубастыми Горами живности не водится...

Лар-ин-Лин, хрипя от боли во лбу, поднял взгляд на возвышающуюся над всем миром чёрную, словно копоть, горную гряду. И сердце его сжалось. Великие, да будут они прокляты во веки веков, отправили его на самый край Пяты, далеко от его родного дома, к самым

Горам, название которых было дано им не просто так. Они действительно были похожи на гигантские зубы, клыки какого-то исполинского монстра, который вот-вот готов захлопнуть свою пасть и поживиться непонятно зачем забредшим в эти мёртвые земли маленьким зелёным существом.

Гоблин поднялся, пошатываясь от боли во всём теле. Он выжил, выжил, несмотря на попытки проклятого уродца из другого мира его этой жизни лишиться. Но всё равно ему недолго осталось. Он не дойдёт ни до одного поселения с такими ранами, да и даже если вдруг доберётся — кто поможет Нону? Никто... Гоблин ещё раз схватился за лоб и сморщился. Метка болела, постоянно напоминая о том, кем он теперь стал.

Шаман оглядел горную гряду. От неё так и разило ужасом, исходящим от тварей, что живут в раскиданных по всему её протяжению пещерах. Многие века лучшие умы гоблинских и огрских кланов думали о том, почему вся та тьма, что таится в пещерах Зубастых Гор, не покинет своих убежищ и не нападёт на земли Пяты. Ведь для этого у них есть все возможности: и ужас, что наводит одно упоминание о них в разговоре, и сила, и количество... Но всё-таки они не нападают. Почему? Все учёные умы пришли к одной версии: тьма, что таят в себе Зубастые Горы — единственное место, где вольготно тамошним монстрам.

Но бывший ученик шамана не думал об этом. Его не пугали здешние чудовища. А зачем ему, без пяти минут труп, их бояться? Разве будет бояться умирающий старец опасности, которая влечёт за собой сигарета? Он плюнет на всё и затынется.

Гоблин прислушивался к голосу. Голосу, который доносился сначала как будто бы откуда-то издалека, но затем начав звучать всё твёрже и чётче и, наконец, Нон понял: этот голос звучит у него в голове.

«Приди ко мне. Получи что хочешь. Отомсти...»

Голос был настолько сладостным, и обещал настолько желаемое гоблину, что тот, забыв о боли, поплёлся за голосом, словно прекрасно знал дорогу. И дорога его лежала в сторону Зубастых Гор.

Чем ближе он приближался к горам, тем сильнее становился голос в его голове. Он звучал всё глубже в его мозгу, говорил всё убедительнее, он овладел Ноном. Гоблин и сам не заметил, как перед ним оказалась огромная пещера, как он, не чувствуя ни капли страха, прошёл по её тоннелю и вышел в каком-то зале, позабыв обо всём. Его вёл голос...

Только лишь наступив на попавшую под ногу кость, он пришёл в себя. И в ужасе обернулся, пытаясь понять, куда попал. Огромное пространство пещеры было настолько светлым, что можно было рассмотреть каждую деталь: даже гору из костей, больше похожую на небольшой зиггурат. Но, присмотревшись, сквозь ужас, заполонивший его разум, гоблин догадался, что все эти скелеты были всего лишь беспорядочно разложены вокруг одного определённого скелета, имевшего руки и ноги, но по размерам превосходившего остальные в несколько раз. Именем духов, да даже огры не так огромны!

Нон попятился. Вернулась боль от глубоких ран, вернулся страх, вернулась дрожь во всём теле. Он в логове ужаса, почему он здесь?! Его тут быть не должно!

«Приди ко мне» — вновь возник в голове голос.

И снова все чувства ушли на второй план, и вновь, не помня себя, гоблин пошёл вперёд, к свету, исходившему из центра импровизированного зиггурата. Карлик начал взбираться наверх, цепляясь за выступающие из кучи кости. И наконец добрался до вершины, разглядывая большой идеально круглый камень, помещённый в череп странного гигантского

скелета.

«Возьми...»

Словно сквозь сон, не понимая, что делает, Нон протянул трясущиеся руки и вырвал из тут же рассыпавшегося прахом черепа желанный камень. Затем, поднеся его к лицу, начал разглядывать с таким видом, словно это было самое главное сокровище в его жизни. Внутри него разрасталось тёплое чувство к камню, чьи-то чужие, неясные, но такие лилейные мысли врывались в подсознание, твердя: «Возьми...возьми...возьми...». И, повинувшись порыву, порождённому то ли его собственным рассудком, то ли тем, который предложил ему камень, гоблин раскрыл пасть и проглотил своё неожиданное сокровище, со вкусом причмокнув и осознав, что в жизни не пробовал ничего вкуснее.

Но вместе с исчезнувшим в желудке камнем исчез и свет, и в ту же самую секунду стены пещеры сотрясли рёв, гомон и топот. Нон почувствовал испуг. Только сейчас до него окончательно дошло где он и что с ним. Но не успел он окончательно впасть в панику, как раны неожиданной болью врезались в тело, и гоблин, согнувшись в три погибели, отчаянно закричал, раздираемый волной болезненных ощущений. Камень спасал своего носителя...

Горные гоблины — маленькие мерзкие твари с серой кожей и густой шерстью в районе конечностей, некогда, в древности, бывшие процветающим гоблинским племенем, но ныне, давно изгнанные со свободных земель и вынужденные жить в пещерах, растерявшие все свои былые возможности и традиции, и превратившиеся в одетых в обноски дикарей — словно тараканы повылазили из всех щелей пещеры, вторя друг другу: «Реликвия! Зал! Кто-то потревожил священный зал! Убить! Съесть! Убить!»

Они заполнили священный зал быстрее, чем потоп заполняет города, окружив алтарь, на котором больше не было камня, дарившего желанный свет подземным тварям, коему они поклонялись долгие столетия. Один из горных гоблинов неуверенно, подгоняемый злобой и непониманием, взобрался на вершину алтаря. Чтобы тут же с диким рёвом быть отброшенным обратно в толпу охнувших коротышек, которые, все, как один, сделали шаг назад, сощурившись от вновь озарившего пещеру и разогнавшего стыдливо спрятавшуюся в самых дальних уголках тьму, света. Но свет шёл не от камня...

Он шёл от гоблина, стоявшего на вершине алтаря. И в этом гоблине больше не было испуга. Была лишь ярость. И сила, которую даровал ему камень. Ужасные раны, некогда кровоточившие на его теле, сменились на ярко светящиеся во тьме наросты, теперь напоминавшие присосавшихся к телу паразитов, то раздувающихся до размеров личинки, то вновь сужающихся в узкую полосу, словно дыша. Кожа чужака будто потрескалась, окрасив себя множеством переплетающихся друг с другом трещин, расширяющихся по мере того как приближались к «личинкам». А его взгляд надменно скользил по толпе окруживших его тварей, и сила этого взгляда была столь велика, что гоблины не выдержали и, потупив взоры, опустились на колени, подняв руки вверх, отдавая почести своей новой реликвии.

А стоявшая на алтаре реликвия улыбнулась.

Всё только начинается...

ГЛАВА 8 Уроки, или как приручить Высшего

Первая неделя жизни у Отшельника была невероятно насыщенной. Начать хотя бы с того, что мне пришлось убираться во всём доме (Если дуб вообще может называться домом), а, учитывая масштабы дома и то, сколько бардака старик устроил на каждом квадратном метре каждого этажа... Казалось, будто шаман специально меня ждал в качестве личной уборщицы — в общем, свой первый урок я не забуду никогда. Конечно, можно было призвать каких-нибудь средненьких элементарей, да приказать им выполнять эту чёрную работу за себя, но от ещё большего количества призванных душ меня просто вывернет или отрубят, потому как подчинённые мне не без помощи Хвостика элементарии никуда не делись, а развоплощать их я не мог: Отшельник категорически запретил, сказав, что лучшей охраны пока не найти, и разбрасываться такими сокровищами я не имею никакого права. Что ж, мотивы его были не ясны, но я послушал: тем более что на собственной шкуре испытал, какие эти каменные ребята крепкие.

Кстати, об элементарях: Отшельник решил провести эксперимент в первые дни моего проживания на болоте. А именно: просто взял и призвал ещё одного элементаря, попроще. Получившаяся каменная пародия на своих «старших» братьев тут же перекочевала в подчинение ко мне, отчего старик только нахмурился и, приказав мне его развоплотить, после недолгих манипуляций руками вызвал огненного элементаря. Хвостик даже глазом не повёл, а огненный дух так и остался в подчинении у Отшельника. То же самое произошло и с воздушным. Отсюда выходил один-единственный вывод: похоже, Хвостик не без помощи Великих, которые, наверное, и сами не ожидали такого эффекта от обычного нахождения рядом с призванной душой, стал кем-то вроде... короля земляных элементарей? Как бы глупо это ни звучало, но, похоже, так оно и было. Только вот побочный эффект, несмотря на всю перспективность этой особенности Хвостика, был всё-таки мрачноват: он подчиняет любого земляного элементаря, а как отключить эту функцию, похоже, ни я, ни он не знали, а энергии на всё это у меня тупо не хватит — теперь, имея в подчинении этот небольшой отряд я с трудом выполняю вызов даже бытовых духов, что уж там говорить о перворанговых!

Затем весь день ушёл у меня только на то, чтобы разъяснить Отшельнику кто я есть на самом деле, откуда, что со мной произошло за время пребывания в этом мире, а также ответить на его вопросы, разъяснить особенности моего собственного мира, выслушать его охи и ахи. Что-то, надо сказать, слишком уж большое количество народу уже осведомлено о моём происхождении. А обо всех ли я знаю? Вот уж вряд ли: слухи-то — они в любом мире слухи и есть. Но не открыться перед стариком я не мог: он — не только моя надежда на светлое будущее, но ещё и очень приятный гоблин, в отличие от многих из тех, кого я успел узнать, несмотря на его собственные тайны и недомолвки, а это дорогого стоит. И, что самое приятное: наши разговоры протекали за питьём изготавливаемого Отшельником напитка, заложником которого я стал.

Между прочим, придуманное мною для напитка название «чай» очень понравилось гоблину. А что? Очень в духе местных: коротко, лаконично, да ещё и отдаёт иномирьем. Отличная рекламная акция для нового напитка: существуй здесь патентное бюро, обязательно бы черкнул им письмецо. Но так как ничего подобного в этом мире, по крайней мере пока, не предвидится, то вместо того, чтобы рассуждать о названии, гоблин

решил меня научить его варить. Так что в следующие несколько дней я узнал туеву хучу информации о местной флоре, о том, какие растения съедобны, а какие нет, какие можно использовать для снадобий, а какие для ядов, и, конечно же, начал различать нужные мне корни и ягоды, и более-менее сносно готовить чай. Привкус болотной жижи уже не смущал меня, и потому теперь на каждый выход на природу я брал с собой хотя бы две фляжки с этим божественным напитком, в результате чего мой личный коэффициент полезного действия возрастал вдвое, и потому обучение стало протекать быстрее, чем на то рассчитывал сам старик.

А выходы на природу у нас были ежедневные: одними фолиантами, да книгами Отшельник не ограничивался. Как сказал он сам, мои познания в шаманизме были превосходными, даже больше, чем нужно, но при этом мне не хватало практики и умения.

— У меня был друг, — сказал как-то Отшельник за одним из ставших традиционным вечерним разговором. — Который засиживался за чтением различных манускриптов и древних скрижалей. Он знал о шаманах, об их истории, способах призыва духов и о самих духах столько, что ходил слушок, будто сами Великие приходили к нему спрашивать совета. Но, представь себе, он никогда не был аль, он даже в старшие ученики не попал. Потому что он не умел делать из того что знал ничего. Он лишь сидел за своими книгами, в то время как я набивал себе шишки на практике. Ты когда-нибудь практиковался в фехтовании? — Неожиданно спросил он.

— Нет, — честно признался я.

— И я нет, — кивнул собственным мыслям Отшельник. — Но я знал об этом намного больше, чем любой гоблин моего клана: и о возможных пируэтах, уходах, тактике боя, приёмах... Я увлёкся этим не на шутку в своё время. И что? Смогу ли я справиться хотя бы с молодым стражником, который провёл не мало стычек с другими кланами, или даже просто давая оплеухи особо ретивым соклановцам? Разумеется, нет. Потому что у меня нет ни умения, ни опыта. А одно приходит только после другого...

И мы начали тренировки. Пускай мне и было сложно призывать души из-за наличия на мне уже нескольких истуканов, сторожащих дуб и патрулирующих окрестности, но Отшельник вносил свой непосильный вклад в моё обучение, постоянно вливая в меня собственную энергию и поя чаем. За сравнительно короткий срок я научился вызывать духов в несколько раз быстрее обычного, чуть ли не сразу же после произнесения заклинания. При этом, как выяснилось, в мире духов я заработал некую... репутацию, что ли? Я даже начал различать знакомые мне души, которые, почувствовав дуновение запаха моего зелья, тут же цеплялись за возможность быть призванными именно мной и исполнить свои обязанности максимально качественно, отчего получавшиеся на выходе заклинания оказывались намного мощнее, чем если бы их использовал другой аль. Отшельник на это только одобрительно хмыкал, и мы продолжали учиться.

Физические тренировки мы также не обходили стороной. Точнее — я не обходил, а старик жевал травинку и наблюдал. Деревянные палки вместо меча, бег с препятствиями и тому подобное: всё это выматывало страшно, особенно такое толстое и маленькое тельце, как моё. Но я продолжал упорно заставлять мышцы развиваться, ибо за время жизни гоблином понял одно: слабый гоблин — мёртвый гоблин. И никак иначе.

Ну, а свободное от тренировок время мы коротали разговорами. И не только об учёбе и шаманизме в целом. Отшельник выуживал из меня информацию о прошлой жизни, о Земле, о том, что со мной происходило там и как я жил, я же отвечал ему взаимностью,

терроризируя старика попытками разузнать о том, как он удостоился своей метки и получил Силу. Потому как пока я не понимал, чем обусловлены эти адские издевательства надо мной, в результате которых, из слов Отшельника, получается, я эту Силу получу. Но ведь он ни разу мне о ней не рассказал! Ни разу! Старик на мои вопросы постоянно либо отнекивался, либо злился и уходил, либо переводил разговор в другое русло.

Но однажды вечером, после нескольких недель изнурительных тренировок, он, сидя в своём любимом кресле, был ещё более хмурым и задумчивым, чем обычно, и так долго молча затягивался из своей трубки, что выпускаемый им жёлтый дым заполнил весь дуб — разве что всё болото не объял. Даже меня, пускай я ни разу не брал эту заразу в рот, немного пробрало.

Его взгляд был постоянно направлен на камин, и, что самое странное, старик не проронил ни слова. Хотя этот гоблин был одним из самых разговорчивых зеленокожих, что я знал. И всё-таки он молчал. А я не смел нарушить воцарившуюся тишину, ибо нутром чуял: он размышляет о чём-то серьёзном, а в такие моменты его трогать нельзя.

И вот, наконец, Отшельник оторвал взгляд от искрящегося духа огня и поднял на меня странно-затуманенные глаза. И затуманены они были не наркотиком...

— Сколько ты уже занимаешься у меня? — Неожиданно спросил он. — Сколько дней?

— Около месяца, — пожал я плечами.

— Около месяца... — словно эхо, протянул Отшельник и, вновь затянувшись, причмокнул: — М-да, и успел многого достигнуть. Уж не знаю, что могут сделать за месяц в вашем мире, но наш мир точно открыл в тебе дюжий талант к обучению. Но вот что я хочу узнать: на что ты готов ради Силы?

Меня на минуту заклинило. Такого вопроса от учителя я точно не ожидал. Он наконец поднял так интересовавшую меня тему! С чего вдруг? Неужели из-за Путничьей травы? Да не, такого, как Отшельник простой травинкой не проймёшь: похоже, старик что-то про себя решил.

— На многое, — задумался я, но тут же исправился: — На всё.

— На всё, — опять, словно попугай, повторил он, а затем рассмеялся: — Что ж, тогда слушай! Слушай, и запоминай! Ибо я расскажу тебе, как получил Силу. И как получил Метку. Что самое интересное, мой ученик, одно спровоцировало другое...

Я тут же сделал стойку, превратившись в слух. Если он сейчас собирается мне поведать то, о чём я так вожделел и чего так ждал все дни безумного издевательства со стороны Отшельника, то не стоит сейчас мешать ему даже лишним движением: авось решит, что зря всё это затеял, и снова придётся мне ждать, пока у него вновь появится к разговору настроение.

— Я был тогда молод. Хотя, я и сейчас ничего, верно? — Снова смех, который, впрочем, моментально стих, вернув лицу Отшельника прежнюю серьёзность. — И надо сказать, что в искусстве овладения духовными сущностями я достиг больших высот. Особенно я любил практиковаться с духами земли, за что надо мной постоянно насмехались, утверждая, что стать боевым шаманом, специализируясь на подобных духовных сущностях невозможно, и лучше мне, как и остальным, углубиться в изучение духов огня, чтобы построить себе светлую военную карьеру. Но, как ты успел узнать, я упёртый, почти такой же упёртый, как ты, — на этот раз ни лице старика не появилось даже намёка на улыбку. — И я не слушал никого. Через годы, проведённые за жесточайшими тренировками над духами земли, я легко, даже, можно сказать, походя, победил в честных поединках своих соклановцев один за

другим и получил в клане репутацию великого шамана, став аль. После этого многие шаманы изменили своё отношение к другим духовным сущностям, как боевым, но я уже не обращал на это никакого внимания. Я перешёл порог, но возжелал добраться до следующего, закопавшись в древних свитках, выслушивая легенды и сказания, и, наконец, нашёл способ...

— Приручение Высшей души! — Не выдержал, и воскликнул я, тут же заткнувшись.

Но старика не смутил мой секундный порыв. Он лишь спокойно кивнул:

— Да. Через намёки, зацепки и советы я сумел выявить способ приручения Высшей сущности, а вместе с этим получить Силу. Настоящую и первоначальную — Силу, которой владели ещё наши предки, которой, именем духов, обладали даже малые дети, но которая была утеряна сквозь время. Но, как ты знаешь, для вызова любой души нужна... дань. — Я понятливо кивнул. — И для необходимого обряда нужна была своя дань тоже. И она была огромна...

— Вы принесли в жертву гоблина... — догадался я.

— Всё так, мой мальчик. Но не гоблина. Гоблинов. Несколько десятков моих соклановцев окропили кровью землю, я победил вызванного Высшего и подчинил его своей воле, получив Силу и способность управлять стихиями земли без обрядов и подношений. Но рагх клана призвал Великих, указав им на моё деяние на праведном суде. И те признали тягостность моего преступления. И я был клеймён и изгнан, вынужден жить в одиночестве, не имея и шанса проявить себя. А теперь скажи мне, мой мальчик, — он чуть нагнулся вперёд, и прошептал одними губами: — Стоит ли Сила того?

Затем он, кряхтя, поднялся и, сцепив руки за спиной в замок, поплёлся прочь из комнаты, оставив меня лишь наедине со своими мыслями. А, хотя нет, не совсем наедине: на его кресле осталась лежать всё ещё испускающая назойливый жёлтый дымок трубка, которая, надо сказать, резала глаз. Я невольно усмехнулся: старый хитрец специально оставил её здесь, прямо на виду — мол, возьми, ученик, не мешает в тягостных размышлениях... А, к чёрту! — я махнул рукой и потянулся к трубке, — почему бы, в конце концов, и нет?

Вкус у Путничьей травы оказался безобразным: жгучим, терпким и немного кислым. Но зато в голове как будто стало намного просторнее и легче, грустные и тяжёлые мысли абсолютно покинули её, оставив место для новых размышлений. Я развалился в кресле, впервые в своей жизни затягиваясь и раздумывая над словами Отшельника.

Убийство всё ещё было для меня проблемой. Не монстров, нет — с этими болотными жителями у меня разговор короткий, немало их перебил за время, что провёл за обучением у Отшельника. А вот самих гоблинов... И тут дело даже не в вероятности получить Метку: кокнул ребят из другого клана, это само собой разумеющееся дело, так сказать, житейское. Даже если и попытаются осудить, то вряд ли дело дойдёт до такой жестокой кары. В этом плане Отшельник либо просто сглупил, либо не имел особых вариантов, вырезая собственных соклановцев. Но, чёрт, я ни разу не убивал гоблина! Лар-ин-Лин, этот подонок, не в счёт, да и о его дальнейшей судьбе я и не знаю, при мне он был жив, пускай и в скверном здравии, так что... на моём счету — ноль смертей нынешних собратьев, которых теперь, по истечению такого количества времени, я имел полное право так называть. Скажи мне убить гоблина, будь я человеком — убил бы, понимаю я, за что. А так... теперь это было скорее похоже на задачу солдата партизанить на территории врага, убивая противника, который отличен от тебя лишь местом жительства и ничем другим. У него может быть семья, дети, жизнь, в конце концов! Но с другой стороны...

Я видел, на что способны гоблины. Знаю, что за каждым есть если не множество, то хотя бы один грешок, который нельзя ни простить, ни понять. Но это уже вопрос скорее философский, из разряда «кто не грешен — пусть первым бросит в меня камень». Вопрос в данном конкретном случае придётся ставить ребром и жёстко: во-первых, смогу ли я вообще это сделать, и так ли уж нужна мне эта Сила?

Нахмурившись, я и не заметил, что уже давно просто вдыхаю дым из трубки, не кладя ту в рот. Опомившись, отложил её в сторону и спрыгнул на пол, стиснув Пха и посмотрев на искрящегося духа огня. Затем мысленно приказал патрулирующим окрестности элементалям собраться у дуба.

Решение принято.

* * *

Магрон-оун-Наг, глава торгового каравана клана Бессмертной Тени, довольно улыбнулся, рассматривая проходящую мимо процессию из рабов. Захваченные им недавно несколько ферм всё слабеющего и слабеющего клана Ловкой Птицы принесли его собственному клану довольно большие запасы провизии с водой, несколько умелых, пускай и неопытных шаманов, множество крепких мужчин и даже несколько женщин, которые шли, гонимые плетью наездников, позвякивая цепями и бросая на него ненавистные взгляды. Но скоро у них не хватит сил и на это, потому как вся энергия будет уходить лишь в шлёпанье по болотной жиже, ибо длительный переход через все Западные Болота в цепях и тяжёлых кованых железных обручах на руках, ногах и шеях — далеко не увеселительная прогулка.

Глава каравана развернул своего рывкнущего от бесцеремонного отношения Ула и проскакал лёгкой рысью к одному из надзирателей. Одетый в богатую кольчугу старшего надзирателя гоблин, заведя своего господина, приложил правый кулак к сердцу:

— Все мы смертны, — поприветствовал он Магрон-оун-Нага.

— Лишь Тень бессмертна, — традиционно кивнул ему в ответ гоблин и обвёл взглядом плетущихся друг за другом бесконечной цепью пленников: — Были какие-нибудь проблемы?

Тот в ответ лишь прыснул в кулак, попутно наградив ударом плетью проходящего мимо слишком уж заинтересовавшегося разговором пленника:

— Да какие проблемы, господин оун?! Единственное что — все хотят жрать, ноют... Привычное дело!

Магрон-оун-Наг задумчиво почесал затылок. Приставку «оун», что значит «властвующий над караванами», не давали первому попавшемуся проходимцу, и гоблин был не глуп, совсем не глуп. И не заметить, что в вечерних сумерках в округе не слышно даже шипящих рагхакков, коих в этих местах полно, не мог. А вот дальше уже стоял вопрос: стоило ли тревожиться по этому поводу, или всё-таки гоблин, что не первый год водил караван своего клана и грабил поселения его противников, немного двинулся на подозрении всего и вся? Наконец, задумчиво причмокнув, он мысленно махнул на это рукой и вновь прищипил пускающего слюни негодования Ула, направив его во главу процессии. Как раз для того, чтобы, подъехав к оставленным впереди воинам, вскинуть руку, останавливая весь караван. Зашипели ящеры, неуверенно потянулись к мечам и копьям стражники, сняли с поясов котелки шаманы. А сам Магрон-оун-Наг, полушёпотом приказав паре воинов последовать за ним, спешил и потопал, протискиваясь сквозь болотную жижу, к

застывшему прямо на их пути незнакомцу.

Незнакомец был одет как шаман. Несколько амулетов на шее, котелок на поясе, сумка с ингредиентами — всё это лишь подтверждало то, что незванный гоблин не был простым бродягой. А Пха, что пришелец держал в руке, выявляло в нём аля. И глава каравана, медленно ступая в сторону молча наблюдавшего за ним шамана, всё никак не мог понять: что делает этот странный индивид в глубокой чаще болот, в такое время, без сопровождения? Следовавшие за ним воины, видимо, разделяли его волнения, обнажив клинки.

— Уважаемый, — протянул Магрон-оун-Наг, остановившись в десятке шагов от так и не пошевелившегося незнакомца. — Могу ли я узнать ваше имя? Клан? Вы не из Бессмертной Тени, я вас никогда не видел, а в своём клане я знаю всех. Так кто вы?

Пришелец продолжал молчать. И это не на шутку разозлило главу каравана:

— Послушайте, любезный, — продолжил он более угрожающим тоном. — Может, вы глухой, или немой? Или... тупой? В любом случае, сегодня мы набрали достаточно рабов, и ещё один... болезный нам не нужен. Так что вам, повезло, кто бы вы ни были, духи вас подери, и потому просто уйдите с дороги и пропустите караван.

Пришелец молчал, и лишь накинутые на его плечи, свисавшие до голеней шкуры развевались на лёгком назойливом ветерке. А сам он как будто являл собой странно-реалистичную статую. Магрон-оун-Наг сплюнул, обернувшись к только ожидавшим приказа боевым шаманам и готовым кинуться на незнакомца воинам, намереваясь отдать приказ силой убрать негодяя с дороги, как вдруг позади него раздался голос:

— Вы сейчас же прикажете своим воинам бросить оружия, — пришелец говорил спокойным и даже немного мелодичным, словно читающим по листу, голосом: — А шаманам бросить свои котелки. Всех рабов отпустите, дадите им еды. Оставьте своих Улов. В таком случае я вас не убью.

Глава каравана обернулся к зарвавшемуся проходимцу с взлетевшими до небес бровями и такими выпученными глазами, что те вот-вот намеревались вытянуться в некое подобие яиц. А затем громко, схватившись за живот и зажмурившись, заржал.

Его поддержал дружеский смех всего каравана, кроме рабов — те всё также угрюмо молчали, про себя в уме прикидывая, каким образом прикончат этого идиота, который решил, что именно он здесь диктует условия. Но пришелец не придавал раскатистому, словно гром, смеху, что разнёсся далеко за территорию Западных Болот, никакого значения, продолжая стоять всё с тем же непробиваемым выражением лица, как будто ему это абсурдное предложение не казалось смешным. Более того, он, кажется, считал, что оно является единственно верным. В отличие от Магрон-оун-Нага...

Отсмеявшись, глава каравана вытер вылезшие от смеха слёзы, и взял себя в руки, продолжая тихо похихикивать. Вместе с ним постепенно утихли и остальные члены каравана, потеряв всё напряжение, вызванное неожиданной задержкой. Теперь для всех них незванный гоблин был всего лишь шутком, временной увеселительной помехой, цель которой была немного разбавить скучный и однообразный маршрут.

— Ты, — указал Магрон-оун-Нага своим толстым пальцем на пришельца. — Остряк! Спасибо, что повеселил! За это я дам тебе второй шанс, несмотря на то, что ты нас, всё-таки, задержал... Вали отсюда и...

Но незнакомец с Пха, на котором болтались три странного вида черепа, уже его не слушал. И если бы кто-то сквозь хихиканье главы каравана смог услышать его слова, то он

услышал бы разочарованное: «Что ж, я хотя бы попытался...». А затем караван затих. Ибо его перебил раскат приближающихся исполинских шагов, от которых по воде пошла неуверенная рябь, постепенно всё набирающая и набирающая силу. Магрон-оун-Наг среагировал быстрее всех, прокричав воинам приказ убить незнакомца, но было уже поздно. Два потускневших амулета — две выпущенные молнии — два обгоревших трупа на месте стражников.

Парочка шаманов, что была порасторопней и поумней, уже сидела по пояс в жиже, дрожащими руками насыпая ингредиенты для зелья, но в следующую секунду из полутьмы чащи вынырнуло четыре великана, в которых застывшие от изумления шаманы узнали земляных элементалей, прежде чем погибли от размашистого удара прыгнувшего к ним монстра. В караване началась паника: пленники гремели цепями и кричали, пытались разбежаться, но связывающая их воедино цепь этому мало способствовала; Улы, рыча, встали на дыбы, побросав своих наездников, что с громким бульканьем падали в болотную жижу. Элементали действовали быстро, слаженно и продуманно: первыми расправлялись с шаманами, которые действительно представляли из себя угрозу, не обращая внимание на пытающихся тыкать в них своими железяками стражников. Магрон-оун-Наг, схватившись за голову, пытался взять ситуацию под контроль:

— Воины! Занять позиции по защите шаманов! Три к одному! Три к одному, рагхакки вы бесполезные! Держать оборону!

Его крик даже сумел дойти до нескольких отплёвывающихся после падения в воду гоблинов, которые тут же ретиво принялись исполнять приказ, но были мимоходом отправлены в мир духов выпущенными из-за спины караванщика несколькими огненными шарами. Тот в гневе обернулся к медленно приближающимся пришельцу, единственному, кто сохранял хладнокровие в образовавшемся хаосе, и, стиснув зубы, зарычал, выхватывая собственный коротенький меч, который больше был именно украшением, а не оружием.

Незнакомец хмыкнул — впервые его лицо изменилось, губы плавно перетекли в улыбку — а затем перехватил свой Пха двумя руками. Отбил неумелый выпад от Магрон-оун-Нага и легко, даже как-то сонно, ушёл ещё от нескольких ударов, неожиданно для караванщика вскинув над собой посох, попутно нанося удар его толстым концом гоблину под подбородок, отчего тот вскрикнул и, выронив меч, изогнулся, пропустив удар острым концом посоха, что пробил ему насквозь горло. Зеленокожий захрипел, замахал руками, ещё не до конца осознав, что мёртв. И, застыв статуей, медленно сполз с посоха, рухнув в воду, по которой начали расплываться кровавые пятна.

Вытерев наконечник рукавом рубахи, пришелец поднял взгляд на окрестности и удовлетворённо кивнул: элементали добивали оставшихся воинов, которые уже не оказывали никакого сопротивления, только пытались с дикими визгами сбежать с поля боя, запрыгивая на непослушных Улов. Но каменные монстры с лёгкостью их перехватывали, прерывая крики ужаса и никак не реагируя на мольбы о помиловании. А ведь он предлагал им просто уйти...

Пленные рабы жались к немногочисленным торчащим из болотной жизни валунам и деревьям — кто куда смог дотянуться. Цепь между ними натянулась настолько, что явно приносила им дикую боль, но для гоблинов-рабов это было лучше, чем попасть под случайный удар не особо интересующихся по кому бить элементалей. Когда битва окончилась, этот небольшой участок болот почти полностью окрасился в ярко-алый, ни один из воинов или шаманов, сопровождавших караван, не выжил. Выполнив свою задачу,

великаны встали по стойке смирно, и лишь один из них, испускающий ярко-зелёный фосфоресцирующий свет, степенно прошествовал к шаману и преклонил колени, отчего водная гладь вокруг него на мгновение превратилась в мини-цунами. Улыбнувшись, пришелец, лишь по одной ему известной причине, протянул вперёд руку и погладил массивную, покрытую мхом голову истукана, а затем, не глядя выпустил из амулета яркo-синюю молнию, которая, извиваясь и шипя, метнулась между ахнувшими и зажмурившимися от ужаса рабами, со звоном ломая сковывающие их цепи.

— Вы свободны, — проговорил незнакомец, как только молния, освободив последнего пленника, угасла. — Но если кого-нибудь в течении минуты я замечу или услышу поблизости, то он присоединится к ним, — тут гоблин красочно обвёл взглядом поле сражения.

Больше слов и не требовалось: бывшие рабы, не издав ни звука, повыскакивали из своих укрытий и помчались разномастной толпой в обратном от движения разгромленного каравана направлении. Лишь один, совсем ещё молодой гоблин, даже не получивший своего имени, чей интерес пересилил чувство самосохранения, спрятавшись в кустах неподалёку, неуверенно выглянул из-за них, стараясь разглядеть, что будет дальше.

Незнакомец, с размаху воткнув свой Пха в ближайший более-менее твёрдый участок земли, прошёл к одному из мертвецов и, нагнувшись над ним, вытащил из-за пояса кинжал. А затем... малыш прикрыл рот руками, чтобы, не дай духи, не закричать, и бросился догонять своих.

ГЛАВА 9 Маленькая война, или большие трудности

Я ещё раз оглядел окрестности и удовлетворённо кивнул.

Довольно большой участок земли, который я выбрал для призыва, идеально подходил для ритуала: почти всю его площадь занимала суша, пускай и вязкая, как глина — но другой почти на болотах и не встретить. Небольшая кучка деревьев, сваленная неподалёку моими элементариями, оставившая после себя лишь несколько неаккуратных пеньков, сейчас активно поедалась гремлинами — небольшими (Правда, выше меня чуть ли не на две головы), горбатыми существами, призванными из стихии земли, с густым волосяным покровом, заострёнными ушками и очень острыми клыками и когтями — шестой уровень вызова духа, когда духи обретают более-менее живую оболочку. По сути, они были не такими уж и сильными, но живучими, ловкими, и на призыв и поддержание одного гремлина тратилось не очень большое количество энергии, так что вызвал я их в количестве тридцати воинов, и сейчас они крошили стволы деревьев своими зубами, словно бобры, отрывая себе куски побольше и мастера что-то вроде снарядов и небольших дубин. В общем, сброд, но сброд необходимый.

В центре импровизированной площадки был начерчен большой, четыре на четыре метра, круг вызова. Центр его был испещрён многочисленными надписями на древне-гоблинском, из того, что я сумел выудить из книг и слов Отшельника, а по периметру к кругу примыкало ещё пять кругов поменьше, также окружённые корявыми (Что поделать — почерк!) надписями и с нагромождёнными в центре друг на друга головами гоблинов и Улов. Остановив на них взгляд, я глубоко вздохнул: ведь предлагал им просто оставить ящериц — их голов вполне хватило бы для ритуала, пускай он бы и не имел такой силы как сейчас, когда круг вызова окропила кровь гоблинов... Но что поделать — зеленокожие существа гордые и глупые, и это в купе обычно приносит неприятности, как и в этот раз.

Я обвёл взглядом периметр площадки: на всём его протяжении воткнуты острые кольца с нанизанными на них ярко горящих амулетами, ещё несколько стояли подле круга. Что ж, кажется, всё готово, осталась лишь формальность...

Прикрыв глаза, прислушался. Уже где-то час, как над Западными Болотами нависла ночь, но не слышно даже писка какой-нибудь твари, лишь лёгкий ветерок гуляет в ушах, да шелестят листья на деревьях. Что ж, похоже, мои каменные исполины, что прочёсывают окрестности вокруг, поработали на славу: вряд ли теперь хоть один монстр в округе решится высунуть свою морду из берлоги, пещеры, или где они там ещё живут! Так что я приложил пальцы к вискам и послал мысленный импульс элементариям занимать назначенные им позиции. Затем, удовлетворившись ответным импульсом от Хвостика, открыл глаза и, подозвав одного из усердно размахивающего только что выгрызенной странного вида булавой гремлина, ткнул в стоящий подле меня котелок, из которого валил пар приготовленного зелья. И, наобум назначив его главным и наградив званием капитана, отчего уродец (Ага, чья бы корова мычала...) расплылся в довольной улыбке, протянув котёл, приказал всё время держать его при себе. Тот же, решив, видимо, что подобное и есть знак отличия, который выявляет в нём главного, прижал его к груди, словно дитя, обжёгся, но не растерял оптимизма и, поднимая над собой котелок, помчался к своим товарищам, лопоча что-то на своём языке.

Я усмехнулся — но это, скорее, от нервов. Всё-таки вызов Высшего — лишь малая часть

дела. Нужно его ещё и подчинить... Так, а ну отбой панике! Мысленную пощёчину — по-лучай! Всё подготовлено, спланировано, взвешено и решено! Чему тебя учил Отшельник? Верь в свои силы! Ты — шаман, запомни же уже наконец! Тебе необходима Сила, и других способов её получить нет!

Странно, но подобное самобичевание придало мне уверенности: достав свою книгу с записями, провёл по её обложке рукой, стряхивая пыль и, открыв её, скривился: страницы стали почти полностью жёлтыми и скукоженными, кое-где клочки бумаги вообще были оторваны... М-да, ну а чего я ожидал, бегая по болотам, ныряя, валяясь в грязи и периодически бодаясь с болотными монстрами? Хочешь, чтобы твои вещички были аккуратненькими и ухоженными — так выбирай стезю учителя, сиди дома, никуда не выходи, да покуривай трубку. А если уж решился быть настоящим боевым шаманом... тогда забудь об аккуратности и красоте. Главное — практичность, а с этим всё в порядке: текст легко можно разобрать, но на будущее стоит укрепить книгу какими-нибудь слабенькими духами, что ли, или навесить примитивную защиту. Лишние затраты энергии, конечно, но что поделаешь.

Я пролистал половину страниц, остановившись на одних из последних: там остались записи, которые я сделал со слов Отшельника, и парочку приписок от себя — текст заклинания для вызова Высшего. Мною был выбран дух земли — решил пойти по стопам учителя. А что, почему бы и нет? Я чувствовал, что эта стезя — для меня, да и, к тому же, с чего мне отрицать очевидные выгодные факты полезности именно этой отрасли шаманизма? Огненные шаманы используют более сильных духов? Факт. Но магия земли более обширна, и не стоит забывать про связь духов со связывающей их с этим миром стихией.

Ладно — я развёл руки в стороны, прикрывая глаза и скатываясь в транс — начнём.

Первые секунды ничего не происходило. Всё вокруг исчезло: звуки, запахи — вообще всё. А затем, словно разорвавшийся салют, полезли в моё сознание духи: земные, водяные, огненные, воздушные — все ползли без разбору, ведомые таким дурманящим и манящим запахом, что я им предоставил. Они все, как один, вторили: дай, дай, дай! Как будто бездомный, что не жрал несколько недель, вдруг почувствовал запах только что приготовленного пышного румяного хлеба. Ко мне на стол ломились все: начиная с десятого и заканчивая первым рангом. Но всех я отметал в сторону, непрерывно прислушиваясь и стараясь выявить из всей этой какофонии одно-единственное, что мне было нужно.

И вот я услышал.

Точнее, даже не услышал — почувствовал.

Он вошёл в этот вихрь степенно, словно смотря на всех свысока. И тут же даже самые сильные духи расступились в стороны, освобождая для него дорогу. Я застыл, стараясь не делать лишних движений, как будто не я, а он призывал меня, и лишь слушал, как постепенно затихают остальные голоса, отдаляются на задний план, и среди них отчётливо слышится лишь голос Высшего: ДАЙ.

«Бери...» — согласно кивнул я, открывая глаза и вываливаясь из транса.

Полумрак площадки ослепила яркая вспышка, что появилась в центре начертанного мною круга. Эта вспышка обрела форму постоянно меняющейся в размерах и очертаниях сферы, а затем головы гоблинов и Улов обволокло слабое сияние, и через мгновение от них к сфере потянулись длинные полосы энергии: призванный Высший вкушал мой дар.

Постепенно сфера начала уплотняться, принимать какие-то только ей известные формы, чтобы через считанные секунды преобразиться во вполне живое, маленькое

существо, внешне напомилавшее ребёнка, что был ростом даже меньше меня, с салатово-бледной кожей, большими, почти идеально круглыми глазами с огромными, занимающими почти всю площадь белка, абсолютно чёрными зрачками и маленькими, почти незаметными ушками. Существо не имело одежд, да и какой уважающий себя дух вообще их носит?! Но при этом на нём невозможно было разглядеть какие-либо первичные или вторичные половые признаки, то ли от бьющего по всему его телу яркого свечения, то ли от того, что Высший просто их не имел.

Насытившись, он, кажется, удовлетворённо прикрыл глаза, видимо, насладившись только что проведённым ужином, а я наконец выпал из оцепенения: идиот! Чего застыл! Почему дал ему принять физическую форму?! Чего ждал?! Решил фильмом насладиться?! А попкорна тебе не дать?!

Но эти самоугрызения шли попутно с отдачей приказа гремлинам рассредоточиться по периметру и мысленной активизацией амулетов вокруг круга.

Высший открыл глаза и впери́л в меня взгляд своих словно погружающих в небытие глаз, заговорив голосом, от которого мурашки на коже начали танцевать брейк-данс:

— Ты звал меня, и я...

Но закончить говорить я ему не дал: активизировавшиеся амулеты, ярко вспыхнув, ударили в явно оскорблённого такими манерами вызвавшего его шамана Высшего несколькими молниями, давая гремлинам время прицелиться и бросить, наподобие копий, колья в центр круга. «Давай!» — приказал я им, явственно ощутив, как выступают на коже капельки пота.

В воздух метнулось тридцать кольев. Отвлекающийся на бьющих по нему молний Высший вряд ли успел их заметить, да и даже заметить он их: увернуться от всех не получится в любом случае! А вот активировать амулеты на каждом из них... Я глубоко вздохнул, не сводя взгляда от уже теряющих высоту кольев: похоже, за раз угроблю чуть ли не половину энергии. И, скороговоркой пробубнив заклинание, активировал все тридцать амулетов сразу.

Удар произвёл двойной эффект: во-первых, я узнал, что гремлины прекрасные копейщики и глаз у них — алмаз, поскольку почти все колья угодили прямо в тело взревшего Высшего, а учитывая его размеры, задача сия не из лёгких. А во-вторых, амулеты, на которые я так рассчитывал, сработали на все сто: громыхающий взрыв тридцати огненных рун потряс, казалось, все близлежащие болота, даже меня малость контузило, что уж говорить о гремлинах, которые в ужасе попадали на землю, прикрывая головы руками, словно боясь, что и их настигнет кара пламени.

Что ж — я пожал плечами, поднимаясь — а всё, оказывается, намного проще, чем казалось вначале. Даже запасные планы не пришлось вводить в игру. И чего Отшельник жути нагонял? Один массовый взрыв — и всё! Скорее всего сейчас Высший максимум в форме тлеющего огонька, если вовсе не подох — этот вариант совсем плохой, ведь нужен то он мне живым...

Кр-р-рак-к-к!!!

Я не успел сделать даже пары шагов в сторону валившего из круга дыма, как из-за него начала вырастать... гора?! Нет, не гора — Высший! И в этот момент я понял: не зря Отшельник жути нагонял, ох, не зря...

Похоже, своей маленькой войной мы только разозлили Высшего, заставив его, что называется, показать зубки... И зубки эти выглядели впечатляюще: больше не было ни намёка на то милое дитя, что я видел в начале — теперь моим глазам открылась картина всё

не прекращающего увеличиваться в размерах облепленного со всех сторон соединёнными друг с другом камнями гиганта, с тремя впадинами вместо глазниц и рта, из которых бил яркий жёлтый свет, который в темноте чащи выглядел более чем угрожающе. Я постарался подавить в себе панический страх и отдал очередной приказ.

Из-за деревьев на поляну, заставив отшатнуться в стороны гремлинов, выскочили элементали, причём выскочили с разных от центра сторон, как я и планировал. В руках они держали большие плетёные корзины на канатах, на манер пращи, в которых бесновались, искря и подрагивая, земные, не активированные духи. Клин клином вышибают? Сейчас посмотрим!

Великаны замахнулись и, как Давид отправил в Голиафа камень, они отправили в окончательно превратившегося в скалу Высшего рассекших тьму, словно нож масло, духов. Громадина, в которую превратился Высший, взревела, медленно, со скрежетом, поворачиваясь, всё-таки в такой форме есть свой минус — неповоротливость, и, кажется, даже с некоторым удивлением разглядывая летящих в его сторону светящихся шариков. Словно ребёнок, впервые открывший глаза, и теперь смотрящий на всё так, как будто это какое-то чудо.

Духи врезались в землю неподалёку от Высшего и тут же начали преобразовывать землю, выпучивая её в виде острых игл, что ринулись в сторону врага, отчего создавалось впечатление, как будто под землёй к нему подбираются странные гигантские черви. Наконец, иглы врезались в ноги исполина, и тот взревел, камни на его теле начали крошиться, Высший пошатнулся и рухнул на спину, обдав поляну новой порцией пыли, и в этот миг я отдал приказ гремлинам. Те, визжа, ринулись в атаку.

Но лишь чтобы тут же застыть и броситься врассыпную.

До меня не сразу дошло, что происходит, но когда дым рассеялся, я вспомнил весь тот мат, что знал и даже не знал, и грязно, от души выругался! Вот что значит связываться с Высшей душой, что по силе не слишком уж и отстала от Великих! Никогда не знаешь, что от него ждать в следующую секунду и все твои планы скатываются в тартарары! В этот раз этот назойливый дух принял форму стаи пикси — крохотных, с крылышками, и абсолютно, мать их, не безобидных ушастых фей! Если вам когда-нибудь доведётся встретиться с пикси, то мой вам совет: бегите как можно быстрее и как можно дальше! Потому что, какими бы милыми не были эти твари на вид, мало кого более опасного можно встретить в лесу: они любят кровь, безжалостны, и обладают прекрасными магическими способностями, от ворожения до сожжения, а тут... А тут их сотни! Не знаю, сколько энергии тратит Высший на такие фокусы — наверное, и отряду шаманов за раз столько не выпустить — но лучше бы он оставался в форме того исполина: было бы проще попадать по его каменному телу. А по этим маленьким прозорливым тварям хрена лысого попадёшь! Да хватит уже бегать, чёртовы гремлины!

Кажется, последнее я даже выкрикнул, но этого и не требовалось: мой мысленный посыл, в который я вложил всю свою ярость, заставил горбатых уродцев прекратить бегство и взяться, чёрт их подери, за оружие!

Но пикси действовали жёстко и эффективно: просто бросались своими огненными шарами в мой отряд, и монстры, дико визжа, катались по полю с подожжённой кожей, через секунды превращаясь в угольки. Я и не заметил, как всё это действие постепенно перетекло в множество погребальных костров. Элементалей вводить в бой было опасно: могут зашибить своих. Да и, к тому же, что они сделают этим мелким феям, которые летают с скоростью,

что и мухам не снилась?! Мозгам было откровенно тяжело одновременно анализировать ситуацию, держать под контролем гремлинов с элементарями и думать, как выкрутиться! Выкрутиться? Ну конечно! Вот что значит отсутствие опыта! Забываю про собственные заранее заготовленные козыри!

Приказав оставшейся недобитой кучке всё ещё пытающихся отбиваться гремлинов сгрудиться вместе, отыскал взглядом своего капитана. Смотрите-ка, живой, зараза! И котелок при нём — да мы ещё повоюем!

Я собрал все оставшиеся силы в кулак — а их, надо сказать, осталось не так уж и много — и снова скатился в транс. Давайте, духи, кому хочется кушать? На этот раз претендентов оказалось не так уж и много: конечно, основное пиршество то я слил Высшему! Но и из более слабого потока я выявил нужного мне духа и услужливо пригласил на трапезу...

Сгрудившиеся вместе гремлины, ставшие так похожими на остатки армии Леонида (Чего только в горячке боя не представишь!), что всё ещё пытались оказать сопротивления превосходившим их и в качестве, и в количестве силам, застыли, как вкопанные, когда из котелка, что так и не выпустил из рук их капитан, вылез на волю огненный дух, змеёй окруживший моё значительно поредевшее воинство. Часть пикси, что не успела среагировать на изменения происходящего, с дикими криками сгорела в испепеляющем их пламени, ещё треть обожгла крылья и попадала на землю, оставшиеся же, дико шипя, отпрянули и, как один, посмотрели в мою сторону. Вот, блин, нашли обидчика!

Я вскочил, бросившись в сторону, одновременно развоплощая гремлинов и отправляя клубок огня в сторону преследующих меня фей. Наверное, со стороны это выглядело невероятно глупо, но, когда твоя жизнь висит на волоске, думать об этом как-то не с руки.

Неожиданно пикси взлетели, уходя от пролетевшего мимо шара и, слившись в единую сферу, ушли в противоположную часть поляны. Я усмехнулся через силу, останавливаясь и переводя дыхание: м-да, Высший прекрасно понимает, что уйти отсюда не может, пока я его не отпущу, или он меня не убьёт. Но потрепал я его изрядно, как, впрочем, и он меня: сил почти не осталось, пришлось даже отправить обратно в мир духов гремлинов, чтобы хоть как-то облегчить своё мягко говоря дерьмовое состояние. Но истраченной энергии обратно не вернуть, а оставшихся капель едва-едва хватает, чтобы держать под контролем так и стоящих истуканами элементарей. Высший, принявший форму силуэта, лишь едва-едва напоминаящей нечто живое с руками и ногами, не спешил нападать. Похоже, и у него всё не очень-то в порядке с энергией: конечно, после таких-то метаморфоз... Каким бы сильным духом ты ни был, а энергия — она не бесконечна. И что делать? Пат объявлять — не вариант: тут либо он меня, либо я его. А всё, что я могу, это ждать, пока энергия хоть немного придёт в норму, и никто не даст гарантии, что к этому времени Высший вновь не пойдёт в атаку.

Да уж — я снял с пояса бурдюк с чаем, начав отчаянно его хлебать — варианты дальнейших событий, в результате которых я бы вышел живым с поляны, в голову не приходили.

* * *

Отшельник сладко потянулся, прислушиваясь к отдалённым звукам боя. Прикрыв глаза, начал представлять, что же творит его ученик: скорее всего вызвал отряд каких-нибудь не

слишком сильных тварей, по крайней мере, он бы сделал именно так, чтобы отвлекали на себя противника, ну, и поддерживали огнём. Ого, а вот этот «бум» был не слабый — видимо, Гул-аль-Дук угробил знатное количество энергии, причём в самом начале боя... но ведь и Высшему должно было достаться? Значит, решил идти ва-банк? Навязать свою тактику, заставить противника показать всю свою силу в самом начале? Молодец! Не зря провёл все эти недели в постоянных тренировках и разговорах. Всё-таки сумел что-то выудить, паршивец, из его, старика, советов.

Так, а вот это уже нехорошо... пошатнувшая болота энергия явно принадлежала не его ученику: уж ауру Гул-аль-Дука за столь продолжительный срок он успел изучить вдоль и поперёк... Значит, Высший наконец решил ответить? Надоело терпеть удары, да переводить энергию? Тоже правильно. В конце концов, кто говорил, что будет просто?

Старик открыл глаза и, кряхтя, подошёл к стене. Облизнув пересохшие губы, положил на неё ладонь, вновь закрывая глаза и становясь единым целым с дубом. Его потоки слились с потоками дерева, на непродолжительный срок они стали единым целым, и король всех деревьев протянул свои ростки в сторону братьев, от одного к другому, до тех пор, пока не добрался до Гул-аль-Дука... Да, друиды хвастают, что являются отличными разведчиками за счёт того, что могут видеть глазами животных, но и у опытных шаманов есть свои фокусы на подобный случай. Стихия земли, а, точнее, высокие уровни её овладения, давали свои плоды. И сейчас собратья-деревья, словно древние старцы, нараспев, рассказывали ему о том, что их тревожит. А тревожили их огромные масштабы выпускаемой на волю энергии, в том месте, где сражался его ученик. Но постепенно эта энергия сходила на нет, и, убирая от стены руку и возвращаясь к реальности, Отшельник глубоко вздохнул: Гул-аль-Дук проиграет, это и полному рагхакку ясно. Он был не готов, не опытен, но старый безумец всё-таки позволил ему, увидел в нём талант, способность неординарно мыслить... Да что уж там! Действительно, он был талантлив, но не на одном таланте всё строится! Разве он был его возраста, когда решил замахнуться на овладение Силой? Конечно, нет. И прошёл не одну битву. А он? Сопляк!

Отшельник негодуя с размаху ударил по стене, и тут же, опомнившись, примирительно погладил захныкавший от такого обращения дуб. Почему он злится? Да потому что осознаёт, что не в ученике дело, а в нём! Дал парню надежду и подсластил её возможностями, и вот, нате вам! Куда всё скатилось...

Старик прошлёпал до одной из полок, на которой, не без помощи Гул-аль-Дука, теперь воцарился порядок и, сощурившись, достал одну из занесённых пылью, давно не выдавшей света книгу. Открыв, несколько раз дунул, стряхивая грязь, и задумчиво пролистал пару страниц. Затем, остановившись на одной, тщательно прошёлся по ней пальцем и удовлетворённо кивнул. Оно.

Затем Отшельник начал выводить направленным в пол пальцем различные знаки, и эти знаки с шипением выжигались на полу, в точности повторяя движения старика. Гоблин бубнил про себя считываемый с книги текст и, когда всё было окончено, встал на колени посреди отдающих с пола паром рун, убрав со лба волосы и коснувшись своей метки. Усмехнулся: много же зла он совершил, живя на этом свете. Так, может, хоть сейчас у него есть возможность оправдаться перед духами? Хотя бы сейчас совершить что-то, что, как он предчувствовал, сулило если не добро, то изменения: а это, стало быть, всё равно лучше, чем ничего.

Как только заклинание было окончено, старик как-то устало закрыл глаза и развёл руки в стороны. Он встречал того, от кого так давно бегал и скрывался, и сейчас готов был принять его, полный радости, в дружеских объятиях.

Он встречал Смерть.

* * *

Если задуматься, то всё могло бы быть ещё хуже: например, чёртов Высший понял бы, что я ничего не могу ему сделать, и сразу бы обрушил на меня крохи своей оставшейся силы, которой у него пускай и оставалось мало, но оставалось, и это был удручающий, ужасный, ставящий крест на моей жизни, но всё-таки факт.

И всё же он стоял, присматривался, проявляя свою осторожность и размеренность в действиях. Я застал его врасплох, не дал времени ничего обдумать, и вот, вдруг, предоставляю это самое время. Так зачем рваться в бой? Не лучше ли обмозговать всё как следует, раз дают такую возможность? Умный, ох, и умный дух...

Но и я зря времени не терял, пытаюсь как можно скорее вернуть себе хотя бы такое количество энергии, которое позволит мне создать простецкий дух десятого уровня, фактически, бытового... Для начала, скрипя зубами, провёл руками в воздухе, развоплощая четверых элементалей, что тут же развалились покотившимися в разные стороны валунами. Хвостика, несмотря на всю прорву энергии, что на него трачу, развоплощать не стал. Не смог. Чувствовал, что не имею на это никакого морального права. Почему? А хрен знает! Чуйка, чтоб её... Правда, стало чуть полегче: контролировать теперь мне приходилось не пятерых духов, а всего лишь одного, пускай и такого сильного как Хвостик. А что, может, и пустить его в бой? Нет, рисковать им не стану: мало ли, что может сделать этот так и застывший по другую сторону поляны Высший? Мало было подготовки, мало! Нужно было проштудировать не один десяток книг, выудить из Отшельника больше информации, потренироваться хотя бы полгодика! Но нет же, юношеский, блин, максимализм: всё рвусь сделать прямо сейчас, скорее! Знал же, что в итоге поплачусь, но нет, прыгаю с обрыва вниз головой, рассчитывая, что внизу мне подложат батут! Энергию тратил глупо, не жалея её, словно она бесконечна. Там, где мог потратить её толику, выдавал огромными кусками, открывая такие двери между нашим миром и миром духов, что в них мог бы весь этот мир и залететь, в то время как нужна то была щёлочка для одного-единственного духа... Но что уж теперь жалеть о том, что не исправить: нужно вбить себе это в башку и больше никогда подобных оплошностей не допускать. Ну, если выживу, конечно.

А шансы на это с каждой секундой стремительно катились к отметке «ноль».

Видимо, и у духов может кончаться терпение. Уж не знаю почему — толи успел накопить достаточно сил, то ли просто осознал моё положение — но Высший начал действовать. В последнюю секунду, успев понять, что происходит, я отпрыгнул в сторону от летящего в меня сгустка энергии — спасибо тренировкам Отшельника! — и в следующее мгновение на том месте где я только что стоял образовалась глубокая дымящая воронка. Отдав приказание Хвостикку скрыться в чаще, я начал неуклюже двигаться короткими перебежками, спасаясь от града ударов противника: а тот начал веселиться на славу! Сгустки энергии, вспучивание земли в виде острых игл, появляющиеся у меня на пути низкоуровневые твари, от которых я кое-как успевал отбиваться Пха: Высший не оставлял

мне времени для отдыха, для хотя бы каких-нибудь манёвров! Его тактика была проста: замучить меня до такого состояния, чтобы расправа с его стороны была максимально простой, и это, в итоге, его и погубило.

Меня вдруг скрючило от странной, ударившей по голове молотом боли. Ноги подкосились, и я упал прямо на бегу, пропустив над собой очередной энергетический сгусток. А затем... я и сам не понял, что произошло. Но вдруг вся усталость куда-то улетучилась, а энергия вновь забурлила в теле с такой силой, что показалось, будто вот-вот, и меня разорвёт на куски! Непроизвольно я выставил перед собой руки, и летевший в мою сторону дух сменил траекторию и обогнул меня по наклонной, врезавшись в землю за моей спиной. Кажется, Высший на долю секунды замешкался, не совсем понимая, что происходит. Я бы и сам на его месте обалдел: зеленокожий, у которого только что энергии, будто котёнок наплакал, теперь пыхал этой самой энергией во все стороны, причём её было столько, что она произвольно вырывалась из тела сама. Да что уж там говорить: я и сам был в шоке, но думать над такими вопросами, как «откуда», «почему» и «как» времени и возможности не было. Адреналин разлился по телу, наполняя его с мимолётной скоростью, точным ударом врезаюсь в мозг и задурманивая разум. Наверное, так чувствовали себя древние берсерки, забывавшие о боли и страхе и вступающие в бой с диким боевым рёвом, что внушал ужас в сердца врагов? А почему бы и нет?

— Р-р-роа-а-а!!! — выдавил я из себя, просто отбрасывая в сторону очередное заклинание противника. Как я это сделал? А мне плевать!

Дальше разум мало что запомнил. Действовали скорее эмоции вкупе с телом, а разум ушёл куда-то на второй, и даже третий план. Я просто шёл на отступающего в ужасе и уже не казавшегося таким непобедимым духа, отбрасывая от себя его попытки хоть чем-то достать вдруг ставшего таким сильным гоблина. Порой мне даже не приходилось двигать руками, одним слабым напряжением извилин как бы отводя любые заклинания в стороны. Я помню, как вокруг тряслась, колыхалась, искривлялась от попаданий энергий земля, как вокруг творился истинный Армагеддон, но всё, что доставалось мне — грязь, попадавшая на одежду, да пыль, от которой тянуло чихать. Я превратился в камень, а Высший — в мелкую речушку, которая только и может, что обречённо обтекать этот камень, не имея и шанса пройти сквозь него.

Я подошёл к начавшему терять свою форму духу и с размаху ударил его, от души, не думая, что творю. Ударить духа?! Где это видано?! Но я ударил. И попал. Он — враг, так какого чёрта я буду церемониться?! Нельзя бить духа кулаками, ибо он неосязаем?! Значит, бороться с ним можно только магией?! Да пошли вы все! Я — ненормальный гоблин! И буду драться ненормально!

Удар за ударом, я продолжал наступать на него, не обращая внимание на его попытки отбросить меня, пропуская их мимо, словно лёгкое дуновение ветерка: по крайней мере, именно так я их и ощущал. В какой-то момент мне даже показалось, что я стал больше, или... или это Высший становился всё меньше? Не важно. Я просто бил, не жалея кулаков, с каждым ударом физически ощущая, как силы покидают противника. Наверное, так ощущает себя боксёр, казалась бы, выдохшийся к последнему раунду, но продолжающему бить соперника, в итоге доводя бой до нокаута? Не важно. Всё не важно! На, получи ещё!

Прилив адреналина закончился так же внезапно, как и начался. Вот только что для меня не существовало ничего, кроме собственных ударов, и тут — на тебе, вдруг в голову прорвался шум ветра, я прочувствовал прохладу ночи, а на тело внезапно навалилась такая

усталость, что мне жутко захотелось упасть прямо здесь, на месте, наплевав на безопасность и уют. И, клянусь, я бы сделал это, если бы не открывшийся мне вид и моментальное осознание того, для чего же я, чтоб его, вышел на эту проклятую поляну!

Предо мной лежало тело Высшего духа, или, точнее, то, что от него осталось: маленькое, точнее сказать, крохотное существо, похожее на младенца, раскинувшее руки и ноги, словно на распятии, слабо-слабо мерцавшее в темноте, как светлячок, доживающий последние минуты своей жизни. Чёрт, ещё бы немножко, и, полагаю, он бы улетел обратно в мир духов, оставив меня рвать на голове волосы, ибо в таком случае всё было бы зря. Но живучесть этого существа в данном случае сыграло с ним злую шутку. Краем сознания, которое так желало забыться, я вспомнил, что делать дальше. Ещё ничего не закончено: дух слаб, да, но это лишь даёт возможность подчинить его себе, чем мне и предстоит заняться. Я отбросил из головы мысли о том, что же всё-таки произошло: произошло, и ладно, нужно этим пользоваться, а не стоять и ждать, когда дух вновь накопит силы. Ещё одного боя с ним я просто не переживу.

Оглядевшись, наткнулся взглядом на отброшенный в горячке боя Пха. М-да уж — я недоволюсь причмокнул, разглядывая свои руки, с которых валил, извиваясь и шипя, пар — вместо того, чтобы орудовать хотя бы отдалённо напоминающим нормальное оружие посохом, я решил мутузить одно из сильнейших существ этого мира кулаками! И где была моя голова? Далекое, наверное — по крайней мере, не помню, чтобы я ею пользовался.

Проковыляв к посоху, крихтя, словно старый дед, поднял его, и вернулся к духу уже опираясь о Пха, как о клюку. Оглядел младенца. Теперь он уже не был похож даже на то безобидное создание, которое я лицезрел вначале: он был просто... беспомощным. Он смотрел на меня широко раскрытыми глазами, и, пускай не раскрывал рта и не говорил ни слова, но я слышал всё, что он говорит. И сердце моё дрогнуло в нерешительности.

Но затем я встряхнул головой и сильно дал самому себе затрещину: очнись, Гул-аль-Дук! Только что эта тварь пыталась тебя убить! И теперь ты, умилившись от её показушно-невинной внешности, не станешь заканчивать дело? Глупости! Пора с этим заканчивать.

Что говорил Отшельник? Как только Высший ослабнет до такой степени, что не сможет противиться тебе, обездвигь его настолько, насколько это возможно, а после сделай всё, чтобы он не развоплотился. Поддерживай в нём жизнь, вливай в него силы, а затем тут же отнимай их у него. Он должен мучиться, должен прочувствовать своё положение, а после подчиниться. Всё просто и легко. Ну да. На словах...

Я замахнулся Пха, намереваясь пригвоздить им тело младенца к земле, и застыл, вновь наткнувшись на него взглядом. Существо снова посмотрело на меня, но уже обречённым, пустым взглядом, а затем отвернулось, словно признавая за мной право решать его судьбу. И я решил. Вскрикнув, с размаху опустил посох, и тот вонзился на добрую половину собственной длины в землю. Я выругался и пнул близлежащий камень. Нога заныла, но я не обратил на неё ни малейшего внимания.

Какого чёрта я творю?! До чего опускаюсь?! Неужели я совсем гоблиннулся?! Неужели для меня не осталось ничего святого?! Я всегда твердил себе, что личность лепят её собственные принципы, понятия о том, что хорошо и что плохо, что необходимо, а что не нужно. И теперь, после такого времени, когда ни один дух не был мною хоть чем-то обижен, когда моя репутация в том, потустороннем измерении, настолько огромна, что захоти я, и смог бы призвать простенького бытового духа без каких-либо заклинаний или зелий, я собираюсь пытаться убить одного из них?!

— Ну ёлки-палки!!! — Заорал я, отправляя в полёт очередной камень.

И тут земля содрогнулась.

Замахав руками, непонятно как пытаюсь удержаться за воздух, я не выдержал и рухнул на пятую точку, не понимая, что происходит. Мои глаза забегали по поляне в поисках ответа на этот вопрос, и нашли его, остановившись на Высшем. Точнее, на том, чем он стал. Моя челюсть разве что до земли не доставала, но ударилась о грудь — это точно. И так ничего не соображающая голова в этот момент превратился вообще в лишний груз: я только сидел и смотрел, прекрасно понимая, что от меня теперь мало что зависит, и если я и получу ответ, то только если на то снизойдёт Судьба. А у этой негодяйки, надо сказать, отменное чувство юмора!

Дух, только что лежавший на земле, фактически, в предсмертном состоянии, сейчас стоял, приняв облик двухметрового ярко-фосфоресцирующего гиганта, чем-то отдалённо напоминая Великого, и стоял он... преклонив колена?!

— Служить во веки веков тому, кто ключом владеет, — заговорил он странным голосом, одновременно звучащим тысячами голосов: и женскими, и детскими, и мужскими, и старыми, и молодыми, и при этом я прекрасно понимал каждое слово, — Давать тому Силу и Знания, и идти с ним в любую пропасть, пускай и бездонную: так велели предки.

— А я тут причём? — Прилагая огромные усилия, всё-таки выдавил я из себя.

— Как? — Несмотря на многообразие голосов, в общем и целом я услышал нотки удивления, — Ты ведь знаешь ключ, хозяин?

— К-к-какой ключ? — продолжал тупить я.

— «Й'ол-ки — паль'ки» — проговорил Высший странно-гортанными голосами, — Древний ключ, что был роздан древними духами лишь избранным, дабы те несли свет, разгоняя тени. И ты — хозяин, владеющий этим ключом. По воле предков я обязан служить тебе.

Я ещё некоторое время сидел на земле, глупо моргая глазами и не смея произнести ни слова. А затем, не выдержав, расхохотался. Громко, несдержанно и до слёз. Я, кажется, говорил, что у Судьбы есть чувство юмора? Бросьте. Она просто издевается!

* * *

По дороге к дубу я всё думал о своём, попивая чай из собственных быстро скудеющих запасов. Например, о том, как же все вселенные и миры взаимосвязаны, и как одно в одном мире, казалось бы, абсолютно незначительное, имеет гигантский вес в другом, и наоборот. А, может, наш, русский мат, открывает двери в какие-нибудь райски кущи другого мира, в который так стремится попасть живущий там в нищете и страхе народ? Или, может, какое-нибудь безобидное, чисто наше, русское «етить-колотить», повергнет в ужас демонов ада, с которыми который век сражаются не собирающиеся сдаваться светлые воины ещё какого-нибудь мирка? А ведь таких примеров может быть море. Да и в обратном случае также это может сработать. Кто сказал, что попаданец из другого мира, сказав на Земле какую-нибудь свою, как ему казалось, бытовую фразу, не откроет врата в сады Эдема, или не сделает Землю плоской?

За этими размышлениями я и не заметил, как дотопал до своего нынешнего дома. Спавшая у входа Юла, радостно зашипев, бросилась ко мне, и пришлось вытерпеть

несколько минут облизываний от соскучившейся ящери. Потрепав её о холке, я обратился к пустоте:

— Ну, вот, Леший, мы и дома.

И пустота ответила мне:

— Да, Хозяин.

Дело в том, что способ существования подчинённого Высшего был довольно удобен и необычен: он просто-напросто вселялся в своего хозяина и жил в нём, превращая носителя в, если можно так сказать, мост между мирами, правда, в узком диапазоне. То есть теперь я мог безо всяких зелий и заклинаний призывать духов, но только стихии земли — лишь бы энергии хватало. Но и разговаривать теперь приходилось как будто самому с собой, что немного напрягало. Так что я решил хотя бы дать ему имя, и первым пришедшим на ум было «Леший». А что? Житель лесов, сроднённый с землёй — по-моему, самое то, тем более что Лешему нравилось, пускай голосом он это никак не выдавал, но я-то всё чувствовал — в том, что мы теперь единое целое, были свои плюсы. Между прочим, и голос я его попросил изменить, что он сделал с пугающей лёгкостью: теперь мне не приходилось выслушивать несколько сотен голосов сразу, а всего лишь один, спокойный голос, навскидку принадлежавший парню лет двадцати.

Вообще, мы быстро нашли с Лешим общий язык. Битва, как ни странно, нас только сблизила, ибо в ней мы узнали свои истинные «я». А парни после битвы морд друг друга становятся либо злейшими врагами, либо лучшими друзьями, и духи, как видно, в этом плане не были исключением.

Сделав привычные пассы руками, которым обучил меня Отшельник, я отвёл скрывавшие проход корни в стороны, и вошёл внутрь. Желание поведать наставнику о том, что у меня всё получилось, было таким огромным, что я не сразу заметил: внутри было темно.

Не было ставших столь родными духов, что заменяли собой светильники — ни одного! Так что одна рука невольно выхватила кинжал, а другая подхватила Пха так, чтобы, при случае, было удобно колоть: что-то здесь не чисто.

Ступая скорее по памяти, ибо что-то разглядеть, фактически, в полной темноте было сложно, я начал медленно подниматься вверх по лестнице. Если кто-то (или что-то) пробралось внутрь, то ему не повезло: здесь повсюду дерево, стихия земли, так что пусть мне только попадётся тот, из-за кого весь сыр-бор: пушу на ингредиенты для зелий!

Пол скрипел под ногами, а чуткий слух не выявлял ни единого признака живого существа. Отшельника тоже. Внутри всё сжалось, начала зарождаться паника, которую, впрочем, я быстро задавил на корню. Я сегодня сражался с Высшим и победил его! Хрен я чего испугаюсь! Не сегодня и не сейчас!

Вонзив кинжал в пол, я отодрал от него солидный кусок дерева и, коснувшись огненного амулета на шее, выпустил слабый клубок огня. Деревяшку тут же охватило пламя, и она была брошена в то место, где расположен был, как подсказывала память, камин. Слава духам, я не промахнулся, а то не хватало ещё подпалить самого себя в закрытом помещении. Получившийся костёр светил тускло, но достаточно, чтобы всё разглядеть.

Отшельник лежал посреди начертанного, судя по всему, им самим, круга, окружённый кривыми рунами и не дышал. Старый гоблин был мёртв. Кисти сами собой сжались в кулаки, а зубы скрипнули друг о друга. Отшельник стал мне если не другом, то близким наставником, он подарил мне знания, кров, и Силу. Как минимум за это я уже был ему благодарен, а ведь была ещё масса того, за что я был ему обязан. И теперь наставник лежал

бездыханным телом на полу собственного дома, и я ничего не мог с этим поделать. Радость от сегодняшних свершений испарилась. Остались только злоба и непонимание. Что произошло? Как?

Взгляд упал на лежавшую рядом с мертвецом толстую раскрытую книгу. Словно сквозь сон я нагнулся, поднял её и, прислонив Пха к стене, рухнул в кресло, положив книгу себе на колени, и бегая глазами по раскрытым страницам:

«Коли необходимо отдать часть сущности своей другому побратиму своему, то готов будь расстаться с годами жизни своей, отдавая ему годы собственные. А коли всей силой предпочтёшь делиться, до готовься к смерти...»

Далее следовали многочисленные формулы заклятий, нарисованные руны и различные вариации и возможности использования круга, что позволял отдать другому свои жизненные силы.

Я глубоко вздохнул и захлопнул книгу, чихнув от тут же обдавшей меня с ног до головы пыли, и угрюмо откинул её в сторону. Всё ясно. Нет в том, что я подчинил себе Лешего, ни капли моей заслуги. Старик пожертвовал своей жизнью, чтобы передать мне всю свою энергию, до конца, и поплатился жизнью. А я ещё гадал, с чего вдруг стал таким мощным... Ведь казалось же, что горы сверну, а я гордо бил себя пяткой в грудь, утверждая, что вот он, я, великий и ужасный. Эх, Отшельник-Отшельник... Многого, оказывается, я о тебе не знал а то, что знал, вдруг перевернулось для меня с ног на голову. Ну зачем?! Зачем?!

Руки стиснули подлокотники кресла, и то умоляюще затрещало. На странность, меня переполняли не грусть, тоска, или уныние — во мне кипела ярость! К миру, что подтолкнул меня на обладание Силой, к его устоям, из-за которых я на это пошёл, и которые так стремлюсь изменить. Повсюду ежедневно льётся кровь, и доля её была и на моих руках... Но, именем духов, её прольётся ещё больше! Этот мир захлебнётся в ней, но, клянусь, сей нектар будет сладок... Они вкусят его для того, чтобы лицезреть, в какой выгребной яме они находятся, куда падают, или, что ещё уже, куда уже упали. А вместо слов они услышат рёв боевого рога, ибо они глухи, а я верну им слух, и они услышат мои слова и внемлют им... А после? А после мир переродится...

Так я и сидел, обуреваемый серыми, даже тёмными мыслями о будущем, и слушателями моими были труп и догорающее пламя огня.

* * *

Я похоронил Отшельника у основания дуба. Могилу обнёс небольшими камнями, вселив в них средних по классу боевых духов: по округе много кто шатается, а дать осквернить могилу своего наставника я не позволю, так что животинку, позарившуюся на запах мяса, ждёт неприятный сюрприз в виде небольшого отряда очень злобных тварей, вместе по силе не уступающих и моему Хвосту.

Кстати о нём. Элементаль, которого я лишь каким-то чудом сумел удержать в этом мире, за время своего отсутствия натворил дел: на ментальном уровне я вытащил из его головы воспоминания о «ночной прогулке». Пока я приручал Высшего, этот, извиняюсь, кусок камня, шатался по округе и в наглую истреблял местную фауну! Такими темпами

Западные Болота вообще опустеют, а я решил этот мир изменить — не истребить, ибо это не одно и то же! В общем, Хвостика я решил поставить на замену развоплотившимся стражам, что охраняли этот дуб при старом гоблине. Он свернулся калачиком, будто колобок, меняясь на глазах, и через считанные секунды передо мной был не человекоподобный исполин, а обычный валун, коих множество было разбросано по округе. Конечно, можно было вытащить из Мира Духов ещё парочку элементарей — уж теперь, с помощью Лешего, это было абсолютно не затруднительно — но, как показал опыт, лишней энергии не бывает, а она мне, чуя задним местом, ещё ой как понадобится!

Так что я по-отечески погладил заурчавший (Обалдеть!) валун, и свистнул, ища взглядом не умеющую сидеть на месте Юлу. Ящерка тут же высунула голову из-за ближайших кустов — при её-то росте она прекрасно пряталась, и вообще в более-менее густой растительности отыскать её было почти невозможно — в пасти она держала какую-то мышь, или хорька. Я вздохнул, подзывая её к себе: как ни старался кормить эту оторва едой собственного приготовления, так она всё жрала, и при этом всё равно предпочитала охотиться сама, хоть на цепь её сажай, что ли...

Юла легонько зашипела, приблизившись, словно услышала мои мысли. Усмехнувшись, потрепал её по холке: шутка, шутка, моя хорошая, кто ж такую красавицу на цепь сажать будет?! Вот и славно, вот и... ай! Опять язык?!

После очередных лобызаний со стороны Юлы, я всё-таки взобрался на ящерку и ещё раз обвёл это место взглядом. Каждая кочка, каждая травинка здесь успели стать мне почти родными, а дуб, так и вовсе уже не казался мне безжизненным деревом: у него были какие-то свои мысли, чувства... Подобное было сложно объяснить, и всё-таки я понимал. Но у меня ещё много дел. И одно из них не за горами. Так что я перекинул поводья через голову Юлы и, дождавшись, пока она вцепится в них зубками, развернул Ула по направлению к Южным Болотам.

— Ладно, моя хорошая, пора наведаться в гости.

И Юла, грозно рыкнув, как и положено боевому ящеру, помчалась по болотной чаще, наперегонки с ветром.

* * *

В зале вождя витало напряжение. Оно ощущалось даже на физическом уровне, и оттого стоявшие подле трона рагха военачальники только и успевали, что смахивать со лба катившийся ручьём пот. Произошло неслыханное: целый тяжеловооружённый отряд, ведший рабов и провизию, вдруг потерялся на середине пути к клану, и не осталось ни одного выжившего, чтобы рассказать о произошедшем. А ведь спросить с кого-то да нужно? А их вождь не отличался особой добросердечностью: возьмёт, да и повесит голову какого-нибудь обожравшегося военачальника к себе на стену, и ему будет глубоко плевать, что они, вроде как, к этому и не причастны.

Рагх Бессмертной Тени сидел на троне, хмуро выслушивая доклад разведчика:

— Как вы и приказали, вождь, мы с лучшими охотниками прочесали большую часть Западных Болот в поисках пропавшего каравана, — пролепетал стоявший на одном колене и уткнувшийся взгляд в землю гоблин. — И нашли некоторые следы, но... довольно странные.

— Быстрее и по существу, — коротко рявкнул рагх, задумчиво почёсывая гладко

выбранный подбородок.

Разведчик залепетал скороговоркой:

— Было найдено множество тел наших воинов, шаманов и их Улов. Все тела, включая и ящериц, были обезглавлены, провизия, или вещи не тронуты. Ни одного тела раба не нашли.

— Это всё? — казалось, вождя абсолютно не задел тот факт, что его караван был полностью уничтожен.

— Нет, мой рагх, — вздохнул разведчик и продолжил говорить: — Мы нашли следы ног. Одни из них принадлежали гоблину, другие... каким-то гигантским существам. Наши охотники предполагают, что это были либо болотные тролли, либо элементали. Но... судя по следам, этих существ было пять. — Разведчик осмелился поднять взгляд на вождя, — Мой рагх, разве может один гоблин призвать столько элементалей?

— Не нужно вопросов, — перебил его вождь Бессмертной Тени, — По существу. Продолжай.

— Мы проследовали по следам, — вновь уткнул взгляд в землю гоблин. — И вышли к небольшой поляне. Судя по всему, там произошло нечто выходящее... за рамки. Совсем недавно: не прошло ещё и суток. Там были обнаружены начертанные на земле письмена, прочесть которые мы не смогли, и круг. Рядом с ним мы и обнаружили... кхем... остальную часть каравана, — задумавшись, он уточнил: — Головы.

— Что это были за надписи? — Маска невозмутимости на лице вождя сменилась на заинтересованность.

Разведчик развёл руки в стороны и пожал плечами:

— Что-то из шаманизма, мой рагх. Мы уже послали туда вооружённый отряд с поддержкой из шаманов: пусть они разбираются.

Вождь согласно кивнул:

— Прекрасно. Вы сделали свою работу, даже в большей степени, чем следовало. Все мы смертны.

— Лишь Тень бессмертна, — облегчённо проговорил разведчик традиционную фразу, поняв, что разговор окончен, и молниеносно покинул шатёр.

Военачальники напряглись, вытянувшись по струйке. Теперь пришёл их черёд.

Рагх, даже не обернувшись к ним, задумчиво произнёс, словно обращаясь сам к себе:

— Значит, следы одного гоблина, пять каких-то великанов, освобождённые рабы, не тронутое имущество, обезглавленный караван и круг с непонятными символами. Что бы это могло значить?

— Позвольте, мой рагх, — вышел вперёд более всех нервничающий, и оттого, как бы это ни было парадоксально, самый смелый, гоблин, из числа военачальников, что толпились возле трона неровным строем. — Но смею предположить, что гоблину помогали именно тролли, поскольку глупо было бы думать, что пять элементалей...

— Заткнись! — Неожиданно рявкнул на него вождь, и гоблина тут же смело обратно в толпу затрясших от волнения жиром полководцев. — Ты вдвойне рагхакк! Во-первых, потому что считаешь, хоть на секунду, что это были тролли. Тролли — необузданные дикие животные, не подчиняющиеся даже воле друидов! Проще поверить в то, что те, кто вызвал этих элементалей, просто не оставили следов. Значит, там был отряд численностью не меньше четырёх шаманов. Вот в каком ключе ты должен был мыслить, полудурок! А во-вторых, да кто тебе сказал, что меня волнует вопрос о том, КТО это сделал?! В данный момент я хочу знать ЗАЧЕМ! У вас есть все первоначальные сведения для этого! Так что

затрясли своими жирными задницами к выходу, и пока не будет хоть какой-то информации, не возвращайтесь, иначе...

Что «иначе» он им так поведать и не успел, ибо гоблины дружной толпой вывалились из шатра ко всем праотцам.

Вождь устало вздохнул и уронил голову на ладони, потирая красные от бессонницы глаза. Эта вылазка, возможно, была последней в уходящем году. Им нужны были как провизия, так и рабы, и если первое ещё можно было вернуть, просто снарядив спасательную экспедицию, пока болотные твари не сожрали и не испортили всё имущество, то для получения второго нужно устраивать крупномасштабную войну с соседними кланами, а на это у Бессмертной Тени не было ни сил, ни возможностей. Слишком много продовольствия и гоблинских жизней уходило на костры во славу Тени. Но их божество молчало, опрокидывая на головы своих слуг всё новые и новые напасти. Неурожай, нехватка воды, воинов и шаманов, теперь это.

— И всё-таки, кому это было нужно... — вздохнув, задумчиво спросил сам себя гоблин, и неожиданно получил ответ:

— Я знаю.

Рагх дёрнулся и наткнулся взглядом на зачаровывающую картину: посреди зала, словно из ниоткуда, начал клубиться чёрный, как смоль, дым, медленно и коряво принимая форму карлика, внешне похожего и одновременно абсолютно не похожего на гоблина. Встреть вождь его за стенами своего поселения, и, стоит полагать, даже вошедшая в легенды ледяная непоколебимость рагха дала слабину. Лишь то, что он находился внутри своего собственного дома, в своём клане, а за стенами были верные ему гоблины, сдерживало вождя от опрометчивого поступка, а именно: закричать.

Тело незваного гостя словно пережило проказу: карлик изогнулся так сильно, как будто у него был сломан позвоночник, и при этом он каким-то чудом держится на ногах, сама кожа была не зелёной, а, скорее серой, почти чёрной, вся испещрённая какими-то ранами, исчезающими под грубо сшитыми друг с другом шкурами и источающими слабое голубое свечение. А в маленьких глазках существа, которое теперь, приглядевшись, рагх не мог назвать гоблином, искрились злобные, прожигаящие насквозь огоньки.

Вождь не выдержал и раскрыл рот:

— Страж...гх-а-а... — намеривавшее было вырваться слово будто затолкнули ему обратно в глотку, и какая-то неведомая сила захлопнула рагху рот, и гоблин почувствовал, что раскрыть его ему больше не удастся.

— Как грубо, — фыркнуло существо, начав медленно прохаживаться по залу и с мнимым любопытством рассматривая различные трофеи Бессмертной Тени. — Я прихожу к нему, чтобы предложить свои знания и помощь, а он, — тут карлик обличительно тыкнул корявым пальцем в так и замершего на троне вождя, — Пытается позвать стражу! Вот и думай после этого: а стоит ли клан Бессмертная Тень моей жалости? — существо расхохоталось противным смехом, от которого у вождя заскребло на сердце, и продолжило говорить: — Мои воины сейчас сидят в осаде вокруг стен твоего клана. Сколько у тебя бойцов на стенах? Пятьдесят? Может, сто? А сколько из них — опытные воины? Полагаю, меньше половины. Ну, и, быть может, ещё несколько шаманов у тебя осталось, куда же без них. — карлик хмыкнул, и заговорил угрожающе-серьёзным голосом: — У меня более пятисот жаждущих крови и мяса тварей, которых по пути сюда я вооружил лучше, чем ты своих капитанов! Что касается моей силы: сейчас ты видел лишь её крохотную толику. Ну

что, — вновь вернул он свой шутливый тон, — Будем вести конструктивный диалог?

Вождь медленно кивнул, не сводя взгляда с существа, и оно удовлетворённо хмыкнуло, махнув рукой. В тот же миг с губ рагха словно спали оковы, и он, почувствовав, что может говорить, неуверенно провёл пальцами по челюсти, как будто поправляя её, и выдавил:

— Кто ты?

Карлик улыбнулся, словно этот обычный вопрос каким-то образом его рассмешил:

— Никто. Нон. Хотя когда-то я был Лар-ин-Лином... но у меня отняли это имя.

Только сейчас вождь заметил на лбу существа Метку. Так вот почему у него было такое поганое чувство, когда этот Нон говорил, вот почему от него постоянно веет тухлой, провонявшей аурой, которую даже он, ни разу не шаман, явственно ощущает.

Нон же, похоже, уловил, что рагху, коим глупый гоблин никак стать не может, всё стало понятно. И потому продолжил вещать, осознавая, что никаких недопониманий теперь не будет:

— Ты ошибаешься, рагх, считая, что нет такого гоблина, что смог бы управлять сразу пятью элементариями. Такая сила есть и, более того, полагаю, что подобные фокусы — меньшее, что ему под силу. И мы оба знаем, о ком я говорю... — карлик сделал многозначительную паузу, испепеляя вождя взглядом, но тот даже не обратил на это никакого внимания, ибо в его мозгу появилась невероятная догадка:

— Не может быть... — протянул он, ошарашенно скрипнув когтями о трон, — Нет! Он мёртв!

— Гул-аль-Дук жив, — спокойно произнёс Нон, улыбнувшись догадливости вождя. — Ваш необдуманый рейд по его убийству не увенчался успехом. — В ответ на честный взгляд гоблина тот лишь рассмеялся: — И не надо считать меня полным рагхакком! Расставить все факты по полочкам, тем более после прочёсывания разведчиков моего бывшего клана места происшествия было не сложно. И если бы не боязнь клана, что ваши соседи придут к Бессмертной Тени на помощь, или, что ещё хуже, что остальные прознают о случившемся, они бы непременно развязали войну. Но, как я и сказал, он жив.

— Почему! — зарычал вождь.

Но его рык не возымел никакого воздействия на Нона: тот только подумал о том, какие же эти вожди говорливые, и перевёл разговор в другое русло:

— Эти знаки, о которых говорил твой разведчик, и разложенные по кругу головы — всё это говорит о ритуале вызова Высшего, — словно по учебнику начал вещать карлик. — Для, разумеется, дальнейшего его подчинения, что ведёт за собой обладание Силы стихией, к которой относится дух. И если Гул-аль-Дук смог провести ритуал...

— Это невозможно, — буркнул вождь, смирившись с тем, что не от него зависит, в какое русло свернёт разговор с этим пугающим существом. — Это легенды. Сказки. Вымысел.

— Ну что за народ, — вздохнул Нон, вновь начав прохаживаться по залу и рассматривая различные статуэтки и тотемы под осуждающим взглядом вождя. — Не будут верить ни во что, пока это «что-то» не обрушится на них праведной волной, и только после этого будут говорить, мол, знали, хотели что-то сделать, но не сделали. Потому что поздно. — он поставил одну из статуэток на место и развернулся обратно к вождю. И почему-то от этого рагх похолодел. — Ты примешь мои условия. Хочешь того, или нет, но примешь. Как минимум чтобы сохранить свою жизнь. В целом твой клан может пригодиться мне и мёртвым, но ещё больше он пригодится мне живым.

Гоблин явственно ощутил, как мурашки пробежались по его телу. Он верил словам этого существа. И сильно не хотел умирать. Нет, он не то чтобы боялся смерти: вождь Бессмертной Тени был готов сражаться на поле боя в первых рядах, крушить врагов и завоёвывать селения, но умирать вот так, в своём собственном доме, и отправить за собой весь клан? Что тогда сделает Тень с ним в загробном мире? Оставит гнить в темноте, как она поступает с неудобными.

— Что тебе нужно? — прохрипел, сам удивляясь своему голосу, вождь.

— Чтобы твой клан пошёл за мной, — удивлённо, словно не понимая, как можно не дойти до таких очевидных вещей, ответил Нон.

— Мой клан не пойдёт за тем, кто обладает Меткой, — скривился от одной мысли, что этот кривой карлик поведёт за собой его народ, вождь.

Нон в очередной раз рассмеялся, на этот раз — над слепой уверенностью рагха, что смотрел на вещи слишком грубо и прямолинейно:

— Увидят, на что я способен — пойдут. Встретят мою армию — пойдут. Ну, и, разумеется, если ты скажешь — пойдут.

— Если я скажу что? — прошептал одними губами совсем потерявший какую-либо надежду на исход разговора в его пользу вождь.

— Что я — Бессмертная Тень, — обнажил жёлтые зубы карлик.

ГЛАВА 10 Новое имя, или чем заканчивают наглецы

— Пр-р-р!!! — потянул я за поводья, и Юла резко затормозила, обдав округу волнами из брызг.

Пред нами возвышались ворота моего клана. Из-за кольев на нас смотрело несколько испуганных пар глаз: стражники несли утреннюю вахту на стене. Несколько из них достали из-за спин луки и трясущимися руками натянули тетивы, так что меня встречало несколько нацеленных мне в голову наконечников стрел.

— Леший, если что... — прошептал я.

— *Знаю, Хозяин.*

Вот и славно. Теперь за свою жизнь можно было не бояться — в случае чего, меня просто накроет стена из земли, подобную штуку мы репетировали с Лешим по пути к селению, ибо на подобное дружелюбие я, собственно, и рассчитывал.

Но тут из-за кольев выглянула голова гоблина, обрамлённая седыми космами, и я моментально узнал в этом здоровяке (По гоблинским, конечно, меркам) главу стражи. Как мне рассказывали, именно благодаря ему и было спасено то тело, в котором я сейчас, так сказать, квартировал, так что, можно сказать, что я был ему в какой-то степени должен, и отдавал этот долг, в каком-то смысле, своим полным к нему расположением. Глава стражи, впрочем, отвечал мне взаимностью.

— Мне нужно проехать по важному делу для встречи с рагхом! — прокричал я, чувствуя, что здесь что-то не так. Тут у них на глазах возвращение блудного сына, а они в меня стрелами тычут.

Глава стражи поиграл желваками, угрюмо разглядывая меня, словно видит впервые в жизни, а затем подтащил к себе какого-то особо ретивого стражника, что уже, верно, и без команды собирался меня подстрелить, что-то шепнув ему на ухо и оттолкнув. Тот скрылся за оградой. Видимо, побежал докладывать вождю...

Прошло несколько бесконечно-долгих минут, за время которых лучники явно устали держать наготове луки, и потому просто их опустили, не спуская с меня взгляда, а я в свою очередь успел напеть песенку из прошлой жизни:

Ели мясо мужики,
Пивом запивали!
О чём конюх говорил —
Они не-по-ни-мали!

Но вот, по истечении трёх минут отбивший стражник вернулся с каким-то донесением, выслушав которое, глава стражи серьёзно кивнул и крикнул:

— Открывай ворота!

Те, скрипя, начали уезжать наверх, и я медленной рысью въехал на территорию селения, впрочем, заметив, что луки и стрелы стражники никуда не убрали...

Старый стражник спустился ко мне и, взяв Юлу под уздцы, посмотрел мне прямо в глаза, холодно бросив:

— Тебя ждут у шатра вождя. Езжай.

И, отпустив поводья, отошёл в сторону. При этом всё это время одна его рука покоилась на рукояти меча. Хм. Как там говорила Алиса? «Всё чудесатее и чудесатее»...

Отъезжая от частокола, я не без удовольствия расслышал, как стражники перешёптывались на тему того, о каком это ещё конюхе я пел, с чем его едят, кто он есть и откуда взялся, и почему это мужики его не понимали, коли он на их языке разговаривал? В общем, тем для разговоров я подарил ребятам ещё на неделю вперёд, будет чем беднякам себя поразвлечь, так что дальше я держал путь с чувством какого-никакого, а выполненного долга.

По пути к шатру я не мог не обратить внимание на то, что на улочках никого не было. Всё словно вымерло: не было снующих туда-сюда в пред-рабочей суете лавочников, не видно было степенно шагающих по своим делам шаманов, или просто резвящихся в грязи детей. Как там звучала эта знаменитая фраза? Затишье перед бурей? Вот, кажется, это оно самое и есть... Только пока неясно было, что это за буря такая, но то, что она уже здесь — как минимум очевидно.

А ещё очевиднее она стала, когда я остановился в шагах десяти от шатра вождя. Там, у входа, стоял Учитель. Один. И что бы это значило?

— Здрасьте, — не придумал я ничего лучше, поглаживая явно напрягшуюся Юлу.

На это старик лишь фыркнул, уже даже и не скрывая своего пренебрежения к моей персоне. И это меня отчего-то очень и очень разозлило, так что я решил не дать ему шанса заговорить первым. А что, раз представилась такая возможность, так почему бы не поговорить о наболевшем и накипевшем? Тем более что по непонятной мне пока причине нам никто не мешает, разве можно придумать более подходящего времени? Так что я перебил начавшего было открывать рот Учителя:

— Знаете, я всё думал, почему это, если вы хотите меня убить, нужно было защищать меня перед рагхом и обучать ремеслу шамана, — меня самого слегка обескуражил этот холодный тон, которым я произносил каждое слово. И, кажется, он поверг в лёгкий шок и моего бывшего наставника, который, вместо того, чтобы бросить какое-то ехидство, или послать меня ко всем духам, лишь тихо пробубнил:

— Не понимаю, о чём ты.

— Но потом до меня дошло, — продолжил я говорить, не обращая внимание на отнекивание гоблинюка. — Вы хотели воспользоваться тем, что сильнейший шаман клана превратится в воина из другого мира, для которого вы должны были стать светом в конце тоннеля. Он должен был подчиняться во всём, вам нужен был собственный сильный пёс на поводке, правда, понятия не имею для каких нужд. Смею даже предположить, что и покушение на Гул-аль-Дука в ту самую ночь было подстроено вами. Слишком уж нелепо получается, правда? Так много совпадений, что аж смешно: во время нападения, в результате которого никто не выжил, выживает именно он, да ещё и так странно, с полностью опустошённой энергией, уж не знаю, как вы это провернули, затем вы оставляете его тело на попечении двух учеников, один из которых — Лар-ин-Лин — верой и правдой вам служит и полностью под вашим контролем. Позвольте догадаться: именно он принёс трубку с Путничьей травой, он подговорил Кил-ин-Хака на обряд? Вы всё прекрасно знали, были готовы к этому, и потому не дали меня в обиду.

Я не отрывал взгляда от Учителя. Тот молчал. И потому я продолжил:

— Но новый Гул-аль-Дук оказался не таким, как вы рассчитывали, верно? Он оказался

своевольным, слишком, простите уж за моё самолюбие, умным, и не стал подставлять шею под ошейник. Он вышел из-под контроля, и тогда вам подвернулся под руку случай с Мастером-над-Водой, который вы также ловко подмяли под себя, дав Лар-ин-Лину задание убить меня при первом удобном случае. Так избавляются от неудавшегося рисунка: разрывают его на части и выкидывают в мусорку. А затем принимаются всё делать заново...

Учитель всё также продолжал молча смотреть на меня, но его лицо было настолько хмурым, а в глазах сияли такие огоньки ненависти, что я сразу понял: попал точно в цель, во все мишени! Всё правда!

— Гул-аль-Дук... — рассмеялся Учитель, отвлекая меня от дальнейших размышлений. — Ну ты даёшь! — он деланно-неуклюже махнул рукой. — Что за бред? Что за махинации? Я всего лишь старый шаман, который заботится о своих учениках... Разве смог бы я повернуть нечто подобное, да в таких масштабах?! Ох, насмешил старика. — Но сквозь хохот я расслышал нотки хрипотцы, что выдавали его волнение с головой.

Что ж, не признаётся — плевать. Мне не нужно его признание. И мести не нужно... пока. Я приподнялся в седле, оглядывая округу:

— Мне нужен вождь. Позовите его... пожалуйста, — выдавил я из себя последнее слово. Но вместо этого Учитель постучал пальцем по виску, мол, думай, о чём говоришь:

— Не думаю, что Равр-рагх-Хил захочет видеться... с мертвецом. — Пожал плечами старик, вгоняя меня в ступор.

— С кем? — не дошло до меня.

— Мертвецом. — Терпеливо повторил шаман, вновь натягивая на лицо ухмылку. — Как сказал Кил-аль-Хак, ты... погиб. Но вот стоишь жив-здоров, да и разговариваешь вполне внятно для трупа. А живых мертвецов я, уж поверь, видел: бывал в гостях у огров, а у них этого добра хватает.

Я не сдержался и хорошенько приложился ладонью по лбу: вот же идиот! Совсем забыл, что собирался в тайне держать то, что жив, и потому приказал Кил-ин-Хаку... птьфу! Уже Кил-аль-Хаку (Так, выходит, его всё-таки возвели в высший ранг шамана) поведать грустную историю о моей смерти. Получается, жители клана попрятались по домам, опасаясь ожившего мертвеца? М-да, весело, конечно. Но мне сейчас не до веселья: так что я плюнул на всё, и вновь повторил:

— Впустите меня к вождю, иначе...

— Иначе что? — оскалился Учитель. — Что ты сделаешь мне, наглец?! Да ты не успеешь даже протянуть руку к котелку, как будешь мёртв! Я могу одним движением рук повелевать душами вплоть до седьмого ранга! Я могу вышвырнуть тебя отсюда, или просто отправить к праотцам, и моли духов, чтобы я выбрал первое! Умоляй меня...

Умолять тебя, как же. Я не выдержал, и кинул гоблину оскал в ответ: значит, можешь контролировать духов без котелка вплоть до седьмого ранга? Похвально. Действительно, опыт — великая вещь. Великая, но не главная.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Я отвёл руку в сторону, мысленно пробуждая Лешего и шепча заклинание. А затем, сжав руку в кулак, резко поднял её вверх. В ту же секунду земля вокруг вздыбилась. Леший призвал под своё начало требуемых духов, и те выполняли волю Высшего, создавая нужные мне заклинания земли. В четырёх местах земля начала деформироваться, притягивая к себе близлежащие камушки и грязь, и не прошло и нескольких секунд, как от земли отделились, вспорхнув в воздух, четыре земляные сферы, оставив за собой такое же количество воронок.

Описать выражение лица Учителя в этот момент было сложно. Это надо было видеть, и я, не скрою, упивался этим зрелищем, пока испуганный — а среди кучи эмоций на лице гоблина прочитывался ещё и испуг — старик шептал что-то вроде «Сила, откуда у него Сила... как?!», и всё в таком же духе.

Но моя ухмылка исчезла с лица сразу после того, как шаман, что-то прокричав, скрылся в шатре, и я осознал: гоблины прятались не потому, что испугались ожившего мертвеца. А потому, что заранее это спланировали.

Из хижин повывлезали луки с натянутыми для выстрела стрелами, на дорогу высыпали из-за своих укрытий воины, а от ворот в мою сторону двинулись стражники. Не выдержав, хорошенько выругался: засада! Юла, похоже, прочувствовала мой настрой, и громко, утробно зарычала. В ответ ей раздалось громкое рычание со стороны стойл. И план... хотя нет, не план — авантюра! — сформировалась в моей голове моментально, почти на подсознательном уровне.

Так и висевшие в воздухе сферы были брошены в стороны, наугад. Но ещё до того, как они достигли целей, я хорошенько пришпорил Ула, и ящерка, зашипев, помчалась по деревянному настилу в сторону, откуда доносился непрекращающийся, протяжный рёв. Судя по крикам, что послышались уже из-за спины, как минимум одна сфера попала в цель.

Но гоблины быстро опомнились, и вслед мне полетела туча стрел, которые были остановлены брошенным мною через спину заклинанием, ударившимся в настил и выгнувшем его доски перпендикулярно земле. Послышался звук, похожий на удары градинок о крышу дома: стрелы вонзились в деревянную поверхность, что заменила мне щит. Но всё же несколько стрел обогнули препятствие, чуть было не задев меня и Юлу.

Я начал петлять по улочкам, стараясь оторваться от преследовавшей меня толпы, и не успел удивиться тому, куда подевались все шаманы и почему нет никакого намёка на опасных для меня духов, как они, словно по зову, поспешили явиться, высыпав из встретившихся на пути халуп.

Чёрт! Я резко натянул на себя поводья, отчего Юла, взревев, встала на дыбы и чуть было не сбросила меня с седла. Похоже, у них тут повсюду приготовлена западня, куда не глянь — везде тебя готовы угостить либо металлом, либо магией! И кто мне скажет после этого, что Учитель действительно считал меня мёртвым? Что не готовил весь клан к моему приходу? Ха-ха три раза! Подготовился, и притом знатно!

Краем глаза я уловил, как один из шаманов, водя рукой над котелком, выуживает из него сгусток энергии. Ни посоха, ни каких-либо отличительных черт — ученик, причём даже не «ин». Значит, ожидать от него духов выше пятого ранга не стоит, но и этого хватит той же Юле, чтобы отправиться к праотцам. Так что я просто не дал ему этого сделать!

Через мгновение после того, как я отдал мысленный посыл и прочёл заклинание воздух вокруг меня превратился в сплошной салют: пространство вокруг начало разрываться от вспыхивающих ярким светом пятен, а затем эти пятна сформировались в лесных духов феири — маленьких фей, что доставили мне столько неудобств при битве с Лешим. После такого вызова — а призвал я не меньше сорока малявок — я прямо-таки физически прочувствовал, как энергетический запас внутри меня опустел как минимум на треть, но постарался не придавать этому значения: не время следить за собственным состоянием! Главное живым выбраться, а в таком деле скупиться не стоит!

Феи понеслись на опешивших шаманов, и дальше я мчался уже сквозь огонь полыхающих хибар, орущих гоблинов, что попали под огонь, и отступающих умельцев,

умудрившихся не сплеховать и успеть вызвать хоть какие-то силы из мира духов, которые, впрочем, не сильно помогали в битве с вёрткими и невероятно сильными, несмотря на свой рост и кажущуюся миловидность, фейри.

Прямо на ходу я успел отхлебнуть чая из фляжки, хоть как-то компенсируя потерю сил, что стремились ко дну со сногшибательной скоростью, запустить в выбежавшего навстречу лучника роем из осколков камней, сбить вознамерившегося использовать амулет шамана, одновременно с этим, словно битой, нанося удар посохом особо ретивому стражнику, что почти достал меня мечом, а затем, наконец, выехал к стойлам, в которых, казалось, воцарился ад ещё похлеще того, что охватил всё поселение.

Слышался скрежет лап, что царапали двери, протяжные рычание и шипение, даже вой, очень похожий на волчий, вклинился в эту какофонию звуков. Сквозь щели сарая я увидел покрасневшие от злости глаза и оскаленные пасти, пускавшие слюну. Похоже, Улы очень хотели на свободу, и не мудрено.

Со смертью Их-руг-Ахта, единственного друида клана, нового кандидата на эту роль, видимо, не нашлось: то ли не было денег и хороши условий, чтобы переманить к себе друида из другого клана, то ли решили подождать, пока в клане появится свой собственный — чёрт их разберёт. Но без друида, что всё время поддерживал с Улами телепатическую связь и не давал буянить, ящерицы вновь вернули к себе свои животные инстинкты, превратившись обратно в болотных монстров. Их опасность для жизней селения была наглядно и представляла из себя цепь, перекрывающую проход в сарай, из-за которой, стоит полагать, дверь и не была до сих пор проломана: слишком уж ретиво они её ломают. Что ж, ребята, спаситель пришёл!

Призванный мною элементаль, что своими размерами был не слишком-то высок, всего лишь на пару голов выше меня самого, но зато обладал крепкими сухожилиями и прямо-таки твердолобой настойчивостью, получив команду, начал размашисто колотить по цепи, отчего в стойлах всё затихло: кажется, ящерицы затаились, ожидая, что это какой-то подвох.

Но вдруг я почувствовал острую боль в спине. Она оказалась настолько неожиданной, что я даже не сразу понял, что произошло, и не моментально прочувствовал расплзающийся по телу холодок. Медленно, словно мне мешала толща воды, я обернулся и увидел стоявшего у забора, что огораживал площадку рядом со стойлами, главу стражи и быстро приближающийся отряд из стражников. Старик держал в вытянутой руке лук и тянулся к висящему на поясе полу-опустевшему колчану. Словно сквозь сон я сунул руку за спину и... нащупал древко стрелы. Стрела? В спине? Меня что... подстрелили?

И тут вся возможная волна боли окатила меня с головой, всё тело невольно передёрнуло судорогой, и вдруг очень сильно захотелось уснуть.

Последнее, что я здраво запомнил — это сочувствующий, даже какой-то извиняющийся взгляд главы стражи, рёв вырвавшихся из стойл ящериц и выпущенный из рук Пха. А затем такая приятная нега, туман, заполонивший всё вокруг, и гладкие пластинки Юлы под щекой...

* * *

Звуки, что я слышал, были похожи на помехи в радио: лишь шипение и периодически проблески чего-то, что я мог разобрать. Звучало это как-то так:

— Взять... ш-ш-ш-ш!.. бегом!.. туда! ш-ш-ш-ш!

— Перекройте же... им! ш-ш-ш-ш! У нас... бейте!.. Тревога! ш-ш-ш-ш!

С картинкой то же самое — то пустота и тьма, то периодически мелькающие кадры: дорога... огонь... тела... деревья...

И всё это мелькало с такой скоростью, что озарение о том, что происходит, так и не приходило. И, что самое смешное, я помнил всё, что произошло до той злосчастной стрелы просто прекрасно! А теперь — ничего, как будто в дурмане. Стрела... именем духов... Я ранен! Или мёртв? А в который раз я умираю по счёту? Кошка обзавидуется!

Но я не чувствовал ничего. А мозг как будто пододвинул меня в сторону, назад, решив дать окружающему миру всё решать за меня, а мне оставить лишь изредка вбрасываемые картинки, которые я смотрел, будто в кинотеатре, правда, попкорна в этом зале не выдавали.

Я вдруг почувствовал, что мне это всё надоело. На кой чёрт я буду пребывать в не пойми каком состоянии, когда там, вокруг меня, творится то, что я не могу контролировать?! Может, мне грозит смерть, а я тут наслаждаюсь киносеансом! Не бывать этому!

Вновь вспыхнувшая перед глазами картинка застыла и начала заполнять собой всё пространство, пока, наконец, я не вынырнул из глубин сознания и не сделал глубокий вдох, будто только что выплывший из-под воды утопающий.

И кто меня просил?!

При первом же вдохе голова пригрозила лопнуть, а всё внутри запульсировало так, что ещё, наверное, добрые полчаса я просто жмурился и скрежетал зубами, стараясь победить боль. Наконец, она отступила, но теперь я дышал медленней и аккуратней, и каждое движение совершал так, будто любое лишнее дёрганье приведёт к моей смерти. Хотя, наверное, почти так оно и было.

Медленно приподняв голову, насколько это было возможно, сощурившись от лёгкого ветерка, попытался собрать мысли в порядок и понять, где это я и что со мной? Более-менее получилось: я разобрал дуб, который не заметить было сложно даже будучи в таком паршивом состоянии, в котором был я. Через некоторое время загрузки, в которой и пребывал мой мозг, пришло осознание того, что это — дуб Отшельника. Вон, и могила его, и огромный булыжник-Хвостик... Так, неплохо, вроде серое вещество в голове вернулось к своим обязанностям, позволяя мне нормально мыслить и вспоминать. Как я вообще здесь оказался?

Ответ пришёл сам собой: как говорится, если хочешь что-то спрятать, то положи это на самое видное место. Так и вышло. Всё это время я лежал на Юле, которая стояла на островке возле дуба и тяжело, часто и глубоко дышала. Я уж хотел было удивиться, чего это она, как вдруг понял: я ж в неё вцепился смертельной хваткой! Уж и не помню, как это произошло — скорее всего это получилось невольно, но доставляло бедняжке много неприятных ощущений. И всё-таки она продолжала ждать, пока я очнусь, не скинула меня, умница.

Через силу я разжал пальцы и почувствовал, как ящерка облегчённо выдохнула и упала на живот, повернув ко мне мордашку и приглашающим жестом кивнув на землю. Что, просишь слезать? А оно и верно. Не прописываться же мне на твоей спине, как какому-нибудь псу-близнецу.

Кажется, прошла вечность, пока я пытался слезть с не спускающей с меня взгляда Юлы. Чтобы преодолеть это плёвое расстояние от спины ящерицы до земли, я вынужден был ознакомиться со всеми кругами ада. Каждое движение делалось медленно, с привлечением всего тела, а мышцы напрягались настолько, что я удивлялся, как они не лопнули. Раз десять

мне приходилось останавливаться, чтобы перевести дух, и лишь тогда, собравшись с силами, я умудрился-таки свалиться наземь, не убив себя. Переждав очередную волну боли, что радостно меня окатила, вновь принимаясь пытаться заставить меня закричать, я, кряхтя, сел и ощущал спину.

В определённый момент руки наткнулись на обломок древка, торчащий из моего тела. Из тех скудных познаний о медицине, что я помнил из мельком изученных журналов, да каким-то передачам, я знал, что вытаскивать стрелу — себе дороже. Правда, стрела вошла не глубоко, да и при ранении в спину обычно выходит не много крови, и всё-таки, на болоте, без какой-либо помощи, я точно умру. Либо от болевого шока, либо от заражения раны. А может, и от того и от другого. Да и болотные твари на запах крови сбегутся, словно на пир, а при нынешнем моём состоянии я мало что смогу им противопоставить, даже Хвостика призвать, ибо контролировать такого гиганта, когда в голове ламбады играют — нет уж, увольте. М-да, с какой стороны не посмотри, а у ситуации есть лишь одно, непечатное название.

Посмотрев на словно что-то выжидающую, уставившуюся на меня Юлу, я невольно улыбнулся. А ведь она меня спасла. Вытащила из того пекла, в которое превратился клан, что когда-то был мне домом. Доставила сюда, в единственное место, где можно хоть как-то уберечься, при этом наплевав даже на такой раздражитель, как чёртов гоблин, что вцепился своими лапами в бедные бока животного... Стоп. Вцепился? Лапами?! А где мой Пха?!

Видимо, паника на моём лице была настолько очевидной, что ящерица, поднявшись, протопала к какому-то камню, торчавшему у самой болотной жижи, и вытащила из-за него посох с тремя болтающимися на ветру черепами.

Взяв у неё из пасти Пха, погладил тут же заурчавшее животное по покатоному лбу:

— Умница моя, хорошая... умудрилась даже посох с собой в зубах притащить... Молодец. Нигде не оплошала. А вот хозяин твой — дурак. — Я рассмеялся, когда Юла на эту мою фразу только фыркнула. — Слушай, а если ты у меня такая умница, может, придумаешь, как мне спастись? А то совсем ничего в голову не лезет.

Последнее я говорил, скорее, как шутку — так, чтобы хоть немного поговорить, расслабить нервы, но, на удивление, ящерица выпучила глаза, словно бы говоря «фигня вопрос!» и ткнула носом в покачнувшийся на поясе котелок. Некоторое время я тупо смотрел то на него, то на гордо разглядывающее меня животное, и, наконец, больно ударил себя по лбу, тут же поплатившись за это пробежавшейся по всему телу болью. Было досадно и глупо: мой Ул умнее меня! Я шаман, или как?! Совсем о стихии воды забыл?!

Пообещав попозже накормить свою умницу до отвала и обязательно раздобыть каких-нибудь сладостей, опять же, исключительно для Юлы, дрожащими руками высыпал всё содержимое своей походной сумки, начав рыться в ингредиентах, одновременно с этим листая свою книгу с записями. Нет. Нужных ингредиентов для вызова хотя бы бытового духа воды, не было. Ударив кулаком по земле, зажмурился, отчаянно заставляя мозг думать. Пускай в экстренных ситуациях он всегда работал, как машина, но в этот раз почему-то сильно тормозил: видимо, движок у машины за последнее время сдох.

И вдруг спасительным светом пробился в голову лучик прозрения: так ведь кухня Отшельника — настоящий склад ингредиентов! Там есть всё: бери — не хочу, начиная от боевой и заканчивая медицинской магией! Сам помню, как старик ругался на меня, когда, делая чай, я случайно взял не те грибы, что были нужны, а какие-то корешки для стихии огня. Мерзкое месиво вместо вкусного напитка получилось, но не в этом суть! Срочно! На

кухню! А-а-ай!!!

Попытавшись подняться, я тут же плюнул на это дело, рухнув обратно на землю. Никак. Если уж мне даже движение сделать тяжело, то что уж говорить о таком длинном маршруте, как дорога до кухни. Нет. Будем действовать иначе...

— Леший?

— *Понял, Хозяин.*

Призванный греmlin уставился на меня своими точками-глазками, пока я переводил дух, стараясь не отрубиться. Вот это да! Это ж как меня отделали, если даже вызов обычного существа земли отдаётся такой болью в голове!

— Ты, — ткнул я пальцем во внимательно слушающего меня греmlина, накопив сил, чтобы внятно говорить. — Пойдёшь туда, — перевёл я палец в сторону дуба. — Поднимешься на третий этаж. И принесёшь мне... — я собрался было перечислить требующиеся ингредиенты, но, пробежавшись взглядом по голове существа, которая, кажется, вообще не предполагала мозгов, вздохнул: — Всё, что сможешь принести.

— Хршо, хзяин! — Проквакал греmlin, направившись в сторону дуба.

Удивлённо подпрыгнув от разошедшихся, не без моей помощи, в стороны корней, греmlin неуверенно пропал в открывшейся темноте.

Затем оттуда раздались грохоты, греmlinский мат (Как я понял, в любом языке можно сказать, что его носитель матерится, причём даже если ты этим языком не владеешь. Как? Загадка мироздания...) и скрипы — похоже, он всё-таки нашёл лестницу, и теперь целенаправленно выполнял мой приказ. В меру своих сил и умственных способностей.

Прошло довольно много времени, за которое я несколько раз успел распрощаться с жизнью, а под конец решил, что быстрее и безопаснее будет доползти самому, при этом пару раз потеряв сознание, как греmlin, с слишком уж довольной рожей, выскочил из дуба, держа в руках гору тарелок, склянок, каких-то безделушек, книг, свитков, даже кусочки коры дополняли всю эту мешанину из мусора.

— Это... что? — Еле сдерживая себя от желания развоплотить придурковатого духа, указал я на высыпанную передо мной кучу барахла.

— Дык, хзяин, сказали ж: «всё шо можно». Дык я и это...

Моя ладонь впечаталась мне же в лицо. Чёрт, учителя первых классов, вы — герои! Как можно терпеть и что-то объяснять тому, кто только и умеет, что глупо улыбаться, да кивать головой — ума не приложу! Моё вам восхищение, и да поможет вам бог с этими спиногрызами!

— Ладно, начнём сначала, — глубоко вдохнул и выдохнул я, после того как покопался в принесённом греmlinом мусоре и выяснил, что ничего полезного в нём нет и в помине. — Ещё раз иди на третий этаж, и на этот раз принеси мне то... что ты смог бы сожрать.

Теперь процесс не занял так много времени: во-первых, он уже успел ознакомиться с интерьером дуба, а во-вторых, судя по всему, упоминание о чём-то съестном придало существу дополнительную мотивацию. Так что уже через минут пять ко мне спешил ещё более довольный, чем в прошлый раз, хотя, казалось, дальше некуда, греmlin.

— Другое дело, — облегчённо кивнул я, глядя на вываленные передо мной мешочки с различными ингредиентами, потроха огромного количества животных, вытяжки, контейнеры со слизью и... — Ложка? — удивлённо поднял я деревянное изделие. — Ты что, и такое ешь?

Греmlin развёл руки в стороны, мол, так и живём, а мне подумалось, что, похоже,

первая куча могла бы быть им съедена тоже на «ура». Отдав гремлину котелок и дождавшись, пока тот вернётся с плескающей в нём болотной жижей, я кинул ему ложку, что в мгновение ока была съедена прожорливым духом, и развоплотил его.

Затем, под пристальным взглядом лежащей под рукой Юлы, соорудил из подручных средств, а именно — да простит меня Отшельник! — из книг основу для костра, поджог огненным амулетом и поставил на костёр котёл, жидкость в котором тут же закипела, вздыбливаясь множеством раздувающихся и лопающихся пузырей.

Открыв книгу, постарался вспомнить всё из лекций о водяных духах. Они, пожалуй, были единственной темой, которой я не увлекался в неурочные часы, так что все мои знания о них ограничивались только одним листочком с несколькими не самыми сильными заклинаниями. Эх, сюда бы Син-аль-Ланг! Или хотя бы одну из её учениц... Но мечтать не вредно. Так что я зарылся в свои записи, задумчиво потирая подбородок. Так... судя по всему, для того, чтобы полноценно пользоваться духом, нужно провести полную очистку воды, другими словами, правильное лечение должно происходить в два этапа: сначала ты выживаешь чистую воду из болотной жижи, а затем уже вселяешь в неё необходимого тебе духа. При этом тратится вдвое больше энергии, чем если сравнивать с боевыми духами. Да у меня в таком состоянии столько энергии то и нет! Конечно, можно попытаться, кто спорит, может, что и выйдет, но при этом есть шанс того, что я отключусь, а в таком случае сдохну — как пить дать. Но если воспользуюсь жижей прямо так, в таком непрезентабельном виде, то как бы ни лечил, заражение мне обеспечено. И что делать?

И в этот момент мозг вдруг сжалился и выдал мысль. Правда, от этой мысли меня всего перекосило, но другого выбора, похоже, не было.

Взглядом, пробежавшимся по странице, отыскал более-менее подходящее заклинание. Правда, лечило оно от лёгких ранений, а моё на порез от бумажки похоже не было, но остальные вообще не лечили раны, а помогали от бессонницы, болей в животе и запоров, так что выбирать не приходилось. Булькнули в котле брошенные ингредиенты, зелье закипело сильнее, поднялся в воздух витиеватый дымок красного оттенка. Прошептав заклинание, принял пришедшего на трапезу духа и отправил его искрящейся звездой в мутную воду, которая, в том месте, куда ухнул энергетический сгусток, отделилась от общей массы большим грязно-мутным пузырьём с бьющимся внутри, словно сердце, светом.

Приблизив его к себе, я невольно взлохотнул, облизнув пересохшие от волнения губы. Вот сейчас и начнётся самое главное... Теперь важно было не сплеховать и рассчитывать на собственное везение, благодаря которому я всё ещё, вопреки всему, жив.

Скинув с себя шкуры, сто покрывали торс, обернулся к ящерке, кивнул на торчащую из спины стрелу. Та удивлённо выпучила глаза, но я на это только кивнул, и получил уверенный кивок в ответ. Я иногда уже даже и не замечаю, что мы с Юлой почти на ментальном уровне общаемся, без слов. Ящерица встала у меня за спиной, и я зажмурился, приготовившись к приходу очень близкой мне в последнее время подруги — боли.

Вспомнишь лучик... боль ужалила спину и растеклась по телу: Юла выдернула зубами стрелу, и теперь дело было за мной. Сквозь начавшую застилать глаза пелену направил водяной сгусток себе за спину и, почувствовав, как на мгновение в районе раны будто подул холодным ветром, вскочил и, отбросив в сторону котёл пинком ноги, развернулся на триста шестьдесят градусов и рухнул спиной назад, прямо на костёр.

Дальше я, кажется, действовал рефлекторно, потому как голова не соображала — точно. Боль даже уже и не чувствовалась, так как её стало слишком много, она заполонила всё, и

потому перестала отвлекать. Но несмотря на это, я понимал, что сейчас спину сжигает огонь костра, и нужно делать то, что задумано, но, когда до меня дошло, тело, что наплевало на мозг и решило спасти себя само, уже сделало всё за меня: я перекатился в сторону и, исполосовав тело о камни, плюхнулся в воду.

Как выполз на берег и плюхнулся лицом в грязь, не помню. Как и того, что было после этого, ибо отрубился. А когда очнулся, дело уже шло к позднему вечеру, и неподалёку раздавались заунывные, голодные переклички болотных хищников. Юла, как обычно, была тут, рядом, и отчаянно лизала мне спину. Подняв тяжёлую, словно не свою, руку, наткнулся ладонью на мощную шею животного. Юла вздрогнула и оторвалась от своего занятия, принимая от меня порцию поглаживаний. Прав был друид — преданнее существа мне не найти.

Доковылял до дуба я, опираясь на ящерицу и Пха, но всё-таки на своих двоих, и при этом ощущая лёгкое покалывание в теле. Значит, получилось? Справился? Честно, не думал, что получится превозмочь боль после прижигания раны. Боялся, что так и сгорю в огне, по собственной глупости. Но всё вроде как обошлось — на Пяте нельзя быть ни в чём никогда уверенным. Я спас себя от раны, но смогу ли спасти от хищников, что уже, чую, задумываются: а не подойти ли нам к тому месту, где только что пролилась кровь? И плевать, что оно опасно: инстинкты не задавить даже здравому смыслу.

Так что на всякий случай внутрь дуба я завёл и Юлу — оставлять девочку на улице сейчас, когда у меня не осталось сил, было крайне опасно.

Ящерка с большим энтузиазмом начала исследовать помещения, в которых раньше ей бывать не приходилось. Я усмехнулся: да уж, у Улов зрение для темноты приспособлено, как у многих хищников, а вот мне было немного не по себе в крошечной темноте. Так что, отодрав очередной кусок коры от уже чуть ли не вслух возмущающегося таким нахальством дерева, уже привычно поджог его и бросил в камин, падая в кресло.

На боль, что так и не оставила моё тело, как и на грохот, что раздавался с верхних этажей, куда умчалась Юла, я не обращал внимание. На первое — потому что это было уже не так серьёзно, а на второе... ну не стану я ругать её, даже загрызи она мои записи! Юла мне жизнь спасла — пускай громит что хочет! А я пока витал в облаках собственных мыслей.

Мой расчёт на то, что удастся поговорить с рагхом моего клана, поделиться своими видениями будущего и договориться о сотрудничестве провалился в пух и прах. Теперь дорога назад обычными методами мне заказана. Но там остались мой друг и мать. Да и в любом случае дальнейшие планы предполагают наличие за моей спиной большое количество кланов, включая и мой бывший дом. Убить Учителя, вождя, да и остальную верхушку клана — и народ признает право сильного. Но у меня не было никаких сил, а рассчитывать на собственные, пускай и превышающие силы стандартного шамана, не стоит. Один в поле не воин — мудрые слова, на века. Значит, нужна сила. Снежок, который я спущу со снежного обрыва, и он, набирая мощь, превратится в огромную лавину. Которая покроет Пяту. Но начинать стоит с малого. Клан? Да... мне нужен клан.

Прикрыв глаза, напряг память. Какие кланы находились поблизости, из тех, с кем не торговали мои соплеменники, где меня не могли знать в лицо? Чуть восточнее, в Южных Болотах, на границе с Восточными, находилась парочка кланов из подобных, но мне они не подходили. Слишком далеко. Пускай там меня точно никто не будет знать, но тогда мои далеко идущие планы могут претерпеть некоторые трудности, которые можно и избежать...

Что ещё? Есть более северные кланы, которые мы огибали при погоне за тодплагом, неподалёку от Центральных Болот. Вот... Это уже другое дело. Пожалуй, один из них мне подойдёт. А вот как провести всё так, чтобы заполучить власть в клане — это уже совсем другая проблема. И решать её придётся неординарно.

— Леший, — вынырнул я из размышлений. — Ты сможешь спрятать мой магический потенциал?

— *Насколько, Хозяин?*

— Полностью.

Последовала продолжительная пауза — Высший размышлял.

— *Да. Но ненадолго.*

Отлично — я потёр руки, забыв даже о всех тех злосчастиях, что успели произойти со мной за последнее время и, кряхтя, поднялся с кресла, взяв чадящий «факел» из камина. И, опираясь всё на тот же посох, стал подниматься по лестнице вверх, продолжая думать: нужно будет избавиться от всего — от одежды, амулетов, Пха, от всего! Найти себе одежду попроще, совсем простую, придумать новое имя. Гул-аль-Дука быть больше не должно — ни в коем случае! Гул-аль-Дук слишком засветился где не надо, а слухи, они быстро расходятся... Так что бы такое придумать? Потом. Всё потом. Сначала отдохнуть, а уже потом, набравшись сил, действовать.

С этими мыслями я и вошёл в свою комнату, успевшую за продолжительный период моего пребывания здесь обзавестись несколькими предметами мебели, и даже кое-какой мелочёвкой, создававшей ощущение уюта, и, открыв вделанный прямо в стену ящик, достал запасённые мною на чёрный день бурдюки с чаем и жадно принялся их опустошать.

* * *

Пред-посёлочный лагерь, разбитый кланом Широкой Лапы для предупреждения обороны селения в случае, если будет замечена опасность, заметно скучал. Там, на стенах, хотя бы уютно и удобно, а тут, среди болотной сырости, кочек, коряг, да жижи, какой уют? Вот именно, что никакого. Да ещё и ничего опасного или необычного за ночь не произошло, что позволило бы им размять ноги, или ретироваться под защиту стен, что предписывали им правила. А так, по правилам, они должны сидеть тут, ждать и следить. Но вместо этого гоблины — шаман-аль и три стражника — просто смотрели на уже догорающий костёр, глубоко вздыхая и ожидая смену вахты. Уже светало, так что ждать напастей на приходилось, а если кто и проберётся, то точно из мелких — тех, что не спит днём, а такой не особенно и страшен, даже если нападёт внезапно.

— Пойду помочусь, — буркнул стражник, грузно поднимаясь. Его предупреждение было проигнорировано, ну да и духи с ними! В конце концов, никто не может запретить ему держать всю выпитую за ночь настойку в себе.

Он отошёл в кусты, а через некоторое время раздался его шёпот:

— Живо сюда! Смотрите!

— Э-э-э, нет, — усмехнулся так и не оторвавший от костра взгляда аль. — Не собираюсь я там у тебя ничего смотреть.

— Вот же ж рагхакки! — рыкнули кусты. — Да живо же сюда, я вам говорю! Тревога!

Последнее слово возымело эффект. Вся троица резко сорвалась со своих мест, юркнув

за товарищем в кусты. Продравшись сквозь заросли, они увидели чуть присевшего за ещё одним кустом гоблина, который внимательно вглядывался куда-то вперёд, жестом приказав остальным также присесть. Те повиновались.

— Что тут? — заинтересованно вытянул нос один из стражников. — Болотные твари? Враждующий клан?

— Даже не знаю... — задумчиво хмыкнул в ответ так и не облегчившийся гоблин. — Вон, смотрите. — ткнул он пальцем в сторону небольшой прогалины, и остальные синхронно, словно репетировали это несколько раз, повернули головы туда, куда указывал палец.

По прогалине шёл, чуть покачиваясь, гоблин. В одиночку. Не из их клана. Теперь за кустами уже был не один, а целых четыре нахмурившихся зеленокожих. Один из них, что с посохом, пробормотал, морща лоб:

— И что это может быть? Западня? Какая-то наживка?

— А где тут спрячешься? — развёл руками один из воинов. — Нет, он тут один, как бывший следопыт вам говорю.

Другой стражник щёлкнул пальцами:

— Может, сбежавший пленный? Смотрите как шатается. Ему явно плохо.

— Ну, сейчас и узнаем... — буркнул ему в ответ выходящий из-за укрытия и одновременно вытаскивающий меч стражник, ступая на прогалину. Остальные последовали его примеру, а шаман на ходу начал сыпать в котелок ингредиенты для заклинания — на всякий случай.

— Эй, ты! — рывкнул стражник, замахнувшись мечом. — А ну, стоять!

Шедший гоблин вяло обернулся на крик и, выпучив глаза, пошатнулся, чтобы в следующую секунду рухнуть в траву без чувств. Подошедшая компания в который раз за этот короткий промежуток времени нахмурилась, а шаман, высыпав ингредиенты обратно в сумку, за ненадобностью, ткнул обнажившего меч стражника в плечо:

— А ты, оказывается, мастер дипломатии!

— А что я такого сказал?

* * *

Через короткий промежуток времени они уже сидели в лагере, напряжённо разглядывая пришедшего в чувства незнакомца, что, сидя на одном из брёвен, заменявшем скамью, с явным аппетитом хлебал из предложенной ему плошки суп.

Как рассказал неожиданный гость, он действительно бежал из плена далёкого от этих мест восточного клана, что вёз рабов для продажи клану Бессмертной Тени. На это все четверо понятиливо кивнули: этот клан был горько знаменит тем, что покупал и продавал рабов, буквально живя за счёт невольничьей рабочей силы. Дальнейший рассказ незнакомца был более интересен: всю дорогу его жестоко пытали за непослушание, чуть не заморили до смерти голодом и, решившись, он всё-таки бежал под покровом ночи, неподалёку от этих мест. И вот сейчас чудом выбрался живым, наткнувшись на них.

Слушатели в свою очередь придирчиво рассматривали незнакомца. Одежда вся в дырах, старая и потёртая, такой даже оборванцы-чернорабочие не носят. Нет сапог, или нечто, их заменяющее, да и то, с каким аппетитом он выхлебал всю ту мерзость, которую готовил их

шаман, явственно говорило о том, что бедного гоблина действительно морили голодом. Так что всё вроде бы очень да складно. Вот только пытки... это ж как нужно было довести караванщика, что он приказал пытать и портить ценный груз? Этот вопрос не давал покоя одному из стражников, и тот, не сдержавшись, дождался, пока собеседник доест и рыкнул:

— Следы от пыток остались?

— Что, так интересно? — усмехнулся, вытирая рот, незнакомец.

— Ты давай не остри, а показывай, — всё-таки надавил воин.

В ответ гоблин пожал плечами и, поднявшись, обернулся к компании спиной, сняв с себя рубаху.

Те ахнули, придвинувшись поближе. Тот, что сомневался, пробубнил что-то неразборчиво-извиняющееся, ибо доказательств было представлено сполна: спина незнакомца представляла собой один большой ожог, да ещё и дополненный солидным рубцом, видимо, от ранения. М-да уж, действительно, беднягу пытали — в этом не было сомнений. Так что все подозрения тут же улетучились, и незнакомцу был протянут небольшой бурдюк с настойкой, в качестве извинений за ложные, пускай и косвенные, обвинения.

Как только гоблин, довольный, отхлебнул из бурдюка, шаман, прижимая к себе посох, заинтересованно спросил:

— Как тебя звать то?

— Анд-Рей. — тут же отозвался незнакомец.

Все четверо удивлённо переглянулись.

— Что, прямо так, без приставки? — вздёрнул вверх брови один из стражников.

— Я раньше был стражником, — развёл руки в стороны этот чудак со странным именем Анд-Рей. — Но теперь какой там, вряд ли я уже вернусь, так что и профессии, получается, никакой не имею. Так что да, без приставки...

— Ладно, — хлопнул того по плечу стражник. — Не бросим, в клан примем. К делу пристроим. Отведём к рагху — он гоблин сговорчивый, пускай и жёсткий, ну да вождю другим быть не позволено! Слушай, да у нас шаманов — улитка наплакала! А что, может, в тебе потенциал шамана есть, а, стражник?

— Нету, — ответил за него, махнув рукой, аль. — Я его уже на это дело прощупал, не идиот. В нём даже слабенькой искры нет. Так что сложновато его пристроить будет. У нас вроде как все при деле.

— Ладно, что-нибудь решим, — кивнул на это стражник. — Давайте сворачиваться, и поведём беднягу к вождю — вон, уже и смена идёт.

Пока они встречались со сменщиками, то не заметили, как этот странный Анд-Рей — что вообще за имя! — перешёптывался с пустотой, а пустота отвечала ему...

ГЛАВА 11 Захватчик, или чистильщик стойл

Приятно, когда всё идёт по плану. А если подобное практически с тобой и не случилось, то это особенно приятно.

Поэтому, наверное, на меня и смотрел так странно местный друид, когда я вычищал вонючие и грязные стойла с улыбкой до ушей и мечтающим взглядом.

Всё прошло как по маслу. Меня действительно приняли за беглого раба, не пришлось даже никого убивать, хотя и такое развитие событий было мною просчитано. Леший также сработал на «ура», потому как никто даже не заподозрил во мне шамана, как и планировалось. Да и предположение того шамана о том, что мне не дадут работы в клане, было мной проигнорировано сразу, ибо этот момент я продумал заранее: мне нужно было подобраться к друиду клана, потому, как только меня представили их вождю, я сразу же предложил свои услуги чистильщика стойл. Надо ли говорить, что это удивило и одновременно обрадовало всех: подобная работа была самой низкой и непрестижной, да ещё и запах... в общем, от неё отказывались все, и вот, наконец, нашёлся работник. Видимо, рагх подумал, что подобное я ляпнул от безысходности, потому не стал задавать лишних вопросов, чиркнул письмо и отправил меня с ним к друиду, Дан-руг-Мину.

А тот был и рад помощнику: пускай друиды и близки со своими подопечными Улами, но не настолько, чтобы любить убирать за ними навоз. Так что я невольно ему понравился, и моментально наши с ним взаимоотношения переросли от «я тебя не знаю» к «ну здравствуй, как жизнь?!».

Но сейчас Дан-руг-Мин действительно смотрел на меня немного озадаченно и, неловко похлопав меня по спине, привлекая внимание, неуверенно проговорил:

— Послушай, может, тебе отдохнуть денёк? И так сегодня половину стойл очистил, куда тебе!

Ну да — я про себя улыбнулся — кто ж поверит, что хоть кто-то может убираться в этом рае вони и отходов с таким умопомрачительно жизнерадостным лицом? Так что я постарался задавить улыбку и кивнул:

— Спасибо. Вы очень добры.

Под одобрительным взглядом друида я прислонил к стене грабли с лопатой и покинул сарай, облегчённо вдыхая свежий воздух: всё-таки за такое время однообразного запаха навоза что может быть лучше обычного, пускай и болотного, воздуха? Эх, всё относительно.

Я посмотрел на небо: солнце в самом зените, до конца дня ещё много времени и, раз уж мне дали небольшой отгул, почему бы этим не воспользоваться и не заняться запланированными приготовлениями...

По сути, это селение не отличалось по своей структуре от селения, в котором я жил. Тот же шатёр вождя в самом центре, те же домики шаманов-учителей, раскиданные по периметру. К ним я и отправился первым делом.

Как выяснилось, этот клан был больше богат учениками, нежели шаманами уровня аль. Каждый из учителей имел по десять учеников, и всех их держал рядом с собой, так что, по сути, в селении клана располагалось несколько основных точек сосредоточия шаманов, которых насчитывалось столько же, сколько было учителей, а именно: пять. Так что первоначальной моей задачей было посетить их все, разумеется, не для расширения кругозора...

На удивление, приняли в свой дом меня каждый из аль. Никто не прогнал, никто не сослался на занятость, или просто не пустил на порог. Каждый вежливо приглашал за стол, кормил, расспрашивал, внимательно слушал, а затем лично провожал до выхода. Позже, рассуждая о том, с чего подобное вообще имело место быть, я пришёл к выводу что здесь сыграли свою роль несколько факторов: во-первых, им был просто-напросто интересен новый житель клана. А вы сами, впуская в свой дом нового жильца, не захотите сблизиться с ним, узнать о нём хорошее и плохое — это ведь всегда полезно, знать информацию, пускай это и информация о чистильщике стойл. Во-вторых, сыграла свою роль простейшая математика: минус на минус даёт плюс. Бессмертная Тень числилась врагом многих кланов, и мой новый дом не стал исключением. Так что враг их врага стал, по сути, их другом, так что никто из них даже не обратил внимание на то, что этот простой, ничем не выделяющийся, не обладающий даже зачатками магии гоблин во время разговоров в их доме постоянно делал странные пассы руками.

Леший знал своё дело. Я — тоже. Так что, действуя сообща, мы смогли незаметно, вызывая по крупице душ, напитать необходимой энергией дома шаманов клана. И при этом проделано подобное было так искусно, что вряд ли в ближайшее время хоть кто-нибудь из них почувствует присутствие чужой магии, а даже если и почувствует, то вполне может подумать, что кто-нибудь из учеников практикуется: сколько этих учеников — за всеми не уследишь!

Так что по приходу домой — а моим домом теперь числились сами стойла — я заснул на соломе как убитый, впервые, пожалуй, улыбаясь во сне.

* * *

— А ну, вставай! — раздался раздражённый голос над самым ухом, а затем последовал пинок, по ощущениям — куда-то чуть ниже груди.

Скатившись со своей импровизированной кровати, я в последнее мгновение шлёпнул себя по рукам, подавив внутри заклокотавшую ярость, и не стал убивать обидчика, хотя спросонья пробежала извращённая мысль о его смерти...

Открыв глаза, с удивлением увидел перекошенное яростью лицо Дан-руг-Мина. Гоблин смотрел на меня так, словно я только что заколол всю его семью, а то и ещё что похуже. Недопонимание на моём лице, полагаю, читалось, как строчки на открытой книге. Ещё вчера мы с ним дружелюбно приветствовали друг друга, а когда прощались, так мне вообще казалось, что мы стали друзьями. А теперь? Что успело измениться? Что я упустил?

Мозг начал отчаянно вспоминать, что же я натворил вчера. Где прокололся? Неужели всю мою затею смогли вычислить?! Но как?! Когда?!

— Где ты был вчера? — голос друида словно когтями проскрежетал по моим барабанным перепонкам.

Осознание того, что врать бессмысленно, пришло сразу же, и потому я честно ответил:

— Гулял.

— Где?! — рявкнул Дан-руг-Мин, и от его рыка спавшие в стойлах Улы приподняли недоумевающие морды и переглянулись.

— По селению, — пожал я плечами, чувствуя, как Леший внутри подобрался, словно тигр перед прыжком в сторону жертвы, и успокоил его: пока ещё ничего не понятно...

— Конкретно! — ярость в глазах гоблина уже не плясала огоньком — она разгорелась ярким пламенем, что собиралось поглотить меня. Краем глаза я заметил, что его ладонь легла на небольшой тесак, что был заткнут за пояс. — Где. Ты. Был. Вчера! — отчеканив каждое слово, повторил зеленокожий.

— А что произошло? — рискнул ответить я вопросом на вопрос.

Но друид почему-то проигнорировал эту дерзость, убрав руку с тесака. По его взгляду было видно: эта ярость не от того, что я что-то натворил, а от того, что он не хочет верить в то, что это натворил именно я. А это, надо сказать, всё в корне меняет. И теперь в этом вдруг свалившемся на мою голову уравнении осталось найти лишь одну неизвестную, а именно: это «что-то», что произошло.

— Сегодня во время занятий с учениками, что проводил в своём доме уважаемый аль... — тяжело дыша, заговорил друид. — Произошло непоправимое. Непонятно откуда взявшиеся духи земли создали на месте, где проходили занятия, сильнейшее землетрясение, земля вздыбилась, выпуская гигантские шипы, что превратили и учителя, и его учеников в кровавую кашу. — Дан-руг-Мин нахмурился, вновь кладя ладонь на тесак. — Пришедшие на место происшествия шаманы доложили, что проделавшие это духовные сущности появились в доме недавно, буквально на днях, а помимо учеников в дом аля заходил за все ближайшие дни лишь ты, Анд-Рей! — он обнажил тесак, и Улы вскочили со своих мест, оцетинившись и обнажив клыки.

А я стоял и глупо моргал, думая о том, какой же интересной игрушкой для судьбы я стал. Она играет со мной как хочет, не спрашивая у меня разрешения. Зачем? Ведь ей там, где бы она ни была, наверное, очень интересно наблюдать за моими тяготами. Даже вроде как и оскорблять себя не хочется, хотя есть за что. Но слишком часто я утверждал, что являюсь полным идиотом, так, может, мироздание приняло это к сведению и действительно сделало меня таковым? Не продумать этот простейший момент, что аль мог заниматься со своими учениками дома?! Похоже, в результате того, что чужая магия повлияла на установленные там души, и произошло непоправимое. Нет, конечно, этого я и хотел добиться — избавиться от шаманов, чтобы лишить клан магической поддержки. Но не так рано! Теперь не удивлюсь, если весь клан стоит на ушах, шаманы попрятались, боясь высунуть голову и готовясь к военной мобилизации. Смерть одиннадцати шаманов! Одного аля! Этого не простят!

— Что за игру ты затеял? — сощурился друид, видимо, приняв моё молчание за невозможность что-либо ответить. — Что ты скрываешь? Кто ты такой?!

— Шаман, — вздохнул я, одновременно с этим взмахивая рукой и произнося заклинание.

Тут же земля вздыбилась, и опешившего Дан-руг-Мина оплели метнувшиеся к нему корни и коряги. Тесак выпал из его руки, а крик подавился в зародыше, как только другая моя рука рассекла воздух, приказав корням распять друида на земле. Гоблин упал, оплетённый корнями, не в силах пошевелиться. Глаза его полезли из орбит, а что сейчас творилось у него в голове, даже представить трудно.

Улы рванули в нашу сторону, рыча и пуская слюну, намереваясь защитить того, кого они считали своим отцом и наставником, и я уже было вознамерился отправить их всех в мир духов, как вдруг:

— Стоять! — послышался рёв у меня из-за спины, и я с удивлением узнал в нём голос друида.

Ящерицы послушно остановились в двух шагах от моей персоны, и, кажется, даже Леший внутри меня пребывал в некоем... смятении. Я медленно обернулся, чувствуя подвох и ожидая увидеть нечто, что заставило бы Дан-руг-Мина принять такое решение: например, отряд вооружённых гоблинов, что отвели бы меня под стражу, или... или... да не могу я ничего такого представить!

Нет же — друид всё также был прикован к земле призванными мною корнями, но его взгляд, он изменился, стал изучающим, даже спокойным. М-да, с каким друидом ни познакомлюсь — так каждый на меня вывалит какой-никакой, а сюрприз. Это что у них, профессиональное, что ли?

— Почему Улов остановил? — задал я, наверное, более всего тревожащий меня вопрос. — Могли ведь напасть, убить.

— Не могли, — мотнул головой друид. — Ты бы это первым сделал, а мне моих животинок жалко.

— Не глуп, — не выдержал и усмехнулся я, проводя ладонью по воздуху, словно отмахиваясь от назойливой мухи.

В эту же секунду путы, что сдерживали Дан-руг-Мина, с треском ушли под землю, и зеленокожий сел, явно довольный тем, что может нормально двигаться. Потирая немного покрасневшие запястья, он не убирал от меня придирчивого взгляда. Но при этом ящерицы продолжали стоять на месте, чем немало меня удивили: что же это, гоблин действительно не собирается мне ничего делать, даже хоть как-то препятствовать? Позвать на помощь?

— Почему бездействуешь? — озвучил я свой вопрос, одновременно с этим одними губами произнося заклинание. Всё-таки лучше иметь хоть что-то в рукаве и не использовать это, чем не иметь ничего и проиграть, не правда ли?

— А смысл, — фыркнул друид. — Ты ведь владеешь Силой?

— Ну?

— И ты что-то задумал?

— Ну?

— Дай догадаюсь: власти хочешь?

— Совсем не глуп, — в который раз усмехнулся я, и тут же протестующе замахал руками: — Только на меня так смотреть не надо. Мне власть не для богатства нужна, и не ради собственного тщеславия. А совсем для другого.

— Да кто я такой, чтобы подобное осуждать?! — сплюнул друид и вздохнул: — Эх, а здорово ты всех обвёл... Если бы не этот случай, никто бы даже на тебя не подумал. — сказав это, он упёр свой взгляд в землю, а затем поднял на меня сощурившиеся глазки: — И, стоит полагать, у тебя есть ещё планы?

— Стоит полагать, — кивнул я. — Хотя теперь, пожалуй, придётся немного импровизировать.

Теперь уже я разговаривал абсолютно без напряжения. Нужную душу я призвал и был готов пустить в ход, так что за свою жизнь переживаний не было никаких — что ж, почему бы и не поговорить?

— А если получишь власть, — ещё сильнее сощурился Дан-руг-Мин, так что его глазки превратились в две крохотные точки. — Что будешь делать с теми, кто тебе помог?

— Награжу.

— Чем?

— Всем, чем посчитаю нужным.

Гоблин ещё некоторое время сканировал меня взглядом, словно стараясь прочесть что-то, что было ведомо одному ему, а затем улыбнулся во всю свою клыкастую улыбку и загоготал:

— Знаешь, я всегда был таким гоблином, что выбирал сторону победителей.

— А кто для тебя я?

— Ты? — он поднялся и одобрительно кивнул: — Тот, у кого есть все шансы на победу.

— Так это значит...

— Это значит, что я постараюсь тебе помочь, но при одном условии.

— Не люблю условий.

— А я обожаю, — ещё шире заулыбался зеленокожий нахал, и отчего-то я и сам улыбнулся. И, не услышав отказа, друид продолжил: — Если победишь, выделишь кузнецов для меня лично и для моих Улов, а также нескольких целительниц, в услужение.

— А что, нынешний рагх всего этого не давал? — Продолжая усмехаться, хотя уже всё про себя решил, вопросительно приподнял я бровь.

В ответ Дан-руг-Мин харкнул на землю и махнул рукой:

— Нынешний рагх мало чем отличается от рагхакка! Жлоб, которых ещё поискать! Если бы не его хитрый умишко, духи его подери, хрен бы он когда в вожди выбился! Так что, идёт?

— Идёт! — кивнул я, пробуждая от полусна Лешего. И в тот же миг и Улы, и сам друид отшатнулись от меня в разные стороны. В ответ я внимательно оглядел себя и увидел исходящее от тела свечение. Ничего себе! Вот что значит так долго держать Высшего духа взаперти! На выходе получишь вот такой вот эффект, который оказал серьёзное влияние на заскуливших ящериц и упавшего на колени Дан-руг-Мина. — Пора на войну!

* * *

Где-то в глубине болот раздался треск. Этот треск не был похож на треск ломающейся ветки, или треск от разведённого костра. Это был необычный, чуждый этому месту треск. Наверное, поэтому пожиривший свою добычу саблезубый волк, услышав его, прервал трапезу и принялся. Шерсть его вздыбилась, и животное стало медленно пятиться, насторожившись.

Нечто, что издавало сей треск, стремительно приближалось, и когда, накренив одно из деревьев, прошло мимо вжавшегося в землю животного, саблезубый разве что не подобострастно махал хвостиком, скуля и пятясь, напрочь забыв про свой недоеденный ужин, лишь с одной мыслью: поскорее бы сбежать, скрыться, исчезнуть, ибо подобное видеть не доводилось, наверное, никому во всех Болотах Пяты.

А немой гигант шёл, оставляя после себя бурелом из перекошенных и сваленных деревьев, отчего становился похожим на ледокол, мерно и степенно рассекающий ледяные просторы моря и не обращающий внимание на, казалось бы, несокрушимую корку льда.

А за немым гигантом шёл ещё один, поменьше, но не менее величественный и страшный. За собой волочил он по земле Болотного Бегемота: сильную тварь, покрытую толстым слоем жира и плотными пластинами, но глупую, не оценившую опасность, исходившую от гиганта, и полезшую напролом, ожидая, что управится с ним в один короткий присест. Не тут-то было. Кажется, бегемот даже не успел осознать, что произошло,

когда уже был мёртв. И теперь его туша составила компанию странной паре, что словно болотные души, неприкосновенные и бестелесные, шли по только им известному пути.

А саблезубый волк, высунув язык, в панике нёсся к своей стае, воя, рыча и скуля.

* * *

— У него рассудок помутился, — безапелляционно констатировал шаман, склонившись над тяжело дышащим телом, что лежало на носилках.

Стоявшие рядом воины, двое из которых и принесли полумёртвое тело к лагерю, дружно закивали головами. Никто не смел поверить в только что сказанное сошедшим с ума гоблином, что собирал грибы недалеко от селения клана. А если не хочешь верить, то проще признать в рассказчике ненормального, ну, или, на крайний случай, просто лжеца, а ещё лучше и то и другое вместе взятое.

Шаман фыркнул, распорядившись доставить беднягу к целителю. Воины, пыхтя, подняли носилки, на которых тут же завозился в бреду сумасшедший, исполняя приказ.

Сев у костра, гоблин тяжело вздохнул, немного разворошив ветки посохом, и также тяжело засмеялся. М-да, таких безумных историй он не слышал давно, даже от спятивших. Ходячее дерево! Сопровождающий его великан! Может, он ещё видел фею-рагхакка? При этих мыслях шаман рассмеялся уже искренне, и окружавшие его воины поддержали этот смех, видимо, рассуждая в том же направлении.

— Ходячее дерево... — снова фыркнул он, и остальные гоблины поддержали его согласным фырканием. — Не бывает такого, именем духов!

— Ну почему не бывает? — раздался голос откуда-то из наступивших потёмков.

Приглядевшись, шаман выловил взглядом вошедшего под свет костра гоблина, лицо которого помнил довольно смутно... Но тут, вспомнив, рассмеялся: уборщик дерьма! Анд-Рей, как же можно было забыть это странное имя! Такое же странное, как и тот, кому оно принадлежит!

Странный гоблин сел к костру, удостоившись вниманием всего лагеря. И отчего-то настолько расслаблен, спокоен был этот, казалось, проклятый жизнью гоблин, что ежедневно вынужден вдыхать запах навоза, убирая испражнения тех, кто пресмыкается перед гоблинской братией, что шаману очень захотелось поставить его на то самое место, где он, по сути, и должен находиться:

— Что же, — шмыгнул он носом. — Значит, Анд-Рей, полагаешь, правду говорит этот ненормальный?

По лагерю пробежался шепоток, а затем, не задерживаясь, превратился в тихий сдерживаемый смех.

Но уборщик говна не изменился в лице. Лишь пожал плечами:

— Много в этой жизни может произойти такое, что на первый взгляд кажется ненормальным и необычным. Например, видел ли ты когда-нибудь летающего бегемота?

Шаман переглянулся с всюю хохочущими воинами и захохотал сам:

— Ты что, Анд-Рей, совсем нанюхался в своих стойлах?! Рассудок потерял?! Какие ещё летающие бегемоты?!

Гоблин, над которым уже, не стесняясь, в открытую смеялись все собравшиеся, опять же, только пожал плечами, и даже, кажется, тоже усмехнулся. Или это так играл свет от

костра на его лице?

— Видишь, ты не веришь мне, — вздохнул Анд-Рей, поднимаясь. — А ведь летающие бегемоты существуют... А вот, кстати, и один из них.

С этими словами он ткнул пальцем куда-то в небо, и не прекращающий гоготать зеленокожий народец устремил взгляд в ту сторону, куда указывал его палец.

И тут же разом замолк.

Ибо в полумраке наступивших сумерек блеснул панцирь стремительно падающей с неба громадной туши.

— Т-т-т... тревога... — прошептал шаман, замороженно наблюдавший за всё увеличивающимся в размерах животным. А затем, взяв себя, наконец, в руки, пронзительно заорал: — Тревога!!!

Это было последнее что он успел прокричать, прежде чем бегемот рухнул, превратив его тело в подобие каши и, прокатившись по земле, снёс и костёр, и брёвна, и даже временно возведённые палатки, прихватив с собой нескольких не особо расторопных воинов.

Лагерь обуяла паника. Гоблины бегали кто куда, врезались друг в друга, выхватывали оружие, словно намеревались заколоть своих же, кричали, стараясь определить в наступившей темноте куда бежать.

И среди воцарившегося хаоса никто и не заметил, как среди деревьев мелькнула и тут же исчезла фигурка неприметного чистильщика стойл...

А в следующую секунду эти же самые деревья, захрипев, словно недовольные старцы, скрипя, покосились и рухнули, подняв комья пыли. Весь лагерь моментально застыл, как будто только что включенный фильм кто-то поставил на паузу, и не отрываясь смотрели как выходит на поляну, переступая с корня на корень, покачивая ветками на лёгком ветерке, гигантский дуб. А рядом с ним ярко контрастирующий с темнотой своими фосфоресцирующими частями тела элементаль, прущий вперёд наподобие танка.

— Тревога... — вновь пробежался полушёпот по лагерю, а после словно невидимый подсматривающий за сим действием небожитель, решив продолжить любоваться зрелищем, снял фильм с паузы, и крохотные зелёные человечки, истерично вереща, закричали уже все вместе, пронзительно и с такой надеждой, словно это могло их спасти: — ТРЕВОГА-А-А!!!

* * *

— тревога-а-а... — дошло до слуха главнокомандующего защитой селения клана, но он и без того уже получил всю нужную информацию от стоявших на стене, и даже успел послать за всеми имеющимися в наличии шаманами. Случай был если не странный, то уж точно из ряда вон выходящий, так что беречь силы, по мнению главнокомандующего, смысла не было.

— Всех лучников на стены, — раздавал он дрожащим от напряжения голосом приказы. — И оповестить всех о военной мобилизации.

— Кто напал?! — Взвизгнул подъехавший на своём Уле рагх, грозно сведя брови на переносице, но это не произвело должного впечатления на главнокомандующего. Тот лишь буркнул:

— Сами взгляните, — и махнул рукой в сторону стены.

Окружённый личной охраной, вождь, пытаясь, взобрался на стену и, растолкав

приготовившихся к стрельбе лучников, подался вперёд, сощурившись. Сначала его глаза выхватывали лишь какие-то неясные образы, но, как только взгляд привык к темноте и сумел разглядеть стремительно приближающееся в потёмках нечто...

— Шаманов сюда. — Проквакал гоблин, не отрывая взора от бредущего в сторону селения на корявых корнях-ногах дуба. — Всех. До единого!

— Уже прибыли! — вскарабкался на стену, вытирая со лба пот, главнокомандующий.

Шаманы и их ученики, степенно, как и положено их профессии, но всё же бурча, что их сорвали в такое позднее время, медленно разбрелись по стене, и несколько старых, воспитавших на своём веку по крайней мере по одному аль учителей, встав подле вождя, уточнили:

— Кто враг?

— Дерево... — неуверенно пожевал губами рагх, на что шаманы, вопросительно вздёрнув брови, прокряхтели:

— Шутки вздумали шутить, достопочтимый рагх?

— Да какие тут шутки! — вклинился в разговор главнокомандующий. — Или вам совсем глаза отказали, старые упыри?!

«Старые упыри», не сговариваясь решив, что ещё припомнят этому выскочке подобные слова, всё же соизволили выглянуть за стену и, не успев ещё даже увидеть вышеописанную цель, угрюмо зашептали:

— Сильные духовные сущности... очень сильная аура. — А затем, уже вслух, обратились к вождю: — Там по меньшей мере пять первоклассных шаманов земли. Полагаю, они и поддерживают на ходу это ваше... дерево.

— Хе, дерево! — усмехнулся, но напряжённо и не отрывая взгляда от гиганта, второй старик. — Скорее уж сосредоточение душ, чувствуете, какие внутри его силы?!

— Огромные... — согласно закивал третий.

— Так что нам делать?! — оборвал хвалебные оды в сторону противника рагх, вытирая об одежду потные от напряжения ладони.

— Нужно организовать атаку за пределами стены, — безапелляционно заявил один из старцев. — Уж не знаю, что за шаманы управляют этим... нечто, но стрелы его разве что отвлекут — не больше. Здесь грубой силой действовать надо, выкурить засевших в... хем... ну, скажем, дереве, шаманов, ну и мы своими усилиями подсобим!

Вождь хотел было обернуться к главнокомандующему, отдавая нужные указания, но тот уже ретиво бегал от одного своего подчинённого к другому:

— Собирай всадников! Живее! К стенам стягивай! К стенам! — и все его приказы обязательно сопровождалось парой пинков и заковыристых ругательств. Но это, стоит признать, возымело нужный эффект: уже через считанные минуты грозные всадники на не менее грозных Улах, что взрыхляли лапами землю и пускали пену из пастей, копошились у ворот, вознося над собой копыя, мечи или топоры, победоносно рыча и улюлюкая.

Шаманы, приготовив котелки, шептали заклинания, вода по воздуху руками, словно гладили невидимый взору шар, и от стены тянулись в чёрное небо десятки тоненьких струй дыма, так что создавалось впечатление, словно зеленокожие карлики решили сплести небо и землю своими странными серыми нитями. Лучники целились, ожидая команды. Привратник медленно со скрипом открывал ворота.

А дуб, покачнувшись, застыл на полпути.

— В атаку! — взревел один из всадников, и остальные, поддержав его громким боевым

кличем, ринулись в образовавшийся между землёй и краем ворот пролесек, под ругательства не успевшего открыть их до конца привратника.

Летевшая в небе птица-падальщик повела клювом и решила ненадолго зависнуть над открывшейся её взору картиной, что ежесекундно видоизменялась, приобретая новые детали и композицию. Смотри — не хочу, тем более что птицу вряд ли могло что потревожить: на такой-то высоте! Эта птица летела, ведомая запахом недавно убитой туши бегемота, которая находилась где-то здесь, совсем рядом. Но теперь... теперь, своим врождённым, природным чутьём, она почувствовала: здесь куш куда более большой, пожирнее и двух мёртвых бегемотов! И она такого шанса не упустит...

Вот что открылось взгляду кружащей над полем битвы птице:

Сначала множество маленьких точек, словно рассыпанный горох, выкатились из вытянутой стены-линии в открытое поле, словно скатерть расстеленное посреди стола-побоища. Затем они стройными рядами направились к застывшей неподалёку большой, побольше остальных, точке, с такой высоты напоминавшей то ли куст, то ли дерево... Но вдруг большая точка вспыхнула, озарилась ярким сиянием, и от него взлетели в небо искры, что чуть было не попали по вздрогнувшей от подобной неожиданности птице. И пернатой стоило бы почуять неладное, улететь, скрыться, но жадность брала своё: она всё ждала кровавого пира.

И её надежды оправдались.

Вздёрнув клюв вверх, она чирикнула, с непониманием уставившись на увеличивающийся в размерах, обретающий форму круга свет, что появился среди туч в чёрном небе. И, как только круг расширился до размеров, схожих по своим габаритам с селением внизу, раздался раскатистый звук, похожий на гром, хотя никакой молнии видно не было. А следом за этим страшным, вводящим в исступление, звуком из огромного круга света посыпались вниз заострённые глыбы камней, одна из которых ударила по крылу слишком поздно собравшейся удирать птице.

И та, стремительно пикируя вниз, не в силах больше держать себя в полёте, огорчённо чирикала, проклиная себя за излишнее любопытство.

* * *

— Щиты!!! — рявкнул капитан, с ужасом в глазах глядя на приближающийся с неба Армагеддон.

Немногочисленные воины, находившиеся рядом, тут же исполнили приказ, поднимая щиты вверх, скрывая под ними вождя, капитана и немногочисленных шаманов — то есть тех, кто находился поблизости.

Лучники же с дикими визгами пытались бежать, скрыться, кто куда. Кто-то попытался добежать до хижин, но падал бездыханным телом на землю от обрушившегося на клан камнепада, та же участь ждала и тех, кто рискнул выпрыгнуть за стены и, волоча за собой подвёрнутые ноги, старались отдалиться как можно дальше от падающей с неба смерти.

Вождь, вздрагивая от каждого стука, что градом доносился из-за щитов, прятавших их от неминуемой гибели, оглядывал некогда могучую армию, теперь превратившуюся в кучку пытающихся выжить гоблинов, и впервые в своей жизни не знал, что делать. И потому лишь бессильно зарычал на сгорбившихся под защитой воинов шаманов:

— Ну сделайте же что-нибудь!

Сей рык словно вывел стариков из оцепенения. Они дружно подтянули к себе котелки и зашептали какие-то заклинания. По их сосредоточенным лицам было видно, что даётся подобное высшим шаманам клана через силу.

— Сильные духовные сущности... — проскрежетал один из шаманов, и его голос погас в перестуке каменного дождя.

Но всё же усилия нескольких высших шаманов, какими бы они ни были — это серьёзная сила, и мироздание отреагировало на их попытку оборвать магический поток противника благосклонно: круг света, что безнаказанно рассеивал тьму, угас, а вместе с ним раздалась последние звуки упавших глыб, и всё затихло.

Вождь колебался какие-то мгновения, но затем всё-таки выглянул из-под укрытия, и тут же с ужасом отпрыгнул назад, когда прямо перед его носом плюхнулась на выступ стены мёртвая туша птицы, что, верно, летела над их селением в неподходящий момент.

— Дурной знак, — подошёл, качая головой, капитан.

— Для нашего врага! — рявкнул рагх и хорошенько пнул мёртвое тело, отправив в полёт за стену. — Эй, вы! — перевёл он взгляд покрытых красной пеленой глаз на так и не вступивших в схватку, замороженных зрелищем всадников. — Что застыли, рагхакки?! Вперёд! Убейте же засевших в проклятом дереве тварей! Убейте! Убейте!

Он захлёбывался слюной, махал руками и орал так истошно, что не сразу заметил, как Улы, получив удары плетьюми и приказ двигаться вперёд, вместо послушного исполнения одного в едином порыве взревели и, действуя как один, вывернули головы назад на сто восемьдесят градусов, раскрыв зубастые пасти. Их всадники, не успев ничего понять, уже были схвачены в стальной капкан животных челюстей.

— Убей... что?! — в который раз за эту ночь рагх впал в оцепенение. — Что происходит?!

— Переворот, — раздался из-за его спины до боли знакомый голос и вождь, краснея от негодования, узнал в этом голосе друида. — Дан-руг-Мин... грязный предатель!

Он обернулся довольно ловко, и также ловко выхватил свой короткий клинок. Но нож, что сжимал в руке друид, уже нёсся ему навстречу, и с довольным чавканьем вошёл в его плоть, не успев рагх даже замахнуть.

Капитан вместе с воинами сделал шаг в сторону тут же обернувшегося к ним с ножом в руке друиду, но следующий шаг сделать не рискнули. Гоблины смотрели на своего капитана, а тот в свою очередь оглядывал поле такой скоротечной схватки. И, недолго думая, выпустил из рук оружие:

— Переговоры.

— Верное решение! — поддержал его улыбкой Дан-руг-Мин, вытирая окровавленное оружие о подол одежды, косясь взглядом на так и не выпустивших мечи воинов и всё ещё держащихся за котелки шаманов. — Не слышали, что ли?! Переговоры, кому сказано?!

Те в ответ стиснули зубы, обвели друида ненавидящим взглядом, а в следующую секунду со звоном и треском попадали мечи и котелки.

А дуб, что так и не сдвинулся с места, вплёл свои корни в земную твердь, нижняя его часть, словно живая, начала шевелиться, деформироваться, образуя у основания дерева нечто вроде небольшого прохода. И из него вышел, направившись в сторону селения, всадник с посохом в руке.

Переговоры...

Я натянул поводья. Юла, как обычно, недовольно рыкнула на меня, но я даже не обратил на это внимания: мой Ул был слишком уж энергичным, так что понятны его недовольства на тему того, что его хозяин так часто, задумавшись, стоит на месте. А как же бегать, прыгать, гулять? Беззаботное существо, о, духи!

Моему взору открылась длинная процессия из всадников, воинов, тягающих телеги с провизией, множество телег с женщинами и детьми, Улы, что тащили за собой сложенные друг на друга колья, брёвна, кожу, шкуры, оружие. Огромное количество зеленокожих, что просто шли рядом, проталкиваясь через толщу болотной жижи и вязкую болотную грязь. А вслед за ними, скрипя и пыхтя, медленно и величаво, обращая на себя взоры всего каравана, плёлся огромный дуб. Да уж, идея вселить сильные земные души в его корни и воспользоваться ими наподобие ног, скажу без стеснения, была отличной. Как же всё-таки может меняться зрение на различные вещи при различных ситуациях! Ну, стоял дуб посреди болота, непонятно как сумевший разрастись до таких размеров при такой-то не благодатной почве, ну, красиво, ничего не скажешь — но и только. А стоило этому дубу начать ходить... и всё, он — идол, он — трепет, что теплится сейчас в душах каждого гоблина моего клана.

Переговоры прошли более чем удачно. Хотя, как можно назвать подобное переговорами? Скорее уж принесение вассальной клятвы с проигравшей стороны. И, надо сказать, во многом всё прошло гладко благодаря стоявшему за моей спиной Хвостик, что мрачным истуканом играл роль моего телохранителя. Клятвы принесла вся клановая верхушка: начиная от главы стражи и заканчивая Высшими шаманами. У последних я на всякий случай прошупал ауру: мало ли что. И, к крайнему своему удивлению, обнаружил что клятва их была искренней и крепкой. Стоило полагать, что они возненавидят того, кто напал на их селение, перебил столько воинов, в числе которых были и боевые шаманы, их ученики. Но, судя по всему, они оценили Силу, истинную Силу магии, да и притом, как выяснилось, многие недолго любили покойного рагха, так что оценили смену власти довольно спокойно. А то, что эта смена произошла путём кровопролития — обычное дело! Раз победил — значит, силён, значит, достоин, так почему бы не дать достойному править? Логика зеленокожих была простой и железной.

Наверное, поэтому, моё распоряжение о срочном сборе и снятии с места, а затем топанье в другую часть болот население клана восприняло спокойно, без лишнего вандализма и бунтов. Да и не только поэтому. Гоблинское племя было привычно к кочевой жизни. А что? Вот, например, поставил ты поселение в какой-то болотной глуши, где, по твоему мнению, и почва более-менее благодатная, и зверья не так много, а в итоге каждую ночь терпишь набеги различных тварей, не можешь и колышка в землю вбить, ибо это не земля, а сплошное месиво из грязи и воды — что делать? Только искать другое место — иначе никак. И пока найдёшь ты такой клочок земли, где можно жить хотя бы ежесекундно не боясь за свою жизнь, придётся не раз перекочевать с места на место.

Потому, видимо, сборы и прошли так быстро: телеги загрузили, Улов запрягли, детей пособирали, духов об удаче попросили... И двинулись. В сторону Южных Болот двинулись. Навстречу прошлому. Моему прошлому.

Развернув Юлу, поскакал в начало процессии, думая про себя: Хвостик, преданные шаманы и друид — это если и не могущественная сила, способная держать под собой клан,

то уж точно та сила, которая поможет удерживать его в подчинении. А на данном этапе это то что мне нужно. А дальше видно будет.

ГЛАВА 12 Предупреждения, или решение вопросов

Стрелы из-за стен бывшего моего клана уже привычно смотрели на меня. Но руки лучников подрагивали — это было видно даже с такого расстояния. К тому же они не спешили стрелять, а подобное говорило о многом...

— Эй! — крикнул я так громко, чтобы слышали не только стражники, но и воины, что сейчас прятались за деревьями. — Я хочу пройти! Один! На переговоры с рагхом! — Говоря это, я ощущал некое чувство дежавю.

Лучники переглянулись, но не ответили. Понятно. Начальство ждут, без него вопросы решаться не будут. Что ж, подождём — я глянул на солнце, что сейчас было в самом зените — время у меня есть.

Минут через пять раздался слышимый даже отсюда топот, и из-за частокола выросла голова главы стражи. Лицо старика сложно было описать словами, и ещё сложнее было догадаться, какие мысли сейчас теплятся в его сознании. Ну, конечно, я то помню ту стрелу, гоблинюк, память у меня хорошая...

Видимо, на моём лице всё неплохо читалось, так что секундный порыв главы стражи, с которым он, похоже, хотел послать меня куда подальше, неожиданно сменился на более-менее приемлемый:

— Чего надо?

Это он так, для проформы спрашивает, чтобы указать на то, кто тут главный — примитивно, но эффективно. Ему то уже небось всё по несколько раз доложили: и о том, зачем я здесь, и о том, что видели мельтешащие между деревьями тени... И теперь у старика одна задача: выяснить, насколько я могу быть опасен, а уже от этого думать, в какое русло направить разговор. Не удивлюсь, если прямо сейчас за стеной стягиваются все силы клана, готовясь к обороне. Ну, это мы уже проходили!

— *Леший, будь готов.*

— *Всегда готов, хозяин.*

Ага, прям как пионер. Я похлопал Юлу по бокам, успокаивая нарастающий у неё внутри клёкот: это говорило о том, что моя девочка сильно напряжена, а сейчас не стоило волновать и так взмыленных стражников.

— Я уже всё сказал твоим бойцам, — решил я всё-таки вернуть старику шайбу и не прогибаться под его «авторитетом». Сейчас мне не резон под него подстраиваться: не в том они сейчас положении.

Глава стражи оглядел своих подчинённых, словно ища в них поддержки, а затем вновь впери в меня сосредоточенный взгляд:

— Почему я должен пустить тебя?

Я ждал этого вопроса.

— Потому, — обвёл я взглядом окрестности. — Что сейчас ваше поселение окружено, и мои силы более чем приличны, — я не мог не заметить, как при этих словах вздрогнули губы гоблина. — И если начнётся битва, то погибнут многие ваши воины, как, впрочем, и мои. Так что я пытаюсь избежать подобной участи для наших кланов.

Глава стражи молча, не спуская с меня глаз, сделал странный жест рукой, и лучники опустили стрелы наконечниками к земле. Старик, видно, решая что-то про себя, спросил:

— И каким образом?

— Закон Предков, — коротко бросил я.

Стражники вздрогнули и начали перешёптываться, а старик, недолго думая, исчез за частоколом — видимо, ринулся докладывать вождю и совету шаманов.

Причина подобного смятения была ясна, уж мне, по крайней мере, точно. Из многочисленных фолиантов, свитков, рун и рассказов я сумел составить примерную картину прошлого Пяты. Точнее, не в целом всего материка, а народов, что проживали на территории Болот. Эти народы были намного более развиты, нежели нынешние гоблины. В те времена артефакты, которые сейчас не встретишь, были в каждом доме, и являлись всего лишь игрушками для развлечения детей, магический прогресс дошёл практически до таких высот, что, как указывается в хрониках, даже создавались маго-двигатели, что возносили в воздух целые селения! Но всё это кануло в прошлое, уж не знаю по какой причине, да это и не важно. Важно то, что многочисленные заветы и законы, что оставили после себя предки Пяты, для нынешнего населения нечто вроде святыни, над которой они дрожат как над чем-то сверхъестественным. И одним из таких законов был Закон Дуэли. И звучал он, если мне не изменяет память, примерно так: если сталкиваются армии двух кланов и конфликт неизбежен, то всё может решиться лишь одним-единственным убийством, в том случае, если обе стороны согласны на подобное. А именно — дуэль между лучшими бойцами кланов, в результате которой клан, боец которого выходит живым из схватки, считается победителем. И Закон сей священен! Но лишь в том случае, если Равр-рагх-Хил будет благоразумен и не захочет губить множество гоблинских жизней.

Раздался треск, что вывел меня из раздумий, а за ним последовал и скрип, что сопровождал поднятие ворот. Что ж, можно считать это приглашением...

Помяная прошлое моё посещение этого места, я на всякий случай держал одно из самых могущественных заклинаний в уме, въезжая в селения. У самых ворот выстроились почётным караулом лучники, мечники, даже несколько шаманов, впрочем, рангом не выше «ин». И стоило полагать, что встречали меня не как славного гостя, а как опасного врага. Но в глазах их не было решимости ил злости. Лишь страх. И это уже была маленькая, но победа.

Обычных жителей, женщин, или детей, снова не было видно, но на этот раз улочки не пустовали: повсюду меня ждали вперенные в мою персону наконечники копий и стрел, обнажённые мечи и дымящиеся котелки. Они были готовы разорвать меня, дай я им хоть малейший повод, но при этом они помнили, чем кончилась предыдущая их попытка: я, кстати, не увидел ни одного всадника и ни одного Ула...

Как только дорожка вильнула и показался шатёр вождя, я увидел стоявшую прямо перед ним ожидавшую меня верхушку клана: здесь стоял и сам Равр-рагх-Хил, и Учитель по правую руку и от него, и Син-аль-Ланг по левую, и все высшие шаманы чуть позади. Выглядели они довольно внушительно, если учесть то, что окружал их ещё и целый полк из вооружённых до зубов гоблинов, под руководством главы стражи. Вот это я понимаю — предосторожность!

Спрыгнув с Юлы, успокаивающе погладил девочку по шее, на что та по-кошачьему замурлыкала, и пошёл в сторону ставшей ещё более хмурой компании.

Глава стражи вышел навстречу ко мне и, остановившись в считанных шагах, требовательно протянул руку:

— Твой Пха, Гул-аль-Дук!

— Анд-Рей, — поправил я.

— Что? — удивлённо взметнул брови вверх старик.

— Гул-аль-Дука больше нет, — ответил я, глядя прямо в глаза гоблина. — Ты убил его. Той стрелой. Теперь есть лишь Анд-Рей, бывший чистильщик стойл, а ныне глава клана, что пришёл предъявить свои требования.

Краем глаза я отметил, что Син-аль-Ланг на подобное тепло улыбнулась, остальные стали недоумённо переглядываться, а глава стражи, так вообще побледнел, а протянутая его рука еле заметно затряслась. Хотя, возможно, это всё старость?

— Твой Пха... Анд-Рей! — всё же требовательно повторил он.

— С чего вдруг?

— Как... с чего? — кажется, старик впал в ступор, и обречённо обернулся к вождю. Тот сосредоточенно кивнул, и это, видимо, что-то да означало, потому как глава стражи вновь обернулся ко мне: — Ты обязан отдать свой Пха! Того требуют правила переговоров!

— Я пришёл не на переговоры. — Резко оборвал я гоблина. — Я пришёл говорить сам. Если вы захотите ответить — ваше право. Но это не переговоры! Лишь предъявление моей позиции.

Глава стражи вновь направил свой взгляд в сторону вождя, и снова получил в ответ лишь кивок.

— Послушай... — опустил продолжавшую дрожать руку старик. — Отдай Пха, или пере... разговора не будет!

— Отлично, — вновь заставил я впасть в ступор беднягу. — Тогда, пожалуй, я пойду. Подготавливать войска к осаде.

Кажется, я завёл парламентёра в тупик. Но если он ожидал, что окружавшие меня гоблины и их зубочистки дадут какой-то перевес их стороне, то глубоко ошибался. Не собираюсь проявлять слабость в стане врага. Ибо я сам пришёл! Ибо они будут меня слушать! И говорить я буду с чёртовым Пха в руке!

В который уже раз старик обернулся к вождю. Но теперь тот не сразу предпринял какие-либо действия. Сначала он прожигал меня крохотными, горящими алым пламенем глазками, но, не найдя отклика на моём лице, наконец махнул рукой, и глава стражи, повинуясь немой команде, поклонившись, отступил в сторону, давая мне пройти. Что ж, ещё одна маленькая победа. Мелочь, конечно, но приятно.

Я сделал несколько шагов в сторону рагха, и заметил, как дёрнулись воины, как натянулись сильнее тетивы луков, а шаманы одними губами зашептали заклинания. И остановился. Что-что, а развязывать войну из-за случайно пущенной каким-нибудь нервным гоблином стрелы, я не собираюсь.

— Именем духов, как же тяжело, оказывается, тебя убить, — пробубнил выглянувший из-за спины рагха шаман, но я решил пропустить это мимо ушей. Мне не нужны были эти жалкие зеленокожие, что спрятались за спинами других. Мне нужен был тот, за чьей спиной они стояли: вождь, чей взор, стоит признать, был всё таким же непоколебимым, как и в первую нашу встречу.

Воцарилась абсолютная тишина: наверное, со стороны могло показаться, что наше общение происходит на телепатическом уровне, хотя почти так оно, возможно и было. Он пытался прочитать меня, а я — его. Но наконец эту могильную тишину разрушил скрипучий голос Учителя:

— Значит, Закон Предков, — проквакал он, опёршись о Пха, и покачал головой: — Не смей, иномирец, пользоваться нашими Зако...

— Я разговариваю не с тобой, старик! — Рывкнул я так резко и громко, что даже,

кажется, Леший внутри меня обомлел. Да и я сам был в лёгком шоке. Но что-то запредельно-ненавистное сейчас беспощадным потоком лилось наружу, грозя раздавить, уничтожить и сломать, и сдержать этот поток было мне не по силам: — И мне не важно, что ты думаешь! Ты — никто для меня! И твоё слово для меня ничто! Я говорю с вождём!

Учитель даже пошатнулся, а глаза его разве что не вываливались из орбит. Рот гоблина открывался и закрывался вновь, хватая воздух, и старик, мотнув головой, приходя в себя от подобного нахальства, сделал шаг в мою сторону, стиснув кулак, державший посох настолько, что его древко затрещало, вот-вот готовое разломаться надвое.

Но тут рагх, не сводя с меня взгляда, выбросил руку в сторону, преграждая Учителю дорогу. Его скулы подрагивали под кожей, а глаза сверлили меня, словно бур. Но мне было наплевать. Наверное, впервые в жизни я был уверен в себе как никогда. И, похоже, Равр-рагх-Хил почувствовал это, ибо начал говорить:

— Ты имеешь полное право на Закон, и я, как истинный последователь Предков, не имею право дать на него отказ. Дуэль будет, — под недовольное перешёптывание заключил он. — Есть ли у тебя ещё какие-либо условия?

— Условия?! — Наконец пришёл в себя Учитель, протестуяще замахав руками: — Какие ещё условия, мой рагх?! Этот щенок и так...

Я усмехнулся. Вождь был умён, и не в первый раз показал это.

— Мой клан войдёт в пределы поселения, — перебил я начавшего расходиться шамана. — Это будет гарантом того, что в случае победы нашего бойца вы сдержите своё слово и волю Предков.

Рагх скрипнул зубами:

— Ты не доверяешь нам...

— Это война, вождь, — пожал я плечами. — Даже если пока вы не хотите этого осознавать. А на войне я сочту не верить никому, пока она не окончится.

— Что ж, — вздохнул Равр-рагх-Хил, сжимая и разжимая кулаки. — Они войдут. Но лишь под прицелами наших лучников. И если хоть кто-то обнажит оружие... Если хоть у кого-то из вас увидят дымящий котёл...

— То тогда дуэли не будет, — кивнул я. — А будет резня. Поверьте мне, я это осознаю прекрасно. И меньше всех желаю этого.

Вскочив на Юлу, я направился оповестить своих о том, что самое лёгкое позади. Остался лишь бой. Наверное, самый важный из всех что мне пришлось пережить. И проезжая мимо ворот, запнулся, остановленный одним из стражников. Он схватил моего Ула за уздцы и, прежде чем я что-то успел сказать, гоблин, придирчиво осмотревшись и не найдя кого-либо рядом, приложил ладонь ко рту и шёпотом спросил:

— Слушай, так что там дальше было?

— Где? — не совсем дошло до меня.

— Ну, как? — удивился зеленокожий, — С мужиками, что мясо ели. И с конюхом... ну, из песни?

Я рассмеялся в голос и похлопал зелёного во всех отношениях коротышку по плечу:

— После дуэли — допою.

И в спину мне донёсся грустный вздох любознательного стражника:

— Ну, тогда желаю победы.

Хижина, что выдали мне на время перед боем была пуста. Не было ни каких-либо вещей, ни ковров, что устлали пол — ничего. Я сам попросил об этом, ибо ничто не должно было мешать мне медитировать. А даже аура от сундука или скамьи способна была надоедливым червяком мешаться на просторах моего сознания. Хотя мне было прекрасно известно, что помедитировать мне не дадут: Леший уже оповестил меня о том, что чувствует топот ног, намеренно приближающихся к нам. Так что я скорее ждал гостя, который не заставил себя долго ждать.

Топот, до боли знакомый, раздался совсем рядом, и я открыл глаза, кивнув в ответ на приветствие Син-аль-Ланг.

Старуха, согнувшись в три погибели, опираясь о новый посох безо всяких украшений, амулетов или тотемов — то бишь просто палку — кряхтя, села напротив меня и нахмурилась.

Я молча крутил в руках Пха, ожидая, когда наконец гоблинше надоест любоваться на меня и она заговорит. Но старуха молчала, и отчего-то именно её, всё ещё родной, с лёгкой тенью укоризны взгляд, заставил меня поёжиться. Ни взгляд вождя, ни Учителя, ни главы стражи, а её — той, что я называл мамой.

— Ну, что?! — не выдержал я.

Син-аль-Ланг покачала головой:

— Ты слишком быстро взлетел ввысь. Не боишься опалить крылья?

— Я не боюсь ничего, — мой голос был на удивление твёрд и спокоен. — Сейчас — нет. Ибо не имею права бояться. Я собираюсь слишком многое изменить, а без риска и «подпалённых крыльев» не бывает перемен — так я думаю.

— Слова не мальчика, но мужа, — вздохнула Син-аль-Ланг, и взгляд её переменялся. — Значит, всё-таки ты будешь воином на дуэли... Они выставят против тебя твоего Учителя.

Мне оставалось только кивнуть: этого и стоило ожидать.

— Учитель... — попробовал я это слово на вкус, и скривился, словно в рот мне попал кислый лимон: — Неужели и ты не знаешь его имени?

Мама наморщила и так испещрённый морщинами лоб, и задумчиво причмокнула:

— Знаю лишь, что его отца звали Зан, но его второе имя мне неизвестно...

— Когда он получил его? Где? — вцепился я в подобную возможность, которая, видят духи, должна была мне помочь.

Гоблинша тяжело вздохнула и положила костлявые пальцы рук на мои ладони:

— Анд-Рей... что ты хочешь делать?

Я взял её руки в свои и настойчиво, отрывисто повторил:

— Где. Он. Получил. Своё. Имя?

Старуха сдвинула брови на переносице, глядя мне прямо в глаза и, сделав для себя какие-то свои, неизвестные мне, выводы, всё-таки ответила:

— Он попал в наш клан не сразу. Прежде он служил в армии клана Северных Болот, но его изгнали...

— За что?

— А за что могут изгнать невероятно сильного шамана воздуха в рассвете сил? — задала риторический вопрос Син-аль-Ланг, и вот уже пришлось мне морщить лоб, крепко

задумавшись.

Предательство. Предательство клана — возможно, покушение на чью-либо жизнь. Остальное могли либо простить, либо жестоко наказать, но оставить в клане. Но после такого, стоит полагать, он и получил второе имя, которое объясняло бы его поступок. Значит ли это...

Я встряхнул головой, отгоняя мысли в сторону. Об этом стоило подумать, но не сейчас. Не в данный момент. Сейчас меня интересовало другое:

— Как он собирается победить?

— О-о-о... — хрипло протянула мама, закусив губу. — Всеми возможными способами, мальчик мой, всеми способами! Он сотворил превеликое множество амулетов, специально для этой дуэли открыл сокровищницу с артефактами.

— Артефактами? — Моему удивлению не было предела. Я и понятия не имел что здесь есть какая-то сокровищница.

— Конечно, — кивнула Син-аль-Ланг. — С тем, что осталось от Предков. Они ценны тем, что невероятно могущественны и при этом недолговечны. Стоит один раз воспользоваться им, и артефакт становится лишь пустышкой, пригодной разве что для отопления очага.

— Что за артефакты он собирается использовать? — всерьёз заинтересовался я. Если до этого момента я полагал что сила Лешего даст мне если не абсолютное, то как минимум очевидное преимущество — сейчас эта уверенность исчезла, сметённая выставленными передо мной новыми сокрушительными фактами.

Гоблинша задумчиво начала загибать пальцы:

— Свитки, скрижали, различное древнее оружие и, кажется, доспехи. И не спрашивай: понятия не имею на что они способны, ибо даже меня не подпускали к подобным секретам. Но позволь предположить, что Предки обладали громадным магическим потенциалом, и их артефакты были под стать хозяевам. Так что советую тебе подумать, что, кроме твоей тупой настырности, ты сможешь противопоставить подобной силе. Подумай, Анд-Рей, и не разочаруй свою старуху, — хрипло рассмеялась гоблинша, поднимаясь.

— Постой! — остановил я её у самого выхода. Мама обернулась, вопросительно уставившись на меня. — Ты ведь полагаешь что я проиграю, так ведь?

Син-аль-Ланг улыбнулась:

— Я полагаю, что ты сделаешь всё для того чтобы этого не случилось.

А затем она покинула хижину, оставив меня один на один со своими мыслями.

Сейчас весь мой клан сидит как на углях: конечно, кто бы себя чувствовал спокойно, находясь на территории тех, кому только дай повод — убьют не задумываясь. Посему нужно было скорее решать этот вопрос. Но теперь понятной становилась причина данного перед боем времени «на подготовку» — тут, похоже, озаботились именно что подготовкой Учителя, уж точно не моей. А мне остаётся сидеть тут, как дураку, и ждать пока объявят поединок. Но если старый шаман имеет право на подобные игрушки, то... а почему бы, собственно, и нет?

Зарождавшаяся в голове мысль отошла на второй план, когда в хижину вошёл ещё один посетитель. Ого, да я сегодня популярен!

И какого же было моё удивление, когда, пыхтя и держа в руке меч, ко мне зашёл сам Равр-рагх-Хил. Вождь, ни слова не говоря, с размаху вонзил оружие в землю и сел подле него, уставившись на меня злобным надменным взглядом.

На этот раз разговор начался сразу же, и говорить начал именно рагх:

— Зачем тебе это... Анд-Рей? Что ты кому пытаешься доказать? Собираешься властелином Болот стать? Может, собираешься обратить на себя взор Предков? К чему всё это? Дуэль, непонятные переговоры, ещё и этих... — он нервно махнул рукой в сторону выхода. — Припёр. Хочешь богатства? Много женщин? Я дам тебе и того и другого. А ты откажешься от глупой дуэли, оставишь свои права на мой трон и преклонишь колени. Тогда — перед духами держу ответ! — я пощажу и тебя, и твой клан. А что? Почему бы и нет? Присоединитесь к нам, отдельный уголок вам выделим, отстроитесь, поставим ещё несколько ферм, работать на благо клана начнёте... Как тебе?

— Заманчиво. — Не сдержал я улыбки.

— А то! — Хлопнул себя по коленям гоблин и заулыбался во всю острозубую улыбку. — Так что, договорились? Забудем обо всём?

— А дальше что?

— Что «дальше»? — Нахмурился Равр-рагх-Хил, сощутив глаза.

— Что будет после того как мы здесь осядем? Допустим, действительно, будем работать на благо клана, сколотим неплохую силу. Дальше что?

— Богатеть будем! — уверенно ударил кулаком о землю рагх, видимо, полагая что разговор перешёл на следующую, договорную ступень. — Укреплять позиции, набегу устраивать, с жиру беситься...

— ... умирать от жажды, болезней и постоянных войн, — закончил я за него, заставив вождя удивлённо раскрыть рот. Вздохнув, продолжил: — Вы же знаете, вождь, я люблю читать. А ещё слушать, анализировать и запоминать. Так вот, на данный момент Болота — это один огромный ковш с ядом. И этот яд будет убивать нас, медленно, год за годом, и в итоге искоренит до конца. Проблема с водой, постоянными набегам ради скудных припасов и провизии — всё это влечёт за собой сотни, а то и тысячи смертей, причём ежегодно. Если поразмыслить, то подобное происходит лишь в пределах одной части Болот, а если помножить это на всё то пространство где проживают гоблины?! И это ещё не всё. Сколько умирает от лап монстров, что поджидают за каждым деревом, за каждым кустом? Болезни. Они вообще появляются словно из ниоткуда, а магия целителей с каждым разом становится всё слабее и слабее, словно сами болота не желают помогать им в лечениях. Я читал хроники: ещё десять лет назад мало-мальски обученный целитель мог за раз поднять на ноги целую семью тяжело больных гоблинов. А сейчас? Полагаю, не будь Син-аль-Ланг, шаманки высшего звена, ваши целительницы не смогли бы и обычную головную боль вылечить. Разве я не прав? Молчите... Тогда слушайте дальше. Всё, чего я хочу добиться — вырваться из этого ковша с ядом, ибо подобная жизнь, раз уж судьба изволила дать мне жить именно ей, меня не устраивает. Я собираюсь создать Империю, и такую, которая способна будет иссушить этот проклятый яд, который вы зовёте домом, и ваш клан — лишь маленький фрагмент той мозаики, что мне ещё предстоит собрать. И потому не вы, а я предлагаю: склоните колени, и, поверьте, вряд ли будете жалеть.

Вождь слушал меня, и с каждым словом его кожа сменяла цвет с тёмно-зелёной на багрово-синюю. И, не успев закончить говорить, как Равр-рагх-Хил резко поднялся и, выдернув из земли клинок, застыл на месте, буравя меня взглядом, словно размышляя, а не махнуть ли оружием, и дело с концом? А я, надо сказать, надеялся на такой исход событий. Пусть даст повод, и приготовленное заклинание каменных шипов превратит его в кровавый фарш. Такой исход был наиболее благоприятный, решавший все проблемы разом: а доказать,

что подобное было самозащитой — дело несложное...

Но рагх в очередной раз показал себя вождём, гордо вернув клинок обратно за пояс и, стиснув зубы, развернулся ко мне спиной, зашагав к выходу. Что ж, да будет так.

Вот только у самого выхода гоблин застыл, чем вновь привлёк моё внимание. Видимо, разговор не окончен, а кто я такой чтобы препятствовать вождю говорить сколько влезет на его же территории? Честно говоря, ничего оригинального или нового я услышать уже не надеялся.

А зря.

— Знаешь, Анд-Рей, — обернулся он ко мне с немного пугающим, граничащим с безумным, взором. — Когда ты только появился здесь, в моём клане, я ждал беды. Не верил, что такого грозного и могучего пса возможно держать на поводке. И следил за тобой. Хотя, конечно же, не я, а мои подчинённые. Так вот, я стал замечать интересные вещи, о коих мне докладывали, — он медленно поворачивался ко мне лицом, заставив чуть напрячься. Я не понимал к чему он клонит. — Я был уверен, что этот кретин, твой Учитель, оградит тебя от общения с остальными шаманами. Но нет же. Я выяснил, что наш бесподобный сильнейший шаман завёл себе дружка... — Теперь он полностью стоял спиной к выходу, пожирая меня хитро-сощуренными глазами. — Правда в итоге оно оказалось к лучшему. Кил-аль-Хак, верно? Славный малый, — протянул эту, казалось бы, безобидную фразу вождь, но всё моё нутро тут же сжалось, а руки стиснули Пха, намереваясь совершить глупость и пронзить этого ублюдка, если он продолжит в том же духе. — Ви-и-ижу, по глазам вижу, вы сдружились. Глупо и мерзко в наше время заводить друзей! Порой можно наткнуться на то, что друзья становятся обузой...

— Что вы с ним сделали? — Проскрежетал я сквозь зубы, и лишь одним Великим известно, почему я всё ещё сидел и разговаривал с рагхом а не разносил тут всё в щепки — настолько закипела во мне неожиданно проснувшаяся злость.

— Пока ничего, — развёл руки в стороны вождь. — Пока, — вновь с нажимом повторил он. — Ещё раз подумай над моим более чем щедрым предложением... Анд-Рей, — последнее слово он словно выплюнул, сощурив лицо так, как будто жевал нечто дико неприятное. — Подумай и решай сам. Я предлагаю тебе сдать дуэль, спасти дружка, сохранить свою жалкую жизнь и жалкий клан. Более чем радушно, гость родимый? — Издевательски рыкнул гоблин и покинул хижину.

Стиснув зубы, я с размаху ударил по ни в чём не повинной земле. И тут же, опомнившись, погладил её, словно обиженного котёнка. К стихии, на которой ты специализируешься, надо относиться достойно и благоговейно, а то, не ровен час, отвернётся она от тебя, и в нужный момент не придёт призванный тобою дух — такое бывало, и не раз: духи — существа своенравные и капризные.

— *О чём думаете?* — Неожиданно раздался в голове голос существа, которому, одному из немногих, я мог доверить практически всё.

— *Как будто не знаешь, Леший,* — Грустно усмехнулся я про себя, прикрыв глаза и полностью сосредоточившись на ментальном разговоре. — *Ты же часть меня, все мои мысли читаешь.*

После недолгой паузы послышался ответ:

— *Я не лезу в мысли хозяина. Лишь слушаюсь приказов.*

— *Приказы...* — Мне отчего-то стало невыносимо неприятно. Я-то, как дурак, почему-то считал Лешего своим компаньоном, почти другом, но никак не слугой или рабом. — *Зови*

меня Андрей. Просто Андрей. — Мне вдруг невероятно тепло стало от одной мысли, что хоть кто-то будет звать меня по-настоящему, безо всякого коверканья. — *А кем ты был, прежде чем стал Высшим?* — Вдруг пришёл, словно сам по себе, из ниоткуда, вопрос.

На этот раз пауза продолжалась немного дольше, но всё-таки Леший ответил:

— *Я не помню деталей подробностей своей прошлой жизни. Помню, что был огром. Имел жену, детей. Двух мальчиков, кажется. Но это было невероятно давно. Тысячелетие назад, может, больше — для меня время давно не имеет значения.*

— *Как ты погиб?* — Я вдруг ощутил, что вокруг ничего не существует, а сам я как будто витаю в невесомости. Хотя, нет, даже не так: вокруг просто ничего не было, а я так и сидел ни на чём. Существовали только я и Леший — более никто. И почему-то я видел его, сидящего напротив меня, скрестив ноги по-турецки и облокотившись о колени ладонями. Он действительно принял форму истинного себя: огромный, раза в четыре больше меня — это точно, с мускулистыми руками, здоровенными плечами и могучей грудью. Чуть заострённые уши оттопыривались в стороны, на спокойном безмятежном лице красуется косой шрам, квадратная челюсть чуть выпячена вперёд, а кожа имела глиняный, отдающий красноватым оттенком, совсем не похожий на гоблинский. Он был воином — сие становилось ясным по одному только виду: такие существа были, есть и будут воинами всегда — им для доказательства этого даже не нужно оружие: будут спать — останутся воинами, готовыми вскочить и убить врага в единое мгновение, пойдут по нужде — и всё равно останутся теми, кто размажет тебя одним могучим ударом.

И только сейчас я с удивлением осознал, что во мне сидит не какое-то милое создание-дитя, что встретилось мне на поляне, а истинный монстр во плоти, если к духам вообще применимо такое понятие. Духи — мастера перевоплощения, и редко принимают формы себя из прошлой жизни, потому как она для них уже мало что значит — как же я мог это забыть! Вот и зовись после этого шаманом...

— *Смотря что ты хочешь знать,* — задумчиво почесав подбородок, протянул Леший. — *Если то, что я испытывал во время смерти, то — не помню. А если при каких обстоятельствах... Из в века в век род огров стоит на защите Пяты от Неживых Земель, точнее, тварей, что обитают там. Мы стоим плечом к плечу, рубимся день и ночь, пока не валимся от ран или усталости — и тогда на наше место встаёт другой, и так по кругу. Орды нежити нескончаемы, и сколько бы мы их не убивали, они появляются вновь и вновь, текут ручьями из Неживых Земель, сметая всё и натываясь на стены под названием огры!* — Леший гордо ударил себя по груди — похоже, осознание принадлежности себя к могучей расе не забыто, и вряд ли когда-либо выветрится из его головы. Но вот голос не изменился: всё ещё принадлежал довольно молодому пареньку. Это ж сколько ему лет было? Довольно молодой, видимо. И уже при детях? И такой бугай?!

Тем временем огр продолжал:

— *В тот день я с братом встал за место погибшего в одном из наиболее тяжёлых мест прорыва. Живые мертвецы, зомби, скелеты — они набрасывались целыми кучами, мышцы взрывались от постоянной рубки. А мы ждали прикрепления. Казалось, прошла целая вечность, хотя, быть может, прошли лишь только минуты — в любом случае, подкрепления всё не было. Гора из — смешно сказать! — мёртвой нежити всё росла и росла. И вот, когда нам казалось, что справимся и вдвоём, меч брата увяз в теле одного из мертвецов, а сам он рухнул в кашу из неживых.*

У огров есть правило: не смей помогать тому, кто уже обречён. Ибо он уже не

послужит Пяте и огрскому роду, а ты всё ещё можешь! Это правило негласно, но при этом соблюдается всегда и считается неизблемым. Даже если этот обречённый — твой брат. Но, видимо, я был слишком молод и слишком любил своего брата, и потому, увидев, как его разрывают и режут, а сам он, не издавая ни звука, сражается одними только кулаками, не выдержал и бросился к нему на помощь. И слишком поздно понял, что брат уже мёртв. Понял это лишь когда от меня самого стали отрывать куски плоти... А после — пустота и тьма, ничего не помню. Лишь только новую жизнь в Мире Духов.

Я вздохнул, тряхнув головой — и только после этого наваждение спало. Чёрт, сражающийся огр, армия из живых мертвецов, смерть... Всё это настолько чётко встало у меня перед глазами, что стало даже как-то не по себе.

— *Значит, именно поэтому ты стал Высшим? Потому что достойно погиб?*

— *Не думаю, —* Усмехнулся как-то грустно Леший и посмотрел мне прямо в глаза, уверенно и прямо, как, наверное, может смотреть только огр. — *Полагаю, потому что я достойно ЖИЛ.*

— *Тогда я хочу спросить тебя. Какой из вариантов мне выбрать? Сдать бой, спасти друга, и при этом обречь всю Пяту на бесконечные страдания, или победить, пожертвовав другом, и знать, что после в Мире Духов для меня будет место разве что как бытовой душонке? Что мне делать?*

— *Что делать...* — Протянул Леший и усмехнулся: — *Так ведь всегда есть третий вариант. Правда, редко кто о нём вообще думает.*

— *Почему?*

— *Почему?! —* Удивился моей непонятливости огр. — *Это же очевидно! Потому что он — самый сложный.*

— *Рассказывай.*

* * *

Клан Ловкой Птицы было не узнать. Когда-то грозное, обрамлённое выступающими из-за стен пиками бревенчатых башен с часовыми, огромными воротами на железных цепях, пускай и небольшое, но воинственное поселение, готовое разорвать плотки за свой дом, теперь превратилось в руины: дым от сожжённых домов простирался до облаков, сами дома представляли из себя лишь дымящиеся воронки; помосты, частокол, башни — всё сравнялось с землёй, съеданное остатками огня, а оставшиеся жители клана стояли на коленях посреди этого кострища, уткнув взгляды в землю под пристальным взглядом ошестившихся копейщиков, и лишь изредка посматривали на восседавшего перед ними на небольшом, сложенном из брёвен и черепов помосте гоблина, чей омерзительный вид вызывал тошноту даже у них, привыкших ко всякого вида мерзостям, но при этом заставлял трепетать и отводить взгляд.

Этим гоблином был Нон, или Бессмертная Тень, как теперь его именовали.

Подле Нона стоял, оглядывая окрестности, вождь клана Бессмертной Тени, что после того, как Нон был провозглашён божеством и пророком клана, отошёл на второй план, и считался кем-то вроде служки Бессмертного. Но, кажется, рагу было на то плевать. Он смотрел на поверженных своих врагов и не мог сдержать улыбки. Победа далась легко — настолько легко, что он впервые не чувствовал даже адреналина в крови после тяжкой

рубки. Ибо никакой рубки, по сути, и не было.

Горные гоблины — те, что пришли из горных пещер вслед за Ноном, отвратительные, горбатые, покрытые шерстью, только отдалённо схожие с гоблинами твари, что подчинялись Бессмертному, смели ворота и скудное сопротивление в мгновение ока. Почти никого из воинов Ловкой Птицы в живых, по сути, и не осталось, и рагх с ужасом представил, что было бы, откажись он от предложения Нона и испытай подобное на своём клане...

Дальше было проще некуда: поняв, что силы врага настолько велики, жители клана просто-напросто сдались, предпочтя встать на колени, чем погибнуть в бою. Гоблины никогда не отличались особенным честолюбием, даже сам вождь признался себе, что встретить перед собой подобные силы, сразу пополз бы на четвереньках молить пощады, тем более перед таким ненормально-жестоким, как Нон.

Послышался топот и ругань. Воины Бессмертной Тени обернулись на звуки и, как один, заулыбались от уха до уха. Два гоблина тащили за собой пытающегося отбрыкиваться вождя клана Ловкой Птицы. Но после того, как он получил в живот удар тяжёлым навершием рукояти меча, стал посмирнее, и ухнул в грязь подле помоста.

Трясаясь и держась за живот, он поднял один не подбитый глаз на Нона и залепетал:

— Если вы сейчас же не покинете это место, то встретитесь с отрядами наших друзей с Западных Болот. Они приведут такие силы, что...

Бессмертный не смотрел на что-то там говорящего рагха. Он с интересом рассматривал круглый, большой и сочный плод в своей руке, присматриваясь, откуда его лучше откусить. А затем махнул рукой и, разинув пасть, с довольным чавканьем начал поглощать фрукт.

Стоявший на коленях вождь заткнулся, тупо моргая неповреждённым глазом и, понизив голос, залепетал уже более смиренным голоском:

— Если уйдёте, то мы вам заплатим.

Чавк!

— Но тогда вы никого не убьёте и уходите незамедлительно.

Чавк!

— Сколько вы хотите?

Чавк!

— Мы отдадим вам всю сокровищницу...

Хрусть!!!

Бессмертный откинул в сторону огрызок и, опираясь рукой о колено, нагнулся вперёд, так что даже с плохим зрением вождь сумел отчётливо разглядеть на его лице уродливые, светящиеся в полумраке шрамы.

— Ты совершил сейчас целых три ошибки, — захрипел тот, и от этого леденящего душу хрипа рагху стало не по себе. — Во-первых, ты угрожал мне. Во-вторых, ставил условия. В-третьих, пытался подкупить. Меня! — Он резко встал и воздел сжатые в кулаки ладони к небу: — Бессмертную Тень!!!

— Роа-а-ар-р-ргха-а-а-а!!! — раздалось со всех сторон.

Воины забряцали оружием, зашипели и заорали боевые кличи. А ближайший к оторопевшему вождю воин, получив немой приказ, сделал широкий шаг в сторону рагха и вытащил из-за пояса клинок. В следующее мгновение болота сотряс дикий крик, который тут же утонул среди деревьев, бултыхаясь неясным эхом.

Бессмертная Тень спрыгнул с помоста и, взяв за волосы отделённую от тела голову гоблина, воздел её над собой, заговорив так, чтобы было слышно всем, включая и его

собственное войско:

— Так будет с каждым, кто пойдёт против Бессмертной Тени! — его поддержали боевые кличи воинов. — И так будет с каждым, кто ослушается! — Боевые кличи стали громче. — Ибо я — власть! Ибо я — Бессмертный!

Хор голосов и шум бьющихся друг о друга оружий загрохотал над кострищем, оглушая и заставляя обходить это место стороной заинтересовавшихся происходящим болотных тварей.

Нон молча поднял руку с раскрытой ладонью, и шум моментально стих — лишь тонкое завывание ветерка и отдалённый вой хищников нарушал воцарившуюся тишину. Гоблин хмыкнул и, замахнувшись, бросил голову рагха к тут же отшатнувшимся в ужасе назад пленникам:

— А сейчас вы все дружно пойдёте восстанавливать частокол! — тихо, но грозно и отчётливо проговорил Нон. — Ибо негоже такому уважаемому клану показываться перед гостями в... кхм... подобном виде.

— Гостями? — из-за его плеча, словно из ниоткуда, возник вождь Бессмертной Тени. — С чего Вы взяли, что будут гости?

— Чутьё, друг мой, — обнажив жёлтые гнилые клыки, похлопал его по плечу Нон. — Чутьё...

ГЛАВА 13 Дуэль, или первозданное зло

По мере того как я поднимался по ступеням древа, на его стенках загорались, приветствуя хозяина, огненные духи, так что, когда я поднялся на основной этаж, внутри уже было достаточно светло, и потому я просто-напросто упал в кресло и, стиснув Пха, зашептал заклинание.

Тут же на том месте, где раньше стоял камин, вспыхнул яркий свет, моментально преобразившийся в шарообразный вихрь. Внутри этого вихря мелькала, деформируясь, картинка: хижина, бревенчатый настил, в ужасе расступающиеся в стороны гоблины.

Откинувшись на спинку кресла, я довольно улыбнулся. В данный момент меня переполняло чувство гордости: именно такое чувство, пожалуй, испытывают инженеры, создавшие новую, доселе невиданную машину, или учёные, совершившие невероятное открытие. Я назвал это чудо Око. Путём многочисленных манипуляций с разного рода ингредиентами и заклинаниями мне удалось, используя отвар из лягушачьих кишок, глаз волка, зубов змей и ещё до кучи разного сырья создать новое заклинание среди воздушных духов. Око было лишь дополнением к основному заклинанию, что призывало обычные мини-вихри — по сути, ничего из себя не значащих духов, способных, разве что, поддерживать прохладу продуктов в погребах, да и только. Но вместе с Оком... я превратил их ни на что не годных духов, в перспективе, в прекрасных разведчиков! Что бы они ни видели, куда бы ни направились, я видел всё то же что и они через это Око, как какой-нибудь волшебник из детской сказки мог видеть всё, что творится в мире, через хрустальный шар. Конечно, чем дальше вихри отдалялись от меня, тем менее отчётливой была картинка, но мне то и не нужно чтобы они уходили далеко! Подобный трюк поможет мне «видеть», пока я пребываю внутри дуба, что намного упростило задачу по управлению таким габаритным объектом как дуб. Так что в данный момент случайные зеваки могли наблюдать такую картину: огромное дерево медленно ступает через всё селение, а вокруг него, завывая и создавая лёгкое дуновение ветра, кружат, огибая ствол, несколько незначительного вида вихрей. Представляю себе их изумлённые рожи... Хотя, что значит «представляю»?! Вот же они — на «экране», только попкорна не хватает.

Медленно вырвав на уже очищенную площадку, ещё раз прыснул в кулак, засмотревшись на моментально расступившихся в стороны и автоматически увеличивших площадку гоблинов. Причём среди них узнавались рожи как моего клана, так и клана Равр-рагх-Хила: все пришли лицезреть действие, от которого зависел дальнейшая судьба не только дуэлянтов, но и обоих кланов. Более чем уверен, что перед моим появлением атмосфера здесь была очень даже напряжённая, и лишь ходячее дерево сумело перевести внимание на себя.

Заставив духов чуть сменить траекторию полёта, я уцепился взглядом за пристроившихся на насоро сколоченных высоких скамьях, прямо напротив меня, с противоположной стороны площадки, вождя, Син-аль-Ланг по правую руку от него и главу стражи по левую. Прямо-таки картина маслом: магия, меч и власть в одном флаконе — романтично и красиво... только если гоблина и романтику вообще можно как-то совместить.

Должен признать, что и они, включая даже, казалось, неприступно-невозмутимую Син-аль-Ланг, изумлённо вытянули лица, а затем глава стражи споро подскочил к Равр-рагх-

Хилу и начал что-то шептать ему на ухо. Тот хмуро кивал, что-то говорил в ответ, а я пытался понять по губам, о чём же они говорят. Не добившись в этом успеха, досадливо саданул себя кулаком по колену: стоит в будущем подумать над тем, чтобы улучшить своих разведчиков какой-нибудь магией слуха, что ли... Но это всё потом! Сейчас не о том думать надо, потому как, а будет ли вообще оно у меня, это будущее? Син-аль-Ланг довольно серьёзно отнеслась к подготовке Учителя к дуэли. А, значит, там действительно всё серьёзно. И что же такое припрятал в рукаве старый гобливинок?...

Ответ последовал незамедлительно:

Никогда не думал, что Учитель любит позёрство. Но в этот раз он превзошёл любого, даже самого отпетого любителя внимания и пафоса. Его появление действительно было что-то с чем-то, я даже на мгновение покорила себя за то, что смотрю на всё это через Око, а не своими собственными глазами.

Сначала раздался дикий гул, исходящий непонятно откуда, а затем сверху, как будто с самых небес, спустился на площадку, стоя на вихре словно на ковре-самолёте, старый шаман. Рассеяв духа в полуметре над землёй, он довольно ловко для своих лет приземлился на ноги, и в стороны от него, как если бы он был камнем, брошенным в воду, разошлись в стороны небольшие волны, обдавая площадку песком, камнем и грязью. Да и его внешний вид впечатлял: на голове, подобно шлему, красуется верхняя часть черепа какого-то существа с острыми, выступающими передними клыками, испещрённое слабо поблёскивающими на полуденном солнце рунами. С плеч спадает почти до самой земли какая-то также явно непростого вида шкура странно-белого, как будто бы даже искусственного, оттенка. На шее бусы, состоящие из когтей, клыков и даже пары засушенных ушей, опять же принадлежавших неизвестному мне существу: не настолько я ещё хорош в разборе животного мира Пяты. В одной руке он держал какой-то увесистый свиток, а в другой — свой Пха, увенчанный какой-то рунической вязью. А на шее неисчислимое множество амулетов.

Я невольно закусил губу, разглядывая его артефакты. Мне не были известны их особенности — ни одного. А когда даже понятия не имеешь, чем может удивить тебя противник — считай, бой частично уже проигран. Это если ещё не учитывать его магического потенциала, запаса энергии и настолько колоссального опыта, что старик был способен вызывать некоторые духовные сущности напрямую из мира духов, без посредничества в виде зелий, хотя и не обладал Силой. Ну ничего — отставить волнение! — у меня есть много того чего нет у Учителя. И, видят Великие, я этим воспользуюсь, ибо игра в поддавки давно закончилась!

Через Око я увидел, как Учитель, скривив лицо и оценивающе оглядев мой «экипаж», обернулся к вождю, указав в мою сторону, и заговорил довольно громко — так, что и мне были прекрасно слышны его слова:

— Мой рагх, разве подобное... разрешено?

Равр-рагх-Хил поднялся, заулыбавшись, и сделал шаг вперёд, явно намереваясь схватиться за подобное «нарушение», что так любезно предоставил ему чёртов гобливинок, будто только и ждал подобного момента. Но тут неожиданно встряла, грозно зыркнув на мужчин, Син-аль-Ланг:

— А разве где-то в Законе сказано, что боец не может использовать все свои возможности, артефакты и оружие?! Есть лишь одно правило: бой должен идти между двумя

гоблинами! А разве это, — кивнула она в сторону дерева. — Гоблин?! Или, ежели ты так желаешь, то скинь с себя все артефакты, коими ты обрядился, словно незамужняя гоблинша, тогда и Анд-Рей, в этом я не сомневаюсь, выйдет на честный шаманский поединок!

Она говорила настолько уверенно и грозно, что даже у меня всё внутри похолодело... Не говоря уже о рагхе и Учителе, которые, вопреки их статусу, даже сделали произвольное движение в сторону от грозной старухи. Ну, мама, ну, даёшь! Так их, так!

Искривлённую гневом рожу Учителя было видно вполне отчётливо, а небольшие колыхания воздуха в Оке лишь ещё сильнее уродовали его, отчего становилось не по себе. Но, кажется, Равр-рагх-Хил внял довольно логичным словам Син-аль-Ланг и, подняв раскрытые в ладонях руки, отчего толпа, доселе гомонившая и перешёптывавшаяся, моментально утихла, громогласно произнёс:

— Возвести купол!

Тут же из толпы зрителей вышли на периметр площадки несколько шаманов-аль и, встав на колени, поставили перед собой уже дымящиеся котелки, став медленно покачиваться с закрытыми глазами, впадая в медитацию. Дым от котелков начал становиться более материальным, поднимаясь вверх и трансформируясь в некое подобие искрящейся серебряным светом паутины. Паутина от каждого котелка тянулась к своей соседке, становясь всё шире и выше, пока, наконец, над площадкой не сложилось сложное плетение душ, создавшее настоящий довольно просторный прозрачный кокон-полусферу, внутри которого находились только я и Учитель.

— Да начнётся поединок!!! — Заорал рагх, и я вздрогнул от ответившей ему громогласным «рааарр!!!» толпы.

И не только от толпы.

Учитель, не успев поединок начаться, тут же отправил в меня несколько ветровых клинков, которые ударили по стволу дуба, оставив на нём несколько глубоких выбоин. Дерево качнуло и я, кажется, даже услышал его протяжный стон. Стиснув зубы, я уже было собрался отправить в мерзавца парочку глыб, но вовремя одёрнул себя: нет, пока рано, пока только защищаться, и...

И я ушёл в медитацию, речитативом забубнив заклинания.

* * *

Котелок, что одиноко стоял в хижине, обдавая её дымом от зелья, дрогнул и рухнул наземь. Мутно-зелёное зелье, вылившись из него, растеклось небольшой лужицей, и вдруг, заискрив, словно в неё ударила молния, начало деформироваться, булькать и кипеть, а затем с шипением выплонуло из себя материализовавшегося крота. Дух земли низшего порядка, он был довольно ловкий и шустрый, пускай в бою толку от него не было никакого. Но в данный момент тому, кто призвал его, это было и не нужно.

«Ищи...» — прозвучало в голове духа.

Зверёк, застрекотав, встал на задние лапки и пару раз шмыгнул носом. Его почти атрофировавшиеся глаза вряд ли что могли рассмотреть, но вот нос...

Крот некоторое время стоял неподвижно, приняв себя, а затем, дёрнув головой, что-то почуяв, споро шмыгнул из хижины, следуя одному ему известному маршруту.

Никто не заметил его и тем более не остановил. На улочках селения было пустынно:

почти все наблюдали за боем, отголоски которого были прекрасно слышны и отсюда, пускай часть поселения, по которой перебирал своими лапками зверёк, была достаточно далеко от места, что отводилось под дуэль.

Дух застыл, пригнувшись, и моментально спрыгнул с настила в небольшие кусты, застыв и пропуская мимо себя двух патрулирующих окрестности стражников:

— Почему именно сегодня, лесные твари их подери! — заворчал один из гоблинов, стиснув рукоять меча и нахмутив брови. — Пропустить такое зрелище, это надо ж!

— Да уж... — вздохнул второй. — Да и смысл?! Что, кто-то затеет драку? Или, может, произойдёт убийство? Так лучше уж тогда бы к площадке и отправили — хоть бой бы посмотрели...

— Всегда так, — буркнул в ответ его собеседник. — Правда, нельзя не признать, что резон в этом есть. Мало ли, эти рагхакки из пришлых что затеют... Но бой то посмотреть всё равно хочется!

Постепенно их голоса стали затихать, удаляясь, пока парочка наконец не скрылась за ближайшим поворотом. Крот снова прыгнул на настил, продолжив свой путь, постоянно шмыгая носом и перебирая крохотными лапками.

На одном из разветвлений он вновь встал на задние лапки, закрутив головой, и на некоторое время неподвижно застыл. Лишь нос зверька двигался сам по себе, как будто бы живя своей собственной жизнью, жалея лишь о том, что не может отделиться от головы... Но вот и он застыл, а сам крот, напротив, шустро двинул по направлению к частоколу — туда, где обычно располагались казармы и дома шаманов.

Здесь также было пустынно. И на первый взгляд ничего интересного и не предвиделось. Но лишь на взгляд. А вот на нюх...

Крот спрыгнул в сторону, на непротоптанную дорожку из грязи, веток и мелкой болотной растительности, лавируя между различными ритуальными столбами, тотемами и алтарями, что были натканы здесь в таком количестве, что создавали впечатление наведённого морока, а не реальных построек.

И вот, пристроившись за одним из алтарей, крот осторожно высунул свой нос и пару раз шмыгнул им. Он унюхал:

Неподалёку, прямо возле частокола, расположилась небольшая и неказистая на вид хижина — такая же, а то и похуже остальных. Но возле входа в неё стояло два немых стража — элементарей земли, причём высшего порядка, широких в плечах, с двумя короткими, представлявших из себя лишь два валуна, ногами; эти существа были огромны, чуть ли не больше самой хижины, обрамлённые различными чарами, что делало из них ещё более опасных тварей. А внутри был ещё кто-то. Кажется, двое, вот только один плохо пахнул, правда, нельзя сказать, что второй благоухал, но тот, первый, кажется, был ранен, и раны его успели загноиться, отчего тот чувствовал себя ужасно, о чём свидетельствовали разносившиеся из хижины стоны боли.

Крот застрекотал и начал растворяться в воздухе, пока не превратился лишь в лёгкий дым, что унёс прочь ветерок. Его работа сделана, и дух отправился обратно, домой.

* * *

— Есть! — не сдержался и воскликнул я, создавая очередных гремлинов, что

безуспешно нападали на Учителя, уничтожаемые волной горячего воздуха, но зато хоть ненадолго отвлекали гобливнока от атак в мою сторону.

Место, где прячут Кил-аль-Хака, найдено. И Леший был прав: этот третий путь, что я решил избрать, оказался тяжёл. Невероятно сложно одновременно следить за духовной сущностью в сотнях метрах от тебя, и в то же время отражать атаки такого сильного противника, как Учитель. Да ещё и этот купол, который, надо сказать, невероятно мешал, ослабляя выходящую из него наружу энергию — так что даже призыв такого ничтожного, по сути, бытового духа, обошёлся мне в копеечку в плане энергии — а ведь это только полдела! Я не могу ничего сделать этому старику, пока не удостоверюсь, что с моим другом всё будет в порядке, а, значит, избиение младенца, а в данном случае роль младенца пала именно на меня, продолжится.

Но Кил-аль-Хак нашёлся, а, значит, пора было начинать действовать.

Последний греmlin, крикнув, отправился обратно в мир духов, а старик, довольно прытко для его возраста, поднимая клубы пыли, начал бегать из стороны в сторону, отправляя в древо то воздушное копьё, то ураган, то ещё дюжину каких-либо заклинаний. Да, его амулеты гасли один за другим, но сколько их у него, этих амулетов... К тому же, я не видел, чтобы он использовал хоть один из артефактов! Дело дрянь.

Извилины шевелились настолько бойко, что я явственно ощущал, как они бьются о черепную коробку: мозг работал на пределе возможностей, обрабатывая сотни варианты действий за доли секунды. Нужно было лишь хвататься за один из них, и использовать, потому как если не успеешь, не ухватишься, то в следующую секунду от него уже не будет толку, ибо бой — это такая штука, где не бывает постоянства. Либо ты действуешь прямо в данный момент, либо погибаешь.

Я стукнул посохом о деревянный пол, отправляя приказ вселённым в корни низко ранговым духам. Те, получив его, тут же взрыхлили землю, закопавшись в неё и крепко увязнув в почве, а затем, облегчённо завыв, отправились домой, вернув мне обратно толику силы, которая пускай почти и не ощущалась, но являлась той крохой энергии, которая в решающий момент могла позволить мне победить.

Изображение в Оке зарябило и исказилось до неузнаваемости. Я крепко выругался и вновь забубнил заклинание. Учитель в очередной раз уничтожил одного из моих воздушных духов, и каждый раз мне приходилось отвлекаться на то, чтобы вернуть их обратно — это, пожалуй, было одним из самых слабых мест в моём способе передачи данных. А старик умён, чтоб его...

Изображение вернулось и, взглядевшись в него, я не без удовлетворения обнаружил, что Учитель запыхался. Он перестал перебегать с места на место, а его духи стали несколькими рангами ниже, не принося такого разрушительного урона как раньше, да и посылать их в мою сторону старик стал намного реже. Всё-таки, сколько бы у тебя ни было в запасе амулетов, а энергия то — она не бесконечная!

Но только я подумал об этом, как вдруг... На Оке отобразилось усмехающееся лицо старого шамана, и Учитель, отбросив Пха в сторону, раскрыл свиток.

— Вот же ж... — далее последовала пара непечатных выражений, — ... свинья зеленокожая! — Я даже подскочил в кресле, создавая несколько острозаточенных глыб, но было уже поздно.

Раздался взрыв, что разнёс нёсшиеся навстречу Учителю глыбу в щепки, а через считанные секунды, когда изображение в Оке стабилизировалось, я, вытирая об одежду

потные от напряжения ладони, смотрел на выросшего на месте взрыва элементаля огня.

Причём элементаль был необычен даже для души высшего порядка: пускай в духах огня я был полным профаном, что было и парадоксально для боевого шамана, но всё-таки теорию знал на отлично, и почти весь бестиарий огненных душ изучил от и до. И нигде, нигде не видел я описания подобной сущности: большой, почти с моё дерево в высоту, не имел абсолютно никаких глазниц или ротовой полости, никакого даже отдалённого подобия ног, он расширялся кверху, на подобие горящего треугольника, а из его плеч (правда, не уверен, что это вообще можно назвать плечами) торчали, извиваясь, восемь щупалец — по четыре с каждой стороны, отчего элементаль смахивал на эдакого гигантского паука.

И что-то не так было с ним — это я чувствовал отчётливо. Ну не может существо, заточённое в свиток, аки в амулет, ещё Предками, быть обыкновенным, да и не стал бы Учитель тратить энергию на банального духа — так что оставалось лишь гадать... какого рагхакка?!

Элементаль вдруг застыл и, загудев и заискрив, поплыл в воздухе и... и разделился на двое, словно какая-нибудь амёба. Причём «клон» элементаля не отличался от него вообще ничем, хотя по всем писанным и неписанным законам шаманизма должно было произойти сохранение изначального объёма призванной энергии, а здесь... здесь энергия не то что сохранилась, а удвоилась!!!

— Чтоб вас, Предки, черти подрали... — процедил я сквозь зубы и тут же рухнул на пол от неожиданно затрясшегося пола: старый гоблинюк отправил в меня сразу несколько могучих воздушных стрел, и тут же скрылся за своими элементами. Но через Око, чуть изменив траектории своего воздушного духа, я отчётливо увидел, что он сел в позу медитации. Ага, набираешь энергию, сука?! Вот теперь я точно разозлился!

Сев обратно в кресло и вперив всего себя в Око, я собрал силы и, начисто истратив добрую половину энергии, создал эдакий небольшой Армагеддон: из земли стали вырастать, словно какая-нибудь трава, земляные элементали, крошечные, но широкие и сноровистые, гремлины, в таком количестве, что запросто смогли бы переплюнуть и население целого клана, многочисленные песчаные элементали и пикси, что кружили над созданными существами, словно рой пчёл. А на головы призванных Учителем элементалей стали дождём литься каменные глыбы. Вот уж действительно — Армагеддон...

Отчаянно хлестая чай, я не отрывал взгляда от Ока, в этот момент, наверное, очень сильно похожий на какого-нибудь футбольного болельщика, нервно попивающего пиво, в то время как его любимая команда пошла в атаку в последние минуты матча. С одним лишь отличием: если моя «команда» проиграет — мне не жить.

Надо сказать, что подобная тактика была довольно действенной: в то время как на тебя падают с неба каменные стрелы, сможешь ли ты отбиваться от пускай и крошечной, но армии? Это же невозможно! Вот только этим огненным тварям, кажется, забыли о том сказать.

Многорукие элементали начали крошить каменный дождь, рассекая глыбы своими руками, словно клинками, причём с такой скоростью, что воздух вокруг них загудел и нагрелся. При этом они с невероятной ловкостью успевали остальными своими конечностями уничтожать наплывающих на них волнами гремлинов, поглощать огонь от магии пикси и сметать бедных фей горящим дыханием, превращать в стекло песчаных элементалей и раскалять до полного уничтожения каменных. А я... а я давился чаем, пытаюсь привести себя в чувства после такого вложения энергии и хоть что-либо придумать.

И вдруг — я даже не понял сначала, то ли это изображение зарябило, то ли это происходит на самом деле — но огненные существа застыли, как вкопанные, пропуская удары глыб и моих воинов, загудели, поплыли и... разделились ещё на двое, так что в следующее мгновение их уже было четыре, и уничтожение моих существ пошло в ускоренном темпе.

— Твою ж... — я в очередной раз высказал всё, что думаю о Предках, даже если они меня и слышат: а нечего такие подляны устраивать! Такими темпами тут скоро будет не протолкнуться! Но затем... затем и я застыл, тупо глядя в Око, и на мгновение прозрел. Сколько прошло времени с момента первого их раздвоения?! Минуты две, не больше. А значит...

— *Леший, проснись и пой!*

— *Слушаю, Андрей.*

— *Слушай-слушай! Есть идея! Возможно, я ошибаюсь, возможно, мы потерпим неудачу, но если выгорит... В общем, слушай.*

Как только я поделился своими мыслями с Высшим и получил в голове образ улыбающегося и потирающего в предвкушении ладони ога, то тут же вернулась уверенность и... злость. Направленная на того, кто сейчас тихонько медитировал, скрываясь за спинами могущественных духов. Тот, кого теперь, после всего что мне довелось испытать и познать, я точно мог называть первозданным злом: злом гнилым и безжалостным, зарождающимся в таком существе с младенчества, и подобное зло не искоренить, ибо оно часть тебя, и убить это зло можно лишь одним способом — лишив жизни его носителя...

Кипящая внутри ярость готова была вырваться наружу, но тут дерево затрясло, доски пола и потолка просели, запахло горелым деревом... Вот же ж ты рагхакк, Андрей! Увлёкшись мыслями о сладостной победе перестал следить за ходом боя! А между тем отряды моих существ заметно поредели и, видно, воспользовавшись этим, огненные элементали послали в дерево несколько огненных шаров. А они и так, оказывается, могут?! Привет из будущего, Предки, и чтоб вас!

Но я подавил в себе ярость. Она мешала мыслить, а сейчас мне нужна была светлая голова. Не нужно было делать лишних действий: любое из них могло погубить весь замысел. Так что я просто сидел и смотрел в Око. Не шевелясь, не пытаясь что-либо сделать. Просто сидел и смотрел. Мои отряды уже перестали быть оными: по площадке лишь летала парочка оставшихся в живых пикси, но через мгновение и они отправились обратно домой, съеденные огнём. Дуб стонал и плакал от постоянных ударов, что обрушили на него элементали, и я чувствовал, как он молчаливо, с досадой спрашивает меня: почему ты бездействуешь?! Прости, дружок, прости... Но сейчас либо всё, либо ничего.

И когда я уже было подумал, что ошибся, когда дым от всепожирающего огня, что уже проник внутрь, уничтожая всё вокруг, почти полностью лишил меня обзора и воздуха, это случилось. Ровно через две минуты, хвала духам!

Огненные элементали застыли, зарябили...

Пора!

Я сжёг почти всю свою энергию, еле заставив себя, чтобы не отправиться в сладостное небытие, и стиснул Пха. Черепа-тотемы треснули, но сдержались, и их пустые глазницы ярко вспыхнули, приняв в себя мой дар... И тут же направили энергию, усиленную, могучую, прямо в испещрённую выбоинами, воронками и раскалённой землёй площадку.

И из неё выросло четыре, пожалуй, самых необычных из всех земляных элементалей: их

тела были похожи на огромные шары — неровные, покрытые выпуклостями в виде камней, но всё-таки шары, маленькие головы с тускло фосфоресцирующими глазницами безо рта, здоровенные ноги из наложенных друг на друга каменных глыб, переплетённые корнями, что, казалось, лишь чудом держали такие туши, и полное отсутствие каких-либо рук. Вот она, истинная Сила, позволяющая экспериментировать с твоей стихией так, как ты считаешь нужным: подобные элементарии не существовали доселе ни в древних фолиантах, ни в записях шаманов, нигде — они только что были придуманы мной для победы над конкретным противником, и лучшего случая, чем сейчас, могло и не представиться.

Я послал мысленную команду, и элементарии, гудя и неуклюже покачиваясь, бросились в сторону уже собирающихся вновь разделиться и превратиться в восемь огненных существ противников. В их шарообразных телах, заскрежетав, разверзлись огромные дыры, и элементарии, преодолев определённую, видимую только им черту, все, как один, загудев, застыли и впитали в себя закрутившихся вихрем огненных духов. И, как только те исчезли с площадки, дыры в их телах вновь заросли, а в следующую секунду внутри детей земли раздался шум, похожий на взрыв, и элементарии просто-напросто развалились на большие кучи камней, выполнив то, для чего были созданы.

Око выхватило удивлённо-испуганное лицо Учителя, но мне уже было не до него. Покачиваясь, я встал с кресла и, приложив ладонь к полу, искренне произнёс:

— Спасибо тебе, дружище. За всё.

И, клянусь, в этот момент где-то изнутри древа донёсся протяжно заунывный гул: «Прощай...».

Кашляя и прикрывая рот от вездесущего дыма, я бросился вперёд, и вовремя: позади меня рухнули охваченные огнём доски потолка. Державшая Пха рука словно сама по себе выбросилась вперёд, и я, не останавливаясь, прыгнул. Куски коры в стене разошлись в стороны, пропуская меня, и через мгновение глаза сощурились от яркого солнечного света, а в лицо ударил горячий воздух: я падал.

В последнее мгновение затуманенный усталостью мозг успел выбросить: «Хвостик, давай!»

* * *

«Хвостик, давай!», — раздалось в голове у каменного истукана. Доселе стоявшее среди деревьев, сливаясь с окружающей местностью нечто вспыхнуло, возвращая утраченный за время спячки образ Хвостика, и двинуло напрямик к частоколу.

Земляной элементарий без видимых усилий сшиб с десятков кольев и ворвался на территорию селения, ища взглядом нужную хижину.

Та нашлась почти сразу: координаты, указанные хозяином, были более чем точными, и потому Хвостик затаился напрямик у того самого места, что ему было нужно. Элементарий не спеша двинулся в сторону цели.

Сторожившие цель два каменных истукана среагировали так, как среагировал бы любой дух-стражник: бросились на нарушителя. Но Хвостика подобное, кажется, совсем не смутило: он резко остановился и, раскрыв рот, из которого исходило магическое сияние, издал утробный рык. В ответ духи-стражники застыли и, с мгновение колеблясь, склонили головы.

— Что здесь... — заворчал вышедший из хижины шаман и тут же осёкся, опешив. — Именем... что... вы... Уничтожить!!! — наконец пришёл в себя и заверещал гоблин. — Ну же, тупые вы головёшки, атакуйте!!!

Но элементали, что ещё секунды назад были в его подчинении, теперь обрели другого хозяина, и намерены были слушать лишь его. А Хвостик, что и стал их нынешним хозяином, отдал довольно простой приказ, который не противоречил приказу того, кому подчинялся он сам.

Духи-стражники набросились на шамана, и тот не успел даже коснуться висевшего на его шее амулета... Крика не было: лишь свист рассекшего воздух тела и хруст мягких, податливых гоблинских костей.

А Хвостик тем временем в пару широких шагов оказался возле нужной хижины и мощным ударом снёс её крышу, уставившись на тут же заёрзавшую на полу цель.

Цель выглядела очень удручающе: многочисленные шрамы, синяки от побоев, тряпки вместо одежды. Запястья кровоточили от долгое время сдерживающих их цепей. Цель, что звалась Кил-аль-Хаком, поморщилась: гоблин слишком давно не видел солнечного света. Но как только его глаза привыкли к нему, и он увидел нависшего над ним истукана...

— Нет! Нет же! Не трогайте меня! — Попытался спрятаться в тёмном углу Киль-аль-Хак, но затем, спустя несколько минут, осознав, что его никто не собирается убивать, повнимательнее присмотрелся ко всё также стоящему на месте элементалю, а, точнее, к фосфоресцирующим на его теле корням, и неуверенно проговорил: — Погоди-ка. Так я тебя знаю...

И Хвостик, издав одобрительное кряхтенье, с размаху сломал сдерживающие пленника цепи.

* * *

Одним духам известно как, но всё-таки я успел использовать бросившийся к земле мини-вихрь как батут, смягчив приземление. Но несмотря на это падение с такой высоты не прошло бесследно: нога гудела от боли. Судя по ощущениям не сломана, всего лишь ушиб, но ушиб довольно болезненный: в районе стопы расплылся здоровый синяк.

Но я заставил себя подняться и, преодолевая боль, поковылял в сторону так и не вставшего с места и глядящего на меня безумным взглядом Учителя. А я просто шёл, опираясь о Пха как о клюку, и слушал как позади раздаётся треск умирающего дерева... Ты мне за это заплатишь, старик.

И шаман словно услышал мои мысли: с него слетело оцепенение, он вскочил, прервав поток вливающейся в него энергии мироздания и залепетал скороговоркой заклинание. А я просто шёл...

Закончив, Учитель уронил свой посох, что обдал пылью площадку, схватил в одну руку бусы со шкуркой, в другую — череп с головы, и подбросил всё это в воздух. Я уже знал, что он собирался делать. Но также знал, что сил у него недостаточно. И не прогадал: соединившись в воздухе, скрепляемые духовными сущностями, эти магические предметы должны были стать химерой, причём довольно сильной. Но в итоге, из-за недостатка сил Учитель создал нечто лишь отдалённо на неё похожее: на землю плюхнулось нечто, напоминающее сшитую из разных частей собаку, или волка, причём с довольно дряхлыми мышцами и явно еле

державшегося на лапах. М-да, силы Предков довольно могущественны, но и вложения в них энергии требуют соответствующих. Не рассчитал ты своих сил, старый шаман, не рассчитал...

Недохимера взвыла и бросилась на меня: но мне было достаточно сделать лишь лёгкий шаг в сторону, а в следующее мгновение выхваченный из-за пояса кинжал вспорол твари брюхо, и она, прокатившись по земле и подняв клубы пыли, рухнула замертво, развалившись на составные части.

Мельком я увидел во что превратилось моё дерево: искорёженные головешки да куча веток... Грустное зрелище.

— Ты не посмеешь... — зашипел Учитель, как только я стал приближаться к нему и, нервно заиграв скулами, ухватился за ту соломинку, что могла спасти ему жизнь: — Кил-аль-Хак всё ещё у меня! Моя смерть повлечёт за собой и его гибель!!!

Я не слушал его. Лишь молча подсёк его ноги посохом и, наступив на валяющегося в пыли Учителя, прижав того к земле, приставил острый кончик Пха к его горлу. Старик был абсолютно без сил — я это чувствовал. Но и я держался только лишь на... непонятно чём. Наверное, на своём упрямстве и бараньей упёртости. Только моё физическое превосходство позволяло говорить о том, что я победил. Хотя... нет. Пока ещё нет. Ведь бой идёт до смерти...

— Кил-аль-Хак! — взвыл, замахав руками, Учитель. — Он умрёт! Умрёт!

— Умрёт, говоришь? — я улыбнулся, выхватив взглядом среди толпы помятого, с нехорошими шрамами, но всё-таки живого гоблина, что молча и сосредоточенно следил за боем. Хвостик не подвёл: всё сделал как надо! Этот абалдуй, кстати, также стоял прямо за Кил-аль-Хаком, заставляя в ужасе расступаться в стороны зевак.

Учитель проследил за моим взглядом, и я не без удовольствия заметил, как глаза его покраснели от полопавшихся капилляров, и полезли из орбит. Но его можно понять: только что сломалась его единственная соломинка.

— Ладно... — устало прохрипел он и зажмурился. — Только, если в тебе есть хоть капля благородства, сделай это быстро.

Я хмыкнул: это существо, что крутило мной как хотело, строило различные заговоры, убивало и стравливало, говорит о благородстве?!

— Нет, — задумавшись, прошептал я одними губами, а затем, увереннее, но так, чтобы меня слышал лишь поверженный враг, заговорил: — Твоего отца звали Зан... — Учитель открыл глаза и удивлённо посмотрел на меня. — А предатель... как будет предатель на древнем языке? — зрачки Учителя расширились. — Гиралан... Твоё имя — Зан-аль-Гиралан.

Лицо старого шамана искажил ужас. Кажется, он всё понял. И потому попытался подняться, наброситься, но я лишь толкнул его ногой обратно, надавив на грудь кончиком посоха, и, вливая в свои слова непонятно откуда взявшуюся энергию, громогласно провозгласил:

— За твои действия, оскверняющие Обитель Духов, предающие все принципы шаманизма, за кровь своих соплеменников, что ты пролил, я, Анд-Рей, проклиная тебя, Зан-аль-Гиралан, именем «Нон»!

«Мы пришли на твой суд...» — тут же раздалось в голове, а затем галдящая толпа разом стихла. Ибо узрела то, что редко какой гоблин может узреть более чем раз в своей жизни: они узрели Великих.

А мне стало трудно дышать. Ноги подкосило, и всё-таки я устоял. Но пять светящихся ярким светом солнца фигур виднелись словно сквозь пелену тумана, а звуки как будто бы проходили сквозь толщу воды: как я вообще ещё не потерял сознание? Не понимаю...

— Виновен! — донеслось до моего сознания. Меня как будто что-то аккуратно оттолкнуло в сторону, а затем раздался протяжный, полный отчаяния крик Зан-аль-Гиралана.

Я не видел, как на нём вырезали метку. Да и не хотел видеть. Правосудие свершилось, а это главное. Я обернулся лишь когда крик боли наконец стих. Учитель лежал на земле, держась за лоб, и тихонько стонал. А Великие обернулись ко мне, заговорив своими пугающе-неэмоциональными голосами:

— Бойся, шаман. Ибо ты почти переступил грань. Ещё раз ты осмелишься призвать к нам, и без последствий не обойдётся.

— Понимаю... — устало протянул я.

— А его, — неожиданно указали пятеро на Хвостика. — Мы возьмём с собой. — В ответ на мой немой протест они поспешили меня успокоить: — Лишь на время. Из него получился довольно интересный экземпляр, будь добр одолжить его Великим, шаман, а мы, поверь, не забываем ничего. Добро — особенно.

Мне не оставалось ничего, кроме как кивнуть.

Но вдруг раздался рёв, как будто здесь поблизости непонятно как оказался дикий зверь. Зан-аль-Гиралан, чьи белки глаз покраснели настолько, что в них не осталось ни единого белого пятнышка, вскочил и, не прекращая реветь, с невероятной для его почтенного возраста прытью бросился на Великих. Ох, и не стоило этого делать...

Великие даже не пошевелились, но Зан-аль-Гиралан застыл в воздухе, скривившись, словно его проткнули чем-то острым, а его руки с хрустом разошлись в стороны, как будто он висел на незримом кресте. Его тело затрепетало, искривилось под невероятным углом, а после... а после взорвалось кровавыми ошмётками, испачкав довольно большую площадь земли кровью. На странность, я ничего не почувствовал. Сие зрелище не вызвало во мне никаких чувств. Лишь промелькнула мысль: «Что ж, подобное лучше, чем Метка...».

А затем я и сам не заметил, как окровавленная земля стала стремительно приближаться, шум окончательно стих, глаза затмила тьма, и с материнской любовью приняла меня в свои нежные и такие долгожданные объятия...

* * *

— Так что, говоришь, я пропустил? — протянул я, блаженно откинувшись на койке, пока совсем себе недурная гоблинша-целительница проводила своими нежными пальчиками по моей ноге, исцеляя ушиб.

Сидевший в углу хижины Кил-аль-Хак, что теперь выглядел вполне себе свежо — раны и побои Син-аль-Ланг со своими ученицами излечила довольно споро и искусно, даже не осталось шрамов — подался чуть вперёд и впери в меня довольный взгляд существа, в жизни которого наконец-таки прошла длинная и казавшаяся бесконечной чёрная полоса.

— Но я же говорил, ты что, не слушал? — он обречённо вздохнул. — Как только ты потерял сознание, Великие тут же исчезли, а вместе с ними и твой элементаль. Кстати, эффектно ты решил вопрос с Учителем...

— Нон, — поправил я. — Великие нарекли его «Нон» и дали Метку. Отвыкай относиться к этой падали так почтительно.

— Ну зачем ты так... — неуверенно протянул мой друг. — Он уже получил по заслугам. Глупо было набрасываться на души с подобным могуществом.

— Глупо? — Я усмехнулся. — Кто-кто, а этот старый гобливинок не был глуп. И, поверь мне, оставался при своём уме до самого конца. Полагаю, он специально спровоцировал Великих: смерть, пускай и такая жестокая, много лучше той адской жизни, что могла подарить ему Метка. Но мы отвлеклись. Что там дальше было?

— Ах да... — Кил-аль-Хак задумчиво нахмурился. — После того как Великие ушли началась неразбериха. Купол то исчез, ведь дуэль была окончена, но при этом никто не решался ступить на площадку, после такого-то.

— Дай догадаюсь: единственным смельчаком оказался рагх?

Кил-аль-Хак кивнул:

— Именно. Хотел решить вопрос по-своему. Уже и за мечом потянулся. Трусливый подонок! Я хотел было броситься тебе на помощь, но Син-аль-Ланг меня опередила. Сильная женщина, не ожидал от неё подобного. Ох, Гул-аль... Анд-Рей, ты бы видел её! Фурия, не иначе! Волосы вздыбились, зубы оскалены... Даже я труханул — представь себе, что было с вождём, когда та преградила ему дорогу.

— Дальше? — я вновь замурлыкал, когда целительница начала делать мягкий и нежный массаж.

— Дальше она на весь клан заявила, что Закон Предков свершён, и победа за тобой. А посему кто осмелится прогневить Предков и не признать этого? Даже наш седой стражник поддержал её.

— Даже он? Странно...

— Ты всё из-за той стрелы? Опомнись, Анд-Рей! Он выполнял свой долг, в противном случае что, думаешь, его бы ждало? Не вини его и прими. Он поднял все боевые силы клана на твою сторону, и тогда всё окончательно улеглось.

— Где рагх сейчас?

— Бывший рагх, не забывай. Теперь ты — рагх, пора бы тебе уже это понять...

— Где. Он. Сейчас?

— У себя, всё трясётся, ждёт твоего решения. Разумеется, его ждёт смерть?

— Нет.

— Нет?!

— Нет, — с нажимом повторил я. — Никто его не убьёт. Он мне нужен.

Кил-аль-Хак вздохнул и поднялся:

— Не стоит быть мягким, Анд-Рей. Если уж ты собираешься создать настолько обширный клан, то нужно избавляться от бывших вождей. Это ведь логично!

— Если ты думаешь, что моей целью является создать огромный клан, сидеть на черепах, жрать за обе щеки и гордиться званием рагха, то ты невероятно глубоко ошибаешься. Никому не трогать его, и это не обсуждается.

— Понял, — со вздохом кивнул он и покинул хижину, оставив меня со своими размышлениями, что невольно заставляли морщиться и кривиться.

— Мой рагх чем-то недоволен? — услышал я мелодичный голосок и наткнулся взглядом на всё ещё растирающую ногу целительницу. Шкуры, накинутаые на плечи гоблиншы, лишь частично скрывали её как будто специально выставленные напоказ груди, губки были

смазаны чем-то, очень похожим на ароматную помаду, а в глазах так и играл задиристый огонёк. — Возможно я могу чем-то помочь?

— Можешь, — уверенно заявил я и одним рывком затащил весело завизжавшую целительницу к себе в охапку.

Ну, а что, победителю ведь положен приз?

ГЛАВА 14 В путь, или сложные вопросы

Утро впервые за последнее время встретило меня приветливо: тепло от накинутых наподобие одеял шкур, мирно мурчащая целительница под рукой, и, что самое главное, никаких дел.

— Мой рагх!

Ай, а вот по поводу дел — это я погорячился...

Приподнявшись на кровати, протёр сонные глаза, кое-как разглядев в расступающемся полумраке немного взволнованного Кил-аль-Хака. М-да, заходят ко мне как к себе домой — надо стражу, что ли, у входа выставить, или духов-охранников, в самом деле... А то и поспать спокойно не дадут.

— Что там? — недовольный от такого сумбурного пробуждения, буркнул я, всё ещё пребывая в некой полудрёме.

— Там гонец, — кивнул он в сторону выхода.

— Ну и в чём проблема? — вновь улёгся я обратно под шкуры, возвращаясь к мирным сновидениям и, зевая, отмахнулся: — Примите его, накормите, выясните, чего надо. А я подойду... через пять минуток...

— Так в том и дело, — решительно продолжил мешать мне отдыхать Кил-аль-Хак. — Гонец мёртв.

Всю сонливость как рукой сняло. Я резко сел на кровати и сощурился от боли в голове: мозг слишком скоро перешёл из спящего состояния в рабочее. Вскочил и, облачившись обратно в одеяния шамана, взял прислонённый к стене Пха, бросив взгляд на всё почмокивающую во сне гоблиншу и, решив её не будить — пусть хоть ей выдастся беззаботное времяпрепровождение — уверенно кивнул:

— Веди.

Мы пошли по петляющим дорожкам селения, скупо отвечая поклонами на приветствия бодрствующих. Солнце только-только встало, а уже большинство населения спешило приступить к своим делам — кому на охоту, кому на ферму, кому к ученикам, магию в головы вдальбивать, а кому и на стены, бдеть.

К воротам мы вышли запыхавшиеся и злые, что привело меня к мысли о том, что неплохо бы периодически пользоваться услугами собственных ног, а не ездового Ула, да находить время для продолжения тренировок — а то заплыву вновь жирком, да и буду вставать только от собственной кровати до отхожего места.

У ворот уже копошились стражники и...

— Вам что, заняться нечем?! — рявкнул я на непонятно что тут забывших шаманов. — Вам надобно своих учеников до собственного уровня поднимать, а вы непонятно чем занимаетесь!

Один из них, чьё пузо, надо сказать, отчётливо тянуло гоблина к земле, делая его ещё меньше по отношению к остальным, опираясь о посох, сделал несколько шагов ко мне:

— Ты, рагх, смотри, не слишком-то во власти купайся. А то кто-нибудь возьмёт, да и утопит тебя в ней...

Я бегло оценил его: шаман из окружения Равр-рагх-Хила, один из тех, кто ещё перед дуэлью высказывал своё фи по отношению к моей персоне. Да уж, вот точно — этим как об стенку горох... Но позволять так разговаривать со своим вождём, в присутствии остальных

гоблинов, не позволю.

— Живо пошли и приступили к своим делам, — процедил я сквозь зубы, невольно создавая перед собой начавший уплотняться духовный сгусток. — Или мне придумать для тебя другое занятие?

На странность, сработало. Я-то думал, вредный гоблинюк ещё некоторое время покочевряжится, прежде чем отступить, а нет — цыкнул, прошептал какое-то ругательство, да отправился с остальными восвояси. Я тяжело вздохнул: не люблю угроз, но, чёрт возьми, как тут по-другому? Покажешь слабинку — загрызут и сожрут, не подавятся. Такая уж доля вождя — без показушности, без обнажения клыков — никак. И ничего тут не сделаешь, по крайней мере пока. Пока всё так устроено, что волей-неволей приходится влезать в первобытные, мерзкие и низменные рамки. Так не за это ли я борюсь? Изменить подобное? Так зачем же сам во всё это лезу? На кой мне тогда власть сдалась, если здесь без подобного никак? Да потому что иначе всего этого и не изменить. Вот такой вот дурацкий парадокс.

Наконец я подошёл к скопившейся толпе стражников и те, завидев меня, стоят отдать им должное, сразу же расступились в стороны, давая пройти. Ну, хоть этим в головы ничего вбивать не приходится.

На земле лежал, мирно поскуливая, Ул. А на его спине распласталось бледно-синее тело гоблина, рука которого сжимала мёртвой хваткой какой-то скомканный свиток. Одежда гоблина была не здешняя — это можно было легко понять по отличительным рунам, намалёванным на куртке, сапогах и даже шкуре, свисавшей с гонца плащом.

Из толпы заинтересованно рассматривающих эту картину воинов вынырнул глава стражи и, рывкнув на тут же разбежавшихся в стороны стражников, подошёл ко мне:

— Анд-Рей, перво-наперво...

— Ты прощён, — перебил я его, похлопав по плечу. — Кил-аль-Хак всё мне... объяснил. И я принял его объяснения.

При этих словах старик благодарно посмотрел на копошащегося за моей спиной шамана. Вот и ладушки — вот и разобрались.

— Дин-вар-Брун. — Ударил себя кулаком в грудь глава стражи.

— Чего?

— Моё имя, — пояснил старик. — Я так и не сказал его тебе. Дин-вар-Брун. Так меня зовут.

На это я лишь бесстрастно кивнул, но внутри ликовал: глава стражи делится со мной своим именем — да по местным меркам это почти то же самое как рассказать наиболее сокровенное из своей жизни! Теперь можно было не сомневаться: мощь клинка, топора, булавы и всего того что есть у стражников, под моим началом. То, что сейчас произошло, пускай и с натяжкой, можно назвать присягой на верное подданство, а это в данной ситуации большое достижение!

— Этот гонец, — вернулся я к делам насущным. — Он прибыл в таком состоянии?

— Именно, — кивнул Дин-вар-Брун.

— И что, ни стрелы, торчащей из тела, ни какой-либо страшной раны? — Уточнил я. — Вообще ничего? Просто мёртвый — и всё тут?

— Мы полагаем, тут замешаны духи.

— Значит, — вмешался в разговор Кил-аль-Хак. — Его убил боевой шаман, а Ула не тронуло? А после убийца ещё и отпустил их?

Я молча кивнул: мой друг умел делать логические выводы, и мои мысли о том, чтобы

сделать его главным ближником, только укрепилась.

— Зовите друида, — бросил я, продолжая пристально разглядывать труп, и старик с чётким «слушаюсь!» споро кинулся выполнять указание.

Дан-руг-Мин не заставил себя долго ждать. Не выславшийся и злой, впрочем, как и все мы, он склонился над Улом и, положив ладони тому на лоб, закатил глаза, вступая с животным в телепатический контакт. Он несколько раз потряс головой, словно отгоняя какие-то мысли, возвращался в нормальное состояние и снова переходил в телепатический разговор. Наконец, мне это надоело и, раздражённо топая ногой, я поторопил друида:

— Ну? Чего? Узнал что-нибудь?

— Ничего, — вздохнул Дан-руг-Мин, выныривая из связи с Улом. — Неразбериха какая-то, и частичные пробелы у него в мыслях... — он бережно погладил заурчавшую животинку, и та благодарно лизнула его в ладонь.

— Так это значит, — насупился Кил-аль-Хак. — Всё-таки воздействовали на неё магией?

— Не факт, — мотнул головой друид, изучающе рассматривая глаза животного. — Вполне может быть, что это просто нервный срыв. Такое бывает, и часто: Ул мог просто испугаться увиденного — а они существа ранимые...

Ну да — я фыркнул — ранимые они. Вон, зубищи какие, да и когти. Такой «ранимый» в порыве чувств тебе плотку скорее перегрызёт, или разрежет надвое — гоблины то ящерицам на один зуб.

— Ладно, — махнул я рукой. — Ула — в стойла, нам лишнее ездовое животное не помещает, немного над мозгами пошаманим, и будет как новенькая. А у этого, — указал я на труп. — Свиток возьмите, посмотрим, что он нам донести собирался. И соберём Совет. Хочу видеть на нём вас, Син-аль-Ланг и Равр-Хила.

Глава стражи нагнулся над телом и, пару раз поднатужившись, попытался разжать намертво стиснутые пальцы. Не вышло. Тогда старик, разогнувшись, выхватил меч и, рубанув с плеча, поднял с земли отсечённую от тела кисть. М-да, просто и действительно — по-гоблински.

* * *

На наспех собранном Совете царила могильная тишина. В свете ярко разгоревшегося костра, вокруг которого мы и сидели, я, стараясь разобрать слова через капельки высохшей крови, сосредоточенно читал текст письма:

«Взываем к своим друзьям с Юга!

Клан Ловкой Птицы в осаде! Бесчестный клан Бессмертной Тени атаковал нас среди ночи, несём огромные потери! Продержимся максимум дня три, дальше — либо голод, либо смерть от стрел неприятеля! Отправляем к вам гонца с надеждой на то, что вы откликнитесь!»

— Что думаете? — вздохнул я, протягивая письмо остальным, для дальнейшего ознакомления.

Прошло ещё несколько минут тишины, пока остальные осмысливали прочитанное.

Наконец, Син-аль-Ланг заговорила:

— Полагаю, если поможем, обзаведёмся ещё одним союзником, чего, я так понимаю, ты и добиваешься.

— Верно полагаешь, — задумчиво кивнул я, глядя на языки пламени. — Только странно это всё как-то...

— Странно, ещё как! — Рыкнул Кил-аль-Хак, даже подпрыгнув на месте. — Гонец, да ещё и вышедший из окружения! Да без единой царапины?! Магия! Пф! Бред, и лишь рагхакк на него купится! И, вообще, печать того ли клана?

— Ну, допустим, про гонца — это ты зря-я-я... — нахмурившись, протянул Дин-вар-Брун. — Я таких молодчиков знавал — они не только из окружения выбирались без царапинки, но и от духов спасались успешно. Да и печать — их, Ловкой Птицы, я их курицу общипанную где угодно узнаю — не один флаг их поломал своим мечом! Другое дело... — резко утихомирился он. — Что печать и подделать можно — это не такая уж и проблема, если есть время и терпение.

— А что там с аурой? — уточнил Кил-аль-Хак. — Ауру письма прощупали?

— Да я лично ауру вдоль и поперёк вынюхала! — возмутилась сомнением гоблина Син-аль-Ланг. Старушка скрестила руки на груди, и на лбу у неё появилось ещё больше морщинок. — Понять, кто его брал, невозможно — слишком много этих «кого-то», мешанина из отпечатков душ.

— Так что же это... — пробубнил глава стражи. — Думаете, западня?

— Вполне может быть, — неуверенно помотал головой Кил-аль-Хак.

— А если нет?! — встряла целительница. — Тогда мы не только союзниками обзаведёмся, но и ресурсами, лишней рабочей силой! И что же мы, упустим подобное? Да и хороший поход не повредит — а то наши воины давненько на месте сидят, пуза себе отрастили! — недвусмысленно зыркнула она на главу стражи, на что тот возмущённо вздёрнул брови.

— А ты что молчишь? — решил я перебить начавшуюся было перепалку. — Равр-Хил? Не узнаю тебя — как воды в рот набрал. Хотя откуда тут столько воды... В общем, сам то что думаешь?

Бывший вождь, посмотрев на меня хмуро из-под бровей, уверенно отобрал письмо у Кил-аль-Хака и стал задумчиво и долго его изучать. Мне уже было показалось, что он лишь делает вид, что о чём-то думает, и я собрался окликнуть его, как вдруг гоблин резко обернулся ко мне:

— Полагаю, мой рагх, — последнее он сказал с явной неохотой. — Что рискнуть и отправиться в поход стоит. Уважаемая Син-аль-Ланг привела абсолютно логичные доводы. Но есть жирное «НО»: хватит ли у нас сил?

— Ты о чём? У меня под началом два клана...

— Да, — кивнул тот, но в глазах Равр-Хила читалось явное несогласие с моей уверенностью. — Но кто сейчас в этих кланах? Из боеспособных — лишь стражники, остальные — обычные работяги. Из шаманов чуть ли не одна треть работает на ферме — из них бойцы как из меня танцовщик «дрыгающихся ног». Что касается тех, кого привёл ты — да, их численно много, но, опять же, бойцов у них едва ли больше чем у моего... — он цыкнул, осекшись. — У твоего клана. Так как решать вопрос с боеспособностью?

— Шаманы и Сила Анд-Рея, — безапелляционно заявила Син-аль-Ланг, не дав мне ответить. — Ещё ни у одного клана во всех Болотах не было такой магической поддержки.

Если верно выстроить войска, при техничной поддержке воинов шаманами, нам никто не будет страшен.

Я невольно улыбнулся: мама возлагала на меня большие надежды — этого мне сильно не хватало...

— Значит, в поход? — выжидающе посмотрел на меня Совет, заставив чуть поёжиться. Всё-таки впервые мне приходилось принимать настолько масштабные решения. Ну... сравнительно.

Я поднялся, и все остальные поднялись вместе со мной. В последующем частично я жалел о принятом решении, но если бы не оно, то верно, многого из того что произошло в дальнейшем, и не было бы, и всё же, и всё же...

— Значит, в поход. — Кивнул я, и направился к выходу.

Выйдя на улицу, я невольно сощурился от вошедшего в свои права солнца. М-да, свет от костра, конечно, яркий, но со светом солнца ему никогда не сравниться.

А у выхода меня уже ждали. Проморгавшись, я даже не сразу их заметил, а когда взгляд упал на собранные в кучу знакомые силуэты, не выдержал и выругался: ну, когда же вы, старички, угомонитесь...

Собравшиеся предо мной шаманы ощерились недоброжелательными улыбками, видимо, дожидавшись меня долгое время, да на таком-то солнцепёке. Видать, дела действительно серьёзные. Ох, и болит же у меня уже голова от подобных «серьёзных» дел. Примерно так я реагировал на свою одноклассницу Катю, что звала меня на «важный разговор» и выговаривала мне, мол, где это я пропадал в то время как они решали как лучше назвать нашу команду по волейболу... Да какое им, к чертям собачьим, дело?!

— Мой рагх... — вышел вперёд уже знакомый мне по утреннему инциденту шаман, явно очень уверенный в себе из-за стоящих за спиной коллег. — А вы, значит, Совет собирали?

— Собирал, — кивнул я, заслышав как вышли наружу и также встали за спиной члены Совета.

— Без шаманов? — удивился, как будто подобное было не очевидно, гоблинок, и обернулся к остальным, показушно-удивлённо разведя руки в стороны: — Где это видано?!

Те согласно закивали, высказав каждый по собственному комментарию. Очень, надо сказать, «мудрому» комментарию. Эх, ну что ж у вас за шило в причинном месте?!

Я молча и терпеливо выслушал каждого. Хотя, кому я вру, никого я не слушал, лишь ждал, когда этот словесный понос окончит низвергаться на меня зловонной массой. И когда сие наконец прекратилось, выставил руку в сторону, сдерживая собравшегося, видимо, сказать пару ласковых Кил-аль-Хака, и сам сделал шаг вперёд к тут же невольно потянувшимся к котелкам шаманам:

— А теперь послушайте меня вы. — Проговорил я с рождающимся откуда-то из глубины, из самых тёмных уголков души, голосом: — Я поступаю так, как считаю нужным, ибо я — рагх! А если желаете в Совет — так доказывайте поступками, духи вас дери! Иначе — смойтесь с глаз долой! Ещё вопросы?!

Старичок, что уже доконал меня своими возмущениями, недовольно посмотрел на стоявшего за мной гоблина:

— Равр-рагх-Хил... это как же... это...

— Во-первых, не рагх, а просто Хил, — неожиданно грозно и уверенно заговорил тот. — Не забывайся. А если у тебя есть претензии, то вызови вождя на поединок — это

Законом не запрещено.

Старичок обомлел, оглянулся на своих коллег в поисках помощи, но Равр-Хил уже прошёл мимо него, идя по дорожке, что освободили ему расступившиеся в стороны шаманы. Ну, дела-а-а — я даже присвистнул и двинул следом за бывшим вождём — ну, даёт, чертяка! А что, стоит у него поучиться ставить подчинённых на место — всё-таки опыта так и так побольше моего!

— Зря вы так, — нагнал нас запыхавшийся Кил-аль-Хак. — С шаманами договариваться нужно, они больно обидчивы, могут и в другой клан улизнуть. Да я сам шаман! И если бы со мной так говорили...

— Всё правильно было сказано. — Перебил его Равр-Хил. — И Анд-Рей верно поступил, что не стал с ними компромиссов искать. Дай им волю — не заметишь как уже не они, а ты у них в услужении. Я эту ошибку уже совершал — слишком близко их к власти подпустил. И где я теперь?

— В моём Совете, — пожал я плечами.

— Ну да! — неожиданно заржал бывший рагх. — А точно! Но от этого смысл моих слов не меняется: всё верно было сделано. Нужно надавить на них, показать власть и силу — с этими стариками, что только и могут как Путничную Траву покуривать, иначе никак. А дальше — пусть поступают как им заблагорассудится. Но, могу тебя уверить, мой рагх, уже завтра будут послушными собачонками у твоих ног скулить.

На это я лишь кивнул. А в мыслях моих бушевала растерянность: значит, вот как нужно править? Кнутом, без пряника? Ну, это мысли Равр-Хила — гоблина, что был низвергнут с своего трона. Да и при его правлении, надо сказать, ходили слухи недовольства. Ладно, об этом стоило подумать на досуге, а сейчас заняться более насущными делами — пора было подниматься в поход!

Клан отреагировал на подобное заявление до обидного сухо: не было ни боевых кличей, ни восторга от предстоящих барышей. Только скупое на эмоции согласие. В общем, боевой дух — ниже плинтуса. Но их понять можно: только что чуть было не развязалась война, часть клана так вообще ещё недавно была в военном положении и потеряла большую часть населения. А тут — из огня, да в полымя... Ну ничего, как говорится, аппетит приходит во время еды. Тронемся, почувствуют воины адреналин в крови, с жёнами своими перед битвой покувыркаются — и поднимется дух, точно. По крайней мере, меня не оставляли подобные надежды.

Начались массовые сборы. Кому-то подобное было не в новинку, а кому-то, в частности, магической верхушке, подобное приходилось испытывать в первый раз, и я не без смеха следил за тем, как толстячки, при помощи своих учеников в качестве рабочей силы, нагружают телеги различной ненужной фигнёй: какими-то подушечками, свёртками, корзинками, и тому подобное. Подозвав к себе главу стражи, шепнул тому, чтоб взял своих воинов и незаметно, потихоньку, освобождал подобные телеги от хлама. Лучше уж загрузить их боезапасом и оружием — нечего тем, кому скоро в битву, таскать на спине то, что могут тащить и Улы. А шаманы обойдутся — пора бы уже им привыкать чуть поумерить свои аппетиты. Да, они мне это припомнят. Но я к подобному готов, и спать собираюсь с открытыми глазами...

Пока клан стоял на ухах, Син-аль-Ланг по моей просьбе позвала в мою хижину всех целительниц. Те тут же стали скидывать с себя шкуры, на что я категорически отрицательно

замахал руками: да что ж у них всё одно на уме?!

Прочёл девицам краткую лекцию под названием «что такое чай, как и из чего его делать». Затем выдал им в распоряжение несколько бойцов в качестве охраны и приказал двинуть за ингредиентами. Пускай готовят и пускают его в массовое производство — полезный напиток, уж в походе то точно пригодится.

Далее последовали разборки с Дан-руг-Мином. Тот выдал мне довольно интересный проект брони для Улов, заставив меня крепко задуматься. Вообще, я ему обещал кузнецов, но в походе... Устраивать походные кузницы? А успеют ли? На подобные мои вопросы друид уверил меня — успеют. Так что я черкнул письмо, в котором выделял ему в распоряжение нескольких кузнецов и отдельную телегу с парочкой ящериц для их поклажи. И Дан-руг-Мин, светящийся от счастья, упорхал улаживать дела.

После пришлось погонять Юлу, объезжая обозы, проверяя готовность армии. Кое-где следовало прикрикнуть, чтобы были порасторопнее, а где-то даже пожертвовать энергией и создать парочку глиняных болванок, в помощь.

В общем, под конец дня я был полностью вымотан, но доволен. Всё было готово, предусмотрено и проверено-перепроверено (Да, такой я параноик), и клан был готов выдвигаться. Конечно, идти в вечернее время, когда до полной темноты всего ничего, было глупо, но времени терять было нельзя, так что выдвинулись мы сразу же, как окончились все дела.

Немногочисленные всадники растянулись по бокам от вытянутого строя мечников, копейщиков и лучников, обозы с припасами и оружием шли позади, а рядом с ними тряслись на своих, давно не езженных, Улах шаманы.

Объезжая ровные строи, отметил, что у каждого висел бурдюк с чаем, что объясняло, отчего целительницы валялись в одной из телег без чувств — утомились, красавицы, но со своим делом справились — все бы так.

Медленно, но верно наступала ночь, пару раз на нас набрасывались стаи мелкой борзой живности, что то ли с голодухи, то ли от недостатка мозгов, не оценивали возможной опасности. И моментально за это поплатились — для этого даже не приходилось пользоваться помощью Лешего, ибо воины, утомлённые монотонной ходьбой, решали повеселиться и сами набрасывались на монстров, споро расправляясь с визжащими и рычащими тварями. Неплохо их старый вояка натаскал, для гоблина подобный максимализм — редкость.

Проблемы начались, когда на Болота опустилась ночь. Тут же, как назло, грянул гром, сверкнула, на мгновение ослепив, молния, и стал лить, как из ведра, дождь. Резко начал подниматься уровень воды, Улы стали дико реветь, не слушаться, даже Юла нервно заёрзала на месте. Гоблины, так те вообще впали в суеверный ужас, началась массовая истерика: кто попрятался в кустах, кто стал забиваться в телеги, пытаюсь спрятаться от непогоды.

Кое-как я заставил Юлу двигаться и, нагнав также чувствующего себя не в своей тарелке Дин-вар-Бруна, прикрываясь ладонью от раздражающе колошматящего по щекам дождя, сощурившись, крикнул, стараясь перекрыть своим голосом раскаты грома:

— Что такое?! Что за паника?!

— Следует переждать бурю! — крикнул в ответ глава стражи. — Небеса недовольны! Либо переждём, либо рискуем потерять кого-нибудь!

Да уж — я недовольно стиснул кулаки — в этой анархии может дойти не только до глупо захлебнувшихся идиотов, но и до поножовщины, гоблинам то много не надо, а с

такими поплывшими мозгами любой толчок или пинок может начать серьёзную заварушку... Чёрт! Действительно, такое чувство, будто кто-то очень могущественный и любящий издевательства сейчас обратил взор именно на нас!

— Ладно! — махнул я рукой. — Пусть все спешиваются, будем искать укрытие!

— Дык уже есть! — обрадовал меня старик. — Тут подземелье под боком, несколько минут пути — не больше! Просторно, все поместятся!

— Подземелье?! Прости, друг, но по собственному опыту знаю — где есть подземелье, там же есть и тот, кто может тебя сожрать!

— Это вряд ли! Там раньше тролли жили, но их давно оттуда выкурили! Если кого и встретим, то никого значительного — это точно!

В общем, он меня убедил. В конце концов, лучше уж рискнуть, нежели смотреть, как эти суеверные нытики продолжают нырять в болотную тину, пихать друг друга, орать и разбегаться.

Улы были взяты за уздцы, и мы пешком строем стали медленно продвигаться через болота. По поводу пары минут старик загнул, видимо, не учитывая тот факт, что двигались мы не верхом, а своими коротенькими ножками, да ещё и в полном обмундировании, сквозь грязь и толщу мерзостной жижи. Так что дошли до цели мы минут через двадцать, и уж не знаю, как у остальных, а у меня всё тело ломило, болели руки, ноги — всё! Но показывать слабинку не стал, и вместо того чтобы рухнуть на холодный каменный пол и провалиться в сон, сел и, заварив нужное зелье, призвал парочку огненных духов, возведя их к потолку в качестве эдаких ламп. Осмотрелся.

А тут действительно было просторно, даже очень. По крайней мере вся наша многочисленная орда уместилась в коридорах подземелья с комфортом, никто друг к другу не жался, помимо, конечно, разнополых существ, что пытались согреть друг друга теплом своих тел. Да и шаманы, стоит сказать, отсеяв от остальных, создали небольшой костерок и, окружив его, прижались друг к другу, трясясь и стуча зубами, причём, думаю, не только от холода.

Я же, оценив, что все на месте, кинулся выяснять обстановку и настроение армии — сейчас это волновало меня более всего.

Как выяснилось, была утеряна половина обоза: какую-то его часть тупо не смогли вытащить из трясины, что-то в ужасе побросали, или просто забыли, а что-то просто потеряли в суматохе. Самое паршивое, что не смогли вытащить телеги с провизией — придётся голодать. По крайней мере, пока не достигнем цели. Да и там вряд ли этот вопрос решить удастся.

Короче, настроение в клане было — паршивее некуда. Все недовольно бурчали о том, что стоило бы повернуть назад, начать всё заново, а потом уже и выступать. Но я отмёл этот вариант: путь туда и обратно займёт тучу времени — такого времени у Ловкой Птицы нет...

Устало упав возле одной из стен, прислонился к ней спиной и прикрыл глаза. Вздремнул. Под монотонное биение дождя и переливистые раскаты грома засыпалось словно под колыбель — особенно после стольких дел, что выпали на мою долю. Просил ли я том? Не просил. Но понимал, что надо. Что нужно это сделать. Ведь как иначе? Иначе ведь не будет той жизни, приблизиться к которой я хотел. И самое грустное: я знал, что она возможна, но также знал, что путь до этой жизни предстоит долгий и трудный. Но я хотел его пройти. До конца.

— Спишь? — послышался тихий, но чёткий голос Син-аль-Ланг.

— Уже нет, — вздохнул я и открыл глаза.

— Прости, — усмехнулась мама и, кряхтя, села рядом, выжимая мокрые, словно полностью состоящие из воды, волосы. — Доля вождя трудна. Но важна и благодатна.

— Благодатна? — я невольно улыбнулся. — Ох, что-то я пока этого не вижу.

— Увидишь. — Грозно, как только она умеет, заявила старушка. — Когда в Мир Духов попадёшь, поймёшь.

— Ну, я пока туда не тороплюсь. — Я вновь прикрыл глаза и сквозь полудрёму спросил, решив перевести тему: — Здесь жили тролли. Кто они? Что-то я пока ни одного на болотах не встречал.

— Тролли? — возникла недолгая пауза. — Премерзейшие, я тебе скажу, существа. Порочащие не только гоблинов, но и огров. Никто точно не знает, как оно было, но всем известна общая история их происхождения. Сначала был выродок, родившийся от союза гоблина и женщины-огра. Его не приняли ни в одном из племён — на кой кривой, ни большой, ни маленький, тупорылый, клыкастый, волосатый монстр хоть какому-нибудь племени? Вот его и выбросили в открытые болота. Неизвестно как он выжил, но, говорят, силой обладал знатной. Пробил себе как-то дорожку в жизнь. Жизнь, полную одиночества и отшельничества. Гнилая жизнь. Не жизнь — а так, существование. А вот дальше неизвестно, что случилось. Одни говорят, этот уродец разделил ложе с кикиморой, другие утверждают, что это был медведь, третьи с уверенностью кладут к нему в постель и саблезубого волка. В общем — непонятно, с кем он умудрился перемешать кровь, но стали рождаться и плодиться те, кого мы теперь и кличем троллями. Они стали подвергаться гонениям. Одно время больно оборзели, да стали до самых селений добираться. Вот и решила парочка кланов временно объединиться да рейд собрать, прямо на этих тварей. Лет десять их по всем болотам вылавливали. А потом перестали их замечать. То ли попрятались кто куда, только носы выглядывают, или же извели их окончательно...

Я и не заметил, как уснул. Сон был странным и абсурдным. В нём мне виделось какое-то страшного вида чудовище, поистине гигантских размеров, что, согнувшись три погибели в крохотной коморке, смотрит на очумевшую от такого гостя гоблиншу, кричит на неё:

— Мама! Это же я! Сынок твой! Не узнала! Мама-а-а-а-А-А-А!!!

И тут он заорал с такой силой, что у меня заложило уши. Не сразу до меня дошло, что кричали не во сне, а наяву.

Я тут же вынырнул в реальность, стараясь побыстрее собрать мысли воедино. Мимо мелькали силуэты гоблинов, снующих туда-сюда, в ушах кололо от постоянных криков, смешивающихся с перекатами грома. А рядом — сосредоточенно-взволнованное лицо Син-аль-Ланг.

Крик раздался снова, на этот раз кричала уже толпа, и в этот крик вклинился ещё и странно-гортанный, доселе неслышанный мною рёв. Я вскочил и бросился по направлению в ту сторону, откуда и раздавалась эта какофония из звуков.

Пришлось проталкиваться, отпихивать в стороны, пинать больно нагих, но в итоге я всё ж таки сумел добраться до места. Довольно большая, в виде полусферы пещера была полностью забита по своему периметру вжавшимися в стены гоблинами. Среди них мелькали женщины, подростки — в общем, все те, кто, видимо, и издавал этот режущий слух крик. А вот воины, не без страха на лицах, но всё-таки вели себя уверенно, взяв в кольцо и выставив вперёд кто копьё, а кто и мечи, стесняя двух рычащих и скалящихся... нечто.

Монстры, которые и вызвали подобный ажиотаж, были величиной с приличного огра,

по всему их телу, в особенности на сгорбленной спине, лоснились то ли волосы, то ли мох, а может, и то и другое вместе взятое. Похожие на сковородки лица не выражали ни капли интеллекта — лишь первобытную ярость. То и дело обнажались острые ряды зубов из-под синих, словно у мертвецов, губ. Крохотные глазки обрамляли выпуклые, толстые надбровные дуги, покатый лоб был покрыт то ли какими-то врождёнными наростами, то ли просто гнойниками. Остроконечные уши выходили в стороны почти под девяносто градусов, были тонкие, но очень длинные, почти в размер с головой. Эти существа не имели никакой одежды, вряд ли что-то слышали о гигиене, и в целом представляли из себя довольно убогое зрелище даже по меркам гоблинов, а это надо ой как постараться! Но их острые когти на руках и ногах, и перекатывающиеся даже под таким плотным слоем волос мышцы выдавали в них опасных тварей.

— Тролли, тролли... — выловил я из непрекращающихся криков и охов перешёптывания, и, мысленно выругавшись, припомнил добрым словом главу стражи: нету тут никого опасного, ага, как же! Вот, стоят, двое из ларца, одинаковых с лица, чтоб их! Так вот вы, значит, какие, тролли...

Растолкав в стороны немало удивившихся такому поведению вождя копейщиков, взмахнул посохом, заковав недоумённо рыкнувших троллей в камень по самые плечи. Н-да, в который раз приходится энергией жертвовать, но теперь, по крайней мере, можно было немного успокоить толпу — даже при явной силище этих монстров подобные оковы сломать им не по силам.

— Дан-руг-Мин!!! — рявкнул я, пока моё эхо, перебившее перешёптывания трясущихся от страха, но почему-то не улепётывающих отсюда гоблинов, разнеслось по всему подземелью, иронично совпав с очередным раскатом грома.

— И незачем так кричать... — буркнул друид, неуверенно выходя вперёд из вжавшейся в стену толпы, похоже, всё это время бывший тут.

— Поговорить сможешь? — ткнул я пальцем во всё ещё пытающихся вырваться на свободу существ.

Дан-руг-Мина в этот момент надо было видеть: волосы встали дыбом, глаза навывкат, а руке протестующе замахали в воздухе:

— Да ты что?! Это ж тролли! Они пускай на животных и похожи, но всё-таки это тебе не Улов тренировать! С ними никто в телепатический контакт не входил!

— Значит, Колумбом станешь.

— Колу... кем?

— Не бери в голову — так, мысли в слух, — махнул я рукой, толкнув друида вперёд: — Пробуй. Не бойся, не укусят. Да уберите вы уже свои колюще-режущие предметы! — не сдержался, и всё-таки наорал на всё продолжавших держать «под прицелом» троллей воинов. — Не видите — они даже шевельнуться не могут?! Отставить, в общем!

Мой надрыв горловых связок подействовал: гоблины убрали оружие и бочком-бочком разошлись кто куда. А друид в это время сделал несколько неуверенных шажков в сторону тут же вперивших в него взгляды монстров, и поёжился. Затем до него, похоже, дошло, что сделать они ему ничего не могут, и это немного приободрило нашего парламента — он подошёл почти вплотную к троллям и, оглянувшись на меня, словно собирался услышать приказ вернуться обратно, выдержал небольшую паузу и, не услышав ничего подобного, вздохнул и вошёл в транс.

Лица троллей исказились, они, словно по команде, встряхнули головами, как будто

отгоняя назойливую муху, а затем обмякли, глаза их закатились, и больше они не подавали признаков жизни.

Народ затих. И воцарившуюся тишину нарушала лишь непогода, да надрывные вздохи. А я стоял и ждал. Сам не понимал, с чего вдруг решил проверить подобное, но отчего-то мне казалось, что так правильно. Возможно, ничего из этого и не выйдет, но попытаться то стоит?

Прошло довольно много времени, прежде чем друид выпал из транса. В ту же секунду и тролли пришли в себя, дёрнули головами, но вели себя более смиренно и спокойно.

— Грозы испугались. — Поведал вспотевший гоблин, тяжело дыша и делая паузы после каждого слова. — Говорят, хотели здесь переждать, но тут мы к ним заявили. Не желали никого трогать. Просто защищались. Есть хотят очень. Голодные.

При последних словах гоблины, вновь с ужасом взирая на с интересом разглядывающих зеленокожих гномов троллей, зашептались, видимо, считая, что те не прочь употребить в еду их самих.

— Тащите еду, — отдал я приказ ближайшим мечникам. — Сколько есть.

Те споро кинулись выполнять приказание, и через короткий промежуток времени в этой части пещеры уже запахло различными фруктами, мясом и кашей. Решив всё-таки рискнуть, но всё равно, следуя своей паранойе, держа в голове заклинание, разрушил каменные оковы и стал ждать.

Освободившись, монстры трянули плечами, ссылая с себя остатки земли, и с недоверием уставились на угощение. Затем один из них протянул лапу и, взяв в охапку горку из фруктов, немного посомневавшись, сунул себе в рот. Прожевал. А затем с громким рёвом набросился на остальную еду. Второй, завидев подобную реакцию собрата, также принялся жевать за обе щеки, так что не прошло и минуты, как все запасы оказались в желудках довольных до невозможности троллей.

Они что-то прорычали невразумительное, и я обратился к друиду за переводом:

— Говорят, что хотят ещё, — пояснил Дан-руг-Мин.

— Скажи им, что там, куда мы направляемся, еды будет в достатке. И если помогут, больше никогда не будут голодать.

Друид завис на некоторое время, видимо, докладывая сосредоточенно внимавшим троллям суть моих слов. А после сказал:

— Они говорят, если будет также вкусно, то они сделают что угодно.

Сказать, что я был счастлив — не сказать ничего. Моя армия пополнилась настоящими троллями, монстрами, орудиями убийства — называйте как хотите, суть от этого не меняется: подобная доукомплектация многократно усилит военную мощь клана.

Немного поиграв в переговоры с великанами, убедили их привести за собой собратьев — похоже, эти двое были братьями, которые вышли на охоту, что выпала на неудачная время. Также у них была сестра (Страшно представить себе эту «красотку»), отец, мать, даже дед! У троллей годы жизни шли несравнимо быстрее, нежели у гоблинов. Так что этим двоим было всего года по три, родители ненамного их опережали, а деду, опять же, по нашим меркам, было всего лет пятнадцать — подросток, одним словом. Но уже успел наплодить...

В общем, в итоге, как только буря улеглась, мы познакомились со всем семейством, и те, не раздумывая, приняли наши условия. А именно — воевать и есть, это ли не мечта истинных потомков огров?! Так что на следующей день по болотам двигалась уже не

понурая уставшая недоармия, а истинная орда, воодушевлённая подобным пополнением. Да уж, происки судьбы никогда не понять обычному смертному: то она, на первый взгляд, вставляет тебе палки в колёса, а то выходит и так, что она просто тебе эти колёса меняла. На новые, усовершенствованные и удобные. Но долго ли они протянут, и скоро ли ждать новую палку? Поглядим. А пока — в путь!

ГЛАВА 15 Снова бой, или невероятное видение

— И что скажете?

— Странно это всё...

Действительно, странно.

С небольшого холмика, недалеко от которого и стояло поселение клана Ловкой Птицы, открывался отличный вид на окрестности. Место было довольно удобным для житья-бытья: обильных размеров поляна, окружённая деревьями, холмиками и кустарниками. За одним из таких мы с Кил-аль-Хаком, Дин-вар-Бруном и Равр-Хилом и расположились. И с удивлением смотрели на абсолютное отсутствие или хоть какой-то намёк на битву, или осаду, или на то, что подобное имело место быть. Селение как стояло, так и стоит, аккуратненькое, колышек к колышку, ворота блестят на полуденном солнце — красота!

Вот это то и пугало...

Ну не может быть всё так шито-крыто у гоблинов! Да, в плане строительства они трудяги, аки муравьи, но неряшливы до невозможности! Редко следят за чистотой и гигиеной! Если частокол, то частично покошенный, объединенный жуками, если ворота, то также кривые, ржавые. И чтобы так, идеально и аккуратно? А где дым — обязательный атрибут любого мало-мальски нормального жилья, где почти всегда горит костёр — для отопления и готовки? Где часовые на стенах?

— Засада... — буркнул Равр-Хил. — Точно, засада!

— А ты видишь хоть какие-нибудь признаки засады? — уточнил у него глава стражи. — Тишина, причём такая, словно никого живого тут нет.

— Это-то и странно, согласен с Равр-Хилом! — вклинился в разговор Кил-аль-Хак — Слишком тихо, не бывает такой тишины. Даже птиц не слышно...

— Мои духи уже прочёсывают окрестности, — перебил я их спор. — И пока в округе никого не обнаружили. Вообще никого. Будь это засада, они бы хоть где-нибудь, да притаились. А пока нашлись лишь следы, много следов, причём уходящие далеко отсюда. Судя по всему, они ушли.

— Кто ушёл-то?! — возмутился старый гоблин. — Ловкая Птица?! Тогда где захватчики?! Или сами захватчики ушли?! И зачем? С чего бы? И забрали с собой всех, оставив нетронутой само селение?! Слишком много «но», слишком! И вообще: тогда что значило то письмо?! Если верить ему, то тут был бой! И где? Покажите мне, где хоть малейший намёк на прошедшую битву?! Не так здесь что-то — нутром чую, рагх!

Я согласно кивнул. Нахмурился. Действительно, много всего ставило под сомнение ясность происходящего. И что делать? Уйти? Просто уйти, не выяснив, что здесь произошло? И постоянно вскакивать в постели, опасаясь, что нечто подобное произойдёт и с моим кланом? Нет. Нужно всё выяснить — другого выхода я не вижу.

— Стройте войска, — всё для себя решив, я поднялся, при этом всё ещё оставаясь прикрыт густыми кустами. — Женщин, детей и всех, кто не может драться, оставить тут. Прикажите целительницам готовить отвары. Шаманов разбейте по группам, один шаман на десятерых воинов. И следите, чтобы эти группы держались сообща. Троллей двинем следом, пускай прикрывают тыл в случае чего.

Неожиданно я почувствовал, как затряслись ноги. Возможно, мы просто обнаружим пустое селение и уйдём. А если нет? А если битва? Я не боялся сражений — слишком много

их успело выпасть на мою долю в этом мире, но... Мои полководческие таланты ограничивались многочисленными компьютерными стратегиями, да историческими книгами, которыми я зачитывался в своё время. А опыта — ноль. Ну никогда ещё не приходилось мне вести за собой армию! Никогда!

Мои размышления вдруг прервали многочисленные удивлённые вздохи с той стороны, где мы оставили временно разбитый лагерь. Это ещё что такое?

Выбравшись вместо с остальными из кустарников, подошёл к толпе восхищённых зевак, которые, как ненормальные, с интересом разглядывали кучу расположившихся прямо посреди лагеря серых валунов, поросших мхом и какой-то травой.

— Не понял?

— Тролли это! — пояснил стоявший ближе остальных ко мне воин. — Спать улеглись!

— Спать, говоришь... — теперь уже пришёл мой черёд восхищаться. Вот это маскировка! Морок? Магия? Да нет, тут магией и не пахнет. Значит, врождённая особенность? А что, а может...

Я перехватил также залипнувшего на этом зрелище главу стражи и рассказал ему новый, чуть скорректированный план действий. Оставалось лишь поведать об этом остальным, ну, и троллям, соответственно, которым отводилась во всём немаловажная роль.

Со всеми приготовлениями, сворачиванием лагеря и расстановкой войска закончили только к вечеру, но всё ещё было достаточно светло, так что решили не откладывать, быстро завершить рейд, и уже дальше думать, как быть.

Подойдя к мирно ждавшей меня Юле, не без удовольствия провёл рукой по пластинчатой шипастой броне, что была накинута на спину ящерке, свисая с боков и крепясь на пузе. Хвост также украшала тонкая полоска из стальных пластинок, скреплённых между друг другом, с длинным, словно у осы, шипом на конце. На голове у девочки также красовался шлем с парочкой длинный шипов наподобие рогов, скрывавший почти всю морду, кроме глаз, ноздрей и подбородка. Стоит отдать должное Дан-руг-Мину: он показал себя не только превосходным телепатом и друидом, но и отличным мастером кузнечного дела — благодаря его чертежам получившаяся броня для Улов была практичной, лёгкой и удобной. Для наездника. А вот сама ящерица так, похоже, не думала. И то и дело норовила фыркнуть, оскалить зубки, и стряхнуть с себя эту странную вторую кожу.

— Ничего, милая... — почесал я ей подбородок. — Потерпи. Скоро всё кончится, и я угощу тебя вкусным сеном!

На это она вновь фыркнула и закатила глаза. Ишь ты, привередливая какая! На сене у меня сидеть будешь — и так пузо отъела, по земле скребётся! Избаловал я девочку, надо бы с ней поостроже.

Вскочив в седло, направил Юлу к уже выстроившимся в ровные шеренги отрядам. Вот! Могут же, когда хотят! Подъехав к уже сидящим верхом Дин-вар-Бруну и Равр-Хилу, напомнил про идею с троллями и о том, что воззвать к ним следует лишь когда будет совсем худо, и вручил им по небольшому амулету, в котором были заточены огненные души. Сработать этот амулет должен был наподобие фейерверка, что и послужит сигналом троллям.

Вся мысль заключалась в том, чтобы замаскировать их под камни и оставить в тылу, тогда, в случае засады, у нас был бы козырь в рукаве, а также элемент неожиданности, которым можно будет воспользоваться в любой момент. Самим монстрам эту мысль еле-еле донесли посредством мучений друида. Великаны постоянно твердили, когда же будет еда, но

В итоге, кажется, поняли.

Так что, двинув к селению, я был сосредоточен, но более спокоен, нежели час назад, ибо теперь я знал: всё, что мог, сделал. А там уж как Великие решат.

Тролли показали себя отличными таранами: снесли ворота, как нечего делать. И мы спокойно вошли внутрь. Как и думали, никого внутри не оказалось, ни единого звука, шумели только мы, и притом знатно: в сравнении с окружающей тишиной мы были настоящим духовым оркестром из топающих ног и лап, бьющихся о бока ножен мечей, рычащих Улов и бряцающих доспехов. Далее делали всё так, как и планировали: тролли рассыпались в стороны, занимая позиции по периметру, обращаясь в камни — среди многочисленных хижин затеряться было проще лёгкого. Шаманы заготавливали зелья в котелках, то и доле оглядываясь по сторонам — их в бою принято убивать первыми.

Атмосфера была самая что ни на есть напряжённая. Мне было не по себе. Да и это странное чувство... Как будто какой-то неуловимый запах ускользает от меня, запах то ли чего-то сгнившего, то ли тухлого... Как будто кто-то спрятал давным-давно мёртвое животное, скрыв его за слабеньким ароматом духов.

— Ты тоже это чувствуешь? — ко мне подъехал Кил-аль-Хак. Его лицо также нельзя было назвать беззаботным. — Словно... — неожиданно на его лице исказилась такая гримаса озарения и одновременно ужаса, что я и сам всё понял.

— Морок... — прошептал я одними губами, не до конца веря, но как только пришёл в чувства, воскликнул уже так, чтобы было слышно всем: — Морок!!!

Видимо, нас услышали. И невероятный по своей масштабности морок, что мы учуяли совсем поздно, пал за ненадобностью: хижины исчезли, превратившись в громадные пепелища, дорожки также испарились, остались лишь перекошенные ворота да частокол. И одновременно с этим ото всюду из раскрывающихся порталов посыпались гоблины. Этих порталов было превеликое множество, и я даже боялся вообразить, сколько энергии было на них угрохано: они являлись заклинаниями высшего порядка, и чтобы создать хотя бы один такой, нужно иссушить почти весь свой запас энергии, даже мне! Но это значит, что противник, кто бы он ни был, лишил себя магической мощи, пускай и завладел эффектом неожиданности!

Всё это промелькнуло в голове в единое мгновение, а затем я ударил Ула по бокам пятками и с громким «роа-а-а!!!» понёсся на врага.

По ушам лилейной мелодией ударили боевые кличи моих воинов, и они схлестнулись с криком и шипением противника, почти сразу же уйдя на второй план и уступив место лязганью клинков, вспышек заклинаний и предсмертным хрипам. Всё-таки засада! Целое селение использовали как приманку! Вот почему их не было в округе! Воспользовавшись порталами, они могли засесть почти где угодно и ничем не выдать себя! И кто я после этого?!

Но дать себе мысленный нагоняй не успел: разум затмила злоба и ударивший в мозг адреналин. Так что дальше я мыслил лишь так: убей, или будешь убит!

Первый бросившийся на меня противник был на ходу сшиблен Юлой, а следующий улетел в сторону от моего удара посохом — даже сквозь шум битвы послышался хруст сломанных позвонков. А затем я вклинился в самую гущу сражения, обрушивая на врагов град ударов из глыб, шипов, создавал песчаные воронки, в которых тонули целые толпы невнимательных. Старался не задеть своих, но как такое возможно, когда среди трёх противников обязательно окажется один из твоего войска, да и в пылу битвы нередко можно

перепутать — такое случается, это тебе не компьютерные игрушки...

Чудом увернулся от свистнувшей над ухом стрелы. Позади меня раздался протяжный хрип боли. А затем рядом пролетела молния, послав к праотцам отряд копейщиков противника. В голове мелькнула мысль: магия идёт лишь с наших рядов! Значит, действительно, всю энергию на порталы потратили, идиоты! И кто же это у них такой умный придумал?! Но пожалеть о своих словах мне пришлось почти сразу же.

Откуда-то справа, шипя, сверкнуло нечто. Обернувшись, я в последнюю секунду успел понять, что это «нечто» — тёмная материя, очень похожая на молнию, или огненный шар, только черно-зелёного цвета, словно какая-нибудь ядовитая смола. А затем голову прошибла боль, я почувствовал, как лечу в воздухе, и через мгновение уже лежал на земле, с удивлением обнаружив, что жив. Какого?..

Огляделся, стараясь отыскать среди месива из сражающихся гоблинов Юлу. И обнаружил её почти сразу: девочка вертелась, подобно своему имени, брыкаясь, разрывая махая хвостом и раскидывая врагов. Я уже было хотел броситься к ней на помощь, как вдруг тот, кто умудрился сделать из меня вместо наездника пешего вновь решил выбросить заклинание. Но на этот раз я был готов, и принял его на собственный духовный сгусток, уведя в сторону и шарахнув по собравшимся напасть гоблинюкам. Слабенько! Если этот кто-то собирается меня убить, то следует воспользоваться духовными сущностями покруче!

А уже через секунду я узрел этого «кого-то»: он накинулся на меня словно бы из ниоткуда, взмахнув посохом, и только до меня дошло, кто передо мной, как кончик его посоха коснулся меня, и всё пространство вдруг поплыло, исказилось, а затем меня выкинуло на каменистую поверхность неизвестно где. Проехавшись по камням и разодрав на себе одежду, кое-как нашёл в себе силы подняться, перехватить поудобнее Пха и уставиться на того, кто по непонятной мне причине решил покинуть поле боя вместе со мной, ибо это место никак не было похоже на то, где я находился мгновение назад.

Горы, вздымающиеся высоко ввысь, гнетущие, словно нависающие над тобой страшными клыками великана, готового вот-вот захлопнуть пасть — такие ощущения тут же возникли во мне при виде подобного пейзажа. А рядом, у подножия, деревья, сначала редкие, а затем собиравшиеся в сплошную гигантскую крышу из листвы, доходили до самого горизонта, превращаясь в болота. И там, на горизонте, виднелись вспышки заклинаний, неотчётливые, но всё же. И даже отсюда слышны были крики умирающих, звоны железа, рёв Улов и гоблинов вперемешку.

— Так далеко от поля боя... — прошептал я, отчего-то абсолютно не волнуясь и не пугаясь. — Видимо, у тебя была на то причина.

— Была. — Прохрипел горбатый гoblin и оскалился: — Хотелось пообщаться тет-а-тет.

— Зачем тебе это, Лар-ин-Лин? — Никакого удивления от встречи с тем, кого считал мертвецом, я не испытал. Только осознал, что всё неожиданно стало сложнее.

— Заткнись! — рявкнул тот, и выражение его лица изменилось: стало отвратительно-злым и перекошенным. — У меня нет этого имени! Ты сам забрал его у меня! Я — Нон! Бессмертная Тень!

— Ну да... — у меня вдруг всё сложилось в голове. Ну... почти. По крайней мере, после этих слов часть паззла собралась уж точно. Я оглядел глубокие фосфоресцирующие шрамы на лице Нона. — Что с тобой произошло?

Он вдруг удивлённо вылупился на меня и заржал:

— Что?! Не будешь пытаться меня убить?! Не скажешь, что даже дела иметь не хочешь с

обладателем Метки?! Конечечно! Иномирец, что с тебя взять! — он вновь обнажил свои гнилые, корявые клыки. — Камень. Камень дал мне силу! Помог выжить, когда ты попытался прикончить меня! — он показательно обвёл руками горы: — Я умирал здесь! Среди этих проклятых пещер! Пока камень не воззвал ко мне! Пока он не выбрал меня! Дал мне силу! Власть! Создал того, кто найдёт и избавит Пяту от скверны! От тебя!

— Ты убил Мастера-над-Водой, Их-руг-Ахта, хотел убить и меня. Тебе некого винить, кроме себя самого. — На странность, я оставался всё также равнодушен к восклицаниям этого явно сошедшего с ума безумца. — Так зачем я здесь? Оставил бы меня там, в пылу сражения — кажись, и погиб бы под случайной стрелой. В чём смысл?

— Смысла тут целых два! — я не мог не заметить, что, пытаясь отвлечь меня разговором, Нон делал медленные шаги в сторону, обходя меня по кругу. — Во-первых, увести тебя отсюда. Ты из всех шаманов представлял, как это ни прискорбно, большую опасность. Остальные — что? Отъевшиеся невежи, которые уже лет сто ни с кем не воевали! Израсходуют все силы в считанные минуты, а затем их сомнут числом! Во-вторых... дать такой подарок, как убийство тебя, какому-нибудь рагхаку из Бессмертной Тени? Или одному из тупорылых горных гоблинов?! Не-е-ет! Я буду убивать тебя сам! Медленно! Разбирать по кусочкам, а затем сшивать вновь! До тех пор, пока ты не сойдёшь с ума! Пока сам не попросишь о смерти! Пока...

— Я понял-понял, — перебил я обещания Нона. — Только ты кое-чего не учёл. Битва будет выиграна мной.

— Хм? — гоблин застыл и подозрительно сощурился. Глядел на меня пристально, словно намереваясь обличить во лжи, а затем медленно, по слогам, протянул: — Что. Ты. Сделал?

— Я — ничего. — Пожал я плечами, обернувшись в сторону болот. И вовремя: на горизонте ярко сверкнула, змеёй взмыв в высь, красная вспышка. Началось.

Нон нахмурился. Закатил глаза, впадая в транс, и почти сразу же выпал из него. Он тяжело дышал, лицо его покраснело, а шрамы стали гореть ярче и отчётливее:

— Подкрепление?! Откуда?!

— Тролли. Хорошие ребята, кстати. Только пожрать любят — вот я им и предложил в качестве десерта гоблину.

Нон ещё некоторое время смотрел на меня, выпучив глаза, видимо, не до конца веря в происходящее. Конечно, всегда сложно поверить, что твои, казалось бы, далеко идущие планы, кто-то решил нарушить. На собственном горьком опыте успел узнать.

Гоблин заревел. Взмахнул посохом, прыгнув на меня, и выпустил ту самую ядовито-чёрную массу — то, во что превратилась его магия... Но я был готов к этому, как, впрочем, и Леший, и потому, моментально отпрыгнув в сторону, послал в Нона каменную стрелу — благо, сырья для магии тут был в достатке. А здесь он сумел меня удивить: просто-напросто разорвал эту духовную сущность, причём одной силой мысли, безо всякого призыва душ! Кажется, он вознамерился напомнить о своём обещании долго и мучительно пытаться меня, ибо следующие минуты стали для меня адом:

То окружающее пространство вздымалось лопающимися вязкими пузырями, то вырывались из образующихся в воздухе порталов кривые, облепленные по всей своей площади шипами щупальца, от которых я еле-еле успевал уклоняться, одновременно с этим справляясь с совсем уж невиданными, рождающимися из откидываемыми валунами теней тварями: то ли псы, то ли волки, собранные из костей, среди которых гуляла, искра и

деформируясь, та самая ядовитая энергия, видимо, и поддерживая в них жизнь.

Не знаю, что это за камень такой, которым так хвастался Нон, но он извратил саму суть шаманизма, видоизменил её, и дал такие возможности своему обладателю, что становилось даже не по себе: сейчас мой противник превосходил меня по всем параметрам! И по скорости вызова духов, и по их мощи, и даже по количеству энергии! И вообще, кончается ли у него она, эта энергия? Судя по виду даже не вспотевшего гоблинюка — ответ навязывался сам собой.

И вот, очередной отправленный в меня шарообразный сгусток достиг своей цели: внутри как будто всё взорвалось, я почувствовал, как хрустнули рёбра, ноги подкосились, и я упал. Каменистая поверхность земли больно ударила по спине, я закашлялся кровью и распластался звездой, выпустив из рук Пха и не в силах подняться. Вот дерьмо... Я умру? Сейчас? Не исполнив всего того, что собирался? Или же он исполнит свои обещания, и сейчас мне предстоит адская пытка?

Надо мной нависла довольная рожа Нона. Он деланно-сочувственно всплеснул руками и заквакал:

— Именем духов, как мне жаль! Ты не поранился?! — гoblin хрипло заржал, довольный своей шуткой. — Что-то мне это напоминает... Кровь, беспомощность... Это напоминает мне меня самого в тот день. Я понимаю, что ты чувствуешь. И мне тебя даже жаль. Хотя... — он причмокнул, задумываясь. — Хотя нет. Не жаль. Абсолютно. — Нон наклонился и вытащил у меня из-за пояса нож. Подкинул его в руке. Нахмурился, подумав о чём-то, а затем кивнул своим же мыслям: — Тебе повезло. Я не буду тебя пытаться. Гордись! Я подарю тебе смерть быструю и почти безболезненную. Чего ещё можно желать в твоём положении? Слишком долго. Слишком долго я этого ждал!

Как только Нон замахнулся и блеснуло лезвие ножа, я, как ни странно, не подумал о ком-то родном, не подумал о детстве, или о своём будущем, даже страх, проникнувший в душу, исчез, я лишь обречённо вздохнул и подумал: «Боже, как же много он болтает...».

Но вдруг довольное донельзя лицо гоблина резко искривилось и вспухло. Рука, так и сжимавшая оружие, застыла и затряслась. В следующее мгновение всё тело Нона заходило ходуном, то вспучиваясь в одном месте, то сжимаясь почти до точки в другом, шрамы вдруг вспыхнули, и затем... гоблина разорвало на куски: кровью запачкало всё вокруг, включая и меня самого. Я даже не успел удивиться — только уставился на зависший в воздухе, обдающий округу мягким голубым сиянием камень.

Казалось, это было единственное чистое нечто на многие километры вокруг. Да что там говорить, во всём этом мире! Я забыл о чужой крови, застилавшей глаза, забыл о битве, чей шум больше не тревожил меня: и только смотрел на это призрачное, влекущее, словно свет лампы мотылька сияние...

Камень вздрогнул и медленно начал спускаться прямо ко мне. И в голове появился до боли знакомый голос: «Ты — Тот, Кто Не Умирает! Наконец-то!».

А затем камень коснулся моей груди, и всё вокруг изменилось.

* * *

Паладин поднялся с койки и потянулся. Полёт, даже на сверхпространственных скоростях, длился уже слишком долго, а подходящая планета для исследований так и не была

найдена, и что писать в отчёте, он понятия не имел. Он решил так: ещё неделя блуждания по космосу, и домой. Там он будет нужнее.

Могучий мужчина поднялся, скрипнув кроватью, и начал облачаться в белоснежный, вычищенный до блеска скафандр. Закрепив на себе все ремни, взял прислонённый к стене украшенный кривыми, пересекающимися друг друга линиями, молот и, перекинув его через плечо, покинул каюту, выходя в прямой, пересекающий корабль на всю длину, коридор.

Ступая по нему, он несколько раз приветственно кивнул пробежавшим мимо солдатам и инженерам, и, остановившись у двери, что вела на капитанский мостик, подождал, пока система идентифицирует его, как капитана, и вошёл в открывшийся проём.

— Господин Капитан! — встал по стойке «смирно» его первый помощник, на что паладин лишь махнул рукой и, упав в капитанское кресло, вставил молот вершиной в глубокое утопление в полу.

Рисунок на молоте совпал с рисунком в утоплении, и молчавшая до этого панель управления моментально проснулась, вспыхнув несколькими экранами напротив паладина, где стремительно менялись какие-то цифры, появлялись и вновь исчезали чертежи и картинки — на сверхпространственной скорости корабль считывал информацию на расстоянии одного светового года вокруг, но тут же выкидывал её за ненадобностью, ибо уже был в другой точке галактики.

— Господин Капитан! — снова, уже более настойчиво, повторил первый помощник.

Паладин устало посмотрел на него: зелёный, энергичный, готовый служить Империи и умереть за неё. Он и сам был таким когда-то. Нет, он и сейчас готов умереть за свою Родину — в конце концов, для сынов Империи смерть — это далеко не конец, но столько жизней он успел сменить, что стал относиться к смерти философски: ну, умрёт и умрёт, с кем не бывает, но если уж и умирать, то делать это лишь в том случае, когда нет никаких других вариантов, а не кидаться с головой в пекло, как это любит молодняк. Эти щеглы, что только-только пришли на службу Империи, считают, что всё им по плечу, что мигом поднимутся вверх, станут паладинами, поведут за собой армии, захватят галактики, а то и вселенные, и войдут в истории, которые с восторгом будут рассказывать таким же щеглам в военной академии. А остальные будут внимать, широко раскрывая рты, и гордиться: вот они, настоящие герои! Всё не так. И то, что они сейчас, ни на что не надеясь, рассекают просторы космоса, лишь подтверждает это.

— Ну, говори. — Глубоко вздохнул капитан, вновь уткнувшись в экраны. — Чем на этот раз ты собираешься меня огорчить?

— Хорошие новости, господин Капитан! — с небольшой укоризной в голосе, словно указывая старшему по званию, что тот зря вешает на него ярлыки, доложил помощник. — Найдена планета! Имеет магический потенциал! Население довольно развито для установки связей!

Паладин даже подскочил в кресле и тут же как будто ожил: лицо его расцвело, а вечно сжатые губы расплылись в довольной улыбке:

— Расстояние? — уточнил он.

— Пять световых лет! — доложил паренёк.

— Значит, будем на месте через час, а то и меньше, — потёр руки в предвкушении капитан, вскочив с кресла и, подойдя к панели управления, включил динамики:

— Внимание! Инженерному отсеку! Готовьте капсулу и команду сопровождения! Будем исполнять долг Империи!

Как только корабль достиг планеты-цели и завис на её орбите, паладин на скорую руку снял с неё информацию и отправил нескольких дроидов-разведчиков на облёт территории данной части планеты: при всех своих возможностях, сканеры корабля не могли дать достаточно точной информации, а недосказанности Капитан не любил. Прошло не больше нескольких часов, за время которых паладин узнал о планете практически всё. В последний раз хмыкнув на изображение местных жителей — каких-то человекоподобных тварей, но со странным скелетом, что делал их громоздкими и невероятно сильными, да карликов, своим внешним видом напоминавших лишь смешную карикатуру на человека: крохотные, зеленокожие человечки с огромными ушами — он вытащил из углубления молот и направился в ангар, где уже была готова капсула и команда.

— Если что случится, — кинул он сопровождавшему его помощнику. — Действуй по инструкции. Сам знаешь. В случае, если наткнёмся на серьёзное сопротивление...

— Немедленная отправка помощи. Я в курсе, господин Капитан!

— Ну что, бойцы?! — осклабился он. — Посмотрим на местное гостеприимство?!

— Да! — весело заулыбались солдаты и полезли в капсулу...

* * *

Тяжело дыша, паладин бежал, причём с завидной скоростью для человека, облачённого в тяжёлый скафандр и с молотом наперевес. Бластер он выкинул за ненадобностью: кончились заряды, пока он убивал этих гадов! Вот почему Капитан всегда ценил холодное оружие паладина: у него нет ограниченного количества мощности, оно может убивать всегда! Молот был испачкан в крови: пока вырывался, пришлось помахать и им. Команду жалко... бедняги не успели и пискнуть, когда на них обрушилась магия зеленокожих выродков!

Что самое мерзкое — связь не работала. Не понятно, чем занимается главный помощник, но уж точно не стоит перед монитором и следит за тем, что происходит с командой разведки — уж скорее попивает виски в каюте, или почёсывает зад в туалете с любимой книжкой! Или... Паладин даже затормозил, когда в голову ему пришла мысль — или всё видит, но не действует, ибо хочет его подсесть?! Тогда... Капитан посмотрел в небо — туда, где среди редких облаков угадывалась точка-корабль. Тогда он уже готовит кинетический удар. В протоколе всё спокойно можно списать на то, что население планеты не вышло на связь, пускай и предпринимались постоянные попытки, а затем попыталось уничтожить корабль, выведя в атмосферу свои собственные корабли. Даже если у этих неандертальцев этих кораблей и в помине не было. В таком случае уничтожение этого самого населения было первостепенной задачей Империи. Кто станет проверять? Лететь за миллионы световых лет? По крайней мере, сам Капитан поступил бы именно так, в случае чего. А это значит, что скоро здесь воцарится Армагеддон, и стоило найти укрытие.

Издали слышались утробные крики местных. Паладин цыкнул и бросился бежать ещё быстрее. Грёбанные неандертальцы! Если бы не их магические штучки, эти гномы давно были бы мертвы! Но вселенная — шут знает, с чего — решила подарить им невероятные по своей силе возможности. И теперь он вынужден бежать, он, паладин Империи! Тот, кто уничтожил сотни подобных планет! Теперь вынужден каждую секунду трястись от того, что его самого накроет кинетический удар! Какой позор...

Рядом с шипением пронеслось очередное заклинание. Капитан бросил взгляд назад: зеленокожие карлики двигались с невероятной скоростью, преследуя его на ящерицах-переростках. Плохо. Очень плохо! Ну ничего — мужчина осклабился — он ещё повоюет!

КПК, закреплённый на запястье, показывал, что до ближайшего горного массива рукой подать. Там он и скроется. По крайней мере, это лучше, чем мериться силами на открытой местности. И, пускай всё это время он как-то умудрялся уклоняться от непрекращающегося града заклинаний, ловко лавируя между деревьями и редкими холмиками, несмотря на тяжесть скафандра, который он уже успел проклясть, силы его не бесконечны.

Так что Капитан каким-то чудом умудрился ещё сильнее ускорить темп бега, и через минуту уже взбирался по каменистым нагромождениям в сторону спасительных гор. Позади послышалось шуршание — преследователи неуверенно застыли, переглянулись, и помчались обратно. Паладин хмыкнул — выдохлись, мерзкие выродки?! Истинный сын Империи и не на такое способен!

Но сладостные мысли о том, что побег удался, перекрыла волна страха, когда случайно брошенный на небеса взгляд наткнулся на красноватое свечение, исходившее со стороны корабля. Удар будет вот-вот нанесён, в сравнении с этой проблемой погоня карликов уже не казалась мужчине такой уж страшной.

Паладин ринулся в ближайшую пещеру — сила выстрела будет достаточной, чтобы поджечь деревья и уничтожить население под корень, но вряд ли она сумеет снести горный массив, так что в данной ситуации он мог стать его спасением.

Если бы Капитан знал тогда, насколько он ошибался...

Пробираясь через длинный тоннель, пригибая голову, ибо свисавшие с потолков, словно сосульки, застывшие каменные породы постоянно норовили познакомиться поближе с его лбом, паладин включил встроенные в скафандр фонари, на всякий случай держа наготове молот. Опыт разведывательных операций подсказывал ему, что если где и есть какая-нибудь пещера, то обычно она либо занята, либо является целью номер один для различных хищников, которые всегда надеются в ней что-нибудь да найти. Потому стоило быть начеку.

Наконец, он вышел из тоннеля в резко расширившееся пространство, похожее на зал, с высоким, выше его самого раза в два, потолком, так что теперь можно было спокойно выпрямиться и не бояться за сохранность головы. Огляделся. Что ж, по крайней мере, для того, чтобы переждать, подойдёт. А дальше он что-нибудь придумает.

Паладин посмотрел на вход-арку. Стоило его завалить камнями: жар от кинетического удара вполне был способен добраться и досюда, подстраховаться не помешает.

Отложив молот, он принялся за работу. Но только он взял ближайший валун, как откуда-то издали раздался рык. Он эхом пронёсся по пещере и затих. Капитан так и застыл с валуном в руках, прислушавшись. Показалось? Нет — рык повторился снова, но теперь уже с другой стороны, а затем начал раздаваться со всех сторон, становясь всё ближе и ближе.

Мужчина выронил камень и бросился к своему молоту. Вовремя: со всех сторон из незамеченных им ранее щелей в стенах стали выползать твари, невероятно похожие на тех карликов, коих он видел до этого, но другие: более дикие, злобные. И голодные.

Паладин заорал и ответом ему был шум сгораемого дотла мира.

Я глубоко вздохнул, вынырнув из так неожиданно навалившегося на меня видения. Сел, вдруг осознав, что не чувствую боли. Ощупал себя. Действительно, все кости целы! Как?!

Посмотрел на камень и, взяв его в руки, недолго думая, бросил в мешок с ингредиентами. М-да, думал, что стал многое понимать, но в итоге обзавёлся ещё вагоном и маленькой тележкой вопросов. Кто это был? Почему я вдруг увидел это? Что это за камень, чёрт возьми?! Пускай он и казался неживым объектом, но то, что он сотворил с Лар-ин-Лином... Да и кто сказал, что вся та заварушка, устроенная мстительным гоблином, не его рук дело?! И кто сказал, что это вообще камень?! И почему я?! Ведь, выходит, он всё это устроил, чтобы попасть ко мне?! Чтобы показать то, что я увидел?! Зачем?! Почему?! Ну, вот, опять голова разболелась... Ненавижу вопросы без ответов!

Хотя, в принципе, почему же? Парочку ответов я мог бы дать себе самостоятельно. Посмотрел на пещеру, до которой было метров десять — не больше. Вот же оно, то самое место! Так, может, наведаться в гости? Тук-тук, кто там! Внутренний голос норовил взорваться от негодования: на кой чёрт оно мне сдалось?! Но вот врождённое любопытство нежно и ненавязчиво подталкивало: давай, иди, чего же ты... Ну и ладно! Всё равно ведь лопну, если хоть что-то не проясню!

До места из ведения добрался довольно скоро: свет от огненного амулета не в первый раз доказал свою пригодность как факело-заменитель. Да и сквозь ткань сумки просвечивало голубое сияние камня. Можно было и его использовать, не тратя энергии, которая, на странность, хлестала во мне через край, но как-то не хотелось. Сам не знаю почему. Ничего — ещё посмотрюсь я на этот камушек, а пока слишком много странного с ним связано, а я не люблю неизвестность.

Свет амулета выхватил из темноты пещеры гору скелетов. Где-то я это уже видел... Или нет? Подойдя поближе, присмотрелся: вся эта гора, похоже, была собрана из скелетов гоблинов. А вот один скелет явно выбивался из общей массы. Схватив Пха зубами, стал взбираться наверх — трупов тут было столько, что они походили на приличных размеров алтарь.

Но вот я добрался до вершины и, восстановив свечение амулета, присмотрелся к большому, по местным меркам, скелету. На нём ещё можно было заметить клочки гладкой на ощупь, и совсем нездешней ткани. Уверен — если походить да поискать, можно найти и молот, и обрывки приборов, а, может, даже что целым осталось, хотя вряд ли — горные гоблины не большие ценители техники.

Видать, паладин дрался до конца, немало уродцев положил, прежде чем его тупо числом задавили. И что мне это даёт? Да, по сути, ничего — узнал то, о чём и так мог бы догадаться: этот человек был обречён.

Вздохнув, собрался было уходить, как вдруг взгляд мой упал на череп Капитана. Уж не знаю, с чего вдруг что-то во мне дрогнуло, но я взял в руке череп и поднёс к лицу, повнимательнее его рассмотрев. Если я правильно помню уроки анатомии в школе, то лобная часть этого человека (А человека ли?) какая-то не такая... неправильная. С какой-то странной выемкой. А там, где должен быть мозг, совсем уж необычное, крохотное углубление. И неожиданно до меня дошло. Вытащив камень, словно делая это не в первый раз, вставил его в это самое углубление. Вошёл, как влитой! Так это, что, выходит, нечто вроде их мозга? Карта памяти нового образца? И, значит, я был в его воспоминаниях? А вот это уже кое-что... Но, выходит, здесь когда-то произошёл катаклизм? Причём вызванный этими самыми пришельцами? Но вель в воспоминаниях паладина я сумел узнать, что взрыв,

который они устроили, должен был снести всё живое на Пяте. Ха три раза! Это гоблины — народ живучий и пронырливый! Да и магию снимать со счетов тоже не стоит — выжили, отстроились, восстановились! Правда, откатились в развитии на пару тысячелетий, ну да это дело поправимое! Об ограх молчу — этот народ с начала времён к трудностям привык, с ними, как с тараканами — вроде убил одного, а потом — глядь, и на его месте уже двое!

Вытащив камень, снова спрятал его в мешок и, подумав, туда же поместил и череп. Не знаю зачем, но пригодится. Вот такой вот я запасливый!

Обо всём этом мне ещё предстоит подумать, но не сейчас — позже. В данный момент у меня есть более насущные дела и проблемы.

Спрыгнув с «алтаря», на скорую руку сварил зелье воздушной стихии и, держа в голове отличительные черты места, в которое намереваюсь попасть, создал портал. Он замерцал слабым белым свечением, но и этого хватило, чтобы полностью осветить пещеру. Тьма, недовольно бурча, спряталась за мелкими камушками, обещая вернуться, а я невольно заулыбался. Сам не знаю почему. И сделал широкий шаг в мерцающее пространство портала.

ГЛАВА 16 Новый титул, или держись, Пята, император идёт!

Я скептически оглядел поле боя и настроение моё сразу рухнуло в самую глубокую яму души. Всюду трупы: свои лежали на чужих, кто нанизан на копье, кто погребён под тушей Ула, кого вообще не узнать, ибо он превратился в какие-то куски мяса, совсем не похожее на нечто живое. Повсюду дым, кровь, стоны раненых. Целительницы только и успевали, что перебегать от одного к другому, Син-аль-Ланг, живая, но явно уставшая, с хрипом орала на особо нерасторопных, иногда добавляя и пинки.

— Война — дело грязное... — положили мне руку на плечо.

Обернувшись, увидел главу стражи. Старик был мягко говоря не в форме — об этом свидетельствовали многочисленные шрамы на лице и кровоподтёки. Мне вдруг стало невероятно стыдно, и я полушёпотом произнёс:

— Прости. Мне следовало...

— Ничего тебе не следовало! — Оборвал меня старик. — Сам видел, как тебя тот уродец куда-то отправил. Спрашивать, что произошло, не стану. Захочешь — расскажешь. Так что к тебе вопросов нет. Кроме одного: что с пленными делать?

До меня долго доходило. Не знаю, что сказалось больше: усталость, или недавний переход через портал — всё-таки прыжки в пространстве — это не шутки — но в итоге на меня накатило. Мы же победили! Чёрт! Победили!

Видимо, заметив моё замешательство, Дин-вар-Брун улыбнулся и подмигнул:

— Тролли сыграли немаловажную роль. Представь себе очумелые зенки врага, когда, казалось, абсолютно безобидные валуны вдруг превращаются в огромных злых вооружённых дубинами монстров? Во-о-о, то-то же. Пока собирались, пока пытались понять, с кем воевать и что делать, мы пол их армии снесли. А дальше, после банальной рубки, до их рагхакковских голов наконец дошло, что лучше сдаться, и на этом всё закончилось. Кстати, тролли — злые донельзя. Они одного собрата потеряли... или сестру — духи их знают, я их внешне не различаю! Но Дан-руг-Мин с ними переговорил: они согласны и дальше тебе служить, всё-таки жратвы вокруг в достатке, а потери возместят, плодиться будут. Их, кажется, браки внутри семей вообще не смущают.

— Друид жив?

— А что с ним сделается?! Живой, ни царапинки. А вот Кил-аль-Хак меня удивил. Я-то его считал мальцом много о себе думающем, но после такого... зауважал его, вот честно! В самую гущу битвы ринулся, меня спасал. Пока до нас подмога добралась, его неплохо так порезали, Син-аль-Ланг с того света вытаскивала. Но ничего, вытащила — сейчас аки козлик прыгает.

Про себя подумал о том, что теперь точно нужно делать шамана своей правой рукой. Нельзя разбрасываться подобными кадрами, так что правило «если хочешь с кем-то дружить — не работай с ним вместе» я отрину в сторону. Мне нужно крепкое подспорье.

— Ладно, — отмахнулся я от посторонних мыслей, возвращаясь к реальности. — Так что там с пленными?

— Сейчас покажу.

Мы пошли по эдаким дорожкам, по краям которых лежали и стонали раненные, периодически останавливаясь, пропуская мимо пыхтящих и вспотевших целительниц.

Наконец, дотопали до очищенной площадки, на которой расположились ряды жмущихся друг к другу и скалящихся горных гоблинов. Уродливые твари злобно шипели и рычали на окруживших их копейщиков, что держали своё оружие наготове, но не кидались — понимали, в каком они положении.

— Убьём их? — шепнул мне на ухо глава стражи. — Эти тебе служить не будут, дикие создания, непонятно что от них ждать.

Я почесал затылок. А их много... отказываться от такой силы? Пустить их в расход? А если...

Покопавшись в уже довольно тяжёлом мешке, достал камень и поднял его над собой, внимательно следя за реакцией горных гоблинов. А она была одной: уродцы уставились на сокровище и, раскрыв рты, застыли, словно превратились в статуи неумелого скульптора. Действуя скорее инстинктивно, нежели обдуманно, я громко — так, чтобы было слышно всем, произнёс:

— Я — ваш новый господин! А вы — мои слуги!

В этот момент гоблины ожили и стали очень качественно кланяться: казалось, они сейчас расшибут свои твердолобые головы. Ну, думаю, можно считать, что вопрос решён... По крайней мере, Лар-ин-Лину они подчинялись беспрекословно — посмотрим, как они отнесутся к новому вожаку.

— Доведи до всех, что они больше не опасны. — Обратился я к удивлённо вздёрнувшему брови главе стражи. — Не спрашивай, как. Сам в шоке. И пока разместимся здесь. В таком состоянии лучше задержаться на одном месте на непродолжительный срок.

«Непродолжительный срок» растянулся на несколько месяцев. За это время произошло столько всего, что под конец я уже валялся с ног, но всё рано продолжал разбираться с делами. А дел этих было невпроворот.

Во-первых, принял присягу верности от немногочисленных выживших из Ловкой Птицы, которые были среди армии Нона. Простил их. А что делать? Своих воинов, как кстати, и шаманов, я потерял превеликое множество, нужно было стремительно восстанавливать силы. Поэтому просто поставил их под шефство Дин-вар-Бруна — пускай занимается, с этим стариком не побалуешь, живо поймут, куда попали.

Туда же отправились и единицы особо пронырливых гоблинов из Бессмертной Тени, которые, узнав о смерти своего божества и о том, кто именно его убил, вместо того, чтобы попытаться расправиться со мной, наоборот, прониклись уважением, причём довольно искренним — слова-словами, а аура не обманет. Но всё равно отправились на перевоспитание вместе с Ловкой Птицей к главе стражи. Вряд ли пределом его мечтаний было стать нянькой и учителем на старости лет, но если он и выражал недовольство, то только про себя, за что я был ему благодарен.

Дальше началась отстройка поселения. Причём поселения необычного, такого, какого не видело ещё ни одно из Болот. Состояло оно из трёх частей-колец, опоясывающих основную его часть, где находились Зал Вождя, дома его ближников и шаманов. Последних решил от себя далеко не отпускать, наплевав на то, что могло и бабахнуть. Эту проблему решили просто: каждый дом шамана был обнесён вечно работающими амулетами, что поддерживали защитную оболочку в виде купола. Так что, произойди какое несчастье, купол выдержит, пускай и один раз — но большего то и не нужно?

Остальные «кольца» селения отводились под казармы, нужды обычных жителей и учеников шаманов. Там уже пришлось продумывать варианты расстановки охранных точек, к

этому делу приставил и шаманов — пускай работают, нечего животы ещё толще делать, и так необъятные! Здесь, кстати, понадобились и горные гоблины: их посадили на цепи и использовали как собак-охранников. У них был отличный нюх, а из-за камня — беспрекословная верность — почему бы не использовать?

Для троллей тоже нашлось местечко: великаны внесли огромную лепту в обустройство территории, и стали неплохим подспорьем и весомым аргументом моего безоговорочного авторитета.

В общем, о том, чтобы сойти с места, пришлось забыть — слишком уж прижились здесь, смысла уходить не было, да и не хотел никто.

Наконец удалось воплотить мою задумку в жизнь: разделил один огромный клан на два небольших, поставил во главе их Равр-Хила и Кил-аль-Хака, так что теперь их звали соответственно: Равр-рагх-Хил и Кил-рагх-Хак, чему последний совсем не радовался, ибо теперь его имя было созвучно с ругательством. Махнул, и разрешил оставить ему приставку «аль».

Но то, что клан разделился на две части, ни о чём не говорило: они всё также подчинялись мне, просто теперь стало намного проще руководить кланом, имея между собой и народом посредником в лице вождей. И всё вроде бы шло довольно ладно, пока не случилась череда странных событий.

Под наши стены пришли несколько кланов. Их рагхи всё оценили, поцокали, сказали, что будут говорить с вождём. На это я лишь пожал плечами: хотят вождя — будет! Но только на нашей территории. Те согласились, отчего я облегчённо выдохнул: ещё одной войны, тем более сейчас, нам было не нужно. Их посадили в Зале Вождя, а затем пришли Равр-раг-Хил и Кил-аль-Хак. Гости удивлённо переглянулись, спросили, где же вождь, почему он присылает парламентёров? «Парламентёры» лишь фыркнули — так мы вожди и есть!

Получив разъяснения, рассмеялись и сказали, что раз этот гоблин сумел править вождями, то они с гордостью принесут ему вассальную верность. Так я получил ещё два клана в услужение и двух новых членов Совета. Селение разрослось и получило ещё несколько пристроек, так что получился чуть ли не настоящий город. Затем постепенно стали стягиваться и другие кланы, наслышанные о странном городе, что воздвигся на Западных Болотах.

Конечно, не обошлось без стычек — куда же без них? Особо «умные» кланы решали, что неплохо бы поживиться тем, что заграбастали себе такие силы, и не думали о том, что эти силы могут и в морду дать, причём больно и обидно. Вот и получали. Тут даже мне не пришлось участвовать: объединённые силы лучников нескольких кланов не дали врагу даже подойти к стенам. Но подобное было скорее исключением: все чувствовали, что Болота меняются, и центром этих изменений стал клан, который его странный создатель — то бишь ваш покорный слуга — обозвал не менее странным словечком Империя...

В итоге по истечению нескольких месяцев всё более-менее утряслось и наладилось, в Совете сидело уже не четыре, а восемь вождей, среди которых половина была шаманами. Некоторых бывших вождей присоединившихся кланов я с должностей сместил, заменил на более подходящие кандидатуры. Они, понятное дело, были недовольны, но я ткнул им в вассальную клятву, и вроде как всё успокоилось, но я стал втройне внимательнее и постоянно ходил с защитными амулетами на шее.

— Что пишешь? — в Зал Вождя вошёл Кил-аль-Хак. Весь облачённый в шаманские одеяния, шкуры различного цвета, амулеты, даже с какой-то шапочкой, утыканной перьями и ветками. Ну да, он же теперь важная птица — должен соответствовать.

— Да вот, — убрал перо от пергамента, ещё раз перепроверив написанное. — Письмо огрскому вождю. Собираюсь к нему навеститься.

— Зачем? — Кил-аль-Хак обошёл стол, за которым восседал Совет, и встал по правую руку от меня, склонив голову и внимательно пробегаая глазами текст. Я не возражал. Уж ему-то я мог многое доверить.

— Хочу заручиться их поддержкой.

— Зачем? Почти все Болота скоро будут твоими, власть твоя незыблема, неужели боишься, что свергнут?

— Нет же! — Я усмехнулся. — Просто есть кое-какие мыслишки...

— Всегда у тебя какие-нибудь мыслишки, — хмыкнул вождь и ткнул пальцем в самый низ пергамента: — Вот тут ошибка!

— Какая?! — Я ещё раз всё перечитал и нахмурился. — Нет тут никакой ошибки.

— Ну как же? Ты подписался, как рагх. А ты разве рагх? Вожди у тебя в Совете сидят, а вот ты... кто же у нас, получается, ты?

Тут я ещё сильнее нахмурился и с сомнением осмотрел письмо, словно оно могло мне подсказать: а, действительно, кто?

Сильная Лапа взмахнул мечом, и башка очередного мертвяка улетела в толпу ему подобных. Но тело, продолжая биться в агонии, всё ещё норовило царапнуть огра по незащищённым участкам кожи, и потому Сильная Лапа с размаху врезал по нему ногой, с наслаждением разглядывая, как оно катится с утёса. Но нежить всё продолжала наступать. Огр усмехнулся, перебросив меч в другую руку — истинный воин должен уметь сражаться обеими руками, ибо если одна слишком сильно устала, темп боя не должен снижаться — ни в коем случае! Особенно на Границе — там, где легионы нежити денно и ночью наступают, намереваясь вырваться из Неживых Земель.

Сзади послышался крик одного из сменщиков:

— Вождь! Вождь! Там к вам письмо из Болот!

Вождь выругался и, отправив очередного мертвеца обратно на тот свет, обернулся и кинул оружие ловко поймавшему его сменщику. Похлопал того по плечу:

— Тогда замени меня ненадолго. Разберусь с делами — вернусь. Стойкость во крови!

— Стойкость во крови!

Сильная Лапа побрёл вдоль утёса в сторону хижин. Там, среди беспорядочных точек-домиков виднелся небольшой горный массив, в котором и расположилась хижина вождя. Не нравилось ему подобное расположение. Далеко, в случае прорыва нежити он встретит их самым последним. Конечно, оно так и задумано — Предки пеклись о жизни вождей — но не по душе истинному воину прятаться в тылу! Но ничего не поделаешь, ибо Закон свят и чтить

его — обязанность каждого вождя.

Проходя мимо защитников, что стройным рядом стояли на самом краю утёса и откатывали волны мертвецов обратно, Сильная Лапа удовлетворённо кивнул своим мыслям. Огры — единственный оплот защиты, они всегда должны быть начеку, и никогда не прекратится эта вечная рубка — до конца веков, до конца всего сущего! Сильная Лапа улыбнулся: подобные думы всегда лелеяли его душу.

Своими громадными шагами вождь споро прошёл мимо домиков, где ковались мечи и доспехи, заваривалась еда и готовились зелья берсерка, где лежали раненные или просто уставшие после своей вахты. Стражи у хижины вождя не было — это было ни к чему, огр не убьёт огра — таковы неписанные правила Границы, которые нарушать — себе дороже. Долго не проживёшь. Да и некогда сражаться друг с другом, когда всё своё свободное от битв время ты отдыхаешь, и только для того чтобы снова пойти в бой.

Посыльный уже ждал Сильную Лапу в хижине. Вождь только поморщился, увидев зеленокожего карлика и, упав в грубо сколоченное из досок и веток кресло, протянул руку:

— Ну, чего у тебя там?!

— Письмо господину Сильной Лапе...

— Да понял я, не тупой! Письмо давай, или убирайся!

Гоблин, поклонившись, протянул письмо со странной, невиданной доселе вождём печатью. Огр нервно сорвал печать и, развернув письмо, внимательно прочёл:

«Приветствую Сильную Лапу, вождя огрского племени и хорошего друга всей гоблинской расы!

Сим письмом уведомляю, что через шесть дней с момента отправки его вам, ожидайте караван с целью торговли и парламентёрства, от лица недавно созданного града Империи. Мы рассчитываем на встречу с вами лично и вашими ближниками, для укрепления связей и предложения для вас некоторых услуг, взаимовыгодных для обеих сторон. В общем, ждите, готовьте коньяк, или что у вас там!

С уважением, Рагх Император Анд-Рей».

Больше книг на сайте — Knigolub.net